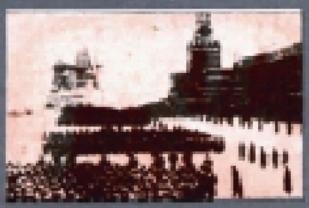
ЛЕТОПИСЦЫ ПОБЕДЫ



Когда-то в те времена, когда Маяковский писал: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», — эти слова поэта, при всей их гражданской и нравственной силе, все-таки еще воспринимались как поэтический образ, как метафора. Война воплотила эти слова в жизнь, сделала их реальной будничной правдой.

К. Симонов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Летописцы Победы" — книга о том, как наша печать времён Великой Отечественной войны помогала Советской Армии одерживать исторические победы в жестокой войне с фашизмом. Воспоминания, очерки о павших товарищах-журналистах, фотодокументы донесут до читателя величие духа тех героических лет, эпизоды фронтовых будней, вдохновенное, самоотверженное служение большого отряда работников советской печати великому делу достижения победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Рассчитана на массового читателя.

- ГОДЫ ГРОЗНЫЕ, ГЕРОИЧЕСКИЕ
- Юрий ЖУКОВ. ШТЫК И ПЕРО
- Иван СТАДНЮК. ПЕРЕД ЛИЦОМ ВРЕМЕНИ
- Борис БУРКОВ. «КОМСОМОЛКА» НА ФРОНТЕ
- Борис КОТЕЛЬНИКОВ. НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ
- Ростислав ИЮЛЬСКИЙ. ЛИСТКИ ИЗ РАЗНЫХ БЛОКНОТОВ
- Лев ЮЩЕНКО. ПАМЯТЬ
- Давид ОРТЕНБЕРГ. В ГРОЗНЫЕ ГОДЫ
- Аркадий ФРАМ. С РАБОТЯГОЙ ШОРИНОФОНОМ
- Павел ТРОЯНОВСКИЙ. СОЛДАТСКИМИ ДОРОГАМИ
- Николай КУЛЕШОВ. В ПОЛОСЕ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ
- Александр УСТИНОВ. ИЗ ЗАПИСОК ВОЕННОГО ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА
- Александр КРИВИЦКИЙ. НЕМНОГО О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ
- Геннадий БУДАЙ. СТРАНИЦЫ, ПРОПАХШИЕ ПОРОХОМ
- Анатолий ЕГОРОВ. РОЖДЕНИЕ ФОТОСНИМКОВ
- Алексей КОЖИН. О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ
- Николай ДЕНИСОВ. В ЕДИНЫХ БОЕВЫХ РАСЧЕТАХ
- Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ. СТИХИ-УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ
- Михаил ШУР. ФРОНТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ
- Яков МАКАРЕНКО. ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ С ВОЙНЫ
- ВОТ ОНА, НАША ПОБЕДА! Из дневника военного корреспондента газеты «ПРАВДА» Всеволода ВИШНЕВСКОГО
- notes
  - 1

ГОДЫ ГРОЗНЫЕ, ГЕРОИЧЕСКИЕ

Когда-то в те времена, когда Маяковский писал: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», — эти слова поэта, при всей их гражданской и нравственной силе, всё-таки ещё воспринимались как поэтический образ, как метафора. Война воплотила эти слова в жизнь, сделала их реальной будничной правдой

К.Симонов

Сорок лет отделяют нас от героической победы над черными силами фашизма в величайшей по своим масштабам мировой войне.

Издательство политической литературы ЦК КПСС делает очень важное дело, выпуская сборник воспоминаний старейших военных советских журналистов, честь открытия которого предоставлена мне. Делаю это с чувством глубочайшего уважения к нелегкому труду военных корреспондентов, к их отваге и героизму.

Разве можно забыть, как эти мужественные люди, стремясь к суровой достоверности своих публикаций и наибольшему воздействию их на читателей, шли трудными дорогами войны при освобождении сотен городов нашей Родины, вступали с передовыми частями в Варшаву, Кенигсберг, Бухарест, Будапешт, Прагу, Вену и Берлин, участвовали в величайших битвах и сражениях.

Советские воины высоко оценили бесстрашие и самоотверженность военных корреспондентов. Фронтовые и армейские газеты всегда были верными спутниками наших солдат и офицеров, вдохновляли их на подвиги и героизм, поднимали на штурм неприятельских войск, приближая час Победы.

Мы, военные люди, ежедневно получали оперативную информацию из фронтовой и армейской печати, чувствовали горячее дыхание наших центральных газет — «Правды», «Известий», «Красной звезды». И сейчас, много лет спустя, вновь и вновь мы перечитываем «Дни и ночи» Константина Симонова, «Оправдание ненависти» Ильи Эренбурга, «Русский характер» Алексея Толстого, «Науку ненависти» Михаила Шолохова, «Письма к товарищу» Бориса Горбатова, «Слово о 28 гвардейцах»

Николая Тихонова, яркие публикации Бориса Полевого, Павла Трояновского, Юрия Королькова, Евгения Воробьева, Александра Кривицкого, сотен других солдат слова. Все они своими многочисленными, исполненными драматизма публикациями показали силу и величие духа советских воинов.

Повседневный, казалось бы, будничный труд военных корреспондентов является ценнейшим историческим материалом, значительным вкладом в летопись Великой Отечественной войны.

В годы войны мне нередко приходилось встречаться с военными корреспондентами, и воспоминания об этих встречах очень дороги для меня.

Уверен, что сборник «Летописцы Победы» вызовет большой интерес у широкого круга советских читателей и найдет в их сердцах самый горячий отклик.

Дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. БАТОВ

Юрий ЖУКОВ. ШТЫК И ПЕРО

Книга, которую вы раскрыли сейчас, дорогой читатель, — редкая по своей сути. Она повествует о тех, кто обычно остается за пределами повествования по той простой причине, что пишут они сами. Уже так повелось с давних пор: советский журналист, знакомя многомиллионную аудиторию читателей с событиями, свидетелями которых он является, рассказывая о выдающихся деятелях, с которыми ему посчастливилось встретиться, разоблачая в яростной полемике врагов нашего общества, сам остается где-то на втором плане. Вы слышите его голос, но не видите его лица.

Мы, журналисты, считаем эту практику вполне закономерной. Наш долг все видеть, все слышать, анализировать увиденное и услышанное, а затем оперативно и честно информировать читателя. Но так уж складывается жизнь, что повседневная журналистская деятельность в конечном счете обретает новое, необычайно важное значение: страницы наших газет с годами становятся страницами истории.

Об этой стороне нашей деятельности и о вытекающей отсюда чрезвычайной ответственности журналистской работы блистательно сказал еще в январе 1905 года Владимир Ильич Ленин, который, как никто другой, знал и ценил искусство журналистики и сам отдавал ей свои усилия: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности». И это вполне справедливо в отношении журналистской работы в любое время, а в периоды высочайшего, драматического напряжения душевных сил народа, когда решается его судьба, — в особенности. Именно таким был период Великой Отечественной войны, завершившийся нашей Победой, сорокалетие которой мы сейчас празднуем.

Давно известно, что величие исторических событий открывается во всей их значимости, когда они отходят в глубь минувшего времени, подобно тому как великолепие снежных горных вершин особенно явственно рисуется с дальнего расстояния. Именно теперь читатель с особым волнением, как-то по-новому воспринимает буквально каждую строку из того, что было написано в годы войны ее прилежными летописцами — военными корреспондентами.

И именно теперь пробуждается новый, еще небывалый интерес к тем, кто сумел тогда, под огнем, с большим риском для жизни, а подчас и ценой самой жизни раздобыть и сохранить на века столь нужную новым поколениям и столь высоко ценимую

ими информацию о том, как была завоевана наша Победа. Чтобы удовлетворить интерес читателей к этой стороне дела, долго остававшейся в тени, авторский коллектив настоящей книги проделал немалую работу, позволившую воскресить облик военных корреспондентов сороковых годов и показать, каким нелегким и вместе с тем поистине необходимым был их труд.

Скажем сразу: сами военные корреспонденты никогда не искали славы. Среди нашего брата считалось признаком дурного тона злоупотреблять местоимением «я» и ввертывать в свои корреспонденции и очерки детали, показывающие, как, в каких обстоятельствах и какой ценой автор раздобывал те факты, о которых пишет.

Иной раз это самоотречение давалось военным корреспондентам с трудом. Грустно было думать, что, если тебя сразит пуля, читатель, по достоинству оценивший подвиги солдат, описанные тобою, так и не узнает о том, каким был твой собственный вклад в завоевание Победы. Может быть, именно поэтому в августе 1941 года военные писатели Борис Лапин и Захар Хацревин вместе с корреспондентом «Известий» Михаилом Сувинским сложили свою «Журналистскую задушевную» — песню, которую военные корреспонденты пели на мотив «Раскинулось море широко»:

Погиб репортер в многодневном бою
От Буга в пути к Приднепровью,
Послав перед смертью в газету свою
Статью, обагренную кровью.

И только после войны, уже в 1946 году, Илья Эренбург опубликовал в журнале «Новый мир» открытое письмо, в котором призвал составить сборники воспоминаний хотя бы о тех военных журналистах, которые отдали свою жизнь, выполняя служебный и гражданский долг.

То было время, когда мы все еще как-то неохотно говорили о наших утратах. Думалось так: не надо подчеркивать тяжесть понесенных нами потерь. Полемизируя с этими настроениями, Эренбург писал: «Говорят, что скорбь мешает жить, что печаль разъедает мужество. Разной бывает скорбь, печаль. Когда на фронте хоронили боевых товарищей и звучал последний салют автоматов, скорбь звала в бой, печаль приподымала дух. Когда скорбят о храбрых, нет места малодушию. Печаль о потере смелого и стойкого друга закаляет сердце. Забвение — это недостойная нас слабость».

Так родились вышедшие один за другим три тома

документальных рассказов о погибших на войне журналистах и писателях — «В редакцию не вернулся». Их подготовке к печати отдал долгих десять лет жизни военный газетчик, замечательной души человек, Петр Корзинкин, которого, увы, уже нет в живых. Огромная эта работа была проделана по инициативе и при участии Комиссии Союза журналистов СССР по увековечению памяти погибших в годы войны советских литераторов. Активнейшую роль в издании книг «В редакцию не вернулся» играл Константин Симонов, который помог тогда нам найти правильный и очень точный подход к решению стоявшей перед нами задачи.

«Конечно, — писал он тогда, — первый долг любого из нас и первый долг всех нас, вместе взятых, — написать обо всей мере подвигов, героизма, жертв и потерь, с которыми была связана Великая Отечественная война, для всего нашего народа. И мы об этом писали. Писали и в годы войны, писали и после нее, пишем и будем писать впредь, потому что это было и остается для нас самым главным и самым незабываемым. Думается, что мы еще в долгу в этом смысле, и нам предстоит еще многое написать об этом великом и трудном подвиге партии и народа.

Но и о той частице, которую внесли в общее дело советские газетчики, мы тоже непременно должны сказать, потому что это тоже частица нашего долга».

Начиная рассказ об этой частице, которую внесли в общее дело Победы над врагом литераторы Советского Союза, мы мечтали о том, что когда-нибудь будет написана история советской военной журналистики, а в ожидании этого начали работать над книгами, которые были призваны стать первоисточниками для этой будущей истории.

За эти сорок лет было издано немало таких книг. Нынешняя коллективная работа ветеранов военной журналистики — а их, к сожалению, все меньше остается в рабочем строю — как бы подводит итог проделанной работы и позволяет окинуть взором широкий круг свершений военных корреспондентов, писавших летопись боевых действий Советской Армии «под частым разрывом гремучих гранат», как говорилось еще в песне времен гражданской войны.

Молодые читатели не представляют себе огромных масштабов газетной деятельности, посвященной непосредственно войне и составлявшей неотъемлемую часть этой войны. Уже в начале 1942 года в действующей армии ежедневно выходили в свет девятнадцать фронтовых, девяносто три армейских и корпусных и несколько сот дивизионных газет. В 1944 году общее количество газет, издававшихся на фронте, достигло восьмисот.

Все они были укомплектованы журналистами и писателями, значительное большинство которых до войны работало «на гражданке», как тогда было принято говорить. К этому надо добавить, что все центральные и многие республиканские газеты, а также ТАСС и Совинформбюро имели на всех фронтах собственных военных корреспондентов, «аккредитованных» в действующей армии.

В общей сложности на фронт с самого начала войны ушло более десяти тысяч журналистов и около тысячи писателей. Конечно, не все они располагали военными знаниями, необходимыми для этой, совершенно новой для подавляющего большинства из них, деятельности. Многое приходилось осваивать на ходу, и опыт работы на переднем крае войны давался подчас дорогой ценой. Но политически наше поколение журналистов и писателей было хорошо подготовлено к вступлению в войну. Мы знали, что империалисты готовятся к нападению на Советский Союз. Отдавали себе отчет в том, что главной ударной силой новой агрессии будет гитлеровская Германия.

Передо мною сейчас лежит толстая потрепанная тетрадь, на обложке которой размашисто начертано угольно-черным карандашом: «1941». Это мой дневник той поры. Читая и перечитывая свои записи, сделанные в начале того рокового года, я явственно ощущаю вновь все возраставшее тогда у людей моего поколения понимание, что военная гроза вот-вот разразится и над нашей землей. Война уже бушевала на широких просторах планеты — и на Западе, и на Востоке.

Это понимание было широко распространено в народе, хотя газеты по-прежнему весьма осторожно освещали международную обстановку, явно стремясь не дать Берлину ни малейшего предлога для придирок к Советскому Союзу. Что касается нас, молодых литераторов, то мы, отдавая себе отчет в том, как важно вовремя подготовиться к выполнению новых задач, которые наверняка лягут на нас, когда грянет война, уже осенью 1940 года добились организации курсов военных корреспондентов при Главном политическом управлении Красной Армии.

Была сформирована «писательская рота» в составе двух взводов. Нашим старшиной был Мартынов — опытный редактор Гослитиздата, серьезный литературный деятель и прекрасной души человек. В «писательскую роту» входили молодые и не очень молодые писатели и поэты — юный Константин Симонов, успевший понюхать пороха на Халхин-Голе и напечатать чудесную книгу «Стихи 1939 года», и ветеран гражданской войны драматург Ваграмов, Евгений Долматовский, Вадим Кожевников,

Сергей Крушинский, братья Тур, Константин Финн, Виктор Гольцев, Юрий Корольков и многие другие, в том числе и я, — люди разных темпераментов, но все в равной степени понимавшие, сколь важно научиться тому, чему нас учили. И была среди нас одна-единственная женщина — писательница Аргутинская.

Каждый вечер мы съезжались в Центральный Дом Красной Армии и в созданных в одном из его крыльев учебных кабинетах постигали премудрости основ стратегии и тактики, изучали армейские уставы, учились разбирать и собирать пистолет ТТ, трехлинейную винтовку, автомат Дегтярева, ручной пулемет и пулемет «максим», проводили занятия у ящика с песком, на поверхности которого был создан рельеф местности. Помнится, занимались с нами офицеры Генерального штаба, в том числе весьма толковый, отлично знавший свое дело майор В. Шик и лейтенанты, командовавшие нашими взводами.

Весной 1941 года занятия были перенесены в учебные аудитории Военно-политической академии. Они приобрели еще более серьезный характер. Лекции читали нам крупные военные специалисты.

Темы о войне, о военных действиях неизбежно всплывали при каждом разговоре — и на работе, в редакции «Нового мира», где я трудился в ту пору, и в редкие часы досуга. Все разговоры сводились к одному: когда грянет военная гроза?

Тем временем наша военная учеба подходила к концу. 1 июня «писательская рота» выехала в Кубинку, где находился летний лагерь академии, и приступила там к заключительному циклу занятий. Мы надели военную форму, получили оружие, поселились в палатках, и пошла у нас настоящая курсантская жизнь — с ранними побудками, поверками в строю, занятиями в поле, учебными стрельбами.

Военным делом все мы, надо сказать, тогда занимались всерьез, и я, как и миллионы моих сверстников, носил на груди значок «Ворошиловский стрелок» н аккуратный, вытянутый сверху вниз бело-голубой ромбик парашютиста, а в моем бумажнике лежала справка о том, что я «окончил в сентябре месяце 1936 года курсы пилотов без отрыва от производства при Центральном аэроклубе СССР имени А. В. Косарева с оценками: по теоретическим дисциплинам — 4,4 и по технике пилотирования — 4,6».

В Кубинке под руководством наших молодцеватых молодых лейтенантов и мудрого штабиста майора Шика мы ходили в учебную разведку по окрестным лесам и болотам, ориентируясь по компасу, решали несложные тактические задачи на местности

силами взвода, роты и батальона, рыли окопы, предпринимали ближние и дальние броски в пешем строю. По вечерам, перед сном, совершали солдатские прогулки, опять-таки строем, распевая во все горло маршевые песни, сочиненные поэтами из нашей же «писательской роты».

Начало лета выдалось капризным: то вдруг в первых числах июня выпал снег, выбеливший ночью наши палатки, то столь же неожиданно начинало нещадно палить солнце. Помню, как к концу одного учебного дня в эту жару у Вадима Кожевникова облезла кожа на лице, и приятели незлобиво подтрунивали над ним, когда он мазал его дамским кремом. Все мы были молоды, все нам было нипочем, и, несмотря на большую нагрузку занятиями, силенок хватало даже на выпуск стенной газеты. На одном из снимков, сделанных в те дни Юрием Корольковым, сфотографировано заседание нашей редколлегии в палаточном городке. Вот только записей в своем дневнике я в те дни не вел, о чем сейчас глубоко сожалею.

Да, мы знали, чувствовали, что война близка, и все же до самого последнего момента в это как-то не верилось… Мог ли я тогда думать, что пройдут каких-нибудь четыре-пять месяцев, и на лесистых холмах у Кубинки, где мы под руководством майора Шика решали свои нехитрые тактические задачки, будут рваться бомбы, а я, сидя в блиндаже на командном пункте командующего 5-й армией генерала Л.А. Говорова, буду опрашивать взятых в плен гитлеровцев, готовя для «Комсомольской правды» корреспонденцию о взаправдашнем бое у «населенного пункта К.»?

В Москве, куда мы вернулись 14 июня, все было как обычно: продавали тюльпаны на улицах, напротив Моссовета бил фонтан. Возле здания Центрального телеграфа только что снесли целый квартал — готовились к стройке больших новых зданий (их соорудили уже после войны, используя, кстати сказать, для их облицовки чудесный шведский гранит, доставленный в Подмосковье осенью 1941 года гитлеровцами для создания монумента «в честь победы над Россией» и брошенный ими при отступлении). Вот только военных на улицах как будто стало еще больше.

Мы сдали обмундирование в цейхгауз академии, оделись в штатскую одежду и вернулись к своим текущим делам.

И вдруг…

Да, все-таки это случилось вдруг! Вернемся же к записям в моем дневнике.

22 июня. Я пишу эти строчки поздним — все еще светлым — вечером (ведь нынче самый долгий день в году!). Вечер светлый, а

на душе — черная ночь. С этим трудно освоиться, к этому трудно привыкать: сегодня началась война. Большая война с Германией, которая, как мы все это давно понимали, была неизбежна и которая должна была начаться рано или поздно. И вот она пришла…

Трудно собраться с мыслями, трудно писать, но нужно. Ведь когда-нибудь эти записи мне обязательно понадобятся — надо сохранить сегодняшний день в памяти во всех деталях.

Вчера весь день шел дождь. Я приехал на выходной на дачу в Мамонтовку, чтобы поработать над рукописью полярника Минеева «Остров Врангеля». Сегодня с утра было холодно. Поеживаясь, сидел на террасе и правил эту рукопись. И вдруг слышу, мальчишка зовет приятеля:

— Мишка! Иди сюда, сейчас Молотов будет говорить! Я тебе говорю — Молотов!

Я подошел к репродуктору. Диктор весело сообщал что-то о спортивных соревнованиях. Решил: мальчишка разыграл приятеля. И тут:

— Внимание, внимание. Слушайте в двенадцать часов пятнадцать минут выступление заместителя председателя СНК и народного комиссара иностранных дел товарища Молотова!

И в 12 часов 15 минут мы услыхали эту весть…

Я написал заявление в ПУР с просьбой зачислить в армейскую печать, и мы с женой поехали в Москву. Весь поезд гудит. Клянут Гитлера на чем свет стоит.

Москва. Усиленное движение. Все стихийно собираются к местам работы, хоть и воскресенье. У мужчин сосредоточенные, серьезные лица. Некоторые женщины плачут. По улицам мчатся автомобили военных. Милиционеры тащат ручные фонарики — видимо, для регулирования уличного движения ночью, на случай, если будет объявлено затемнение из-за военной тревоги.

В редакции «Нового мира» нет никого. Звоню в партком Союза писателей. Отвечает Александр Жаров: «Давай на митинг». Бежим туда. Кинозал набит битком. За столом президиума спокойный строгий Фадеев с седой головой. Рядом стоит, облокотившись на спинку стула, Павленко. Тут же Лебедев-Кумач, Тренев, еще кто-то. Узнаю знакомые лица загорелых коллег по нашей «писательской роте» — Корольков, Ржешевский, Гольцев, Левин… Пришел Луговской. Проталкивается сквозь толпу к трибуне Вишневский.

Многие в орденах. Какая-то торжественная подтянутость. Речи сосредоточенные, страстные. Раиса Азарх рассказывает о гибели нашего летчика в Испании, свидетельницей которой она была, — его тело собрали по кускам крестьяне. Она зовет к мести.

Хорошо говорит Мстиславский:

— Я поднимаюсь на эту трибуну с тем же волнением, как двадцать три года назад поднимался на трибуну октябрьского съезда Советов. Теперь, как и тогда, переворачивается страница истории…

Овацией встречают Вилли Бределя — коренастого, светловолосого немца. Ура Тельману, немецкому народу, немецкой культуре! Бредель говорит по-немецки, но чудится, что его понимают все, это речь о единстве и братстве народов, о священной войне с фашизмом.

Запомнились слова Вишневского:

— Пришел час… Надо помнить: русские были в Берлине дважды, а немцы в Москве ни разу. И еще. Мы были в Берлине третий раз в восемнадцатом году с Либкнехтом и Люксембург и теперь там побываем в четвертый раз!

После митинга — горячие, возбужденные беседы. Буквально каждый спрашивает, как побыстрее занять место в строю. Нам отвечают: «Не спешите, придет ваш черед — вызовут». Но повседневные дела уже отодвинулись куда-то далеко-далеко.

Хочется узнать, как развертываются военные события. Но радио передает пока только военную музыку и патриотические призывы общего характера. Лишь поздно вечером мы услыхали лаконичную сводку Главного командования Красной Армии:

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в **Гродненском** и **Кристынопольском** направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки **Кальвария, Стоянув** и **Цехановец** (первые два в 15 километрах и последние в 10 километрах от границы)».

В тот же день в отдел печати Главного политического управления Красной Армии поступили заявления с просьбой об отправке на фронт от ста пятидесяти писателей. И в тот же день в редакциях газет и журналов прошли митинги под лозунгом «Считать всех мобилизованными на фронт». Само собой разумелось, что все мы, писатели, литераторы, газетчики, должны немедленно отправиться в действующую армию. Если кого-либо не брали во фронтовую газету или не посылали военным корреспондентом, он бурно протестовал и требовал: «Нет места в

армейской прессе — берите меня рядовым солдатом, но только побыстрее…»

Помнится, в редакции «Нового мира» все текущие дела и работы как-то сразу же отодвинулись на второй план. Назавтра, 23 июня, я записал в своем дневнике:

«В редакции с утра царило оживление. Прибежал Леонид Соболев проститься, — уезжает вечером на Балтику. Зашел между двумя выступлениями на собраниях Алексей Сурков, — он уезжает на фронт от «Правды».

25 июня я внес в свою тетрадь «1941» такую запись:

«Обидно, что нас, комсомольцев, пока не берут в армейскую печать. Вдвойне обидно потому, что мы готовились к этой работе на случай войны. А какие замечательные газеты можно и нужно сейчас делать на фронте!»

И дальше шли такие строки:

«Живем ожиданием. Но ждать трудно. Повесток нет и нет. Каждый шаг делаешь с ощущением: это в последний раз. Последний визит в парикмахерскую, последняя встреча с товарищем, последняя ванна, последняя ночь в постели. А потом все снова и снова, и опять ждешь… Ожидание изматывает сильнее, чем самое трудное действие. Многие, кому посчастливилось, уже уехали на фронт. Вчера отбыл Сурков. Кажется, уехал Юра Корольков. Мартынов теперь — комиссар полка, Анисимов — политрук. Мечется по городу Аргутинская — ее не берут в армию потому, что она женщина. А ведь она вместе с нами только что закончила курсы военных корреспондентов…»

Еще запись — от 2 июля:

«К чести нашего народа, люди проявляют в этой сложной обстановке высокое чувство достоинства, непобедимую веру в конечную победу, незыблемое доверие к партии и изумительное единство. Вчера вечером у нас в Союзе писателей было партийное собрание. В партию вступали Шагинян, Антокольский, Алигер, критик Четунова. Хорошо говорила Мариэтта Шагинян:

— В эти дни невыносимо быть вне партии. Я всю жизнь была с партией, хотя и не осмеливалась просить о приеме в ее ряды…

Через несколько дней и я среди прочих молодых литераторов получил назначение в редакцию одной из фронтовых газет на должность «писателя» — была такая в штатном расписании военной прессы. Но когда я пришел в отдел печати Главного политического управления Красной Армии за литером на проезд к месту назначения, меня ждала неожиданность: по просьбе ЦК комсомола меня откомандировали на работу в «Комсомольскую правду». Там создавался отдел фронта, и мне предстояло стать его начальником.

«Успеете побывать и на фронте, — услышав мои протесты, сердито сказал мне начальник отдела печати полковник Баев, — война-то — дело долгое». Он оказался прав: обстоятельства сложились так, что каждому из нас, сотрудников «Комсомольской правды», довелось частенько выезжать на фронт, особенно осенью и зимой 1941 года, когда сквозь выбитые от бомбежки и наскоро заделанные фанерой окна редакции явственно доносился грохот близкой артиллерийской канонады.

Вот тогда-то мне и довелось снова побывать в местах, где незадолго до этого закончила обучение наша «писательская рота».

Именно на этом рубеже теперь были остановлены дивизии вермахта, пытавшиеся пробиться к Москве напролом, по Минскому шоссе. Им преградила путь 5-я армия генерала Говорова. Она встала здесь, как тогда говорили, насмерть, и гитлеровцы не прошли. А когда гитлеровцы были разгромлены на флангах — к северу и к югу от Москвы, в декабре эта армия перешла в наступление…

Большое селение, на окраине которого минувшим летом располагались палаточные лагеря академии, теперь было неузнаваемо. Многие дома были разбиты артиллерийским огнем либо сожжены. Окопы пересекали улицы, там и сям виднелись блиндажи. Я с волнением оглядывал все это, снова и снова вспоминая безмятежные летние дни, когда мы под руководством опытных и требовательных военных преподавателей решали «на местности», как было принято говорить, тактические задачи. Хотя мы прекрасно понимали тогда, сколь сложна международная обстановка и как велика военная угроза, никому из нас и в голову не могло прийти, что всего через полгода здесь офицеры всерьез будут решать те тактические задачи, которые мы воспринимали тогда как сугубо теоретические…

Много лет спустя поэт Евгений Долматовский нашел случайно сохранившееся в его архиве составленное им вот здесь же, в Кубинке, 14 июня 1941 года в ходе нашего военного учения «боевое донесение». Наш преподаватель, майор Генерального штаба В. Шик дал в тот день нам такую «вводную»: идут бои на восточной окраине Кубинки — на перекрестке Минского и Наро-Фоминского шоссе; противник оказывает упорное сопротивление, готовит контратаку, слева комбат 3 (в этой роли выступал курсант Лев Славин) не имеет успеха, просит подавить артогонь противника, поддержать бой танков, справа ведет бой комбат 1 (им был курсант Константин Симонов). Какое решение примет находящийся в центре комбат 2 — Евгений Долматовский и как он доложит о своем решении командованию?

«Боевое донесение» юного поэта, автора многих популярных уже тогда песен, звучало так — я цитирую его сейчас по книге Долматовского «Было», выпущенной в свет издательством «Советский писатель» в 1979 году:

«№ 15 штаб 2 СП. Северная опушка леса южнее Кубинки. 14.6.41 г. 8 час. 35 мин. Карта 50000 28 года.

1. Противник с рассвета 14.6 оказывает упорное сопротивление на высотах, примыкающих восточной окраине Кубинка и дальше на восток вдоль Минского и Можайского шоссе, готовя контратаку в районе высоты Малая.

Из леса 2½ *км* севернее Кубинки артогонь до дивизиона.

2. Силами 4 роты веду бой за высоту Малая, наступая через перекресток Минского и Наро-Фоминского шоссе. Левофланг. Взвод 4 роты, неся потери, отходит вдоль Наро-Фом. шоссе, 5 рота подошла к окраине рощи с хуторами 800 *м*, западнее Кубинки, 6 рота находится на опушке лагерной рощи районе моего КП.

Придан. танковая рота ведет бой на шоссе 900 *м* южнее ст. Кубинка. Связь потеряна, пытаюсь восстановить. Подгруппа ПП выдвигается к опушке лагерной рощи, ведя огонь высота Малая, поселок и ст. Кубинка.

Сосед слева комбат 3 не имел успеха, просит ударом на хутор западнее Кубинка поддержать форсирование Можайского шоссе и обход ст. Кубинка слева.

3. Решил поддержать соседа слева фланкирующим арт. и минометным огнем и в дальнейшем, захватывая ветку Зап. ж. д. наступлением 5 и 6 рот.

4 роте приказал закрепиться на рубежах перекрестка Минско-Наро-Фом. шоссе, отражая контратаки, блокировать высоту Зеленая.

4. Прошу подавить артогонь противника 2 км севернее Кубинка, поддержать свежей танковой ротой бой танков на рубеже Можайского шоссе. 2 эшелон пустить в стыке с 3 СП.

Комбат 2 Евг. Долматовский».

Наш строгий учитель майор В. Шик поставил поэту отметку «посредственно». Слишком наивными и неопытными были мы тогда, воображая, будто война будет идти столь гладко и будто у командиров полков всегда будут в наличии «свежие танковые роты» и они будут располагать резервами в таком изобилии, что смогут бросать их в бой даже ради того, чтобы отбить слабенькую контратаку отступающего врага…

Теперь, 18 декабря того же 1941 года, мне довелось своими глазами увидеть, как на этих же самых рубежах идет взаправдашний бой и как взаправдашние комбаты и командиры

полков решают ту самую задачу, которую за полгода до этого мы решали в чисто теоретическом, учебном плане под командованием майора В. Шика.

Эти военные занятия сослужили каждому из нас хорошую службу, когда мы стали военными корреспондентами, а особенно, пожалуй, Евгению Долматовскому, который в драматические дни нашего отступления от Киева к Харькову попал в окружение и должен был с превеликим трудом пробиваться к линии фронта вместе со своими коллегами по военной журналистике. Спаслись они поистине чудом, пережили много горьких и страшных минут, но, как только вышли из окружения, тут же потребовали возвращения на свои боевые посты в армейской печати.

На фронте случается всякое, и никто тогда не удивлялся, что журналисты и писатели, попадавшие в чрезвычайные ситуации, брали в свои руки оружие, становились солдатами, а то и партизанами, командовали ротами, батальонами. И действовали при этом так, что их потом награждали орденами и Золотыми Звездами. Вспомним, что среди журналистов, которым было присвоено звание Героя Советского Союза — иным уже посмертно! — были корреспондент армейской газеты Сергей Борзенко, татарский поэт Муса Джалиль, редактор московской газеты «Машиностроение», командир батальона морской пехоты Цезарь Куликов, журналист, ставший командиром стрелковой роты, Иван Зверев, газетчик, сражавшийся в качестве политрука, Хусен Андрухаев, еще журналист, ставший черноморским моряком, Дмитрий Калинин…

Фронтовые журналисты активно участвовали в битвах за Москву, Ленинград, Сталинград, Севастополь, Одессу, освещали битвы на Курской дуге, при форсировании Днепра, Дуная, Вислы и Одера, сражения в Белоруссии, обороне Кавказа, взятии сотен городов.

Они шли в боевых порядках при освобождении Киева, Минска, Риги, Вильнюса, Одессы, входили с передовыми частями в Варшаву, Кенигсберг, Будапешт, Прагу, Берлин. Их ценили фронтовики за бесстрашие, оперативность, за достоверность репортажей, статей, очерков. Им надо было быть в самых горячих местах сражений, все увидеть, испытать. Газеты с их корреспонденциями всегда были в руках у солдат и офицеров и прочитывались от строки до строки. Подчас вырезки наиболее ярких статей сохранялись вместе с партийными билетами.

Перечитывая комплекты фронтовых и центральных газет того периода, поражаешься их яркости, страстности в описании героизма солдат и офицеров, умению военных корреспондентов добывать интереснейшие факты, их способности сосредоточиться

на главном. Они получали материал из первых рук, стремились быть очевидцами, а то и участниками боевых событий. И особенно ценились на фронте выступления в печати наших лучших писателей, ставших военными корреспондентами. Напомню, что уже в самые первые дни войны в редакции «Правды», «Известий», «Красной звезды», фронтовых газет пришел цвет нашей литературы, ее гордость и краса — А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, И. Эренбург, А. Твардовский, В. Вишневский, Е. Петров и многие, многие другие.

В самые тяжелые периоды войны фронтовые журналисты были исполнены веры в победу. Но они ничего не приукрашивали. Корреспонденции их были суровы и правдивы. В них неизменно звучала твердая уверенность в том, что тяжкие неудачи начального периода войны будут преодолены и враг будет разгромлен.

На войне неизбежны людские потери — никто не застрахован от вражеской пули, осколка снаряда или мины, авиационной бомбы, выстрела из танковой пушки или пулемета. Тяжкие потери в жестоких боях понес и наш корпус военных корреспондентов. О них мы помним всю жизнь, их подвиги мы свято чтим.

В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли многие: на Ленинградском фронте белорусские поэты Андрей Ушаков, Рыгор Железняк, на Украине — русские писатели Аркадий Гайдар, Юрий Крымов, Борис Лапин, Захар Хацревин, на Кавказе — грузинский писатель Сандро Жгенти, под Сталинградом — белорусский писатель Аким Симар, Аркадий Гейне, Геннадий Шведик, Хвядос Шинклер, в районе Харькова — украинский прозаик Юрий Яковенко, в Севастополе — Евгений Петров, Владимир Апошанский и ярославский писатель Василий Шульдешов, под Туапсе — украинский писатель, сотрудник армейской газеты «Боевая красноармейская» Константин Герасименко.

В застенках гестапо в Киеве и немецкой тюрьме Моабит погибли украинские писатели Петр Радченко, Николай Шпак и татарский поэт Муса Джалиль. Сотни других фронтовых журналистов не вернулись в свои редакции, погибли в огне сражений. Их имена начертаны на мемориальной доске в Центральном Доме журналистов в Москве. Они были солдатами, штурмовали высоты, ходили в атаки, становились в критические минуты командирами, забрасывались в партизанские отряды. Это о них в армейской газете «Боевая красноармейская» (Юго-Западный фронт) Джек Алтаузен писал:

Я фашистской не кланялся пуле,
Не робел, не терялся в дыму,
В грозном грохоте, в огненном гуле
Нес я гибель врагу своему.
И рука у меня не дрожала,
Потому что в тот день голубой
Вся отчизна меня провожала,—
Весь народ посылал меня в бой.

Но мне, как бывшему начальнику отдела фронта «Комсомольской правды», хочется особо сказать о военных корреспондентах нашей молодежной газеты, сложивших свои буйные головы на поле брани.

Если случится вам, дорогой читатель, побывать на улице «Правды» в Москве, поднимитесь на шестой этаж старого, доброго дома, где молодые журналисты делают и сейчас самую живую из всех газет Советского Союза — «Комсомольскую правду». Там в просторном холле, остающемся неприкосновенным, хотя сотрудникам редакции живется и работается тесновато, среди вечнозеленых растений встаньте перед мемориалом, увенчанным скульптурным изображением пера и штыка. И почтите минутой молчания память пятнадцати юношей и девушки, жизненный путь которых оборвала война, — память шестнадцати военных корреспондентов «Комсомольской правды». Судьбой им было суждено остаться в нашей памяти вечно молодыми. Такими, какими мы запомнили их, провожая в опасные командировки на фронт.

Сорок лет прошло с того дня, когда раздался последний выстрел Великой Отечественной войны. Подавляющее большинство читателей нынешней «Комсомолки», конечно, не помнит о нем. Но тень этой далекой войны еще лежит на каждой нашей семье. Плачут украдкой по ночам бабушки, доставая из сокровенной шкатулки н перечитывая в тысячный раз «похоронки» на ваших дедов. Горько вздыхают, вспоминая не вернувшихся с войны близких, ваши мамы. И молодые люди, вглядываясь в старинные фотографии юношей в военной форме сороковых годов, задумываются: ну а я смог бы?..

Лежит тень далекой войны и на дружной семье «Комсомолки». Закономерно, что потери в личном составе ее военных корреспондентов были огромны; пожалуй, они столь же велики, как и в «Красной звезде» — чисто военной газете. Юность горяча, ей непривычно и неловко наблюдать жизнь со стороны, она рвется в самое пекло борьбы, будь то в дни мира или в дни

войны. Вот так и получилось, что наши парни, облетевшие в легендарные тридцатые годы всю Арктику, прошедшие через пустыни, побывавшие с выездными редакциями на стройках Магнитки, Сталинградского тракторного, Комсомольска-на-Амуре, прокочевавшие вдоль всех наших границ, хлебнувшие горького, насыщенного пороховым дымом воздуха в дни конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году, потом в дни конфликтов у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в боях с белофиннами, рванулись на фронт 22 июня 1941 года, не думая об опасности.

И как замечательно, как ярко и образно, как убедительно писали они о фронте, о фронтовиках, показывая и доказывая даже в самые тяжкие дни 1941 и 1942 годов, что мы одолеем злобного и сильного врага. Шестнадцать человек из коллектива редакции заплатили жизнью за эту победу. Шестнадцать человек в числе двадцати миллионов советских людей, погибших на войне…

Я часто думаю о том, как важно было бы собрать воедино и опубликовать все написанное людьми, чьи перья партия приравняла к штыкам. Какой огромной эмоциональной силой обладает их литературное наследство, пропитанное порохом и кровью! В моих ушах и сейчас еще звучит доносящийся сквозь треск помех из далекого по тем временам полуокруженного противником Киева голос нашего военного корреспондента Аркадия Гайдара: «Только что продиктовал зарисовочку одного боя на мосту. Хорошо бы ее дать побыстрее. Есть любопытные детали…» А на мой рабочий стол уже ложились один за другим листочки великолепного очерка о войне, чудом записанного в неимоверно трудных условиях связи нашей неутомимой стенографисткой Марией Михайловной Глазовой. Ребята из отдела бегом приносили их мне, выхватывая из пишущей машинки.

Нынче военный очерк Аркадия Гайдара «Мост» вошел в классику военной прозы, а имя его автора, чья биография напоминает легенду, высечено на мемориале, сооруженном в честь тех, кому не суждено было вернуться в редакцию. В шестнадцать лет Гайдар командовал полком на гражданской войне. В тридцать семь он пал смертью храбрых в партизанском отряде, куда вступил, когда не удалось пробиться из Киева на соединение со своими.

Они были разными людьми по возрасту и по характеру, по методам работы и по привычкам. Порывистый, нетерпеливый, готовый в любую минуту рвануться в пекло самого Вельзевула ради того, чтобы достать сенсационный материал, «репортер Советского Союза номер один» Михаил Розенфельд и тихий,

мечтательный литератор Леонид Лось, готовый неделями шлифовать свои очерки, доводя их до совершенства; юная девушка с романтической судьбой — Лилия Карастоянова, дочь болгарских революционеров, воспитанная в семье старого большевика Емельяна Ярославского, — она ушла из редакции в партизанский отряд и вскоре геройски погибла; неимоверно требовательный к себе, всегда подтянутый, всегда готовый на выполнение любого задания Николай Маркевич, чьи очерки — совершенные образцы военной прозы. «Думаю о том, что показ внутреннего состояния души человека неизмеримо важнее, чем скороговорка о количестве уничтоженных дзотов», — писал он мне с переднего края, отказываясь следовать примеру иных корреспондентов, искусственно сужавших круг своих задач оперативной информацией. И до чего же ярко показывал он внутреннее состояние души солдата!..

Одни из них успели сделать больше, других пуля или осколок снаряда настигли в самом начале фронтового пути. Военные биографии корреспондентов, как и любых солдат, складывались по-разному. Но я могу присягнуть, что каждый из тех, чьи имена высечены навечно на мемориале «Комсомольской правды», сделал все, что мог, выполняя свой долг. Иван Войтюк и Виталий Гордиевский, Аркадий Гайдар и Лилия Карастоянова, Яков Гринберг и Борис Иваницкий, Виктор Кривоногов и Михаил Луцкий, Иван Меньшиков и Иван Наганов, Леонид Лось и Николай Маркевич, Александр Слепянов и Владимир Чесноков, Михаил Розенфельд и Лазарь Шапиро — любой из них заслуживает глубокого уважения и доброй памяти.

Одни погибли, выполняя свои корреспондентские обязанности. Другие в трудную минуту, сменив перо на штык, просто ушли в солдаты и встретили смерть в рукопашном бою.

Счет невозместимых утрат, причиненных войной, поистине огромен. Какой величайший творческий потенциал был утрачен, когда погибли двадцать миллионов человек! Сколько среди них людей, которые не успели раскрыть свою творческую силу! Как много задуманных свершений не осуществилось, сколько открытий, изобретений, литературных и художественных замыслов было убито! В ряду этих безвозвратных утрат и тяжкие потери корпуса военных корреспондентов «Комсомольской правды». Я глубоко уверен, что, если бы суровая фронтовая судьба их пощадила, многие из них стали бы писателями и прославили бы нашу литературу выдающимися произведениями о пережитом.

Тяжко, невыразимо тяжко воспринимали мы тогда передаваемые с переднего края фронта трагические вести о

гибели каждого из этих шестнадцати. Ведь мы были не только сослуживцами — мы дружили с самых юных лет, были как бы братьями. И место каждого, нашедшего смерть на поле боя, немедленно — и не по приказу, а добровольно, по воле души и сердца! — занимал другой сотрудник редакции. Война продолжалась, страшная, грозная война, и о ней надо было писать изо дня в день — перо дополняло штык. Так было до самого Берлина, до Эльбы, до Вены, до Праги.

Многие из этих шестнадцати были моими лучшими друзьями еще по старому-старому, уже тогда казавшемуся легендарным периоду первой пятилетки, когда редакция наша работала в тесных комнатушках дома в Малом Черкасском переулке, за толстой кирпичной стеной, окружавшей Китай-город. И одним из самых близких мне товарищей был тогда талантливейший очеркист Николай Маркевич. Вот почему, поминая сейчас добрым словом всех, кто не вернулся с поля боя, я испытываю властную потребность особенно подробно рассказать о нем.

Никогда не забуду тот страшный день, когда фронтовой телеграф отстучал жестокую, колючую строку: «При выполнении боевого задания погиб военный корреспондент «Комсомольской правды» капитан Маркевич».

За окном комнатушки, в которой размещался отдел фронта нашей редакции, сияло солнце, звенела весенняя капель, перекликались звонкие голоса мальчишек. А всем нам этот день — день 27 апреля 1943 года казался черным, сумрачным, все валилось из рук, и девушки, работавшие в отделе, тихо плакали. Где-то на северо-западе, у безымянной деревушки, близ Великих Лук, прибавился еще один солдатский могильный холм.

На моем письменном столе сейчас лежит старенькая истертая папка. На ней надпись, сделанная наскоро карандашом: «Бумаги Николая Маркевича». Я более тридцати лет не прикасался к этой папке, — невыразимая боль ранит душу и сердце, когда ты перебираешь бумаги и документы дорогого тебе человека, которого давно уже нет в живых, но облик которого навек запечатлелся в твоей памяти. Однако сейчас, когда прошло уже так много времени после тяжкой военной поры и когда в строю остается все меньше людей, знавших Николая Маркевича как одного из лучших наших военных журналистов, настало время раскрыть его папку, чтобы сказать полным голосом доброе слово о нем, да и обо всех военных корреспондентах.

Перелистываю записи, сделанные аккуратным, четким почерком молодого Николая, и в памяти передо мной вновь встают наши встречи в редакции, столь дорогой каждому из газетчиков — ветеранов «Комсомолки» начала тридцатых годов.

Я был тогда литературным сотрудником промышленного отдела, а Николай Маркевич состоял в должности разъездного корреспондента редакции — по тем временам самой увлекательной должности. А. Том, Н. Колесников, М. Розенфельд, Е. Кригер, О. Диковский, Н. Маркевич, А. Крылова, З. Полякова и еще несколько человек постоянно колесили по стране, подмечая ростки новой жизни, гневно обрушиваясь на пережитки жизни старой, повествуя о новостройках первой пятилетки и о первых успехах колхозов.

От разъездного корреспондента тогда требовалось многое, и прежде всего абсолютная точность в передаче читателю увиденного, безукоризненная честность оценок, наивысшая оперативность, умение быстро схватить глубокую суть событий и рассказать о ней. И Николай Маркевич, необычайно требовательно относившийся к себе, весьма высоко оценивался и руководством редакции, и читателями, щедро откликавшимися на его выступления в газете.

От военной тематики Николай в те годы был далек, тем более что на воинскую службу его по состоянию здоровья не брали. В его военном билете, который я сейчас бережно держу в руках, написано: «Призывной комиссией Новосибирского военного комиссариата в 1928 году признан негодным к воинской службе». Его включили тогда в запас второй очереди, как «рядового, необученного».

Но когда грянул гром войны, Маркевич взбунтовался. Он настойчиво требовал, чтобы его немедленно отправили на фронт. В райвоенкомате ему резонно возразили: кому там будет нужен необученный военному делу человек, к тому же признанный негодным к воинской службе? Тогда Маркевич потребовал от руководства редакции, чтобы его послали на фронт корреспондентом.

Оформление такой командировки для сугубо штатского человека было в ту суровую пору делом не простым и требовало определенного времени. Между тем драматические события на фронте развивались стремительно. Ждать, пока будут решены все вопросы, связанные с этим оформлением, Маркевич не хотел и не мог. И вот он, а с ним юный репортер «Комсомольской правды» Карл Непомнящий, которого тоже в армию не брали по причине плохого зрения, выпросили у редактора обычные командировочные удостоверения в западные области страны, отправились на Белорусский вокзал и всеми правдами и неправдами устроились в каком-то поезде, уходившем к фронту.

Увы, они доехали только до Вязьмы. Дальше поезда уже не шли. Наших энтузиастов задержали и вернули в Москву.

К счастью Маркевича, к этому времени вопрос о назначении его военным корреспондентом уже был решен положительно. Ему присвоили звание военного интенданта третьего ранга (до сих пор не могу понять, почему журналистов и писателей в то время зачисляли по интендантской линии), выдали военное обмундирование и соответствующие знаки различия, и он уже вполне официально отправился на Ленинградский фронт…

Теперь, сорок с лишним лет спустя, я перелистываю сохранившийся в папке Маркевича его дневник той поры, читаю различные записи, не предназначавшиеся для опубликования, просматриваю многочисленные варианты его очерков и корреспонденций, четко и аккуратно отстуканные им на пишущей машинке, разглядываю фотографии, сделанные опять же им самим на поле боя, и передо мною раскрывается мир, который обычно остается неизвестным читателю, — большой, трудный и очень неблагоустроенный творческий мир солдата, у которого штык заменяло перо.

Николай Маркевич стал военным человеком только в дни войны. До этого он больше интересовался техникой, искусством, литературой, чем секторами обстрела и хождением по азимуту. Путешествовал по Средней Азии, карабкался вслед за смелыми такелажниками на Спасскую башню Кремля, чтобы сфотографировать установку алых звезд вместо золотых орлов, бродил по берегу Тихого океана, летал на самолете над Уралом.

Стать настоящим военным оказалось не просто. Было много горечи, волнений, утрат. Но шло время, накапливался опыт, и вот уже пора искуса осталась позади. «Ехал трудно. Сегодня первый раз за двое суток разулся. Эти дни — оттепель, а сапоги у меня текут. Но жил эти дни хорошо. Родилось ощущение, что вот — приходит эта спокойная зрелость, уверенность в себе. Ощущение, что стал богаче на чувства к людям… Приятно сознание, что где-то на дне души накапливается богатейший запас впечатлений «впрок», для будущих книг. Пережитое обдумывается, все становится на свои места» — так подытожил в дневнике свое внутреннее мироощущение Николай Маркевич, вернувшись в конце декабря 1942 года на командный пункт армии после длительного пребывания на переднем крае.

В его рабочей папке сохранилось воинское удостоверение: «Предъявитель сего Маркевич Николай Михайлович состоит на действительной военной службе в редакции «Комсомольской правды».

С аккуратно наклеенной фотографии глядит на меня тридцатисемилетний капитан в ладной гимнастерке, с медалью «За отвагу» на груди. Он заслуженно гордился и своими

новенькими офицерскими погонами, и честно заработанной в бою солдатской медалью.

Далеко позади осталось боевое крещение, когда, как я уже упоминал, Маркевич и Непомнящий, еще не имея пропусков, пытались «кустарным способом» пробраться поближе к фронту, чтобы понюхать запах пороха, и сразу попали под бешеную бомбежку в Вязьме. Позади остались трудные зимние ночи Ленинграда 1941/42 года, когда Николай со своими друзьями, такими же военными репортерами, дежурил на крышах, ловил там немецкие «зажигалки», бродил по блиндажам и при свете коптилки в обледенелом номере «Астории» вел долгие беседы об искусстве с жившими там усталыми, изможденными композиторами и музыкантами, аккуратно разрезая большим охотничьим ножом свой фронтовой хлебный пай на мелкие дольки по числу присутствующих. Позади остались суровые битвы под Синявино, жизнь в торфяниках, надоедливый звон комаров и свист пуль фашистских снайперов.

Когда шли бои за Синявино, в руки Маркевича попал дневник погибшего на фронте комсомольца. Он коротко, но с чувством отметил в своих записях:

«Два дня сидел над дневником убитого бронебойщика Бориса Губанова. Временами читал точно собственную биографию». Плодом раздумья военного корреспондента над этим дневником погибшего солдата явился взволнованный очерк «Записная книжка комсомольца Губанова», опубликованный в «Комсомольской правде» 4 октября 1942 года. Военный корреспондент с большой любовью и уважением к памяти погибшего юноши выбрал из его дневника мысли, созвучные своей душе:

«Надо помнить — всякий подъем всегда медленный и трудный… Чтобы быть человеком, хоть чуточку похожим на героев, рожденных Отечественной войной, нужно быть правдивым и честным до мелочей, последовательным и настойчивым. Послабление — страшный враг, это я знаю по себе. Чувствую подъем и вспоминаю слова Толстого: «…как хорошо и отрадно взять себя в руки…» Точно — это прекрасно».

И еще:

«Настала пора больших дел, простых слов и чувств… Мы узнали теперь смысл жизни, он глубок и прост. Жизнь — в умении отдавать себя для общего дела, быть частью общего, а не посторонним наблюдателем… Так-то, Борис, смотри смелее вперед. Мы знаем, за что воюем — за право дышать. Мы знаем, за что стоим — за Россию, за Родину. Так будем же носить в себе прекрасный призыв Багратиона: «Отдайте жизнь, но родины и

чести не отдавайте никому».

В папке Николая Маркевича я нашел вырезанный из газеты этот его очерк. Вырезка была истрепана по краям, потерта на сгибах, — видно, автор не раз перечитывал свой очерк в блиндаже и палатках. Целомудренная солдатская мораль одушевляла творчество военного корреспондента и обогащала его.

Бывший лектор политотдела 8-й армии Д. С. Булыгин в письме в нашу редакцию так отозвался о его работе на переднем крае:

«В нашей армии долго работал военный корреспондент «Комсомольской правды» Николай Маркевич. Он подолгу находился на самых важных участках, ночевал в землянках вместе с бойцами, вел с ними беседы, записывал факты фронтовой действительности, которые потом, когда развертывалась боевая операция, помогали ему живо и содержательно описать ее.

Все мы, политотдельцы, безмерно его любили. Это был веселый, удивительно общительный, эрудированный человек. Мы, лекторы и агитаторы, многому у него научились — как лучше использовать живое слово в нашей работе среди бойцов. Он писал не только для «Комсомольской правды», но и для фронтовой печати. Писал взволнованные очерки, которые будили ненависть к врагу и звали на новые подвиги.

Он умел обращать к живым слово о мертвых. Солдаты Ленинградского и Волховского фронтов жадно читали его боевые корреспонденции, — они воодушевляли их».

Больше всего на фронте уважали тех корреспондентов, которые писали о войне не по штабным сводкам, не по донесениям политработников с переднего края, а по личным впечатлениям, находясь в шеренгах атакующих солдат. Так, и только так, можно было создавать действительно яркие и правдивые корреспонденции. Маркевич хорошо это знал и поэтому шел в бой с солдатами первой штурмовой волны. Мы всегда с нетерпением ждали его телеграмм, писем и негативов, твердо зная, что они украсят газету.

На предпоследнем листке оборванного на полуслове дневника капитана Маркевича мы прочли такую честную и открытую запись:

«Мне сказали:

— Есть возможность отправиться с воздушным десантом в тыл врага.

Первое мгновенно ощущение — страх.

Но сразу же — опасение, что задание может быть передано другому, и гордость — это предложено мне. И я равнодушно

говорю:

— Очень хорошо!»

Прочитав эти строки в дневнике Николая Маркевича, я явственно вспомнил тот наш разговор в обледеневшем кабинете редакции «Комсомольской правды». Почему тогда было решено командировать в воздушно-десантные войска именно его? Не только потому, что мы высоко ценили его как отважного человека, но и потому, что знали: он лучше, чем многие другие, сумеет описать действия десантников в тылу врага. Конечно, выполнение такого задания было связано со смертельным риском. Но долг и честь военного корреспондента исключали отказ от этого поручения. Вот почему Маркевич, подавив усилием воли естественное чувство страха, сказал нам тогда, и глазом не моргнув: «Очень хорошо!»

В годы войны решения осуществлялись быстро. Уже на следующий день Николай Маркевич пришел в редакцию в хорошо пригнанной форме парашютиста, казавшейся нам щегольской, и объявил, что его немедленно перебросят на самолете в тыл к гитлеровцам, где уже действуют наши десантники. Мы пожелали ему счастливого возвращения. Увы, то была наша последняя встреча с ним.

Точную дату этой встречи мне помогла определить сугубо прозаическая казенная бумага, которую Маркевич перед отлетом с присущей ему педантичностью вложил все в ту же свою рабочую папку, которая сейчас лежит передо мною. Вот что написано на этом сером листке грубой бумаги.

«6 марта 1943 года. Наряд начальнику военного склада. Выдать со склада воздушно-десантного училища капитану Маркевичу Николаю Михайловичу куртку десантную 1-й категории (одну), брюки десантные 1-й категории (одни), валенки армейские 1-й категории (одни), сапоги кирзовые 1-й категории (одни), рукавицы меховые 1-й категории (одни), портянки байковые 1-й категории (одни). Основание: приказ члена Военного совета генерал-майора тов. Громова». И расписка: «Имущество получено. Н. Маркевич».

Самолет, на котором возвращался он после выполнения своего первого задания в тылу врага, был сбит над линией фронта…

Жизнь военного корреспондента, как и всякого воина, была неимоверно трудна. Многие выходили из строя навечно, но всякий раз смыкался ряд, и оставшиеся в шеренге продолжали шагать вперед. Капитана Маркевича сменил в воздушно-десантных войсках капитан Андреев, столь же храбрый военный корреспондент.

Капитан Александр Андреев принадлежал к числу тех военных корреспондентов, которые пришли в прессу военного времени, не будучи профессиональными газетчиками. Их школой был солдатский окоп. Война рождала журналистов в огне сражений, — они начинали писать в газету лишь потому, что не могли не писать. Их побуждали к этому драматические события войны, непосредственными участниками которой они были.

Все начиналось с писем в редакцию дивизионных, армейских, фронтовых, а затем и центральных газет. Как часто, раскрывая нехитро сложенный треугольник письма со штампом полевой почты, мы читали тогда:

«Посылая вам свои фронтовые записи, я должен сказать, что писались они под огнем, в полутьме»;

«Пока буду жив, я постараюсь многое описать. У меня, правда, времени мало этим заниматься, но ничего, не посплю два-три часа, а что-нибудь напишу»;

«Писал на передовой, не отрываясь от выполнения службы, — писал во время дежурства на телефоне, трубка телефона висит на веревочке около уха, я несу дежурство и в то же время пишу».

Вот и капитан Андреев, который свои первые письма в редакцию «Комсомольской правды» подписывал «Красноармеец А. Андреев», стал известен широкому читателю как автор солдатских писем с фронта. Все началось с того, что в самую трудную пору страшных боев лета 1942 года мы получили письмо этого, тогда еще никому из нас не известного фронтовика, озаглавленное так: «Тем, кто остался в тылу».

Писем с фронта тогда приходило множество, и мы заполняли ими целые полосы газеты, так и называвшиеся — «Письма с фронта». Но это послание буквально потрясло нас, — так велика была эмоциональная сила, вложенная в него автором.

Каждая строка, каждое слово письма красноармейца А. Андреева были проникнуты глубокой болью, которую все мы испытывали в дни отступления, и в то же время чувством непоколебимой уверенности в конечной победе. Обращаясь к тем, кто тогда помогал ковать победу в тылу, автор сурово, по-фронтовому, предупреждал их о нависшей над Родиной опасности и просил утроить свои усилия ради победы:

«Друзья, работающие в тылу! — так начиналось это письмо. — Представьте на миг поле битвы, представьте себе, как цепи вражеских солдат в зеленых куртках, с автоматами в руках ползут на наши позиции. Представьте себе молодого русского парня, который, припав к пулемету, скашивает горячей лентой эти немецкие цепи одну за другой. Но вот он поворачивает взволнованное, разгоряченное лицо и повелительно кричит:

«Патроны! Эй, патроны!» Вы видите его накаленные волнением глаза, слышите его голос? Это он кричит вам. Скорее дайте ему патроны!»

Мы сразу же почувствовали, что автор этого послания — талантливый молодой человек, и послали ему ободряющее письмо с просьбой писать нам и впредь.

Только впоследствии мы узнали, что Александр Андреев, которому к моменту начала войны было 27 лет, уже располагал немалым жизпенным опытом. Выходец из многодетной крестьянской семьи, жившей в селе Красном Семеновского района Горьковской области, он окончил сельскую школу, затем фабзавуч в городе Дзержинске; потом, переехав в Москву, работал шофером в Наркомате связи.

В 1935 году его властно потянула к себе кинематография. Андреев поступил в школу киноактеров при студии «Мосфильм»; будучи студентом, снимался в фильме Марка Донского «Мои университеты» и в некоторых других. А четыре года спустя перешел на сценарный факультет института кинематографии.

Закончить его Андрееву не удалось. Он в первые же дни войны ушел на фронт добровольцем. Воевать ему довелось на переднем крае; начал сражаться он рядовым солдатом, потом командовал взводом, был заместителем командира батальона. Одним словом, довелось ему увидеть врага, что называется, лицом к лицу. За боевые заслуги Андреев уже был награжден орденом Красного Знамени и медалями. Пришлось ему побывать и в госпиталях: ведь пули редко щадили людей, находившихся на переднем крае.

Ветераны войны помнят суровые фронтовые будни — обстановка в окопах менее всего располагала к литературным занятиям. Но А. Андреев всегда ухитрялся снова и снова писать нам в «Комсомольскую правду», и мы публиковали его правдивые и всегда острые письма.

Каждое из этих писем вызывало буквально лавину откликов с фронта и из тыла. Только на одно из них, опубликованное под названием «За Отечество», откликнулись 6000 (шесть тысяч!) юношей и девушек. Некоторые из этих писем мы напечатали тогда в газете. Вот одно из них, напоминающее о многом, — это письмецо прислала нам в редакцию «Комсомольской правды» работница далекого Казахстанского прииска Зинаида Ткаленко:

«Дорогие товарищи! У меня нет братьев: Ивана разорвало на куски немецким снарядом, Павел пропал без вести. И вот теперь у меня нет брата. В «Комсомольской правде» я прочла статью фронтовика А. Андреева «За Отечество». Статья эта так меня воодушевила, что я хочу назвать его своим братом.

Прошу исправить и поместить мое стихотворение «Капитану А. Андрееву»:

Я тебя никогда не видала
И не жала я рук дорогих.
О таком вот я брате мечтала —
Стойком, смелом и твердом, как ты.

Предо мной «Комсомольская правда»,
Где статья твоя ярко горит:
«За Отечество» — каждое слово
О борьбе и работе твердит…

И вдруг весной 1943 года к нам в редакцию пришел молодой капитан с рукой на перевязи. Это и был так хорошо знакомый нам по письмам с фронта капитан А. Андреев. Оказывается, в марте 1943 года в боях под городом Изюмом он снова был ранен и направлен в подмосковный госпиталь, находившийся в Барвихе. Теперь он уже выздоравливал.

Воспользовавшись счастливой встречей, мы тут же начали хлопотать перед политуправлением о том, чтобы этого литературно одаренного фронтовика направили к нам в редакцию для работы в качестве военного корреспондента. Политуправление пошло нам навстречу, и вот уже в газете начали появляться его яркие очерки с фронта. Но Александр Андреев продолжал чувствовать себя солдатом: не упускал ни малейшего случая побывать на переднем крае. Он смело участвовал в сложнейших боевых акциях. В своей книжке «Прыжок», изданной в библиотечке «Огонька», Андреев ярко рассказал об одной из своих фронтовых командировок, когда ему пришлось, находясь при воздушном десанте, прыгать с парашютом в тылу врага за Днепром.

— Ты знаешь, зачем тебя вызвали? — спросил главный редактор «Комсомольской правды» Борис Бурков, вызвавший Андреева однажды ночью.

— Нет.

— Ты назначен корреспондентом в воздушно-десантные войска.

Александр Андреев знал, что до него это место занимал Николай Маркевич, и знал, что он погиб.

— Ну что ж, приказ есть приказ. Я готов!

— Вот и отлично, — сказал редактор. — Желаю успеха, капитан! И хороших материалов!

И мы получали снова и снова от Александра Андреева

хорошие материалы. Вместе с войсками он шел дальше и дальше на запад, участвуя в освобождении Венгрии, Чехословакии, Польши, Германии.

После войны А. Андреев стал известным писателем. Его приняли в Союз писателей. Работал он много, упорно и плодотворно. Судите сами. В 1950 году вышла повесть «Ясные дали», в 1952 — книга «Широкое течение», в 1954-м — «Чистые пруды», в 1956-м — «Грачи прилетели», в 1959-м — «Очень хочется жить», в 1961-м — «Рассудите нас, люди», в 1966-м — «Берегите солнце», в 1970-м — «Спокойных не будет», в 1972-м — «Есенин»…

Учеба на сценарном факультете киноинститута не прошла даром. Многие книги А. Андреева поистине кинематографичны, и не случайно по его повестям «Широкое течение» и «Рассудите нас, люди» были сняты кинофильмы, пользовавшиеся большим успехом у зрителей. К военным наградам А. А. Андреева добавились награды за мирный труд — орден «Знак Почета», почетные грамоты ЦК ВЛКСМ, премии.

Вражеские пули на фронте пощадили этого неутомимого человека, и все же война укоротила его жизненный путь. Он рано ушел от нас, — сказалось пережитое. Уже посмертно была напечатана оставшаяся в рукописи его повесть «Прыжок»; остались еще неизданные материалы: записки, статьи, дневники. Эти человеческие документы еще ждут своей публикации…

Среди тех, чье журналистское перо оставило горячий след в сердцах читателей газет военного времени, хочется особо сказать о К. Симонове, Б. Полевом, П. Трояновском, Ю. Королькове, М. Мержанове, Е. Воробьеве, С. Борзунове, В. Субботине, А. Кривицком, С. Дангулове, Л. Высокоостровском и о многих других литераторах, работавших корреспондентами газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда», ТАСС и Совинформбюро. Все они прошли трудными, незабываемыми дорогами войны, всем им довелось быть активными участниками поворотных в истории войны событий. У каждого из них была своя судьба, но всех их объединяло страстное желание показать мужество, силу и величие духа советских воинов, их самоотверженность, героизм.

Мужала на фронтовых дорогах юность Василия Субботина. До последних дней Великой Отечественной войны будущий поэт был на ее переднем крае — сначала танкистом, потом сотрудником дивизионной газеты. Он был свидетелем агонии поверженного в прах немецкого фашизма, участвовал в штурме рейхстага, видел, как солдатские руки поднимали над ним Знамя Победы.

Журналист Семен Борзунов в дни жарких боев на Днепре переправился на западный берег реки вместе с четырьмя разведчиками на рыбацкой лодке под сплошным огнем противника. Он увидел там мертвого связиста, зубами зажавшего перерванный осколком снаряда телефонный провод. Увидел наш танк, который как-то странно двигался по берегу: оказалось, что члены экипажа были убиты. Увидел, как в этот танк забрался гвардии старшина Тройнин и как за ожившим танком на врага двинулись пехотинцы. В тот же день он повстречал солдата Ивана Вдовиченко, который через несколько часов с гранатой бросился под вражеский танк. Обо всем этом и о многом другом он потом написал.

Известный в свое время детский писатель, а тогда фронтовой корреспондент Михаил Гершензон возглавил атаку бойцов одного из батальонов. В этой атаке был тяжело ранен; умер он на шестой день после ранения. Корреспондент армейской газеты Сергей Борзенко во время боев за Керчь взял на себя командование группой десантников и захватил важный вражеский рубеж…

«День на передовой, вечер в пути, ночь в землянке, где при тусклом свете коптилки писались стихи, очерки, заметки, статьи. А утром все это читалось в полках и на батареях» — так описывал фронтовую жизнь журналистов А. Сурков.

Пожалуй, ни в одну эпоху нашим литераторам, работавшим на фронте, не удавалось так глубоко осмыслить и запечатлеть исторические свершения народа, как это было сделано в период Отечественной войны. Духовное величие советского человека, его героизм, напряженный ратный труд были главными темами их творчества. С каждым годом войны эти темы обретали все более мощное звучание и потому и заняли прочное место в летописи Отечественной войны.

Думается, что дожившим до нынешних дней журналистам и писателям, прошедшим свой боевой путь вместе с солдатами от границы до Москвы и Сталинграда, а потом до Берлина и Эльбы, надо помнить, что значение великой битвы с фашизмом остается злободневным и в наши дни. Еще есть порох в наших пороховницах, и хочется надеяться, что в предстоящие годы выйдут в свет новые и новые книги, в которых будет продолжен рассказ о победоносной Отечественной войне 1941–1945 годов, о героизме нашего народа.

Эти книги нужны, очень нужны людям и нынешнего, и будущих поколений.

Иван СТАДНЮК. ПЕРЕД ЛИЦОМ ВРЕМЕНИ

Работая над документами, связанными с битвой под Москвой, прочитал слова маршала Жукова, которые меня, участника тех событий, политрука из 7-й гвардейской стрелковой дивизии, сотрудника ее газеты «Ворошиловский залп», особенно взволновали. «25 ноября, — писал Г. К. Жуков, — 16-я армия отошла и от Солнечногорска. Здесь создалось катастрофическое положение. Военный совет фронта перебрасывал сюда все, что мог, с других участков фронта. Отдельные группы танков, группы солдат с противотанковыми ружьями, артиллерийские батареи и зенитные дивизионы, взятые у командующего ПВО генерала М. С. Громадина, были переброшены в этот район. Необходимо было во что бы то ни стало задержать противника на этом опасном участке до прибытия сюда 7-й гвардейской стрелковой дивизии из района Серпухова…»

Надо вспомнить, что те войска, которые, отступая от границы, вели бои в Белоруссии, понесли тяжелейшие потери. Под Могилевом, Витебском, Смоленском вступали в действие войска, выдвинутые из глубины страны. И вот теперь под Москвой в тяжкие ноябрьские дни надо было сдержать врага до тех пор, пока не подойдут новые резервы и изъятые с других участков фронта силы.

Мы, рядовые воины, в ходе ошеломляющих событий не успевали задаться вопросом, как и почему случилось такое, что за несколько месяцев враг достиг Москвы. Эти вопросы, а тем более ответы на них пришли позже, на последующих этапах войны и после нее.

Помню, в первые дни войны, буквально в самые первые, нам, недавним курсантам военного училища, даже не верилось, что это воистину война. Все хотелось спросить у кого-то: чего они лезут? Что им тут надо?.. Мы не хотим убивать, сами не хотим умирать, зачем все это?

Ощущение войны как непоправимой трагедии пришло ко мне в день, когда после очередной бомбежки увидел в высокой траве при дороге молодую мертвую беженку с узелком вещей и возле — ее малого ребенка, который молча теребил грудь матери. Ветер трепал ее разметанные волосы… Этого ребенка я отдал шоферам, едущим в тыл, взяли с неохотой, упирались: «Грудной ведь. Что мы с ним делать будем? Лучше куда-нибудь в медсанбат…» Но я, помню, упрямо и зло твердил: «Людям отдайте, людям… Ведь

живое дитя! Люди возьмут».

Долгими были с того момента пути-дороги войны. Недаром один день войны считается за три. Были, конечно, рядом со смертью и смех и любовь, но главное — ненависть. А та лежавшая в траве убитая мать с живым младенцем на груди навсегда останется в памяти символом несправедливости грабительских войн…

Сегодня хочется вспомнить хотя бы некоторые образы, назвать некоторые имена.

Наша дивизия из-под Серпухова перебрасывалась под Москву, на Ленинградское шоссе. Было промозгло, студено, сине. Помнится, на дорогах был сплошной гололед — бич даже опытных шоферов. А нашей редакции предстояло вести машины из-под Серпухова через Москву в Химки… Перед этим при бомбежке у нас погибли почти все шоферы. И мне (правда, еще под Ярцевом чуть-чуть научившемуся держаться за руль) предстояло вести автобус с наборными типографскими кассами и прочим оборудованием. Теперь понимаю, что только от отчаяния и безвыходности можно было решиться на такое. Но в переднем грузовике был наш весельчак и заводила, москвич с замашками одессита Аркаша Марголин — прекрасный водитель и, по его словам, знаток Москвы. До сих пор светло и с улыбкой вспоминаю о нем.

Из-под Серпухова мы выехали рано. От напряжения и старания я весь взмок и так держал руль, что побелевшие пальцы порой сводило. Москва запомнилась сосредоточенной, пустоватой. Там и тут улицы пересекали баррикадные нагромождения из мешков с песком, железных противотанковых ежей. Окна домов сплошь были перечеркнуты бумажными крестами.

Пересекли мост через канал. Начались Химки. Это был, конечно, не тот многоэтажный завидный город, каким видим его сейчас. Это был городишко — Химки сорок первого года. На перекрестках стояли регулировщики с флажками, на обочинах — указатели… Мы остановились в деревне Бутаково, разместились в нескольких ее избах.

Редактор газеты старший политрук Михаил Каган, с которым мы уже, как говорится, пуд соли съели, приказал мне садиться в полуторку, которую водил курянин красноармеец Захаров, ехать на розыски политотдела дивизии, доложить начальству, что редакция на месте и что газета к завтрашнему утру будет выпущена и доставлена на полевую почту.

Нелегко было вновь завести истрепанную полуторку шоферу Захарову. Навсегда запомнился каторжный труд шоферов в

лютую зиму подмосковной битвы. Для того чтобы завелись машины, надо было разводить костры, греть для радиаторов воду. А как все это удавалось шоферам самого переднего края, которые, например, доставляли пушкарям снаряды?.. Костры под фронтовыми грузовиками в морозносинем предутреннем тумане, в стылой дымке перелесков, полян, во дворах и на обочинах, на передовых позициях и в обозах — эти пылающие костры возле темных силуэтов еще холодных машин так и светятся в памяти. Они сопровождали нас всю войну. Благодарю память, что сохранила имена водителей: Губанов, Залетный, Поберецкий, Исайченко…

Ехали по узкому Ленинградскому шоссе в поисках штаба и политотдела 7-й гвардейской дивизии. На коленях развернул топографическую карту. Вот они, названия деревень и местечек, ставшие прифронтовой полосой: Черная Грязь, Дурыкино, Ложки, Пешки, Ржавки, Крюково, Сходня… Помню, смеялись мы с Захаровым (он яркий мужик, постарше меня был, свекольно-румяный, в нахлобученной по брови серой ушанке с вдавленной в мех красной эмалевой звездочкой: очень нравилась мне эта ушанка, а некогда белые прекрасные полушубки наши уже были черны от мазута и дыма костров), шутили с ним: «Ничего, пробьемся как-нибудь в Ржавки через Ложки-Пешки по Черной Грязи…»

Именно там, у Черной Грязи, произошел с нами курьезный случай, впрочем, такой, какие в то время приключались довольно часто. Мы пристроились к колонне грузовиков, везших снаряды, и вдруг справа из-за придорожной лесной полосы неожиданно, страшно, пронзительно загрохотало, завыло: казалось, в ушах тотчас лопнут перепонки. Мы с Захаровым непроизвольно схватились за головы. Через мгновение я осознал, что это был залп «катюш», я уже слышал их раньше. Но было поздно. Машина, потеряв управление, слетела в кювет и ткнулась в сугроб. Такое же случилось еще с несколькими грузовиками. А над головами все выло и выло. Когда наконец стихло, мы выбрались из кабины и, поняв, что с машиной все в порядке, вдруг начали хохотать, показывая пальцами друг на друга.

Но в общем-то было не до смеха. Надо спешить. По дороге уже шли мощные бензовозы, они-то с легкостью и вытащили из кювета нашу полуторку. Помню, разыскивая штаб дивизии, проскочили Дурыкино, где нас опять остановили «маяки» с флажками — дальше нельзя (линия фронта опять приблизилась), дальше — враг. Пришлось возвращаться. Штаб и командный пункт нашей дивизии нашли в Больших Ржавках, у церкви. Доложил полковому комиссару Гудилову, что редакция

дивизионной газеты прибыла, что приступила к работе и что «Ворошиловский залп» к утру будет готов и доставлен в первый эшелон.

Сейчас мне трудно вспомнить, тогда ли, на обратном пути в редакцию, или когда в очередной раз ехал за материалом на передовую, куда было рукой подать, но точно знаю, мы ехали в той же нашей обшарпанной полуторке, все с тем же милым моему сердцу румяным курянином Захаровым, приближаясь все к той же Черной Грязи. Как же все-таки его имя? В памяти только звучит его голос: «Красноармеец Захаров прибыл по вашему вызову».

Дорога шла перелесками, по кривой влево и чуть под уклон. За нами и впереди еще шли машины. А вдали у редколесья, не доезжая села, вереницей выстроились грузовики, бензовозы. И тут в небе послышался гул, обложной, тягучий. «Юнкерсы» шли бомбить Черную Грязь. И вот впереди заухало, загрохотало. Потом «юнкерсы» стали пикировать на нас, вырастая в размерах, словно в кино — крупным планом. Выскочив из кабины, я скатился вправо под откос, а Захаров кинулся влево, куда-то подальше от машины. Я лежал в снегу темным кулем, словно придавленный грохотом. И каждый самолет, казалось, пикировал прямо на меня (потом проверял: это мнилось тогда почти каждому). Непроизвольно хотелось вжаться в снег, в неподатливую твердую землю.

До сих пор жива в памяти картина: горит, полыхает Черная Грязь — стена пожарища, пылает бензовоз, черные шлейфы дыма тянутся в белесое небо, где-то в стороне Химок бухают наши зенитки. Было, правда, тогда у меня еще одно острое чувство — как бы не загорелась и наша машина, открыто темневшая на дороге: ведь в ней два рулона бумаги — бесценный груз! Молил, только бы уцелела, только бы пронесло. Но не пронесло. Очередной самолет с пике врезал по ней очередью зажигательных пуль, и она вспыхнула. Пожалуй, самое горькое чувство на войне, когда нельзя ничего поделать, невозможно помочь… Потом все стихло, только трещали в огне дома и дымили на дороге горящие машины. Пошел искать Захарова. И то, что увидел по ту сторону дороги, ближе к горящим домам, описать невозможно. На белом снегу среди черных воронок лежали тела убитых. Только три цвета были перед глазами — белый, черный и кроваво-красный. Трупа Захарова не нашел. Он погиб не от пули, а от взрыва. В стороне от воронки поднял его серую окровавленную ушанку со звездочкой: был уверен точно — это его…

Знаю, что останки для могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены были взяты на сорок первом километре близ Ленинградского шоссе. Может, кто-то из нашей 7-й гвардейской?..

На следующий день утром мы все-таки сделали очередной номер газеты, напечатали на бумаге, взятой в Химкинской районной типографии, и Михаил Каган, наш редактор, решил сам доставить часть тиража газеты на передовую. Помню, мы прощались с ним во дворе дома, того самого старого дома, что единственным остался сейчас. Лицо, побитое оспинами, не румяное, а, скорее, обветренное. На прощание он дал мне распоряжение пополнить запасы бензина и, улыбнувшись, по-штатски взмахнул рукой, хлопнул дверцей кабины. Провожая старшего политрука, не думал, что вижу его в это синее бессолнечное утро в последний раз…

Как многократно уже мысленно повторено это словосочетание: «Не думал, что вижу в последний раз» — так оно, к несчастью, и случалось. И не однажды. Миша Каган ни в этот день, ни позже в редакцию не вернулся. Более того, последующие номера «Ворошиловского залпа» были подписаны: «За редактора политрук И. Стаднюк»…

При очередном моем выходе на передовую «за материалом» саперы, охранявшие минное поле на Ленинградском шоссе и по его обочинам, рассказали мне о виденном: наша машина где-то за Ржавками проокочила передний край, не заметив «маяков» (линия фронта за ночь опять придвинулась), въехала в расположение противника. Не сразу гитлеровцы ударили по полуторке из противотанковой пушки: дали ей углубиться, приблизиться. Затем было два выстрела. Миша Каган и шофер Залетнов успели, очевидно, понять, что попали к врагу. О чем они подумали в последнюю минуту? Какие слова произнесли? Или их жизни оборвались с первым залпом, со взрывом? Не знаю. И ответа на это не будет.

Образ старшего политрука Михаила Кагана, черты его характера и внешности я воскресил в романе «Война» в образе редактора дивизионной газеты Михаила Казанского, и мне этот образ особенно близок и дорог.

О Московской битве можно и нужно писать подробно и тщательно, не упуская ничего. Как, впрочем, и о других битвах. Но эта наша победа близ столицы была для Красной Армии, для страны, для народа решающей.

Не отдали Москву.

Борис БУРКОВ. «КОМСОМОЛКА» НА ФРОНТЕ

Хорошо помню день 22 июня 1941 года. Да может ли кто-нибудь его забыть? Очень ветрено, тревожно и шумно было в то воскресенье в Москве.

У Белорусского вокзала, на улице Горького, нас встретил Василий Иванович Лебедев-Кумач. Он жил в доме напротив аптеки (сейчас это дом № 64, здесь висит мемориальная доска).

— Посмотрите, ребята, словно развороченный муравейник, — громко, как на митинге, сказал поэт, обводя руками улицу, привокзальную площадь.

— Василий Иванович, мы торопимся, мы спешим, — сообщил я ему.

— А я с вами, я тоже бегу к вам. — Василий Иванович взял под руку Толю Финогенова. Василий Коротеев сам взял под руку нашего давнего автора.

Мы спешили. Зная, что в редакции соберется почти весь коллектив, решили провести собрание, правда, совсем не предполагая, каким оно будет.

В коридорах, по комнатам редакции люди собирались группами, чувствовалось, что они не могли быть в одиночку, тянулись друг к другу. Лишь некоторые ходили как неприкаянные из угла в угол, от группы к группе — крайне встревоженные, растерянные.

Вскоре работники аппарата редакции и собкоры (они прибыли еще три дня назад на совещание) собрались в Голубом зале. Но никаких речей не было. В больших и малых группах шли свои митинги: что-то выясняли, что-то намечали и, конечно, о чем-то вспоминали. Потом у каждого определялись свои обязанности, каждый уходил по своим делам. Собкоры прощались, они уезжали домой.

Борис Иванов, сотрудник военно-физкультурного отдела, успел сбегать в типографию и узнать о выпуске экстренного номера «Правды». Нам выйти не разрешили. Макс Чернин, заместитель ответственного секретаря, предложил примерно определить номер на 24 июня.

В зале послышались шутки, остроты, в чем большим мастером был редактор газеты Николай Данилов. Могло показаться, что ничего не случилось. Но стоило внимательнее присмотреться к собравшимся, посмотреть им в глаза, и ты понимал: все они — не вчерашние люди, они уже другие —

душевно мобилизованные, а юмор в тот день — это, мне думается, было как средство защиты от уныния и растерянности.

— Кто из нас где будет воевать, покажут ближайшие дни, — сказал Николай, — военкоматы и ЦК комсомола распорядятся. А пока — все по-старому: делаем номер. Наш начальник штаба на месте. — «Начальником штаба» Николай называл меня. Я работал тогда первым заместителем редактора и одновременно — ответственным секретарем.

Многие сотрудники провели ночь в редакции, определяя следующий номер газеты. Нависшая над Родиной опасность еще больше сплачивала людей.

В комнату ко мне приходили по делу и просто поговорить. Приходили и поплакать: ребенок уехал в пионерский лагерь Белоруссии, а там бомбят…

Давида Новоплянского волновала одна мысль: как бы вернуться в Киев. Он заведовал корпунктом «Комсомолки» на Украине, не мог ни часа оставаться в Москве. Вместе с ним — его заместитель Валя Шумов.

— Ну, начальник штаба, выручай, — почти закричал стремительно ввалившийся в комнату Давид, — звони в Цекамол, пусть нас домой отправят. Билетов нет, мы были на станции. Выручай, иначе невозможно.

Оба плюхнулись на диван. Видно, набегались. Им пришлось еще побегать немало. Но с Центральным Комитетом комсомола мы созвонились, и уехали наши собкоры от нас в ту же ночь.

В ту же ночь редколлегия удовлетворила просьбу Сергея Любимова, Анатолия Финогенова, Василия Коротеева, Вячеслава Чернышева, Тараса Карельштейна послать их на фронт военными корреспондентами. Под утро, взволнованные, явились наши фотомастера Александр Гличев и Иван Шагин с обидой: как же забыли о них? И уже утром 23 июня, когда мы, немного подремав в своих кабинетах, собрались опять на заседание редколлегии, вбежал взлохмаченный Карл Непомнящий.

— Этого не может быть, — категорически заявил он, — чтобы в списках военных корреспондентов я не значился! Я — белобилетник, могут на фронт и не взять, а журналисты и в очках воюют.

Карлуша, как мы его звали, сел в кресло, снял очки и посмотрел на нас какими-то странными (плохо нас видящими), печальными глазами.

Ночью в редакцию приехали секретари ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов, Григорий Громов и секретарь Московского горкома комсомола Анатолий Пегов.

«Комсомольская правда» за 24 июня вышла в 6 часов утра. С

ее страниц звучали призывные аншлаги: «Покажем пример революционной бдительности, дисциплины и организованности!», «Храбро и мужественно сражайтесь с врагом до полной победы!».

По первому же военному номеру «Комсомолки» было ясно: не зря сидели ребята, не зря не спали! Своими советами нам помогли старые большевики Емельян Ярославский и Петр Поспелов — руководители «Правды».

В первые бессонные ночи Великой Отечественной войны мы как бы создали «модель» молодежной газеты, которую бы читали на фронте и в тылу, которая бы звала на бой, сплачивала, воспитывала, каждодневно помогала партии и народу громить врага.

У меня сохранились некоторые записи в дневнике — наметки постановления редколлегии «Какой должна быть газета». Этого постановления мы так и не приняли, но многое потом вошло в недельные и месячные редакционные планы, которые мы восстановили после декабря.

«Читатель должен знать о событиях па фронте, не отставая от фронтовых сводок». Такую запись я сделал после совещания в ЦК КПСС у А. С. Щербакова.

«Стремиться к тому, чтобы основными авторами «Комсомолки» были прежде всего сами воины фронта и тыла». Эта запись в предлагаемое решение была подсказана Василием Коротеевым и Тарасом Карельштейном.

Уже позже, в августе 1941 года, в дневнике записано: «Давать полосы писем с фронта». Это предложил Юрий Жуков, он пришел к нам 5 июля. (За годы войны в газете опубликовано 120 полос писем фронтовиков.)

«Бывать в гуще событий. Наблюдать самим. Советоваться с бывалыми людьми». «Через газету обучать молодежь военному делу. Учить распознавать вражеские самолеты, танки» (телефонный звонок Климента Ефремовича Ворошилова).

«Взять на вооружение все броское, все яркое, наглядное, зовущее». Эту запись я сделал после беседы с Емельяном Ярославским, рассказавшим мне о формах агитации в годы гражданской войны, в годы разрухи.

Посмотрите подшивку «Комсомольской правды» за первые годы войны. В газете плакаты Валериана Щеглова, Наума Лисогорского, рисунки, карикатуры Ивана Семенова, Бориса Пророкова, Кукрыниксов, других художников.

Сохраняя традиции «Комсомолки», мы условились и впредь разговаривать с читателем на ясном ему языке. Вести задушевный разговор о жизни со всеми ее трудностями и невзгодами.

Высмеивать и порицать бюрократизм. Воспевать человечность, дружбу, любовь, романтику. Поэзия пусть сопутствует молодому человеку в радостях, помогает ему в горе.

Лучшие поэты, писатели всю войну оставались верными товарищами нашей газеты. Хорошую песню «Подымайся, народ» принес в редакцию Василий Иванович Лебедев-Кумач. На другое же утро она появилась в газете. Мелодию еще не написал композитор, а песня нужна фронту: мы посоветовали петь ее на мотив «Если завтра война».

«Как бороться с зажигательными бомбами» — такой инструктаж опубликовали в помощь дружинникам, ставшим на посты.

«Что ты сделал для победы над врагом?» — спрашивала газета, обращаясь со специальной анкетой к молодым труженикам.

«Комсомолка» набирала нужный темп. А народу в редакции становилось все меньше и меньше. Более сорока сотрудников ушли на фронт. Одни из них стали корреспондентами фронтовых газет, другие пополнили ряды командиров, политработников, солдат.

Уходили на фронт и наши собкоры: из Белоруссии — Алексей Красов, из Киева — Давид Новоплянский, из Иванова — Иван Войтюк. Собкоры Иван Наганов, Владимир Лясковский, Анатолий Калинин стали военными корреспондентами «Комсомолки».

Сотрудники и собкоры газеты, призванные в действующую армию, не порывали связи с редакцией: писали корреспонденции, письма. Одним из первых прислал рассказ о летчиках «Всегда в строю» Яков Гринберг, заведующий военно-физкультурным отделом редакции, призванный во флот 23 июня. Рассказ опубликован 26 июля, а вскоре Яков погиб в Балтийском море.

24 июля записал в своем дневнике: «Наконец-то выбрался из стен редакции: пора приступить и к выполнению того, о чем договорились на заседании редколлегии. С утра опять были на местах, подвергшихся бомбежке. Где- то у Большой Садовой (название переулка не догадался записать) разрушен многоэтажный дом. На третьем этаже, в угловой комнате, каким-то чудом повисла в воздухе детская кроватка, болтается телефонная трубка, бросается в глаза веселая расцветка комнатки. Середина дома — в руинах. Слышны команды пожарников, щелчки сильной струи воды. Сплошной плач. На скверике еще молодая, но совершенно седая женщина безумно смотрит на людей. Говорят: она сегодня ночью потеряла всю семью. Эту женщину, ее горе мне не забыть никогда».

С первых же дней налета вражеских самолетов на Москву, 22

июля и в другие дни, мы с Ю. Жуковым уже совершали такие поездки по городу и, хотя каждый раз спешили то в редакцию, то в Цекамол, отлично понимали: город надо нам знать, в том числе и то, что делалось на улицах. А вот сегодня, после осмотра города, мы с Максом Черниным поехали на предприятия, где уже работали по заказам фронта.

Ежедневно приходилось встречаться с писателями, композиторами, актерами, которые помогали нам делать газету. С их помощью потом войдут в традицию редакции творческие вечера — встречи «четверги». У себя в газете, в Центральном Комитете партии, в Политуправлении Красной Армии, в специальных комсомольско-молодежных подразделениях, слушая руководителей, военных специалистов, уже побывавших в сражениях бойцов, командиров производства, молодежных вожаков, мы многое познавали. Записи в блокнотах сразу находили свое место в журналистских планах.

В эти дни приходилось редко выступать в своей газете, правда, позже, когда удавалось выезжать на фронт или в другие города, появлялись и наши корреспонденции. Да и все журналисты, работавшие в редакции, редко появлялись на страницах с собственными публикациями. Но они вели порой непосильную работу. Ночные дежурства, ответственность перед собой и читателями за каждое слово изматывали работников, а они ежедневно также стояли на постах своей пожарной дружины, тушили зажигательные бомбы, а позднее ко всем другим трудностям добавились недоедание и холод.

Делать хорошую газету — это ведь прежде всего привлечь к ней читателя как автора и советчика, прививать хороший вкус молодежи, приобщая и ее к участию в создании каждого номера. В военное время такие требования обостряются, работа осложняется. Будем справедливы к журналистам, другим сотрудникам, создававшим газету в тяжелое военное время. Они — настоящие труженики фронта, солдаты печатного слова.

Июльские и августовские ночи 1941 года частенько поднимали журналистов-пожарников на крыши. Были ночи, когда район «Правды» освещал небо на многие километры. Горело все, что могло гореть. Дымилась крыша и над «Комсомолкой». Пожар тушили сами. А типография «Правды» не прекращала работы ни на час.

Стоя у талера своей газеты, мы слышали трескотню строенных пулеметов, мощные залпы зенитных орудий, стоящих недалеко от типографии. Первые дни это страшно нервировало. Потом привыкли, тем более что после бомбы, упавшей 24 июля во двор издательства, вражеская авиация не нанесла ни одного

прицельного удара в нашем районе.

Газета выходила утром: последние сообщения Совинформбюро получали на рассвете.

Военные корреспонденты Сергей Любимов, Анатолий Финогенов, Александр Федоров, Вячеслав Чернышев писали из действующих частей Западного фронта. Но фронт приближался к Москве.

Холодало на улице. Неуютно становилось в редакции. Ветер свистел в разбитых при бомбежках окнах. Зябко было и на душе.

15 октября 1941 года первый секретарь ЦК комсомола Николай Михайлов сообщил о решении Государственного Комитета Обороны эвакуировать аппарат ЦК ВЛКСМ и других учреждений в Куйбышев. Коллектив «Комсомолки» тоже эвакуируется. На месте должна остаться самая небольшая группа. «Кто из вас будет командовать здесь?» — спросил Михайлов, смотря на меня. Мое согласие одобрили.

Как и в первый день войны, так и теперь, узнав о новости, все потянулись к Голубому залу.

— Сегодня ночью наш коллектив отбывает в основном на Куйбышев, а часть в Свердловск и Казань. На сборы вам отпускается четыре часа. В Москве остаются: Бурков, Жуков, Кравченко, Черненко, литсотрудники Черных, Костюковский, Юриков, выпускающие Костромин, Ковалев, заведующая справочно-библиотечным отделом Прибылова, стенографистка Глазова, помощник редактора Удалова и машинистка Яковлева. «Боевой бригадой» назвали нас тогда в ЦК ВЛКСМ.

Глубокой ночью, когда часы отсчитывали уже 16 октября, у подъезда редакции заканчивались последние прощания. Кто-то впихивал кого-то в переполненный грузовик. Кто-то через открытое окно машины старался передать никак не влезавшую подушку. На грузовую машину бросали тюки с книгами, подшивками газет, телогрейки, валенки. Зачем-то погрузили тумбочку и настольную лампу.

В раздевалке было пусто. Лифт не работал. На шестой этаж мы поднялись вместе с Митей Черненко. В фойе, где в наши дни стоит мемориал с фамилиями погибших в дни войны журналистов «Комсомолки», Елена Черных и Маша Удалова, стоя на подоконниках, чинили маскировку окон. Петр Юриков бежал в чью-то пустую комнату, где надсадно надрывался телефон. Звенели телефоны и в других комнатах, но трубку никто не брал.

Из стенографического бюро по затихшему коридору несся басовитый голос Сергея Любимова: «Будем драться за Москву до последней капли крови». Эти слова мы прочитали в завтрашней газете.

Без преувеличения можно сказать, что этой ночи не забыть до последнего дня своей жизни. Никак не хотелось верить, что враг уже у твоего дома. Невыносимая обида сжимала грудь. Я долго сидел один в огромном кабинете. Потом зашел Алеша Сурков. Он оставил стихотворение, где были такие строки:

Мы грудью Отчизну свою прикрыли,
Враги не пройдут к Москве.

Конечно не пройдут! Стало легче на сердце. Договорился с Любимовым на днях поехать на фронт. Разрешение лежало у меня в кармане: батальонный комиссар Борис Бурков — военный корреспондент «Комсомольской правды» на Западном фронте.

Не сразу удалось выехать. Работали почти двадцать четыре часа в сутки. Организационно все было ясно: Бурков — редактор, Жуков — заведующий отделом фронта, Кравченко — заведующий отделом тыла, Черненко — ответственный секретарь, Петр Юриков (ему помогает Черных) возглавляет отдел писем, Костюковский — собкор и спецкор.

Мария Глазова принимала по телефону корреспонденции, очерки наших военных корреспондентов, собкоров из областей. Присылали или приносили свои произведения писатели. Звонили телефоны. Активисты газеты сообщали о делах на заводах, в комсомольских организациях. Нужно было выезжать на предприятия. Отвечать на письма. А поздно вечером читать сверстанные полосы газеты.

В те тяжелейшие дни я восхищался окружавшими меня людьми. Казалось, каждый из них обладал бесценным даром — делать человеку добро, порой забывать себя ради других.

Приведу запись из дневника за 22 октября. «В 24 часа — партийное собрание. Мое сообщение о задачах газеты. Решили полностью перейти в редакцию — на казарменное положение. Приняли в партию Марусю Удалову. За окном вовсю бухают пушки. Собрание кончили в 1 час 30 минут».

Москва на осадном положении. Предупредили: в крайнем случае выезжать на Горький. Мне вручили пропуск на автомашину, в ней уже стояла большая бочка с бензином: заправки, мол, в дороге не будет. Все необходимые вещи уложены в рюкзак. Такая подготовка не внушала большого оптимизма, но и не вызывала уныния. В газету шли хорошие патриотические письма. Стар и млад не верил, что враг будет в Москве. Алексей Толстой написал нам статью «Москве угрожает враг». Евгений Воробьев, долго работавший в «Комсомольской правде», ставший корреспондентом фронтовой газеты, писал нам в эти трудные

дни:

«Лицо столицы не озаряется сегодня веселой улыбкой. Оно строго, исполнено уверенности и решимости. Вместе со всеми бойцами стоит на своем посту Москва. Город сжимает в руках винтовку. Он стоит настороженный, уверенный в своих силах». Этим словам мы, делающие молодежную газету, твердо верили.

И опять строчки из дневника… В районе Можайска мы с Сергеем Любимовым провели весь день до глубокой ночи. На обратном пути нашу машину водитель Миша Сидорчук (он еще работает в гараже издательства «Правды») умело отвел от бомбовых ударов вражеского самолета. При въезде в Москву, около Волынского, были свидетелями, как прожектористы передавали друг другу фашистский бомбардировщик, подводя его под меткий огонь зенитчиков. Под громкое ликование нас и всех тех, кто наблюдал за этой захватывающей картиной, бомбардировщик рухнул где-то на землю.

За общей подписью — Сергея и моей — в «Комсомолке» появилась корреспонденция «Вчера под Можайском».

Газета набирала силы, становилась все интереснее и публицистически острее. Появился актив среди фронтовиков. Оперативнее стали действовать и наши военные корреспонденты.

С Южного фронта Михаил Котов и Владимир Лясковский рассказали читателям, как молодые воины, преодолевая «танкобоязнь», выводили из строя немецкие танки Клейста. На фронте возникло движение смелых воинов, сокрушавших бутылками с зажигательной смесью и противотанковыми ружьями вражеские машины.

Развивая это движение, «Комсомолка» показывала героев битвы с танками на разных фронтах. Много писали и наши корреспонденты, получившие телеграммы из Москвы: «Обратите внимание на бесстрашных воинов, уничтожающих немецкие танки».

Вечером 6 ноября 1941 года за мной заехали Григорий Громов и Анатолий Пегов. Пешком пошли к метро «Маяковская». На улице темь, хоть глаз выколи. До Белорусского вокзала шли по Ленинградскому шоссе — по центру. Удивительная тишина! Изредка то здесь, то там, на окраинах Москвы, появляются яркие, мощные лучи прожекторов. Они быстро гаснут. Далеко-далеко слышны артиллерийские удары. Мы идем по «крышам маленьких домиков». Их сейчас не видно. Они нарисованы на асфальте. Эти «домики» видны лишь с самолета днем: здесь камуфляжная деревня.

По улице Горького редко-редко пробежит автомашина с приглушенными темно-фиолетовыми фарами. У домов слышен

шелест праздничных флагов. Ветер все усиливается.

Несколько раз патрульные проверяли наши пропуска, освещая их слабым светом фонариков. Пучок света пробегал и по нашим лицам.

Коридоры, фойе, лестницы застывших эскалаторов станции метро «Маяковская» покрыты свежими ковровыми дорожками. В вазах — цветы. Кругом — яркий свет…

Без пяти минут 18 часов со стороны станции «Белорусская» подошел поезд. Под громкую овацию собравшихся в огромном зале метро, с его блестящими стальными колоннами, на подмостки президиума поднимаются руководители партии и правительства. Вряд ли можно когда-нибудь забыть доклад товарища Сталина!

На другое утро на заснеженной Красной площади мы еще раз слушали речь товарища Сталина и восхищались парадом войск Красной Армии, отправлявшихся с площади на фронт.

За 19 ноября 1941 года читаю в своем дневнике: «Второй день враг развивает наступление. Положение напряженное. Опять нет воздушной тревоги — это тревожно». Когда враг находился рядом, отсутствие тревоги вызывало мрачные мысли: это неспроста.

Холодный ноябрь и еще более мерзкие декабрь и январь ухудшили наши бытовые условия. Без меховых жилеток или телогреек в редакции работать было невозможно. Ночевали мы в своих комнатах. Огромный редакторский кабинет я сменил на небольшую комнатку, где стекла, разбитые и целые, были старательно утеплены шикарными зелеными бархатными портьерами мирного времени, когда-то придававшими помещению солидный вид.

В ноябре, как правило, военные корреспонденты жили тоже в редакции. На фронт мы выезжали чаще. «Комсомолка» печатала увлекательные материалы о подмосковных партизанах. Карл Непомнящий, прикомандированный к отряду особого назначения под командованием полковника Иовлева, публикует очерки «Рейд по тылам врага». За участие в рейде Непомнящий был награжден орденом Красного Знамени. Так начал войну молодой журналист, снятый с военного учета. Второй «белобилетник» (тоже по зрению) девятнадцатилетний Лев Ющенко, наш военный корреспондент на Ленинградском фронте, в те дни, переживая все невзгоды вместе с защитниками героического города на Неве, передавал в газету корреспонденции и очерки.

Особое место среди военных корреспондентов занимал Аркадий Гайдар. Первый его материал появился 8 августа 1941 года. Назывался «У переправы». Это о батальоне старшего

лейтенанта Прудникова, в атаках которого он участвовал. Он мог бы вести рассказ от первого лица, но не сделал этого. Гайдар был смелым, но скромным человеком.

В «Комсомольской правде» он появился в первые же дни войны. Писатель настойчиво добивался, сначала через военкомат, потом через редакцию и Политуправление Красной Армии, возможности уехать на фронт.

Нужно было видеть, каким он был счастливым, когда я подписал ему удостоверение военного корреспондента «Комсомольской правды». Это было 18 июля 1941 года. День был солнечный, ясный. Словно сама природа была заодно с обаятельным, ясноглазым человеком, не скрывавшим свою радость. Тогда я подарил ему командирский пояс, а позже, когда он приезжал в Москву с фронта, — охотничий кинжал. Получая, как он сказал, «дивный сувенир», Аркадий пророчески заявил: «А знаешь, Борис, он мне еще пригодится в партизанском отряде».

Гайдар рвался в бой. Его очерки всегда были результатом личной отваги. Очерк об отряде разведчиков «Ракеты и гранаты» написан после того, как он побывал в разведке, рисковал своей жизнью, прикрывая отход группы.

В газете был опубликован прекрасный рассказ Гайдара о 306-м полку. Писатель жил вместе с полком, знал многих бойцов и командиров, любил их. С ними ходил в ночную атаку.

Когда на Каневском мосту образовалась «пробка», писатель стал комендантом переправы. К моменту появления вражеских бомбардировщиков «пробка» была ликвидирована. Через несколько дней в нашей газете появляется отличный очерк «Мост». Читатель не знал, что главным героем был сам автор. Об этом потом рассказали Котов и Лясковский в книжке «Гайдар на войне».

Вслед за «Мостом» появляется его рассказ о жизни ребят в прифронтовом городе «Война и дети». Писал Гайдар и о своей любимой кавалерии. Он сражался на бронепоезде, бывал у десантников, у танкистов.

О гибели Аркадия Петровича мы узнали из радиограммы, извещавшей редакцию, что 26 октября 1941 года, сражаясь в рядах партизанского отряда, наш военный корреспондент погиб.

Украинский собкор Валерий Шумов и ставший потом нашим военным корреспондентом Александр Гуторович вместе пересекли линию фронта в начале ноября 1941 года, выбравшись из вражеского кольца вокруг Киева. В конце декабря газета опубликовала их волнующие рассказы «По дорогам Украины».

Наш военный корреспондент Ростислав Июльский и фотокорреспондент Борис Кудояров в ноябрьские дни 1941 года

порадовали читателя корреспонденцией «Ханко смеется над вами, барон». Для этого они на тральщике под огнем вражеских батарей добрались до полуострова Ханко, где героически сражались советские воины. В те дни на полуостров была сброшена листовка барона Маннергейма с призывом сдаваться в плен. Защитники Ханко ответили Маннергейму в форме письма запорожцев турецкому султану. Ответ написал ленинградский поэт Михаил Дудин, рисунки сделал художник Борис Пророков. Об этом письме и рассказали журналисты в нашей газете.

Одаренные, влюбленные в журналистику, ставшую их призванием, Анатолий Калинин, Сергей Крушинскнй, Николай Маркевич, Леонид Лось, Иван Меньшиков, Илья Котенко, другие военные корреспонденты «Комсомольской правды» в значительной степени облегчили работу небольшого московского коллектива. С такими авторами и организаторами читательского актива интересную газету можно было делать. Они были трогательно преданы своей газете.

Как тут не вспомнишь «фронтовую летучку» 9 мая 1975 года и телеграмму из хутора Пухляковского: «Задержано доставкой на тридцать лет. Дорогая «Комсомолка» в пороховой шинели, прими низкий поклон от навсегда очарованного тобой и до конца дней своих твоего военного корреспондента Анатолия Калинина».

У меня в кабинете и в отделе фронта висели карты Московской области. Корреспонденты Западного фронта часто передвигали эти флажки, возвратившись с фронта поздно ночью. Эта карта, уже изрядно помятая и изрешеченная булавками, хранится у меня как реликвия тяжелых и романтических дней.

Вот еще одна запись из дневника: «Первое декабря. В редакции очень холодно. Стынут руки. Приходится часто бегать в секретариат за горячей водой: сам согреваешься, а прежде всего — руки. Бог ты мой! Толя Финогенов привез с фронта сухари, Саша Федоров — бутылку водки: говорит — фронтовой паек. Послал за Силычем, он ведь наш парторг, без его участия «неприлично» прикладываться к фронтовому пайку.

Пока Саша бегал за Кравченко, Анатолий передвинул флажок где-то совсем рядом с Москвой, у деревни Крюково…

Неприятно за окном воет ветер… Жутко!.. Крюково!

Вспомнил: забыл на днях сделать запись о встрече со своим старшим братом — Николаем. Это было, видимо, 25–26 ноября. Он позвонил мне по телефону из Тушино. Туда прибыла их часть. Я поехал к нему на машине с Мишей Сидорчуком. Часть, где Николай был командиром расчета противотанковых орудий, уходила к деревне Крюково. Вот тебе и Крюково! Попрощались с братом. Он вчера вступил в партию. Надел свой орден Красного

Знамени, полученный еще в 1921 году за Кронштадт.

Принесли сразу две полосы. Потом допишу…»

Но потом… записи в дневнике оборвались.

Ночью 5 декабря получили очередную сводку по телетайпу: советские войска перешли в наступление. Сообщил об этом Николаю Михайлову. Решили завтра утром махнуть в район Волоколамска. С нами поехали Сергей Любимов и Иван Шагин.

Сохранились фотографии: у остатков машины стоим мы вместе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Вид у всех не очень оптимистический. Снимок сделан у деревни Чернушки (41 километр от Москвы). Эта машина, на остатки которой мы смотрим, была грузовой. Шла она перед нашими машинами. Впереди образовалась «пробка», она-то и оказалась хорошим ориентиром для вражеских самолетов. Небольшие бомбы, падая плашмя, быстро вращались. Одна из них зацепилась за колесо грузовика. Еще до взрыва мы плотно лежали в придорожной канаве… Все обошлось благополучно.

6 декабря «Комсомолка» сообщает: «Контратаки советских войск». «Тяжелые потери немцев под Москвой». Газета призывает: «Безжалостно истребляй фашистских псов!», «Воздадим сторицей гитлеровским злодеям за все их преступления!»

Рюкзаки, приготовленные «на крайний случай», распакованы. Теперь уж наверняка пропуск на Горький не понадобится.

В редакцию пришел полковник Иовлев, он только что вернулся из очередного рейда по тылам противника. Поблагодарил за корреспонденции о делах его отряда, рассказал о настроении советских людей, оказавшихся на оккупированной территории: люди ждут Красную Армию, помогают ей.

Вскоре мы пригласили молодого партизанского командира, Героя Советского Союза Илью Кузина. Опубликовали его рассказы о народных мстителях Подмосковья.

14 декабря мы были в частях, осаждавших город Клин. Пятнадцатого утром Клин стал нашим. На другой день с фотокорреспондентом Гличевым могли убедиться, во что враги превратили Дом-музей Петра Ильича Чайковского. Мой очерк назывался «Вчера в Клину».

Поскольку к концу декабря вернулись некоторые работники из Куйбышева, появилась возможность чаще выезжать за пределы столицы. В канун нового года от подъезда редакции отъехал белый крытый фургон. В утепленном железной печкой кузове кроме автора этих строк были Николай Романов — секретарь ЦК комсомола, заведующий отделом — Сергей Пушнов. Фургон держал путь на Тулу, затем в Калугу, Узловую, Ефремов, Елец, Воронеж.

С пути по телефону я передавал информацию о новогодней елке в Туле, о совещании учителей в Узловой, об освобожденной Калуге…

«Морозная лунная ночь. Искрятся суровые заснеженные поля. Такие минуты сохранены как бы для воспоминаний о недавнем прошлом, о мирном пейзаже этих живописных мест… Где-то вдали беспрерывно бьют наши артиллерийские батареи. Совсем близко стреляют зенитки. Приглушенный смех и голоса людей, работающих по восстановлению разрушенных мостов — среди общего неясного шума машин, повозок, подходящих частей». Так начиналась моя корреспонденция из Калуги. Строчки эти воскрешают в памяти такие далекие и такие близкие события.

В январе — феврале 1942 года «Комсомолка» восстанавливает свои многие довоенные отделы, сохраняя самым главным, ведущим отдел фронта. Жизнь редакции относительно нормализуется в тех пределах, в каких позволяли условия войны.

При секретариате был создан отдел, занимающийся выездными редакциями. Большую работу в этом отделе вели Валентин Китаин, Рафаил Депсамес, Семен Нариньяни, Тоня Целикова, Камиль Деветьяров, Маша Барышева. Наши выездные редакции были и у партизан.

Редакционные статьи о бессмертии Лизы Чайкиной и юного партизана Саши Чекалина, очерк Сергея Любимова о подвиге Зои Космодемьянской, поэма «Зоя» Маргариты Алигер, стихи Лебедева-Кумача о Николае Гастелло — эти выступления «Комсомолки» отмечали конец 1941 года и начало 1942 года.

«Из всех уголков земного шара видны наши костры» — так выразил рост сопротивления советского народа врагу Сергей Крушинский в своей корреспонденции тех дней. Анатолий Калинин и Борис Вакулин в очерке «Казаки» раскрыли душу советских патриотов, мстящих за свою Родину.

Как уже говорилось, в первые же месяцы войны в редакцию из старой ее когорты вернулись Юрий Жуков, Митя Черненко, Семен Нариньяни. А Елена Кононенко, хотя и не была в нашем штате, частенько выступала в «Комсомолке». Ее очерк «О любви», опубликованный в марте 1942 года, издательство «Правды» выпустило отдельной книжкой, а политуправление Северо-Западного фронта отправило этот очерк в свои войска и партизанские отряды в виде листовок тиражом 300 тысяч экземпляров.

Летом 1942 года у Северного Донца, когда шли тяжелые бои под Харьковом, погиб наш военный корреспондент Иван Наганов. За несколько дней до гибели он побывал в Москве, вернувшись из осажденного Севастополя. Круглолицый, плотный, всегда

жизнерадостный моряк повстречался с коллективом редакции, а через несколько часов был уже на фронте. В том же бою погиб журналист старой когорты «Комсомолки», а в ту пору военкор «Красной звезды» Михаил Розенфельд.

К нам пришло пополнение. Солдат Александр Андреев после ранения лежал в госпитале. Он много читал, много знал, кое-что записывал в записную книжку. Его письмо в «Комсомольскую правду» было опубликовано 15 сентября 1942 года и многое решило в его судьбе: Саша стал офицером, талантливым журналистом, писателем. Письмо называлось «Тем, кто остался в тылу». Обращаясь к ним, автор писал: «Помните: вы вместе с нами отвечаете за победу над врагами».

За первым письмом пошли другие, такие же взволнованные, искренние. Каждое выступление Андреева вызывало много откликов. На одно из них «Комсомолка» получила более шести тысяч читательских писем.

О своем первом редакционном задании сам он рассказывал так.

«Моим крещением, когда я пришел в «Комсомольскую правду», была командировка с парашютным десантом в тыл врага. Я никогда до этого не летал на самолете и не прыгал с парашютом. Приехал в Лебедин, откуда стартовала десантная бригада. Наши части тогда уже подходили к Днепру. Десантники сразу догадались, что это будет первый мой ночной боевой полет, и стали учить меня, как прыгать, как держать ноги, как держать руки, как потом освободиться от парашюта и так далее. Полетели. Когда прозвучала команда «Пошел», мне стало страшно, как бы не остаться в самолете. Приземлился я довольно удачно… Когда мы собрались, нас было восемнадцать человек, старшим по званию оказался я, и мне пришлось брать на себя командование…»

В тылу врага военный корреспондент «Комсомольской правды» пробыл двадцать восемь дней и написал очерки о десантниках.

1943 год наши войска начали с побед. Александр Гуторович 27 января сообщил в газету о разгроме немцев в Сталинграде; Ольга Берггольц делилась с читателями своими радостями о прорыве блокады; Анатолий Калинин известил: «Ставрополь взят!»

Большая корреспонденция нашего военкора А. Карташева (так подписывался Тарас Карельштейн) рассказала о подвиге Александра Матросова. Передовая статья, полоса, письма фронтовиков славили бессмертие героя.

В августе 1943 года редакция получила несколько очерков от своего специального корреспондента Ольги Чечеткиной из

Клетнянских лесов Орловщины, где она была у партизан. Ольга, как всегда, писала увлеченно, страстно, правдиво, воссоздавая боевую жизнь народных мстителей.

Накануне решающих схваток с врагом в районе Курска и Орла в начале июля 1943 года редакция газеты направляет туда группу своих военных корреспондентов, возглавляемую Юрием Жуковым. Среди них Алексей Башкиров (в наши дни — известный писатель Алексей Филиппович Талвер), Карл Непомнящий, Лев Ющенко, Владимир Лясковский, Тарас Карельштейн, Александр Гуторович.

В эти недели немало появилось хорошо задуманных, иллюстрированных полос газеты, где фронтовики оказывались главными авторами.

И, конечно, среди авторов, как и всегда, советские писатели Константин Симонов, Вадим Кожевников, поэты Евгений Долматовский, В. И. Лебедев-Кумач, Демьян Бедный.

Из-под Брянска Алексей Сурков писал:
Совершится наша мечта сокровенная…
А сегодня, маршем на Запад пыля.
Мы целуем тебя, живая, нетленная.
Наша дедовская Земля.

14 сентября 1943 года «Комсомольская правда» рассказала о деятельности подпольной молодежной организации «Молодая гвардия» в Донбассе.

Статья Василия Костенко, секретаря ЦК комсомола Украины, очерк редакционных журналистов, документы «Молодой гвардии» (листовки, дневники, фотографии, надписи на стенах тюрьмы, где были заключены герои) показали народу подвиг юношей и девушек, смело вставших на борьбу с врагом. Страна узнала Олега Кошевого, Ульяну Громову, Сергея Тюленина, Любовь Шевцову, Ивана Земнухова и их товарищей.

А в 1945 году в шестидесяти трех номерах нашей газеты был опубликован роман А. Фадеева «Молодая гвардия».

Конечно, самые яркие страницы в истории отношений «Комсомольской правды» и Александра Фадеева связаны с публикацией его «Молодой гвардии», но он немало выступал в газете и на другие темы. Например, летом 1942 года Фадеев был в Ленинграде. Потом он делился своими впечатлениями о мужественных людях города с читателями газеты. Зарисовки «Дети героического города» взволновали многих.

Мы любили Александра Александровича за его теплоту, простоту, дружелюбие, за его острый ум, стремительность, всегда

искрящиеся глаза. Он был удивительно человечным. Я видел, как он плакал. Было это 10 мая 1943 года, когда он рассказывал нам о Ленинграде, о ленинградском мальчике по имени Ларик.

Ларик пришел в детский дом на второй день после смерти матери. Совсем маленький, но сразу повзрослевший человек втайне хранил мамину пудреницу, прикрепив ее на тесьму как медальон. Он никогда и нигде не расставался с ним. И никто об этом не знал. Ларик всегда был как бы с мамой. Но однажды в бане воспитательница увидела медальон: мальчик пытался куда-нибудь спрятать дорогую для него вещь. Ларик, заметив взгляд воспитательницы, растерялся и раскрыл ей свою тайну.

— Это у меня моя мама, я берегу ее, — шепотом сказал он.

Судьбу детей войны Александр Александрович переживал как очень большое горе.

Всю войну писатели, поэты, композиторы, художники были друзьями «Комсомолки». Без них не могло быть боевой, яркой газеты.

«Комсомольская правда» многое делала, чтобы подружить своих читателей с поэзией, песней. В первые же месяцы войны появились песни Лебедева-Кумача, в начале 1942 года — фронтовая песенка Ильи Френкеля «Давай закурим».

В ноябре 1941 года в небольшой прифронтовой деревушке Подмосковья, где с автоматом в руках сражался поэт Алексей Сурков, он написал стихотворение «В землянке».

Однажды он ввалился в кабинет редактора «Комсомолки» в грязной шинели, с вещевым мешком за спиной. Деликатный Алеша извинился за такой, как он сказал, «непоэтический» вид.

В огромном и зябком кабинете он прочитал это стихотворение. По нашей просьбе прочитал еще раз. Все как бы оцепенели. Жуткая тишина… Вдруг завыли сирены тревоги. Никто не тронулся с места. Алексей, теперь уже по своей инициативе, читает стихи в третий раз.

Дружно и настойчиво просили Алешу дать «В землянке» для нашей газеты, но автор категорически отказал, сказав, что не только не даст для публикации, но и не оставит текст. Оказывается, стихи не всем понравились. Кое- кого пугала строка «А до смерти четыре шага». Положение на фронте было тяжелое, и не всякий хотел слышать стихи о переживаниях, тем более когда «до смерти четыре шага».

В начале декабря, после разгрома врага под Москвой, Алексей Сурков заезжал в редакцию и оставил текст «В землянке», предупредив: «Пока не давать».

Мы знали, что сурковская лирика и без публикации пошла по фронту: из уст в уста, из души в душу, из сердца в сердце.

25 марта 1942 года «Комсомолка» опубликовала текст «В землянке» и ноты Константина Листова. Она стала песней миллионов.

В один из «четвергов» Алексей Сурков и композитор Борис Мокроусов подарили фронтовикам «Песню защитников Москвы».

Через несколько дней Сурков привез «Песню о двадцати восьми».

Своим человеком в коллективе «Комсомолки» был в годы войны и Константин Симонов. Редакция «Красной звезды» первые месяцы войны находилась тоже в здании «Правды», и каждый раз, возвращаясь с фронта, Костя обязательно забегал к нам: всегда энергичный, радушный, обязательный, дружески настроенный. Почему-то он мне больше всего запомнился в новой, хорошо облегавшей фигуру военной гимнастерке и меховом офицерском жилете.

Вместе с Матвеем Блантером в апреле 1942 года он принес нам песню «Жди меня». Газета публиковала и другие стихи поэта.

Мы с благодарностью вспоминаем писателей, так много сделавших для «Комсомолки». Часто на помощь газете приходил Борис Полевой.

Ленинградские очерки Константина Федина «Победители на Невском», «Живые стены», «Ленинградцы», его рассказ «Сапер» нашли горячий отклик у читателей газеты.

Илья Эренбург в очерках «Гордость», «Истоки героики» показал образ советских девушек — скромных, чистых, бесстрашных.

Редакция получала тысячи писем с признательностью Борису Горбатову за его повесть «Непокоренные» («Семья Тараса»), опубликованную в пятнадцати номерах газеты.

Рассказ Вадима Кожевникова «Март — апрель», помещенный в трех сентябрьских газетах за 1942 год, стал классикой фронтовых будней Великой Отечественной войны.

В том же году впервые появилась замечательная поэма Ольги Берггольц «Февральский дневник».

А разве можно забыть поэмы нашего военкора Михаила Светлова «Двадцать восемь», «Лиза Чайкина»? Поэмы Павла Антокольского «Сын», «Баллада неуловимых»?

Саша Безыменский осенью 1942 года принес поэму «Ивашка» о трагедии несмышленого мальчишки, решившего камнем сбить вражеский самолет.

Самуил Маршак писал нам стихи всю войну, иногда диктовал их по телефону, комментируя «В последний час».

Александр Твардовский в феврале 1945 года прислал нам поэму «Грозен счет, страшна расплата».

Большой успех имели басни Сергея Михалкова с рисунками Ивана Семенова.

В мае 1943 года произошел такой боевой эпизод: ночью, заманив карательный отряд в Брянские леса, партизаны умело вышли из боя, подставив противника под удары своих же войск. Демьян Бедный, который дружил с газетой, принес сатирические стихи «Партизанские орлы и фашистские ослы». Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко позвонил мне по телефону и сообщил, что эти стихи Демьяна Бедного с карикатурами Кукрыниксов будут изданы для партизан отдельными листовками.

Появление в газете в начале 1944 года «Литературных страниц», с 3 июня 1944 года нового раздела «На досуге» говорило о том, что редакция начинала жить полнокровной жизнью.

Читаешь в наши дни архивные страницы «Комсомольской правды» и чувствуешь влюбленность журналистов в свое дело, их душевность, их желание дойти до сердца читателей.

Возьмем хотя бы только один аншлаг начала 1944 года: «Слышишь, Киев, Нежин — наш!» Может быть, это субъективное восприятие, но я знаю многих читателей, почувствовавших притягательность этих слов.

В этой связи хотелось бы обратиться к стихам Вероники Тушновой, часто выступавшей на наших страницах:

Победа близится… Она
Неудержима, словно ветер,
И неизбежна, как весна.

Строки эти напечатаны в мае 1944 года, а через год другие поэты скажут:

Павел Антокольский:

…Германия! Ты слышишь стук приклада
В твои ворота? Суд идет. Вставай!

Михаил Исаковский:

…Скоро, скоро приказ о победе услышат
В каждом городе, в каждом селе.
Емельян Буков посвящает Победе:
Я ждал тебя.
Не как влюбленный

Подругу ждет: придет ли, нет?
Я ждал тебя, как сад бессонный
Ждет на заре, чтоб хлынул свет.

В дни Великой Победы газета печатала особенно много стихов. Своей радостью, радостью всего народа делились Александр Твардовский, Александр Безыменский, Николай Грибачев, Анатолий Софронов, Владимир Сосюра, Павло Тычина, Александр Яшин, Агния Барто, Соломен Нерис, Семен Гудзенко, Николай Рыленков, Вера Инбер, Маргарита Алигер, Михаил Дудин, Александр Жаров, Семен Кирсанов, Джамбул, другие поэты.

Алексей Сурков писал:

Воздух наш очистила гроза,
Полон мир цветеньем молодым.
Будущему нашему в глаза
Мы открыто, радостно глядим.

Каждый этап Великой Отечественной войны требовал от редакции новых и новых усилий. Газета выдержала сложные испытания. Об этом свидетельствуют миллионы читателей. Об этом свидетельствует орден Отечественной войны на знамени «Комсомольской правды».

Имена журналистов «Комсомольской правды», погибших в годы войны, занесены на Доску мемориала редакции:

Иван Войтюк
Аркадий Гайдар
Виталий Гордлевский
Яков Гринберг
Борис Иваницкий
Лилия Карастоянова
Виктор Кривоиогов
Михаил Луцкий
Леонид Лось
Иван Меньшиков
Николай Маркевич
Иван Наганов
Михаил Розенфельд
Александр Слепянов
Владимир Чесноков
Лазарь Шапиро

Почти через четверть века после войны, в августе 1968 года, в

Чехословакии погиб Карл Непомнящий. В разные годы ушли от нас Александр Андреев, Илья Котенко, Валерин Шумов, Александр Гуторович, Сергей Любимов, Николай Зотов. Все они были военными корреспондентами, многое изведали и многое сделали для своей газеты, для советской печати. Их имена сохранит история.

Борис КОТЕЛЬНИКОВ. НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ

Назойливый гул самолетов прогнал сон. Что это? Ах, да! Мепя предупреждали: «В четыре утра вас непременно разбудят самолеты».

Журнал «На суше и на море», где я работал ответственным редактором, решил посвятить номер первой годовщине добровольного вступления Прибалтийских республик в состав Советского Союза. За материалом я отправился по маршруту Вильнюс — Каунас — Рига — Таллин. 22 июня я был в Каунасе, где спортсмены Литвы готовились к традиционному Всесоюзному параду физкультурников на Красной площади в Москве.

Но в то раннее утро мой сон прервали не советские летчики, совершавшие учебные полеты, а фашистские бомбардировщики…

В Москве меня ждала верстка шестого номера журнала. Подписал его в печать, а вот следующий в пабор сдавать не стал: не время для журнала, посвященного туризму и альпинизму. 6 июля подал в партийную организацию издательства «Физкультура и спорт» заявление о желании вступить в ряды народного ополчения. Другой возможности попасть на фронт у меня не было: в паспорте значилось: «Снят с воинского учета по болезни». В народное же ополчение принимали без ограничений.

Уже 13 июля, вечером, наша 4-я дивизия народного ополчения Куйбышевского района Москвы (на фронте преобразованная в 110-ю стрелковую дивизию) на машинах выехала на запад. Так я стал рядовым пулеметной роты 3-го батальона 3-го полка. Выгрузились ночью где-то в лесу под Вязьмой, а утром направились проселками к фронту. Шагали с любимой песней про Катюшу. Эта лирическая, мирного времени песня стала для нас походной, боевой.

Со Смоленщины дивизию перебросили к Валдаю. Лесными дорогами пришли к Селигеру. На западном берегу притаился враг. Наш взвод обороняет высоту, что уперлась в северный берег Селигера. На вершине — сложенная из красного кирпича двухэтажная школа. Вокруг деревянные дома, покинутые рабочими совхоза «Коммуна». За поселком, к северу, до следующего озера тянется траншея, в ней — стрелки. В ночь на 27 сентября приняли первый бой…

Война по-своему распорядилась моей судьбой: был направлен во Ржев на курсы младших политруков 31-й армии. Но учиться не пришлось — началось наступление фашистских войск на Москву.

Курсанты, сведенные в коммунистическую роту, последними оставили город. Туристские навыки, сноровка помогли мне вывести шестнадцать курсантов в расположение политотдела армии. Через несколько дней нас направили как пополнение в отдельную 133-ю стрелковую дивизию.

Дивизия на фронт прибыла в июле и все время — в боях. Сейчас она сражалась на окраине Калинина. Политотдел располагался в деревне Рылово. На улице нас встретил высокий, плечистый старший политрук в ладно пригнанной шинели — С. В. Зельманов. По списку стал выкликать прибывших. Дойдя до меня, объявил: вам присвоено звание политрука, назначаетесь инструктором-литератором дивизионной газеты «Защита Родины».

Нашел избу, где жили газетчики. Меня уже ждали ответственный секретарь газеты младший политрук Павел Хизев и печатник ефрейтор Никита Нежумиря.

Хизев встретил меня вопросом:

— Нужно ли для дивизионки составлять макет?

— Думаю, необходимо, — отвечаю. — Макет дисциплинирует работу над номером: заметки и статьи будут писать нужного размера и точно в срок…

Замечаю интерес к моим рассуждениям. Наборщики Игорь Лукьянов и Виктор Шевченко перестали звякать буквами в верстатках, одобрительно переглянулись. Хизев, скрывая довольную улыбку, пуще прежнего задымил самокруткой.

— Товарищ политрук, а не составили бы вы сейчас примерный макет? — и печатник пододвинул лист писчей бумаги и номер «Защиты Родины». Так познакомился с дивизионной газетой. Двухполоска, пятиколонная верстка.

Подумав, рисую аншлаг на всю полосу. Передовую — в одну колонку. Симметрично ей пятая колонка вытягивается из двух заметок, над которыми — клише. В центре внизу оперативная зарисовка. Над ней — подборка заметок о боевых делах подразделений.

Мои предложения понравились.

Поскольку вторая полоса уже версталась, я не стал рисовать свой вариант макета, сказав: «Подождем следующего номера».

Редактор старший политрук Т. Трегубенко одобрил макет.

— Но у нас нет зарисовки, — спохватился он.

— Разрешите, утром схожу за ней.

— Так-то оно так… Но вы еще не обмундированы…

Действительно, вид у меня неказистый: вместо шинелей ополченцы получили куртки, подобные тем, в каких ныне работают солдаты-строители. На ногах, естественно, ботинки и

черные обмотки. Личное оружие — винтовка.

— А что, если вам к артиллеристам? — вставил политрук Григорий Кац. — Поблизости батарея стоит, хорошо бьет фашистов.

— Я провожу, — поддержал Никита Нежумиря.

— Ну разве что так, — согласился редактор.

Побывал я у артиллеристов на передовой, а затем — в батальоне капитана А. Ф. Чайковского. Пришел туда «при параде»: в полушубке, сапогах, ушанке.

Читая центральные газеты, обратил внимание на фронтовые полосы «Комсомольской правды». Они делались в основном из писем с места боев и подавались броско. А почему бы мне не написать о ратных делах нашей дивизии? И написал.

В номере за 18 ноября 1941 года через всю третью полосу «Комсомолка» дала в две строки шапку: «Уничтожай фашистов без пощады! Народ благословляет тебя, воин, на священную истребительную войну!» Под шапкой на первых двух колонках — мое письмо из действующей армии: «Уличные бои в Калинине». В письме рассказывалось о храбрых и умелых действиях стрелков, разведчиков, артиллеристов в специфических условиях большого города.

Это была первая корреспонденция, рассказывающая о нашей дивизии в центральной прессе. Ее стали находить однополчане, вышедшие из госпиталей. Так нашел к нам дорогу старший политрук М. Д. Холод. Благодаря публикации меня нашла мать, эвакуированная в Татарию.

Фронтовые полосы в «Комсомолке» делались не только броско, но и оперативно. В моем архиве сохранилось письмо заведующего отделом фронта редакции Юрия Жукова. Оно начиналось так: «Ваше письмо от 7 ноября получил сегодня, 17-го. Постараюсь дать в номер». Как видите, и дал в номер! Дальше Юрий Александрович просил: «Пишите еще. Первоочередные темы» (шло перечисление). И снова забота об оперативности: «Старайтесь передавать копию материала с оказией, чаще всего оказия доставляет письма быстрее, чем почта».

К сожалению, из дивизии переднего края оказии не было. И я посылал Ю. Жукову материал через полевую почту. Нашу дивизию, находившуюся в резерве Ставки, часто перебрасывали на критические участки боевых действий. Так случилось и в конце ноября, когда на правом фланге Западного фронта противник прорвал оборону, пытаясь открыть себе путь на нашу столицу с севера.

На сбор в путь у редакции ушло меньше часа. Каждый знал, что ему делать, все работали дружно. Наборщики и водитель С.

Трушечкин перенесли в крытую брезентом полуторку кассы со шрифтом, вставляя их в строгом порядке в реалы. В ту же машину погрузили запас бумаги, краску. Сюда же по трапу вкатили движок «Л-15», который приводил в действие «американку» и давал свет. Другая полуторка, где стояла печатная машина, была утеплена: обшита тесом, имела железную печку, которая топилась и на ходу. Печатный «цех» в дорогу снаряжали Н. Нежумиря и И. Тимофеев. В этой машине ехали почти все, ведь стоял собачий холод.

На вторые сутки миновали Большую Волгу, вошли в городок текстильщиков Яхрому. Отсюда повернули на Солнечногорск. Едва колонна проследовала село Ольгово, как в Яхрому ворвались фашистские танки. Противник сумел настичь наши тылы, но был отбит… Дивизия вошла в боевые порядки 16-й армии, которой командовал генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Он поставил сибирякам задачу преградить вражеским танкам путь на Рогачевское шоссе. В деревушке Федоровка разместился штаб дивизии. Тут же — редакция «Защиты Родины».

В Федоровке сразу же наладили выпуск газеты. Как и полагалось, раз в два дня в роты и на батареи доставлялась «Защита Родины». Других газет мы не получали: ушедшая на армейский пункт связи машина нашей полевой почтовой станции № 282 не смогла вернуться: куда ни ткнется — везде враг. Дивизия и ее боевые соседи бились с оккупантами почти в окружении. Замолчала дивизионная рация — сели батареи…

С утра до вечера обезлюдевшими лесными проселками шагали мы, журналисты красноармейской газеты. Шагали в подразделения и обратно, чтобы дать в номер свои и военкоровские заметки о «сиюминутных» подвигах солдат и командиров, о примере коммунистов и комсомольцев, о самоотверженности санинструкторов, выносивших под огнем раненых, о тех, кто подбивал танки, порою погибая под их гусеницами…

Медленно, теряя товарищей, мы отходили к каналу имени Москвы. Уже угадывались вдали сооружения Икшинского гидроузла. Но места нам на том, восточном, берегу не было. Туда переправились лишь медсанбат да опустевшие тылы. Вечером 5 декабря вместе с Григорием Кацем прибыл я на командный пункт дивизии, расположенный в пустом колхозном овощехранилище на окраине села Базарово. На этот раз мы были не в качестве корреспондентов дивизионки, а поступили в распоряжение генерала В. И. Швецова связными на случай, если понадобится доставить его приказ какому-либо командиру. А также для защиты КП, если к нему прорвутся гитлеровцы — они стояли в

соседней деревне Рамушки. Было тревожно.

Под утро на КП каким-то чудом прочился офицер связи армии и передал приказ: в 6.00 атаковать позиции врага. Атаковать? Ведь пехота выбита, не пополнялась. Снарядов осталось по два-три на орудие. Но приказ есть приказ! Батарея, непосредственно прикрывавшая штаб, сделала три выстрела по Рамушкам. И фашисты побежали вспять!..

Видимо, в то мглистое холодное утро стоявшие перед нами гитлеровцы получили приказ оставить позиции. За каналом в район Дмитрова скрытно подошла свежая 1-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова. Своим внезапным наступлением она угрожала противнику обходом их группировки в районе Яхромы. Наша дивизия, влившись в новую армию, двинулась по только что пройденным дорогам на Солнечногорск.

Но до этого города дойти не пришлось… На станциях Сходня и Химки дивизия погрузилась в эшелоны и была переброшена за Серпухов, где вошла в состав 49-й армии. В районе станции Тарусская с боями форсировали Оку и стали теснить на запад отчаянно сопротивлявшихся захватчиков.

Наша редакция, передвигаясь вслед за наступающими полками, постоянно находилась в зоне артиллерийского огня противника. Порой мы с трудом обнаруживали в деревне уцелевшую избу и начинали выпускать газету. Газета в условиях наступления! В ней печатали заметки и корреспонденции об инициативе подразделений, пропагандировали смелый маневр, решительные действия отделений, взводов, рот, отдельных бойцов. Всячески поднимали героев точной разведки, артиллеристов. Воспитание патриотизма, высокой миссии советских воинов — освободителей родной земли, ненависти к врагу-поработителю было ведущей темой газеты.

25 января 1942 года, через несколько дней после освобождения нашей дивизией поселка Полотняный Завод, газета напечатала о нем очерк. Очерк начинался с рассказа о героях боев за поселок, который ведет свою историю от построенного здесь, в славившемся коноплей Калужском крае, завода по выработке полотна для парусов военных кораблей, что сооружались по указу Петра Первого на воронежских верфях. Позже в поселке была построена бумажная фабрика. Отступая, гитлеровцы сожгли и фабрику и поселок: из 800 домов уцелело только 26.

Я рассказал, как шел по безлюдной сожженной улице. По сторонам торчали печные трубы, громоздились груды обгорелых бревен, заснеженные фундаменты. Внимание привлек остов кирпичного трехэтажного дома с обрушенной крышей.

— Вот что наделали варвары. Даже дом Гончаровых не пожалели. — Возле меня остановилась пожилая женщина в старенькой черной шубе. Под мышкой она сжимала потертый портфель. — Собираю у ребят учебники. Пора открывать школу. Но где? Наша-то в этом доме была.

Женщина оказалась учительницей литературы и русского языка средней школы, депутатом поселкового Совета Дарьей Степановной Глухаревой. Прошу учительницу рассказать об историческом доме. Несмотря на трескучий мороз, она охотно соглашается. Останавливаются рядом бойцы, заинтересованные нашей беседой.

— Александр Сергеевич Пушкин приезжал в Полотняный Завод дважды, — рассказывает Дарья Степановна, — весной 1830 года как жених Натальи Николаевны Гончаровой и летом 1834 года. К столетию со дня смерти поэта, в 1937 году, мы создали в школе небольшой музей — комнату Пушкина. Многое сделали для этого преподаватели Мария Степановна Бабкина, Зинаида Михайловна Башилова, художник Иван Павлович Бабкин и, конечно, ученики. Дом примечателен и тем, что в нем в разное время останавливались Михаил Илларионович Кутузов, Николай Васильевич Гоголь, Анатолий Васильевич Луначарский…

Фотографирую импровизированную экскурсию. Тогда этот снимок опубликовать не привелось. Сейчас, оглядываясь с сорокалетней вершины времени, понимаю: снимок уникален, зафиксировал примету времени. И потому передал его вместе с другими материалами той военной зимы в Полотняном Заводе в Калужский краеведческий музей. В последние годы в доме Гончаровых ведутся тщательные восстановительные работы, и здесь откроется филиал областного музея.

От учительницы узнал о подпольном госпитале. Спешу в поселковую больницу. Две санитарные машины увозят последних из 130 раненых и больных советских бойцов и командиров, спасенных медиками-патриотами. Местный врач Андрей Николаевич Дробышевский вместе с попавшими в окружение военврачами Николаем Петровичем Баженовым, Игнатием Андреевичем Киреенко, военфельдшером Владимиром Дмитриевичем Андриановым, санинструктором Тоней Ильиной и поварихой больницы Марией Ивановной Юдиной в тяжелейших условиях оккупации более трех месяцев выхаживали раненых. Им удалось также укрыть от плена более двадцати красноармейцев. Местные жители, голодая, отдавали в больницу продукты, а также белье, медикаменты, привозили дрова. В поселке бумажников ни один человек не выдал тайну подпольного госпиталя. Оккупантам сказали, что в больнице лежат тифознобольные. Фашисты

обходили больницу стороной. Но перед отступлением гитлеровцы схватили на улице Тоню Ильину и заживо сожгли.

Завершался очерк сообщением о том, как восстанавливается жизнь в освобожденном поселке, чем смогли помочь жителям воины дивизии…

5 марта 1942 года воины нашей дивизии и 34-й стрелковой бригады во взаимодействии с войсками 49-й армии овладели Юхновом. Город был разрушен. Враг не успел сжечь лишь Слободу — село из трех улиц, отделенное от города речушкой. Редакция расположилась в избе, что стояла на крайней улице, глядя окнами в лес. Нашими соседями были бойцы саперного батальона.

К этому времени от нас выбыли Т. Трегубенко и Г. Кац. Меня назначили редактором «Защиты Родины». А кого взять на место инструктора-литератора? Решили выдвинуть на эту должность лучшего военкора. Выбор пал на замполитрука из батальона связи Бахта Алипова. Его утвердили. И не ошиблись: он быстро рос как журналист, был смел, инициативен, точен в работе. В дивизии воевало немало казахов. Алипову удалось создать из земляков авторский актив. Он приобщил к газете узбеков, татар, башкир, удмуртов, прибывавших с пополнением. Со всеми находил общий язык. Это помогло дивизионке всесторонне отражать боевую дружбу воинов из союзных и автономных республик.

Юхнов фашисты обстреливали из дальнобойной артиллерии. Однажды в разгар работы услышали далекие, но четкие орудийные выстрелы, затем шелест несущихся снарядов.

— Всем за печку! — скомандовал товарищам и сам упал на пол. Вокруг избы стали рваться снаряды. Когда налет прекратился, обнаружили немало впившихся в стены осколков. Набор оказался целым. А главное — все люди невредимы. И тут снова артналет. Опять все за русскую печку-спасительницу.

Переждав обстрел, бегу с шоферами и Нежумирей к машинам. Они стояли в проулке, моторами к избе. Целы! А вот с печатной машиной беда. Поврежден талер. Где отпечатать номер? Вездесущий Нежумиря выяснил: в лесу напротив нас еще не снялась редакция 5-й гвардейской стрелковой дивизии (ее переводили на другой участок фронта), допечатывает газету. Везем туда рамы с полосами. «Защита Родины» вышла без опоздания. А на другой день Тимофеев привел автофургон с отлично отремонтированной печатной машиной.

Юхнов стоит на 206-м километре от Москвы на Варшавском шоссе. Я вновь наладил связь с «Комсомольской правдой», а также с газетой Западного фронта «Красноармейская правда». Она все

еще находилась в Москве, в помещении издательства газеты «Гудок». Попутными машинами стал наведываться в столицу — так оперативнее можно было публиковать материалы о боевых делах дивизии. Запомнился такой случай. Задержался в «Комсомолке». Наступил комендантский час. Пришлось ночевать в редакции. Слышу по радио сообщение о преобразовании нескольких дивизий в гвардейские. Среди них — наша! Спешу к Ю. Жукову.

— Пиши в номер. А снимки есть?

И вот вторая полоса газеты за 19 марта открывается моим репортажем «В 18-й гвардейской». Материал небольшой, но подан броско, на снимке комдив дает боевое задание майору А. В. Чапаеву — сыну легендарного героя гражданской войны. Александр Васильевич командовал у нас дивизионом 152-миллиметровых гаубиц. Его батареи отличились в боях под Москвой, при взятии Юхнова. Вскоре А. В. Чапаев заменил погибшего командира артполка. Александр Васильевич был храбрый, умелый артиллерист. После войны, занимая высокие командные посты, поддерживает связь с ветеранами нашей дивизии.

В Москву я привозил с фронта новости, а из Москвы увозил ценный груз — десятки клише для дивизионки. Клише нам делали в «Красноармейской правде».

Мои снимки, в основном сюжетные, и портреты воинов, снятые политотдельским фотографом для партийных и комсомольских документов, Орест Георгиевич Верейский, ныне член-корреспондент Академии художеств СССР, ретушировал и сдавал, как для своей газеты, в цинкографию, благо ширина колонки у всех газет на фронте была одна.

3 мая 1942 года нашу дивизию наградили орденом Красного Знамени. Выехал в Москву: наряду с другими клише надо было сделать клише ордена. Изображения Красного Знамени в «Красноармейской правде» не оказалось. Как быть? Нежданно-негаданно в редакции появился Константин Симонов. На его груди сверкал только что полученный орден Красного Знамени. О. Верейский вмиг срисовал награду. Очередной номер «Защиты Родины», в заголовке которой красовался нагрудный знак «Гвардия», также нарисованный О. Верейским, вышел с изображением ордена Красного Знамени.

К апрелю дивизия и ее соседи выбили оккупантов за Угру и Рессу. Многократные контратаки гитлеровцев успеха не имели. Особенно они ожесточились против наших подразделений, захвативших господствующую высоту на противоположном берегу Рессы. Стоявшая на склонах высоты деревня Суковка была

полностью снесена с лица земли. На этом плацдарме укрепился один из наших батальонов. В ту пору развернулись бои па подступах к Севастополю. Пятачок за Рессой наша газета окрестила «Маленьким Севастополем». И не ради красного словца. Здесь было очень трудно держать оборону, враг осаждал с трех сторон. Зато с пятачка было удобно заглядывать в тылы переднего края фашистов, уточнять расположение их батарей. Не случайно на высоте в разрушенной каменной кладке школы сделали себе наблюдательные пункты наши артиллеристы, а на склонах с вечера выбирали удобные позиции снайперы, ожидая в развалинах предрассветного часа, чтобы выйти на дневную «охоту».

Войска Западного фронта много делали, чтобы не давать врагу перебрасывать отсюда свои силы на юг, где летом, после захвата всего Крыма, оккупанты ринулись на Кавказ и к Волге. Если в начале оборонительных боев «Защита Родины» печатала отдельные заметки о метких стрелках, то летом газета стала организатором снайперского движения в дивизии.

Дивизия через газету знала героев дня, училась у них разить врага, проходила школу ненависти к оккупантам. Эту школу проходили солдаты всех национальностей, воевавшие в дивизии.

В начале ноября 1942 года я сдал редакцию и выехал в распоряжение политуправления Западного фронта. Там мне вручили предписание: прибыть в подмосковный поселок Алабино, где создавалась газета 1-й воздушной армии. Поясню: летом наши военно-воздушные силы были реорганизованы. Каждый фронт теперь располагал воздушной армией.

В Алабино редакция разместилась в здании школы, типография — в бараке. Меня приветливо встретил редактор газеты высокий статный полковник Григорий Митрофанович Кияшко, начавший службу в армии красноармейцем в гражданскую войну. Как и я, он прибыл из пехоты — редактировал газету 20-й армии. Мы поселились в одной комнате. Предстояло отобрать наиболее способных журналистов и типографских работников из упраздненных газет авиадивизий.

Вскоре в авиадивизии и отдельные полки, в батальоны аэродромного обслуживания и другие части армии, разбросанные на огромной территории фронта, отправился на связных самолетах первый номер ежедневной двухполосной газеты «Сталинский пилот». На таких же самолетах летали в части и мы, журналисты. Но порой приходилось прибегать и к наземным средствам — попутным машинам, а то и шагать пешком. Не случайно писатель Евгений Воробьев до сих пор в шутку зовет меня «пилот-пешеход».

В воздушной армии у меня появились прекрасные возможности передавать материалы в «Комсомольскую правду», а позднее — в ТАСС оперативно, в день события. Как бы мы ни удалялись в ходе наступления от Москвы, телефонный провод из армии тянулся на узел связи штаба ВВС, который соединял меня с московской редакцией. Лишь в Восточной Пруссии с телефона «пересел» на телеграфный аппарат Бодо. Восстановил связи и с «Красноармейской правдой». Стал печататься также в центральной авиационной газете «Сталинский сокол», которую редактировал полковник Василий Петрович Московский.

Но главная забота — армейская газета. День ото дня росла сплоченность нашего небольшого коллектива, укреплялась связь с читателями, военкорами. Ко Дню большевистской печати командующий генерал-лейтенант авиации С. А. Худяков издал приказ по войскам армии. В нем, в частности, говорилось, что молодая газета к празднику «пришла выросшей и окрепшей: правильно сосредоточивает основное внимание на пропаганде боевого опыта, на показе лучших людей нашей армии, являющих пример воинской доблести и воинского умения… Отмечая плодотворную работу коллектива редакции и типографии, нашедшую положительную оценку на страницах «Красной звезды» и «Сталинского сокола», командующий наградил литературного работника, ведавшего партийной тематикой Ю. Ф. Асинова, начальника издательства Д. П. Тимошенко и меня часами. Пятерым была объявлена благодарность. Среди них двое вольнонаемных товарищей — наборщица из одной московской типографии А. Г. Аксенова и корректор-ветеран «Вечерней Москвы» З.Э. Хиенкин.

Вскоре мы покинули Алабино. По Варшавскому шоссе двинулись на запад. Деревня Катилово. Угра километров в десяти — двенадцати, а за ней рукой подать — Юхнов. Это же те места, где наступала незабываемая для меня 18-я гвардейская дивизия! Очень хотелось побывать в Юхнове. Но напряженная работа в редакции не дала возможности вырваться в городок, который мы освобождали.

В Катилово заехал к нам проститься генерал С. А. Худяков, назначенный начальником штаба ВВС Красной Армии. Прибыл командующий армией прославленный летчик, Герой Советского Союза генерал М. М. Громов. Вскоре провожали Г. М. Кияшко. Под большим секретом он сообщил мне: создается Степной фронт, едет туда редактором газеты.

В начале июля развернулись напряженные бои на Курской дуге. В этом сражении приняла участие 11-я гвардейская армия — левофланговая нашего фронта. Вместе с войсками соседнего

Брянского фронта она стала наступать в общем направлении на Орел. Ожесточенные бои завязались в небе. 1-я воздушная армия прикрывала войска, наносила бомбовые и штурмовые удары по позициям, по подходящим резервам гитлеровцев.

Вылетаю на аэродром близ деревни Хатенки, где стоит 18-й гвардейский истребительный авиаполк, входивший в состав 303-й авиадивизии, что героически стремилась завоевать господство в небе. Смотрю на карту: вот-вот должен показаться Козельск. Теперь гляди в оба. Даже в безоблачном воздушном пространстве может подкараулить враг. Так и случилось: над нами — пара «Мессершмиттов-109». Мы немедля перешли на бреющий полет: так охотникам труднее нас разглядеть, опаснее атаковать. «Мессеры» стали снижаться, делая разворот для атаки. Но ее не последовало. И тут мы увидели пару «яков», несущихся наперехват противника.

Так я встретился сначала в воздухе, а затем на земле с пилотами из французской части «Нормандия». Она, оказывается, базировалась с гвардейцами полковника А. Е. Голубова. Узнаю, что наперехват истребителям поднялась дежурная пара — Альбер Дюран и Жеральд Леон. Ж. Леон сбил одного из «мессеров», другому удалось удрать. Но откуда мне знакома фамилия Дюрана? Стоп! Вытаскиваю тетрадь, служившую мне корреспондентским блокнотом, быстро нахожу нужную запись: «5 апреля истребители Дюран и Прециози сопровождали двух «Пе-2». Французы прикрыли бомбардировщики, сбив два самолета противника».

То был первый бой «Нормандии». Эскадрилья тогда стояла близ Полотняного Завода. Справедливо говорится: тесен мир. Тесен он и на фронте. Встреча в Хатенках опять расшевелила память: где же теперь родная 18-я гвардейская стрелковая, что освобождала поселок бумажников, дала возможность на заснеженном поле оборудовать аэродром — первый для французских летчиков на советском фронте?

На аэродром у Полотняного Завода французские авиаторы, вставшие под знамя Сражающейся Франции, прилетели в марте 1943 года из Иванова, где в запасной авиабригаде овладевали истребителями конструкции А. С. Яковлева. В городе текстильщиков и была сформирована национальная авиаэскадрилья, которой дали имя французской провинции, наиболее терзаемой нацистскими оккупантами. Свой путь в Советский Союз пилоты-добровольцы начали с авиабазы Раяк в Ливане, куда бежали из разных мест, не смирившись с позором петэновской капитуляции. Потом был Ирак, Иран. И, наконец, морозный русский город Иваново.

Командовал эскадрильей майор Жан Луи Тюлян. В канун сражения на Курской дуге эскадрилья пополнилась новыми добровольцами. Она была преобразована в полк, который через год получил наименование «Нормандия — Неман».

В жарких боях лета сорок третьего героически погибли Тюлян, Прециози, Леон, Дюран и ряд других «нормандцев». Командовать полком стал подполковник Пьер Пуйяд. После войны П. Пуйяд до конца жизни оставался верен ратному братству, сплотившему два наших народа. Будучи депутатом парламента, П. Пуйяд возглавлял парламентскую группу французско-советской дружбы. В 1977 году Пьеру Пуйяду была вручена медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

И снова память о фронтовой дружбе уносит меня за горизонт военной поры. Помнится, улетая с «горячей точки» огромного сражения, я думал: а не бьются ли где-то тут мои сибиряки? Как знать, может быть, прикрывая их с воздуха, погиб кто-то из французских пилотов? Мои раздумья оказались недалеки от истины. Много лет спустя узнаю от откликнувшихся на мои письма товарищей из «Защиты Родины»: дивизия воевала в составе 11-й гвардейской армии. И еще узнал скорбную весть. На орловской земле, в местах, воспетых великим русским писателем Тургеневым, у села Ильинское, Хотынецкого района, погиб первый орденоносец в редакции «Защита Родины» сын казахского народа гвардии старший лейтенант Бахт Алипов.

По традиции в ратный строй журналистов выдвинули лучшего военкора — рядового 51-го гвардейского стрелкового полка Василия Никитина (так получилось, что первую заметку в дивизионку он написал по просьбе Б. Алипова весной 1942 года). Новый инструктор-литератор оправдал надежды: был произведен в офицеры, стал ответственным секретарем, а затем и редактором «Защиты Родины». После победы В. Н. Никитин вернулся в родную Удмуртию, где связал свою жизнь с партийной печатью.

В конце Орловской операции мне удалось осуществить давнюю мечту — побывать у партизан. Я оказался на Брянщине, в Клетнянских лесах. Комиссаром бригады, куда мы прилетели на санитарном самолете, был А. Ф. Семенов, местный партийный работник. В пятидесятых годах судьба свела нас снова — в ВПШ при ЦК КПСС, где мы учились на одном курсе. Дружбу поддерживали более двадцати лет, до кончины этого душевного человека.

Алексей Филиппович первым делом познакомил меня с личным составом редакции «Партизанской правды». Редактировал газету Иван Кириллович Лимтюгов.

Корреспондентов были десятки — партизаны охотно писали из всех подразделений. Наборщиками трудились два пожилых москвича. Василий Никифорович Петров (он же и печатал газету) до войны работал в типографии Постоянной всесоюзной строительной выставки. В рядах 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района ушел на фронт. Попал в окружение. Скитался по глухим деревням и наконец выбрался к партизанам. Его напарника Сергея Сергеевича Сахарова, рабочего 5-й типографии НКПС, фашистское нашествие застало в Мглинском районе, и он, не раздумывая, подался в партизаны.

«Партизанская правда» выходила с марта 1943 г. раз в пять-шесть дней на двух полосах тиражом 600 экземпляров. До нее выпускали листовки, сводки Совинформбюро. Газету читали не только партизаны. Смелые «почтальоны» аккуратно доставляли ее жителям Клетни и окрестных деревень. Ведь не зря под заголовком стояло: «Орган Клетнянского РК ВКП(б)».

7 августа 1943 года, через два дня после первого победного салюта в Москве — в честь освобождения Орла и Белгорода, — началось наступление войск Западного и левого фланга Калининского фронтов. Оно завершилось 2 октября освобождением от оккупантов Смоленской области, выходом советских армий к границам Белорусской ССР. В ходе этой операции наша редакция на двух грузовиках глубокой осенью добралась до деревни Волково, что западнее Смоленска, и надолго обосновалась в ней. На фронте наступило затишье. Но «пилоты-пешеходы» продолжали нести свою обычную вахту…

В марте 1944 года я проходил краткосрочную штурманскую подготовку в 10-м отдельном разведывательном авиаполку.

Во время обороны воздушные разведчики работают беспрерывно: за противником нужен глаз да глаз, и в его тылу и на переднем крае. И я, обучаясь, собирал материал для газеты. Особенно подружился с командиром второй эскадрильи Василием Васильевичем Кибалко. Родом он из Одессы, работал формовщиком на судостроительном заводе и учился в аэроклубе. Затем окончил военную школу пилотов. Войну встретил под Вильнюсом в полку скоростных бомбардировщиков. Там подружился со штурманом Григорием Яковлевичем Михеевым из Бежецы. Теперь они летали на разведку на «Пе-2», отличались высоким мастерством и мужеством в фотографировании переднего края противника. Летать нужно было не выше четырех километров и точно по курсу. А вражеские зенитки били вовсю. И так под яростным огнем четыре — шесть, а то и до десяти минут полета. О своем боевом опыте они охотно рассказали читателям газеты. В мае 1943 года оба разведчика были удостоены звания

Героя Советского Союза.

Я жил с Кибалко и Михеевым в одной комнате в деревушке, что приютилась неподалеку от Смоленского аэродрома. Они учили меня авиационному уму-разуму. С Кибалко поднялся для практики в воздух…

23 июня 1944 года началась операция под кодовым названием «Багратион». Войска четырех фронтов перешли в наступление — внезапно, стремительно. И среди них 3-й Белорусский (преобразованный из Западного) фронт. За месяц с небольшим советские войска освободили всю Белоруссию, часть территории Литовской ССР и Польши. Наши части вышли к границе с фашистской Германией. С этой операции и до конца войны 1-й воздушной армией командовал генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин. До нас он возглавлял 8-ю воздушную армию, отличившуюся в Сталинградской битве и при освобождении Крыма.

В ходе этого решительного броска на запад у редакции было несколько перебазировок. Но ни разу ритм выхода газеты не был нарушен. Особо запомнилась одна из перебазировок. Редактор Анатолий Иванович Ланфанг, опытный журналист, работавший еще в «Рабочей газете» с самого ее зарождения и переведенный к нам из редакции газеты Карельского фронта, решил переезжать на новое место двумя «эшелонами» — расстояние было немалое. С вечера, когда очередной номер газеты был подготовлен к печати, в путь отправилась машина с «наборным цехом», в основном девчата. С этой машиной отправился и я. На новом месте нужно было набрать и сверстать газету. Днем должен был прибыть другой грузовик — с печатной машиной и офицерами редакции. На Минском шоссе уже в полной темноте разыскал столб с указанием заданного километра. Здесь свернули вправо на проселок, пролегавший по Логойскому району Минской области.

Часам к двум ночи добрались до нужной деревни. В ней ждал сюрприз: в лесу за хлебным полем скопилось более тысячи гитлеровцев-окруженцев во главе с генералом и с рацией. Кругом никаких воинских частей — наши войска ушли вперед. Ночью фашисты достигли Минского шоссе (нам повезло, успели миновать роковое место). Вражескую группировку стал выбивать с шоссе в нашу сторону полк пограничников, охранявший тылы фронта. Но об этих подробностях узнал лишь утром, когда, чтобы выяснить обстановку, через пустошь поспешил в полусожженную врагом деревню Мачужичи, где разместился штаб армии. Начальнику штаба генерал-майору авиации А. С. Пронину ничего не оставалось, как вызвать на подмогу девятку штурмовиков.

«Илы» точно отбомбились, и остатки немецких частей сложили оружие.

«Наборный цех» заработал. А во второй половине дня прибыл «второй эшелон».

Некоторое время назад у летчиков нашей армии побывал один из наиболее популярных публицистов — Илья Эренбург. А почему бы не попросить его написать в номер, посвященный 27-й годовщине Великого Октября, небольшую статью? С этим и другими заданиями вылетел в Москву. Оказалось, квартира писателя повреждена и он временно живет в гостинице. Связываюсь с Ильей Григорьевичем по телефону, получаю согласие. В назначенный час звоню в номер. Дверь открывает хозяин, показывает, куда повесить шинель. Пересекаю комнату и попадаю в следующую, совсем маленькую. Прямо передо мной диван. Полка над его спинкой уставлена книгами Эренбурга, изданными на иностранных языках. Кругом тоже книги, газеты, журналы. Писатель указывает мне на диван и просит немного подождать. Сам садится за пишущую машинку и продолжает печатать: на каретке заметил заправленный лист бумаги с начатым текстом. Но вот стук клавишей прекращается. Писатель читает материал, делает небольшие поправки, подписывает и вручает мне.

А я-то думал, что он завершает для кого-то статью, потом будет расспрашивать о летчиках. И только тогда сядет за статью для нас. Читаю статью и мысленно восхищаюсь: написано лаконично, остро, звучит актуально. Словом, по-эренбурговски, без скидки на «ранг» газеты.

Статью мы напечатали в праздничном номере. Оригинал у меня сохранился. Вот начало статьи: «Два года тому назад одна берлинская газета писала: «Сверкают глаза немецких завоевателей». Кончились те времена. Теперь не глаза сверкают у фрицев, а пятки. Началось изгнание врага». А каков конец статьи! «Еще немного — и радостно встретит победителей вся наша Россия… Женщины скажут: вот наши летчики, они воевали в небе, и в небе они спасли землю».

На исходе сорок четвертый год. Наши войска ведут бои в Восточной Пруссии. Аэродромы истребителей, ночных бомбардировщиков «По-2», штурмовиков расположены уже по ту сторону государственной границы. Скоро и нам ее пересекать. А пока газету выпускаем в литовской деревне Стернишки. Рабочий день в редакции был в разгаре, когда позвонил начальник штаба армии. Редактора не оказалось, трубку взял я, его заместитель:

— Командующий приказал завтра напечатать о подвиге Головачева и обязательно с портретом. Какая нужна помощь?

— День короткий… Необходим самолет туда и обратно. Портрет рисовать полетит капитан Островский. До площадки надо бы его подбросить на машине.

— Все будет сделано. Машину высылаю.

Что же за подвиг совершил Головачев? И, видимо, только что… Мои размышления прерывает тихий голос:

— Я готов…

Поднимаю глаза. Передо мною стоит Петр Островский в старенькой пехотного образца шинели, в шапке с уже опущенными «ушами». Через плечо — видавшая виды полевая сумка. Сквозь очки в тонкой роговой оправе на меня устремлены невозмутимые глаза:

— Куда? И кого?

— В девятый гвардейский истребительный. А где он, не знаю. Портрет Головачева.

— Извозчик довезет. Размер клише?

— Полторы колонки. Смотрит в полосу.

Возле редакции останавливается машина. Петя спешит на выход.

Связываюсь с гвардейским полком. Его начштаба, оказывается, уже предупрежден. Узнаю подробности подвига. Потрясающе! Писать репортаж-то придется мне, а не художнику. Прошу к аппарату героя дня. Вот что выясняется.

Утром истребители прикрывали наступление 2-го гвардейского танкового корпуса. Павел Головачев уничтожил двух «ФВ-109». Только успели заправить его «Ла-7», как прозвучал приказ: ему с ведомым сбить дальнего разведчика «10-188». Медлить нельзя! Уходивший с нашей территории «юнкерс» был обнаружен на высоте почти девять тысяч метров. Головачев, не успевший надеть на земле маску, начал задыхаться. Тогда он взял в рот шланг от кислородного баллона и так продолжал настигать разведчика. Напарник шел далеко внизу…

Гвардии старший лейтенант П. Головачев бил по врагу точно и расчетливо. Ему удалось убить обоих стрелков, повредить крыло, наконец, поджечь мотор. Боеприпасы кончились, а фашист продолжал «тянуть» на одном моторе. Тогда гвардеец подошел к «юнкерсу» вплотную и ударил по хвосту винтом. Разведчик перешел в беспорядочное падение. А Павел Головачев, выключив мотор, развернулся на обратный курс. Мастерски планируя с высоты, превышающей Эверест, советский ас привел самолет прямо на свой аэродром под Гросскальвегеном. «Ла-7» оказался целехоньким. Нужно было лишь сменить искореженный винт.

На следующее утро Павел Яковлевич Головачев на этой же машине снова поднялся в небо. А вернувшись из полета, читал в

армейской газете репортаж о своем вчерашнем таране, иллюстрированный портретом, нарисованным Петром Островским.

Тут следует пояснить, что значило в короткий зимний день дать в номер портрет героя, да еще с самого далекого от редакции аэродрома. И дело не только в том, что связные самолеты могли сесть у штаба армии лишь до наступления темноты. А вот еще в чем: газеты воздушных армий цинкографий не имели. Но у нас был Петр Островский!

До войны он пятнадцать лет проработал в сталинградских газетах. В сентябре сорок первого вступил политбойцом в коммунистический батальон. Первый бой добровольцы приняли у Малоярославца. Отходили к Наро-Фоминску. В пути батальон влился в 113-ю стрелковую дивизию, состоявшую из ополченцев Фрунзенского района столицы.

«Перед отъездом на фронт, — вспоминает П.Островский, — друзья-цинкографы, особенно, помнится, М. Гаврилов, показали мне, как изготовлять штриховые клише, минуя механический фотопроцесс. Делали это так. На шлифованную цинковую пластинку литографской тушью наносился рисунок. Затем припудривали порошком канифоли, подогревали и травили в азотной и соляной кислоте. Где был рисунок, цинк оставался нетронутым, а на остальной площади кислота делала углубления, так что при печати с этими «пустыми» местами краска не соприкасалась. Трудность заключалась в том, что рисовать на цинке нужно было в обратную сторону, поэтому приходилось пользоваться зеркалом».

Этот способ был проверен в мирное время в выездных редакциях, а в войну мог пригодиться в полевых условиях. И он действительно пригодился.

9 апреля в 21 час 30 минут многотысячный гарнизон могучей крепости Кенигсберг под натиском войск 3-го Белорусского фронта капитулировал. Но Восточная Пруссия еще не была полностью очищена от гитлеровцев. У самого Балтийского моря огрызались недобитые дивизии противника. Наибольшая группировка скопилась западнее Кенигсберга на Земландском полуострове. Добивать ее советским войскам помогали авиаторы.

В середине апреля прилетел я в 213-ю ночную бомбардировочную авиадивизию. Ею командовал генерал-майор авиации В. С. Молоков. Тот самый, что в числе семи летчиков в зимнюю стужу 1934 года вывез со льдов Чукотского моря попавших в беду челюскинцев. Позднее В. С. Молоков возглавлял Гражданский воздушный флот страны. С этого высокого поста Василий Сергеевич вырвался на фронт.

Генерал познакомил меня с боевой задачей дивизии, посоветовал побывать в 15-м авиаполку. Дневную работу «Пе-2» и «Ил-2» в земландском небе ночью продолжали их легкокрылые собратья «По-2». Так было и на этот раз. Все три полка дивизии в ночь на 16 апреля но четкому графику беспрерывно, каждый своим маршрутом, заходили на конкретные цели. 15-й авиаполк летал в центре. Ему предстояло бомбить последний аэродром Земланда. Днем по нему били бомбардировщики и штурмовики. Они уничтожили и повредили несколько десятков самолетов, ни одному не дали подняться в воздух.

Наступили густые сумерки. В небе зажглись звезды. Вместе с командиром полка майором Т. Л. Ковалевым нахожусь на аэродроме. Машины поднимаются одна за другой. Труженики технических служб готовили их к полету за две минуты. Оружейники, например, с бомбами наготове встречали шедших на посадку «По-2», чтобы немедля подвесить бомбы под нижними крыльями. Экипажам в кабины подавали горячий чай и бутерброды: воины отказывались от отдыха.

— Разрешите мне полететь… — обращаюсь к Т. Л. Ковалеву.

— Ладно! Вместе полетим.

Мы залезаем в «По-2».

О боевой работе дивизии в ту ночь передал по телеграфу в ТАСС. Репортаж «Ночью над Земландским полуостровом» увидел свет. У меня сохранился номер «Вечерней Москвы» за 20 апреля, где он напечатан.

Передо мной выписка из представления майора Тимофея Алексеевича Ковалева к званию Героя Советского Союза:

«На фронте налетал 1342 часа, из них ночью 1025 часов. Доставил партизанским бригадам 182 тонны оружия, боеприпасов и 42 человека, следовавших в тыл противника по особым заданиям командования. Вывез из тыла 205 раненых и партизан, сбросил на объекты противника 10,6 тонны бомб. Кроме того, по заданию связи им перевезено 52 офицера и 870 килограммов груза».

Добавлю: на фронте Ковалев с начала войны. До того работал инструктором авиашколы Осоавиахима.

29 июня 1945 года Т. А. Ковалеву было присвоено звание Героя Советского Союза. В тот же день вышел Указ о награждении второй медалью Золотая Звезда и «автора» высотного тарана П. Я. Головачева.

Только в октябре победного года я вернулся домой, стал ответственным редактором «Советского спорта». В газете завел рубрику «На суше и на море», посвященную туризму и альпинизму. И, как до войны, в июне следующего года конечно же

участвовал в традиционном, девятом туристском слете. Он проходил в бухте Радости под солнечно-чистым небом Клязьминского водохранилища канала имени Москвы.

Ростислав ИЮЛЬСКИЙ. ЛИСТКИ ИЗ РАЗНЫХ БЛОКНОТОВ

…Их накопилось очень много, и для меня еще не пришел час расстаться с ними, освободив ящики письменного стола для чего-то другого. Каждый сохранившийся с военной поры блокнот (увы! — многие безвозвратно потеряны) сама суть прожитых лет. На листках, пожелтевших от времени (иным из них ведь уже за сорок), отрывочные, наскоро сделанные записи. Не всегда даже припоминаются обстоятельства, при которых они появились, но вчитаешься в них и оказываешься во власти времени, формировавшей мое поколение, и чувств, прошедших через суровейшие испытания.

Воистину никто из нас не родился солдатом. Мы становились солдатами лишь по жестокой необходимости и постигали варварскую мудрость войны лишь потому, что имели дело с врагами. Личными. И всего человеческого на земле. С врагами, само появление которых на планете — вне всякой морали, противоестественно, противозаконно, а потому во имя спасения цивилизации подлежащих уничтожению. Но при всем том, что необходимость быть солдатом и постигать чудовищную мудрость кровавых сражений ожесточала наши души, вынуждала творить противное нашему природному естеству, мы оставались Человеками в самом красивом и величественном значении этого слова в беспредельном богатстве людской речи.

* * *

…Последние дни августа сорок первого. Вот уже два месяца мотаюсь по фронту. Вроде бы срок но тогдашним меркам более чем достаточный, чтобы, как нынче модно говорить, адаптироваться к происходящему вокруг: к неумолчному грохоту артиллерии, к изматывающему душу гулу моторов в небе, к дьявольским разрывам бомб, к крови и смерти, к горящим деревням и городам, к бесконечному потоку стариков, женщин, детей, бредущих в сторону Ленинграда, — в общем ко всему, что несет с собой война. Должен бы привыкнуть, а не получается. Все убеждаю себя, что война, не воспринимаемая ни разумом, ни сердцем, кончится если не завтра, то послезавтра… В крайнем случае через две-три недели, ну, через месяц, наконец. Не может же быть, чтобы мы не остановили фашистскую армаду. Не просто

остановили бы, но и разгромили ее.

Боль от всего виденного нестерпима. И хотя за день я чертовски устаю, но в часы, когда во что бы то ни стало надо хоть немного отоспаться, чтобы завтра достало сил — физических и моральных — вновь увидеть бои и рассказать о них и людях, ведущих те бои, сон не приходит. Воспоминания хаотически теснятся, наплывают друг на друга, и разобраться в кутерьме эпизодов никак невозможно.

В таком состоянии сажусь писать очередной репортаж.

Утром по военному телеграфу получил очередное задание из редакции — от начальника отдела фронта «Комсомольской правды» Юрия Жукова — показать солдат, насмерть стоящих на отведенных командованием рубежах. Тема чрезвычайно важная — подобные примеры по своей психологической мощи подчас сильнее приказа.

Я видел таких солдат. Не далее, как вчера, на подступах к Выборгу: взвод под командованием старшего сержанта Анатолия Вавилова в течение целого дня сдерживал немецкие танки. Его бойцы подожгли четыре машины. Три догорали на подступах к рубежам взвода, а четвертую, объятую пламенем, немцам все-таки удалось отбуксировать. Во время очередной атаки, когда во взводе Вавилова в живых осталось только семь бойцов, они подбили еще две машины. Когда остался один Анатолий, он, тяжело раненный, обвязал себя гранатами и бросился под вражеский танк. Сам погиб, но немца не пропустил.

Исписал несколько страниц, но чувствую — не то: не те слова. И чувства не те. Возможно, все еще сказывалось нервное напряжение от пережитого, хотя кое-какой опыт уже был за плечами: как-никак служил в кавалерии войск НКВД, участвовал в ликвидации кулацких банд в Сибири и за это был награжден личным оружием, командовал взводом во время похода нашей армии за освобождение Западной Белоруссии… И все же сейчас не мог собраться.

В комнату, а было это в одном из кабинетов выборгского Дома Красной Армии, приспособленного для короткого приюта военных корреспондентов, неожиданно ворвался капитан с интендантскими погонами. Именно ворвался, потому что так хватил на себя дверь, точно кто-то за ним гнался и он наконец-то нашел убежище. Капитан был выше среднего роста, широкоплеч. Одежда на незнакомце свидетельствовала о том, что он побывал в хорошей передряге — наверное, не одну сотню метров преодолел по-пластунски. На носу топорщились очки с крупнодиоптрийными стеклами.

— Вы кто? — с ходу спросил капитан.

Я представился и тут же услышал в ответ:

— Коллега, значит. А я — Атаров… Николай Сергеевич… Корреспондент ТАСС.

Фамилия мне была знакома: читал рассказы Атарова в журналах. Наскоро соорудили ужин, и, только чуть насытившись, Николай Сергеевич рассказал, что с ним приключилось. Он отходил с какой-то частью, и не то чтобы они попали в окружение, а столкнулись с немецким десантом, высадившимся в нашем тылу. Был бой, и бой жестокий. Гитлеровцев частично перебили, частично рассеяли. И тогда он вспомнил о своей прямой обязанности — немедленно написать и передать в редакцию корреспонденцию о только что увиденном и пережитом. Что называется, по горячим следам. Но у военных корреспондентов, за исключением, может быть, одного-двух, в то время не было никаких средств передвижения. Можно себе представить, сколько сил и нервов пришлось потратить Атарову, чтобы добраться до Выборга, откуда можно было передать срочную депешу.

Не знаю, рассказ ли Николая Сергеевича о схватке с вражеским десантом или само его появление так подействовало на меня, но, когда он, не доев ужина, уселся писать, я устыдился того, что до этого успел сочинить, изорвал листки и уже до самого рассвета не давал себе отдыха. Часов, наверное, в семь мы вместе отправились на узел связи.

Во время войны больше наши дороги с Атаровым не перекрещивались. Но через несколько лет, встретившись уже как сотрудники «Литературной газеты», мы не раз вспоминали ту ночь, а я — урок, который он мне тогда преподал.

Было вот как. Когда Николай Сергеевич сел писать, я признался, что не могу совладать с собой, хотя утром надо передать в редакцию очерк. Исписал, дескать, много страниц, но сам понимаю, что плохо, что надобно иначе, а как, не знаю.

— О чем очерк? — спросил Атаров.

Мой рассказ не удовлетворил его. Он потребовал подробностей. Потом помолчал, раздумывая, и сказал:

— Вы все еще живете нормами мирных лет… Журналист-профессионал на это не имеет права. Вы — тем более… Потому что вы — корреспондент «Комсомолки». Подумайте сами: ваш Вавилов и его бойцы — молодые люди… Им бы жить да жить… Любить девушек, растить детей, изобретать, творить, путешествовать… А они, не колеблясь, отдали жизнь во имя будущего. Вот и начните свой очерк с этой мысли. Она, может быть, и ординарна, но в ней — сама суть подвига. Отыщите связь между августовским днем сорок первого и таким же днем,

который придет через двадцать — тридцать лет. Загляните в далекое завтра, в то время, когда у вас уже, наверное, будут внуки, и поставьте солдат Вавилова рядом с вашими радостями, с благополучием ваших потомков, и тогда поймете, почему тяжело раненный Анатолий не отполз в тыл, а бросился под вражеский танк. И чувства свои обуздайте — не завтра и не послезавтра кончится война…

Я привожу слова Николая Сергеевича по памяти… Но суть их именно такова. И когда через несколько дней Юрий Жуков телеграфно поблагодарил меня, как он сформулировал, за добротный материал, я мысленно еще раз сказал спасибо Николаю Сергеевичу.

…Мы расстались с Атаровым на узле связи, и я было собрался отправиться в одну из частей, в которой подружился с комбатом второго батальона Петром Тереховым. Но тут мы узнали то, о чем еще вчера и не подозревали: наши войска оставляли Выборг. Бои шли уже где-то невдалеке, и было совершенно очевидным, что в сутолоке отступления найти батальон Терехова не удастся.

В Доме Красной Армии, где я провел последнюю ночь, уже никого не было. Решил пристать к какой-нибудь части и двигаться к Ленинграду.

В поисках ее я оказался у дома, в котором располагалась редакция городской газеты. Конечно же там уже никого не было. В кабинетах, где еще недавно бурлила типичная для любой газеты жизнь, сейчас запустение. И вдруг в одной комнате я увидел паренька лет восемнадцати, сидевшего на пачках газет и словно бы не понимающего, что происходит в городе.

— Вы что здесь делаете? — спросил я паренька.

Он невозмутимо-спокойно посмотрел на меня и ответил:

— Что нужно, то и делаю…

— Ну а все-таки что? Вы разве не знаете, что наши войска оставляют город?

— Знаю, — ответил паренек. — Но мне приказано ждать. Газеты должны быть отправлены…

— Куда? — я повысил голос. — Как вас зовут?

— Лева… Ющенко моя фамилия… Я сотрудник газеты…

Лева Ющенко мне определенно понравился солдатским чувством обязательности исполняемого долга. Я постарался убедить его, что ждать кого-либо бесполезно, что теперь самое время вместе со мной пробиваться в Ленинград. Не сразу Лева поддался моим уговорам. Мне помогло, что я был военным корреспондентом «Комсомолки». Он любил эту газету, напечатал в ней несколько заметок и законно уже считал себя постоянным ее автором.

Не стану описывать, как мы добрались до Ленинграда. Об этом можно написать повесть, но замечу, что во время многодневного нашего марша Ющенко окончательно покорил меня. Во всем он вел себя по-солдатски, ни разу не заикнулся об усталости, стоически переносил все тяготы походной жизни и без конца расспрашивал о «Комсомольской правде». Я еще не представлял себе того, что может сделать в журналистике Лева, но, чем больше привязывался к нему, тем яснее становилось, что юноша он — незаурядный.

В Ленинграде Леву обласкала Клавдия Филатова, заведующая корпунктом «Комсомолки», которая была матерью для всех нас — военных и невоенных корреспондентов. Удивительная, редчайшей доброты женщина. Она никому не навязывала своей опеки, но все мы чувствовали ее сердечную заинтересованность в наших судьбах, ее, не боюсь так сказать, материнское участие, когда нам бывало туго, ее искреннюю радость за наши маленькие журналистские удачи, ее чисто женскую терпимость к нашим человеческим недостаткам.

Когда она увидела Леву и из моего рассказа узнала, какими путями-дорогами он пришел в корпункт, она прежде всего постаралась его накормить. Правда, голодные блокадные дни еще не наступили, все же было уже нелегко. Но Клавдия, человек поразительного хлебосольства, сделала все, что было в ее силах, чтобы Лева почувствовал себя своим в журналистской семье. По ее заданиям он писал о ленинградцах, об уходящих на фронт ополченцах, о юношах и девушках, приходящих на смену отцам к заводским станкам. Он выполнял задания самым добросовестным образом и, я бы сказал, даже с некой лихостью, свойственной его журналистской природе.

После долгих переговоров с Москвой Филатовой удалось убедить руководство официально призвать Ющенко в ряды «Комсомолки». Впрочем, долгих не потому, что кто-то возражал, противился (Леву ведь уже знали по его корреспонденциям из военного Выборга), а потому, что штатные ограничения в те дни были очень жесткими. Однако все кончилось, ко всеобщей нашей радости, хорошо.

Ющенко рвался на фронт. Это был не просто юношеский порыв, а глубокая убежденность в том, что его истинное место там, где бой, где решается судьба Родины. Не без беспокойства взял его первый раз с собой на передовую. Но беспокойство вскоре сменилось чувством уважения — фронтовая жизнь со всеми ее сложностями, драматизмом неожиданных ситуаций лишь укрепила убежденность в том, что имею дело с человеком, для которого журналистика — родная стихия, а исполнение

воинского долга — суть его совести. Вместе нам довелось побывать во многих переделках, и всякий раз я видел в Леве истинного солдата. Он быстро, органично и надежно воспринял как личную мораль сложившиеся заповеди военных корреспондентов «Комсомолки»: быть всегда на передовой, там, где происходят главные события; писать о том, что сам видел, сам пережил; опоздание с передачей материала — ЧП, факт, позорящий комсомольского журналиста, и не существует обстоятельств, оправдывающих его, кроме, конечно, смерти.

Когда Ющенко уезжал в Москву, уже по всем законам оформленный как военный корреспондент, я отдал ему на время свой наградной пистолет.

Я далек от мысли, что хоть как-то причастен к тому, что в лице Ющенко «Комсомолка» приобрела отличного военного корреспондента, чьи очерки и репортажи из действующей армии находили отклик читателей. Но то, что Лева повстречался мне на фронтовой дороге и жизнь не опровергла моих первых впечатлений, и сегодня, более чем сорок лет спустя, согревает мое сердце и укрепляет давнее убеждение: в журналистике могут жить и действовать только люди беспредельно честные, беззаветно любящие нашу профессию, отдающие ей все богатства души. Все, без остатка.

* * *

Однажды ночью, после того как я продиктовал стенографистке очередной репортаж, по установившемуся порядку к телефону подошел Юрий Жуков. Говорю об установившемся порядке, потому что не помню случая, чтобы — будь то в полночь или на рассвете, в полдень или вечером — Жукова не оказалось в редакции. Он мог работать, что называется, сорок восемь часов в сутки — за себя и за троих еще.

После короткого расспроса о самочувствии Жуков сразу приступил к делу:

— На вашем фронте действует удивительный полк морской бомбардировочной авиации… Им командует Герой Советского Союза полковник Е. Н. Преображенский. Бывали там?

Я признался, что наслышан о летчиках этого полка, но еще ни разу у них не бывал.

— Очень жаль, — искренне посетовал Жуков. — Там есть о чем написать. Немедленно поезжайте к Преображенскому… Жду через три дня очерк.

Через несколько часов после телефонного разговора мы с

Борисом Кудояровым уже были в полку Преображенского. Первые же беседы с летчиками увлекли нас. Мы почувствовали, что, действительно, напали на золотую жилу. Но разработать ее оказалось куда сложнее, чем показалось вначале.

Рассказы, как это бывает с истинными героями, лишь пунктирно определяли темы, а вот деталей, подробностей явно недоставало. Не любят о них говорить летчики. Ну, слетал, ну, отбомбился, ну, прорвался сквозь стену зенитного огня, ну, отбился от наседавшего «мессера», дотянул до своего аэродрома — вот и все. Ну что же — пунктир правильный, а материала для очерка нет.

Встреча с полковником, поначалу проходившая, что называется, в дружеской атмосфере, завершилась для меня печально. В ответ на мою просьбу — разрешить слетать на бомбежку — последовал категорический отказ. И не просто отказ, а приказ: самую эту мысль отставить. Ни о каком полете речи быть не может.

И все-таки я полетел. Конечно, втайне от полковника. Нашелся-таки летчик, фамилия его Козлов, отважившийся посадить корреспондента на место стрелка.

Мы летели на бомбежку объектов в Выборге и Котко. Я видел, как действовал Козлов, его штурман, как точно сбросили бомбы, как маневрировал командир, уходя от зенитного огня… Я был полон впечатлений и уже мысленно видел начало и конец очерка.

Но радоваться было рано. Вражеский снаряд все-таки достал нас, и Козлов, если следовать чкаловской терминологии, на одном честном слове дотянул до базы, где разъяренный полковник отдал приказ арестовать меня. И только находчивость Бориса Кудоярова позволила мне улизнуть от гнева командира полка.

Как и было приказано, к исходу третьих суток я продиктовал стенографистке очерк. А через несколько дней после того, как он был напечатан, позвонил Козлов и сказал, что полковник очень доволен публикацией, все написано честно, правдиво и потому сменил гнев на милость и приглашает в гости. Конечно же я прибыл. И от него услышал то, что более всего ласкает наше журналистское сердце.

— Хоть вы, корреспонденты, — усмехаясь, говорил полковник, — народ недисциплинированный, приказам не подчиняетесь, я вас люблю. Думаешь, я не понимаю, что очерк твой был бы худосочным, если бы ты не слетал с Козловым? Но войди и в мое положение: случись что — кто в ответе? Ведь мне бы голову сняли за тебя…

Наверное, полковник по-своему прав: ему своих забот и

тревог хватало с лихвой, и наши планы далеко не всегда согласовывались с тем, что волновало Преображенского и других командиров. Но и на нашей стороне, на стороне военных корреспондентов, была своя правда. И мы не могли ей изменить.

* * *

До войны существовала такая организация — ЭПРОН. Она занималась подъемом затонувших кораблей. Руководил ЭПРОНом контр-адмирал Фотий Иванович Крылов — человек очень популярный в те годы. Тысячи молодых парней мечтали стать водолазами, поднимать со дна морского суда, потерпевшие крушение. И Фотий Иванович получал письма со всех концов страны с просьбой помочь осуществить мечту. Многим действительно помог и немало гордился тем.

Фотий Иванович дружил с «Комсомольской правдой», был, что называется, своим человеком в редакции. Тем не менее до весны сорок второго мне лично с ним общаться не доводилось. И встретились мы на берегу Ладожского озера.

Весна эта была для ленинградцев в полном смысле слова трагической. Уже не одна сотня тысяч людей стала жертвой голода. Резервы продуктов были столь мизерными, что каждая тонна зерна оценивалась как спасительная. И Военный совет фронта поручил Фотию Ивановичу организовать выгрузку зерна с затонувших на Ладожском озере барж. По всей вероятности, такая операция сегодня никого бы не удивила, и сообщение о ней если бы и появилось в вечерней газете, то заняло бы, очевидно, не более десяти хроникальных строк. Для ленинградцев же это была дорогая весть, равная сообщению о победной акции на фронте.

…Ранним утром со своим неизменным спутником по дорогам Ленинградского фронта Борисом Кудояровым и с Левой Ющенко мы прибыли к месту, где обосновался штаб Крылова. Фотий Иванович встретил нас как давних друзей. Мы узнали от него, как добывается «золотой хлеб». Он с какой-то отцовской теплотой рассказывал о водолазах, которых трудно заставить подняться наверх, потому что время, затраченное на подъем и отдых, оборачивается тоннами невыгруженного зерна. Люди готовы работать, пренебрегая всеми опасностями, нарушая нормы допустимого пребывания под водой. О себе они не думают, все их мысли о том, чтобы как можно быстрее и до зернышка выбрать груз из затонувших барж.

В моем блокноте уже накопилось столько заметок, что, пожалуй, можно было садиться за очерк. Но, как всегда, мне

недоставало личных впечатлений. И я прошу Фотия Ивановича опустить меня на дно. Мой друг Борис Кудояров, как правило поддерживавший меня в таких случаях, на этот раз старательно убеждает, что делать этого не следует, что это ничем не оправданный риск и т. д. Но, к моему удивлению, контр-адмирал сказал:

— А почему бы, в самом деле, не посмотреть на водолазов там, на дне?.. Попробуем…

С помощью водолазов натягиваю на себя их робу, внимательно выслушиваю указания, как себя вести, как общаться с командным пунктом. Короче: за полчаса я прошел полный курс водолазного искусства. Определено время моего пребывания под водой — не более пятнадцати минут.

Не знаю, молодость ли тому виной, обстоятельства или что другое, но перед спуском никакого волнения я не испытывал. Только был в высшей степени счастлив, что добуду подробности и впечатления для материала.

Так я увидел водолазов в работе. Воистину они вершили сказочный подвиг. Вершили, не думая о себе. Чертовски хотелось сказать им, как они прекрасны, что каждое их усилие — спасение человеческой жизни, а возможно, и не одной. Но переговорное устройство было связано лишь с командным пунктом. Впрочем, водолазам было не до моих дифирамбов: они делали свое дело, как велело сердце, как подсказывала совесть.

Время моего пребывапня на дне истекло. Но тут с командного пункта сообщили, что налетели немецкие штурмовики и подъем несколько задержится. Еще целых двадцать минут я имел возможность наблюдать героическую работу подводников.

Каким получился очерк, судить не мне. Но писал его не пером, а сердцем. И не удержался, сам напросился в парткоме Кировского завода рассказать рабочим о водолазах во главе с Фотием Ивановичем Крыловым, добывших для ленинградцев не одну сотню тонн «золотого хлеба».

* * *

И снова август, но уже не сорок первого, а сорок четвертого. Из Ленинграда меня отозвали в редакцию в Москву, назначили заместителем начальника отдела фронта, которым еще некоторое время продолжал командовать Юрий Жуков.

Однажды после моего почти беспрерывного трехсуточного бдения редактор Борис Бурков приказал мне отправиться домой и отоспаться. Но в полночь послал мне с нарочным записку: в шесть

утра быть на Центральном аэродроме.

Вот так! На аэродроме мне предстояло встретиться с полковником Сапожниковым, получить от него все необходимые инструкции и быть еще готовым к дальней и длительной командировке.

В пять часов за мной заехал Тихон — Николай Семенович Тихонов, редакционный шофер, которому военные корреспонденты «Комсомолки» многим обязаны. Он не раз выручал нас из беды и всегда держал машину в полной боевой готовности.

На аэродроме я застал своих коллег из «Правды», «Красной звезды», «Известий», ТАССа. Как и меня, их внезапно «подняли по тревоге», а зачем, никто не ведал. Появились полковник Сапожников и два генерала. Нам объяснили: летим в Яссы. Оттуда завтра вместе с войсками входим в Бухарест — первую столицу иностранного государства, освобожденную Красной Армией. На сбор материала дается время до четырех часов дня. В четыре на аэродроме нас будет ожидать самолет. Вечером должны вернуться в Москву н написать материал в номер. Таков приказ.

Всякое бывало за минувшие годы войны: и неожиданные командировки в пекло дьявола, и срочные очерки в номер, до выхода в свет которого оставалось пять-шесть часов, многосуточные бдения над специальными выпусками, сочинение репортажей на гнилом пеньке под грохот канонады артиллерии и разрывы бомб и еще многое иное, что в обычной газетной практике почти исключено. Но такое задание воспринималось как нечто чрезвычайное. Еще бы — первая столица европейского государства. И чтобы военных корреспондентов опекали два генерала — подобного тоже мы еще не знали.

…Все шло точно по расписанию: прибыли в Яссы в назначенный час. Нам приготовили апартаменты для ночлега, совсем не солдатский ужин и даже показали какой-то трофейный кинофильм.

А утром вместе с войсками вошли в Бухарест. Тысячи людей приветствовали наших бойцов. Музыка, цветы, улыбки.

У командиров частей свои задачи, и им не до наших забот. А нам за несколько часов надо осмотреть город, собрать интересные факты, поговорить с жителями, в общем пропасть хлопот. И, как это уже не раз бывало со мной, помог случай: в поисках средства передвижения я, не зная языка, пытался на пальцах объяснить водителю такси, что мне надо. И вдруг слышу на чистейшем русском языке: «Садитесь, дорогой товарищ… Покажу все, что захотите». Это оказался русский эмигрант. Как он уверял меня во все время нашей поездки по Бухаресту, он с самого 1919 года

ждал нас и наконец дождался. Оставляя искренность этих слов на его совести, должен, однако, заметить, что лучшего гида я тогда и пожелать не мог. Мы изъездили весь город, побывали на рабочих окраинах, в местах живописных и очень любимых жителями столицы Румынии, съездили даже на дачу Антонеску, правда уже превращенную в руины.

Время, отведенное на сбор материала, истекало. Я заторопился на аэродром и прибыл в условленный час. И тут приключилось совершенно непредвиденное, нечто такое, что грозило сорвать так замечательно начавшуюся экспедицию: наш самолет вышел из строя, и добираться до Москвы было не на чем. Полагаю, что читающий эти строки вряд ли может в полной мере представить степень нашего отчаяния.

Но безвыходных ситуаций не бывает. Сопровождавшие нас генералы нашли выход, просто гениальный выход: нас погрузили вместо бомб в бомболюки американских бомбардировщиков, несколько часов назад перебазировавшихся сюда. По человеку в каждый бомболюк. Я летел в паре с фотокорреспондентом Анатолием Григорьевым. Ощущение было такое, что стоит нечаянно задеть локтем какой-нибудь рычажок, как полетишь вместо бомбы на неизвестный объект. Но от одной мысли, что все-таки лечу, уже становилось теплее на сердце. И уже в пути начал складываться будущий репортаж.

Не знаю, сколько часов мы пробыли в полете, но, когда сели, было темно. Сели мы не на тот аэродром, где меня должны были встретить. Пристроился в машину, кажется, известинца. И вдруг (боже, сколько уже раз было это «вдруг») нас обгоняет «виллис», и кто-то машет мне рукой, останавливает нашу машину. Из «виллиса» выскакивает Лева Ющенко. На объяснения нет и секунды. Мчимся на невероятной скорости. Подкатываем к подъезду «Правды», и тут оказывается Юрий Жуков. У него тоже нет времени, чтобы справиться, жив ли я. Он тащит меня… Нет, не в редакцию, а в типографию, к линотипу.

— Диктуй… В номере тебе оставлено четыре колонки.

Я, наверное, покривил бы душой, сказав, что пришел в восторг от представившейся возможности блеснуть искусством, которому столь методично и упорно учил меня Жуков с того самого момента, как я стал его заместителем. Диктовать в номер репортаж на четыре колонки, да не машинистке, а линотипистке, мне еще не случалось. Все в этой истории складывалось невероятно — и начало, и конец.

По всей видимости, я измучил линотипистку, себя довел до предела, но репортаж поспел почти вовремя. Юрий читал гранки тут же, у линотипа, и, к моему удивлению, почти не правил.

Несколько строк вычеркнул, несколько слов вписал.

…Утром на летучке нечаянно-негаданно я оказался в центре внимания. И очень порадовало, что товарищи отметили всех, кто в той или иной степени был причастен к публикации: не забыли одарить добрым словом и Тихона, и линотипистку, и конечно же Леву Ющенко, так оперативно перебравшегося с одного аэродрома на другой.

* * *

Было это недалеко от Берлина. Май дышал полной грудью. И звезды горели в полный накал: от кого и для чего им теперь было маскироваться?! И мысли приходили в голову совсем мирные, уснуть от них было невозможно. На зорьке птицы пели, тоже ведь учуяли, что война кончена, невесть откуда прилетели тревожить солдатские души.

В общем расцвела всеми красками весна. Такая, о которой мечталось в окопе и землянке, на госпитальной койке и на марше. Не надо было убивать, и не надо было беречь себя от смерти. И хотя раны еще ныли, и стоны товарищей еще в ушах стояли, и тоска сжимала горло, весна брала свое.

В такую ночь произошел у меня разговор с майором Михаилом Опариным. Судьба нас впервые свела в августе сорок первого под Ижорой. Много раз затем она нас разлучала и сталкивала, а теперь, когда уже дым над рейхстагом развеялся, мы опять встретились.

Тогда, в августе сорок первого, Михаил сказал:

— Нам, брат, погибать никак нельзя… Победим и такое на земном шарике сотворим, что на тысячу лет поколениям оставим на диво. Завидовать ведь будут… Точно.

В ту пору такие речи воспринимались по-особому, их запоминали на всю жизнь. В словах тех не было бахвальства, но была неудержимая страсть к жизни, вера в свою большую судьбу и, главное, не любование тем, что уже сделал, а любовь к тому, что предстоит свершить.

И вот встреча в лесу, недалеко от Берлина. Опарин постарел. Впрочем, нет, он стал старше — это совсем другое. Минувшие четыре года — десятилетиям не чета… Не о ратных подвигах в ту ночь говорил мой друг, хотя и было ему что рассказать: через тысячи смертей прошел он. Мыслями был в будущем, в котором для себя не видел передышки.

— Мне бы только от последствий контузии избавиться… Пули и осколки — черт с ними, пускай торчат в теле… От болей в

голове бы избавиться — и такое еще натворю…

— Чего же?

— Да мало ли дел!..

Давно не видел я Опарина, а дошел-таки до меня слух: здравствует в Сибири, крепким колхозом верховодит.

Сколько же Опариных повстречалось на дорогах войны! И когда вспоминаешь их поименно, воскрешаешь для себя их образы, невольно охватывает какое-то чувство гордости за то, что посчастливилось с такими дружить, за то, что хоть в малейшей степени причастен к тому, что они сотворили доброго в мире.

И почему-то всегда, когда мысль обращается к этим людям, по ассоциации, суть которой не могу определить, возникают воспоминания о другой ночи, предшествовавшей гибели истинно замечательного журналиста Петра Лидова. Он погиб под Полтавой, на аэродроме, на котором базировались американские «летающие крепости», совершавшие челночные перелеты через Ла-Манш к нашим украинским степям.

Мы сидели на окраине взлетного поля, вспоминали минувшее, рисовали себе картины завтрашнего. Петр был по природе лириком и потому в каждом человеке стремился отыскать прежде всего черты поэтические. Он искренне был убежден, что после войны создаст многокнижную поэму о тех, кто в тяжелый для Родины час надел солдатскую шинель, оставив любимое дело, любимых людей. Петр сам был частицей их жизни. Вражеская бомба убила его, и планам талантливого летописца Великой Отечественной не суждено было свершиться. Но десятилетия спустя, перечитывая написанные Лидовым главы задуманной им поэмы, все отчетливее представляешь себе душевное богатство и мужество тех, с кем сегодня не можешь разделить радость завоеванной в борьбе победы над злом. Победы личной и общенародной. Победы, озаряющей дорогу всех лет жизни, определенных каждому судьбой. Победы, счастье которой оставляешь в наследство детям и внукам. Победы, в которой есть частица твоих физических и духовных усилий, капля твоей крови.

Лев ЮЩЕНКО. ПАМЯТЬ

Было лето сорок второго, шел второй год войны, и за плечами у меня, военного корреспондента «Комсомольской правды», был уже и пограничный горящий Выборг, и блокадная зима Ленинграда, и освобожденный Тихвин, и весенние бои под Старой Руссой.

В июле я временно работал в Москве, в редакции, в отделе фронта. В те дни основные события войны развивались в Крыму и на Украине. Уже пали Харьков и Севастополь, и враг усиливал натиск. В ночь на 16 июля, когда я дежурил по отделу, редакционный телетайп принял сообщение Совинформбюро: наши войска оставили Богучар и Миллерово. Стало ясно: немцы прорываются в излучину Дона и будут продвигаться к Волге, на Сталинград. Увы, на том, новом, сталинградском направлении наших военных корреспондентов не было: совсем недавно в боях под Харьковом погиб Иван Наганов.

Ночью меня вызвал Борис Бурков, главный редактор «Комсомольской правды»:

— Срочно оформляй документы и вылетай в Сталинград…

Все решалось и делалось быстро, этого требовала обстановка. Прошло чуть более суток, и в полдень 17 июля я приземлился в самолете на сталинградской земле. Конечно, тогда я не мог знать, что именно этот день — 17 июля 1942 года — будущие историки назовут первым днем Сталинградской битвы. Хотя бои шли еще в излучине Дона, это было уже сражение за Сталинград.

В штабе Сталинградского фронта мне выдали мандат, предписывавший «всем войсковым частям оказывать тов. Ющенко содействие в выполнении возложенных на него обязанностей». И с этим мандатом (он у меня сохранился) я уехал на передовую, к Дону.

В июле — августе мои очерки и корреспонденции со сталинградского направления «Комсомольская правда» печатала почти в каждом номере (иногда их подписывали псевдонимами— Л. Андреев или Л. Енисеев). Даже их заголовки говорили о тяжелых боях под Сталинградом, напряжение которых возрастало изо дня в день: «Ожесточенные бои в излучине Дона», «Упорные бои на центральном участке Дона», «Ожесточенные сражения в районе Клетской», «Враг рвется вперед».

Да, враг пробивался на восток. К концу августа 6-я немецкая армия под командованием Паулюса форсировала Дон, захватила плацдармы и стала накапливать танки и мотопехоту для прорыва к Волге и удара непосредственно на город Сталинград. И вот этот

день наступил…

В тот день, 23 августа, я был в Сталинграде и в послеполуденный час шел в южную часть города, где в неприметном овражке размещался фронтовой узел связи. Было знойно, пылало солнце, дул обжигающий суховей, все раскалилось. Последний дождь выпал много недель назад. Даже старые тополя на бульварах пожелтели и высохли. Не хватало воды, и у водоразборных колонок толпились женщины и дети с ведрами и бидонами. Это были и горожане, и люди, бежавшие с Дона. Дальше, за Волгу, перебраться было трудно, удавалось это далеко не всем. Беженцев было так много, что жилья для них уже не осталось, и они устраивались, как могли: кто в пустом сарае, кто в палатке или в самодельном шалашике.

В Сталинграде скопилось до 600 тысяч мирных жителей. И пока я шел по улицам города, всюду видел шалаши и палатки беженцев. На скверах, в садиках, во дворах, на каждом клочке земли дымились печурки в два-три кирпича, висело сохнущее белье, играли и бегали дети. Хотя до начала трагедии оставались считанные минуты, об этом, конечно, никто не подозревал. Да и что, казалось бы, могло в этот час угрожать непосредственно городу, если бои шли еще на Дону, в шестидесяти километрах от Сталинграда. Я только что ранним утром вернулся оттуда, с передовой, и шел на телеграф передавать в Москву репортаж о последних боях.

Было около шестнадцати часов по московскому времени, когда я вошел в деревянный домишко, в экспедицию узла связи. Дежурный взял у меня телеграмму и сделал на ней пометку: «Бомбардир» (позывные Сталинградского фронта). Этот листок пожелтевшей бумаги с пометками связиста сохранился в архиве, и сейчас, через сорок лет, он снова передо мной. В нем я сообщал начальнику отдела фронта «Комсомольской правды» Юрию Жукову, что выслал новые стихи Евгения Долматовского и очерк Анатолия Калинина, а также оперативную корреспонденцию с Дона.

Но телеграмма эта в тот день уже никуда не ушла. Судя по служебной отметке, она только через неделю была доставлена в Москву самолетом. Почему? На узел связи в Сталинграде она поступила 23 августа в 16.13 по московскому времени. А к этому моменту телеграфная связь с Москвой, даже со Ставкой, была уже прервана. И до начала трагедии оставались минуты.

Едва я вышел из домика экспедиции, как завыли сирены, и тотчас донесся глухой гул бомбежки. Вдали, в южных кварталах, низко над крышами клубились темные, пыльные облака, и в них

сверкали яркие вспышки. Выше, в небе, летели вражеские бомбовозы: сотни машин, поблескивавших на солнце. За всю войну еще я не видел такую армаду, а из-за горизонта все появлялись новые эскадрильи «юнкерсов» и «хейнкелей». Они приближались, и гул их моторов, свист бомб, грохот взрывов надвигался почти осязаемой, ощутимой стеной. Уже взлетали обломки деревянных домишек, загорались сарайчики, высохшие деревья, в палисадниках вспыхивала сухая трава. И люди, выбегавшие из домов, из палаток, из самодельных шалашиков — с детьми, с узлами, полуодетые, — уже метались дворами и переулками, ища спасения, и падали, скошенные осколками.

Какой-то грузовик, мчавшийся по улице, подхватил меня, и скоро я оказался в центре города. К этому времени первая волна бомбардировщиков схлынула, а вторая еще не подошла, и на пять — десять минут в воздухе и на земле стало тише. На главной площади, усеянной битым стеклом и обломками, дымились воронки, в домах занимались пожары. Около здания универмага (где впоследствии был пленен Паулюс) санитары подбирали убитых и раненых, которых взрывом разметало по всей мостовой.

Дом обкома партии был еще цел: там же помещался и обком ВЛКСМ. Торопясь, я вошел в кабинет Виктора Ленкина, первого секретаря обкома комсомола, и от него узнал ошеломляющую весть: немцы уже в Сталинграде. Да, сказал Левкин, они уже у Тракторного завода и там идет бой. Сегодня на рассвете они прорвали нашу оборону на Дону, у Песковатки и Вертячего, и за несколько часов совершили бросок к Волге. Их прорыв к Сталинграду был так неожидан, что о нем даже председатель городского комитета обороны Алексей Семенович Чуянов узнал уже после того, как немцы появились на северной окраине города. Когда в этот час директор Тракторного завода позвонил Чуянову и сказал, что из окна своего кабинета видит фашистские танки, обстреливающие завод, Чуянов сначала ему не поверил и стал звонить в штаб фронта; и даже там ему не сразу подтвердили весть с Тракторного.

Пока я говорил с Левкиным, вдали снова возник гул и грохот: шла вторая волна бомбардировщиков. Она приближалась, и я бросился из кабинета на улицу. С собой у меня была «лейка», которой я снимал и в блокадном Ленинграде минувшей зимой, и здесь, на Дону, на подступах к Сталинграду, — газета иногда печатала мои снимки.

На улице я добежал до здания драматического театра и по крутой пожарной лестнице взобрался на крышу. И только там, в высоте, оглянув все вокруг, впервые понял масштабы трагедии. Хотя с начала бомбардировки прошел всего час, горели целые

кварталы. Пожары сливались, огонь бушевал до горизонта, а сильный и жаркий ветер с Заволжья раздувал эту адскую топку. Сквозь пламя и дым чуть виднелись фигурки людей, метавшихся по улицам и площадям. Черный дым уже заволакивал солнце, стало быстро темнеть, и я, торопясь, сделал несколько снимков горящего Сталинграда.

А в небе вторая волна бомбовозов уже надвигалась на центральные кварталы. Поблескивая винтами, тяжелые самолеты плыли уже над головой, и было отчетливо видно, как от них отрывались и косо падали вниз бомбы и бомбочки, фугасы и зажигалки. Лихорадочно щелкая «лейкой», я старался поймать в объектив и эти округлые, темные капли, со свистом летящие вниз, в самые недра пожаров. И я видел, как там, куда они падали, снова все содрогалось и вздыбливалось, с чудовищной силой швырялось землей, кирпичами, пылающим деревом, обломками зданий и железными балками; и раскаленное, ревущее пламя, фонтаном взлетавшее к небу, с высоты с новой силой обрушивалось на горящие кварталы[1].

Фугаски падали уже и поблизости от театра. И хотя в «лейке» оставалось еще несколько кадров, я стал спускаться по той же отвесной металлической лестнице. За пять минут, пока я работал на крыше, лестница нагрелась так, что обжигала руки.

И в те же минуты, как потом я узнал, на севере города разгорался бой у Тракторного завода. Сначала фашистские танки были встречены зенитными батареями. Обстреляв зенитчиков и пройдя в километре от заводской проходной, танки прорвались к берегу Волги у поселка Рынок. По сигналу тревоги на Тракторном был поднят в ружье истребительный батальон. Через тридцать минут он выступил из заводских ворот и начал занимать оборону между Тракторным и Рынком, на склонах высохшей речки Мечетки. Туда же выдвигались и только что сошедшие с конвейера «тридцатьчетверки» с экипажами из рабочих и техников.

И туда же, к Тракторному, на помощь отрядам народного ополчения уже спешили военные и партийные работники города и подразделения местного гарнизона.

Поздно вечером, в разгар бомбежек и пожаров, городской комитет обороны послал на Тракторный и Виктора Левкина, комсомольского вожака. Когда Чуянов позвонил Левкину, я был у него в кабинете: примостившись на краешке стола, писал корреспонденцию для своей газеты. «Едешь на Тракторный?» — спросил меня Левкин, положив телефонную трубку. Он взял с собой и Тамару Тягунову, инструктора обкома комсомола, и

спустя полчаса мы уже мчались по улицам в обкомовском грузовике: Левкин — в кабине, а Тягунова и я — в кузове.

Этот отчаянный, бешеный бег машины по горящему, под бомбами гибнущему городу мне не забыть никогда. Весь центр Сталинграда горел, и машина мчалась по улицам, как по огненным коридорам: с обеих сторон пылали дома, деревья, заборы, телеграфные столбы. Деревянные строения уже превратились в груды раскаленных углей. Рушились многоэтажные здания, дымно и смрадно горел асфальт.

Но страшнее всего было видеть, как у нас на глазах гибли люди. Один корчились на земле, истекая кровью или уже обуглившись до черноты. Другие задыхались от дыма в колодцах канализации, куда прятались от огня. А те, кто все же пытались спастись бегством, — с детьми, полуодетые, почти нагие, сорвавшие с себя тлеющую одежду, — те бежали все в одну сторону, к Волге, хотя и там, на берегу, все тоже горело: пристани, пароходы, склады, баржи с горючим.

Какая-то женщина перед самой нашей машиной стала перебегать дорогу, прикрывая лицо от искр, и вдруг разом, как порох, ярко вспыхнули ее пышные, красивые волосы.

Внезапно наш грузовик резко затормозил: впереди в черном дыму медленно текла через улицу огненная река: где-то поблизости взорвалось нефтехранилище. И хотя остановились мы на самой середине мостовой, жар с обеих сторон обжигал лицо, горький и едкий воздух захватывал дыхание. Ни звезд, ни ночного, темного неба над нами не было, только вихри искр и клубы багрового дыма над головой. Да и позади все полыхало, как в топке.

К счастью, водитель не растерялся. Хорошо зная город, он тотчас свернул в какой-то проулок и сквозь дым и огонь почти наугад проскочил на соседнюю улицу, где пожары только еще занимались; и мы снова помчались вдоль Волги на север.

Уже показался Мамаев курган, на нем горела трава. Начинался район знаменитых сталинградских заводов-гигантов: отсюда на фронт днем и ночью шли танки, пушки, снаряды. Но странно, чем ближе мы подъезжали к Тракторному, тем меньше вокруг было пожаров, тем легче было дышать. Да и воронки от бомб на дороге попадались не часто. Заводы казались нетронутыми бомбардировкой: их трубы дымили и слышался гул работающих цехов.

Почему же враг не бомбил заводы, выпускающие вооружение для действующей армии? Это мы поняли, когда подъехали к Тракторному, к заводской проходной. Все вокруг было усеяно бумажками, белевшими в свете пожаров, — фашистскими

листовками, сброшенными с самолета. Я поднял одну из них и прочел такие стишки: «Дон взяли бомбежкой, в Сталинград войдем с гармошкой!» Далее листовка призывала рабочих и инженеров Тракторного «сохранять станки и сырье до прихода германской армии, с тем чтобы после освобождения от большевизма активно включиться в строительство нового порядка в Европе».

В здании проходной помещался и Тракторозаводский райком комсомола, и мы с Левкиным и Тягуновой сразу пошли туда. В большой полутемной комнате, освещенной свечой, толпились парни, молодые рабочие, — записывались в отряд добровольцев. Я стал заносить их имена в свою записную книжку: они должны были войти в корреспонденцию, которую я рассчитывал к утру передать в газету. Правда, пока я не знал, как это сделать: связи с Москвой не было. Даже находившийся на заводе нарком танковой промышленности В. Л. Малышев, представитель Государственного Комитета Обороны, не смог соединиться со Ставкой ни по телефону, ни по телеграфу: все наземные линии связи были уже перерезаны.

Пока шла запись добровольцев, в углу комнаты у раскрытого сейфа секретарь райкома Лидия Пластикова отбирала документы, подлежавшие немедленному уничтожению, в первую очередь чистые бланки комсомольских билетов. Их побросали в мешок и унесли в котельную. Но одну пачку билетов Пластикова все же оставила. А знамя райкома, висевшее на стене, она сорвала с древка и, сказав: «Ребята, отвернитесь, пожалуйста», спрятала у себя под одеждой. (Забегая вперед, скажу, что это знамя Л. Пластикова сохранила в боях до последнего дня Сталинградской битвы: 2 февраля 1943 года оно было водружено над развалинами разрушенного, но не покорившегося врагу завода-героя.)

Потом я вышел из райкома. Неподалеку от здания уже выстроился отряд добровольцев: плотная, молчаливая, суровая шеренга молодых, а иногда и совсем еще юных, мальчишеских лиц, освещенных светом пожаров. Пламя над центром города вздымалось добела раскаленными, ревущими языками, слышались взрывы и грохот. Горел уже почти весь Сталинград, и пожары все ближе подступали и к Тракторному, к площади у заводской проходной.

А по другую сторону площади, за корпусами завода, тянулся рубеж обороны: вспышки выстрелов и разрывов и медленно плывущие над окопами трескучие факелы осветительных ракет. Еще дальше, на волжском возвышенном берегу, в поселке Рынок, над домишками и деревьями то и дело взлетали ракеты — зеленые, белые, красные, цветные нити трассирующих пуль

прошивали багровое небо. Но то был не бой, нет, там, в Рынке, враги праздновали победу. Наконец-то они, завоевав уже пол-Европы, дошли и до Волги, великой русской реки. Именно в том неприметном, безвестном, деревянно-саманном поселочке, что виднелся сейчас вдалеке в ликующем свете ракет, именно там, на песчаном речном берегу, заросшем травой и кустарником, гремящие, грязные гусеницы немецких танков впервые коснулись светлой волжской воды.

Почему же на этот малозаметный поселок было нацелено острие танкового удара 23 августа? Одним броском от Дона к Волге, к Рынку враг перерезал все железные и шоссейные дороги от Сталинграда на север, к Москве, к центру страны. В самом Рынке танки сразу стали обстреливать с берега и судоходный фарватер, который здесь проходил как раз рядом с поселком. Под огнем оказалась и Волга, последняя и единственная транспортная магистраль между югом и центром страны.

Оттуда же, от Рынка, немцы могли атаковать и Тракторный. Наблюдая с возвышенности и видя в бинокли, как из широко распахнутых ворот все время выходят танки и вооруженные отряды занимают рубеж на Мечетке, немцы не могли не понять, что взять завод невредимым им уже не удастся. К этому часу листовки с неба уже не сыпались. Зато в цехах и на площади у проходной все чаще рвались снаряды и мины. С рассветом можно было ожидать и жестокой бомбардировки, а за ней — и атаки.

И вот туда, на рубеж обороны, к Мечетке, уже уходил и отряд добровольцев, ребят с автоматами через плечо, в пиджаках, в рабочих спецовках, с подсумками, полными гранат и патронов. Юнцы несли и тяжелые противотанковые ружья, и по тому, как неумело они это делали, видно было, что они еще не привыкли к оружию и им трудно придется в бою. Для многих из них первый бой на Мечетке может стать и последним в их жизни. И я шел рядом с ними, стараясь запомнить их лица, одежду, выражение глаз, их суровую молчаливость и отблеск пожаров на их новеньких автоматных стволах, еще блестевших от заводской смазки; и я об этом хотел написать в своей газете. С досадой подумал, что в «лейке» есть еще пленка, а я, увы, в этом огненном сумраке ночи не могу заснять для газеты уходящих на фронт добровольцев. Правда, подумал я, скоро рассвет и, когда встанет солнце, я, может быть, сделаю снимки этих ребят там, на Мечетке, в окопах.

Но в те минуты я, конечно, не знал, что пленка в «лейке» останется недоснятой, а корреспонденция — недописанной…

Рано утром, едва в тучах дыма и пепла над пылающим

Сталинградом пробилось мутное, багровое солнце, меня ранило осколками снаряда. Он разорвался так близко, что ощутить что-либо я не успел и упал без сознания на сухую, жесткую землю, поросшую выгоревшей травой.

А когда я пришел в себя, было уже под вечер. В окровавленной гимнастерке, с забинтованной головой я лежал вниз лицом на какой-то узенькой койке. Я был не в поле, где меня ранило, а в тесной пароходной каютке, полной едкого дыма. Ее стены горели, на мне тлела одежда, и от этой боли, нестерпимой даже в беспамятстве, я и очнулся. О том, что было дальше, рассказывает архивный документ— мое письмо в редколлегию «Комсомольской правды», посланное уже из госпиталя, из Саратова. «Очнулся, смотрю — я в каюте, на пароходе, все горит, кругом взрывы, крики, палуба в огне. Что произошло потом, помню плохо. Пошел (вернее, пополз) на палубу. Кругом столбы воды, взрывы, пароход накренился, горит. У меня было какое-то бессознательное состояние, но, очевидно, соображал. Стянул с себя все — гимнастерку, портупею, кобуру без пистолета, футляр без «лейки». В воде десятки голов, кругом прыгают те, кто может двигаться. Тяжелораненые кричат, ползут к борту, жар, все горит. До берега (до отмели) метров пятьдесят. Спасло нас, что пароход сел на мель. Помню только: спустился в воду, стало легче, неглубоко, по пояс. Дальше не помню ничего — как выбрался, оказался на отмели. Очнулся 26 августа в госпитале в Ленинске, на том берегу Волги. Теперь знаю, что меня кто-то привез на пароход «Композитор Бородин», который вывозил раненых по Волге. Было это днем 24 августа. Немцы к тому времени прорвались у Тракторного к реке, установили на берегу артиллерию и минометы. Пароход был обстрелян, затонул, сгорел. Из 600 раненых спаслось 130 человек. Многие утонули».

В этом письме много раз повторялось «не помню». После контузии память о прошлом возвращалась медленно и тяжело. Долгими осенними вечерами, в полутемной палате госпиталя, на койке, я, закрывая глаза, мучительно вспоминал, что же было после того, как я сполз с палубы горящего парохода «Композитор Бородин». И вот в памяти слабо забрезжила такая картина: широкая гладь реки, освещенная заходящим солнцем, а на ней, на воде, — неподвижные человеческие тела. Среди них и я, лежащий на невидимой отмели. Воды на ней всего на вершок, но лечь головой на песок нельзя, захлебнешься, и поэтому — вспомнил! — я, как и другие, голову положил на тело мертвого человека. Вероятно, он умер уже на отмели: лежал в воде вверх лицом, в солдатском нижнем белье, без руки, отрезанной до локтя, и течение шевелило его размотавшийся бинт с

желтоватыми пятнами крови. А ветер доносил к нам крики и стоны, дым и гарь с пылающего парохода, который застрял на мелководье метрах в двухстах от нас. Мимо нас по реке несло тлеющие головешки, обломки скамеек, хлопья пены, до дыр прожженные матрацы, клочки бумаги, пустые санитарные сумки, комья смятых, грязных бинтов. Проносило и обгоревшие трупы и еще живых раненых, звавших на помощь.

Боясь опять это забыть, уже не надеясь на память, я тогда, еще в госпитале, нацарапал карандашом на бумаге: «Ложился обожженной спиной на мокрый песок. Голову на труп». Днем позже на том же листке бумаги я записал: «Забытье, какая-то лодка, потом лежу под деревом, ночь, зарево над Сталинградом». Эту запись поясню. Поздно вечером кто-то приплыл к нашей отмели на лодке и перевез живых через Волгу; и смутно помню, как лежал на берегу, на песке, под ветками дерева, — а за рекой пылал Сталинград. Еще одна запись — о том, как полз из горящей каюты: «Вода заливала палубу. Мне казалось, что немцы стреляли с берега. Сознание — у меня нет оружия. Поднял пистолет в кобуре, лежавший на палубе, надел ушками на ножку скамьи, столкнул в воду. Потом не помню. Кажется, скамью выхватили».

Листок с этими записями я очень берег: хотел написать рассказ о гибели санитарного парохода на Волге. Не сразу, конечно, не в госпитале, не в эти тяжкие, тревожные дни, когда сражения шли и на Волге, и на Кавказе. Уличные бои в Сталинграде достигли небывалого ожесточения, и оттуда в наш госпиталь везли много раненых. Палаты были переполнены, люди лежали в коридорах. Я расспрашивал их о положении в Сталинграде и вот что сообщил тогда в редколлегию «Комсомольской правды» (письмо сохранилось): «Раненые рассказывают, что в последние дни положение в Сталинграде улучшилось. Много нашей авиации. Твердая уверенность — Сталинград не отдадут».

Да, уверенность крепла, и до начала нашего решающего контрнаступления под Сталинградом, до 19 ноября 1942 года, оставались уже считанные дни.

А когда это долгожданное наступление началось и наши войска окружили сталинградскую группировку врага, я, увы, еще не был в строю, еще долечивался в другом госпитале, под Москвой. И там однажды всерьез задумался над рассказом. Для начала я переписал в тетрадку те карандашные заметки, которые делал в Саратове. Потом появилось в тетрадке название — «Воля», появились и первые строчки. Но вскоре я вышел из госпиталя, и работа над рассказом оборвалась.

Так я и поехал на фронт, с этой тетрадкой. Поехал уже не в

Сталинград, где к тому времени прозвучали последние, победные выстрелы, а к Орлу, Курску, Белгороду, где развивалось наше зимнее наступление и уже начинал вырисовываться контур будущей знаменитой Курской дуги. Потом я много писал о боях на Огненной дуге, колесил в своей «эмке» по фронтовым большакам и проселкам, спешил все увидеть, узнать и обо всем сообщить в «Комсомольскую правду», — и просто не было времени думать еще и о своем ненаписанном рассказе.

Курская битва завершилась 23 августа. В тот день, еще на рассвете, в лесу на окраине Харькова мы с Юрием Жуковым в потоке войск пробивались на «эмке» в только что освобожденный город. Сохранилась старая фотография: в то утро Ю. Жуков и я сидим на главной площади Харькова, у Дома госпромышлепности, сидим… в зарослях кукурузы. Громада знаменитого дома выгорела дотла, площадь выглядит одичавшей. И помню, на площади, среди всякого хлама, валялась груда газет времен оккупации. Был там и «Сигнал», фашистский журнальчик, который издавался в Берлине для оккупированных народов Европы. И вот в этом случайно попавшемся старом, годичной давности, журнале я впервые увидел большую и мастерски выполненную немецкую фотографию из Сталинграда с надписью: «Волга — в наших руках!». Сфотографировано было с обрыва над Волгой, сквозь ветки кустарника и, вероятно, уже на закате солнца, в слабом вечернем свете. Трое немецких солдат-минометчиков, в касках, с засученными рукавами, вели беглый огонь по реке; а невдалеке от них, на мелководье, догорало какое-то полузатонувшее судно. Присмотревшись, я различил большой пассажирский пароход, колесный, трехпалубный, с высокой трубой. К моменту снимка от него остался обгоревший скелет, весь окутанный дымом и паром, труба обрушилась в воду, и видно было, как волжское течение, омывающее пароход, уносило хлопья горячей, дымящейся пены. Чем дольше я всматривался в фотографию, тем больше узнавал в ней нечто очень знакомое: то, что увидел когда-то, очнувшись на волжской отмели. И если это был «Композитор Бородин», то отмель с живыми и мертвыми находилась от него метрах в двухстах ниже по течению и осталась где-то за кадром. Да и дата съемки — 24 августа 1942 года — была датой гибели «Бородина». И помню, с каким волнением я рассматривал фотографию.

А еще год спустя, в октябре 1944-го, я снова увидел эту фотографию при весьма необычных обстоятельствах. В те дни «Комсомольская правда» один за другим напечатала три моих репортажа с границы Восточной Пруссии. Первая пядь немецкой земли, на которую мне довелось ступить, лежала за пограничной

болотистой речкой Шешуна, за ржавой колючей проволокой, опутавшей илистый берег: там у поваленного столба с жестяным германским орлом начиналась улица первого немецкого городка, полуразрушенного Эйдткунена. А самый первый немецкий дом, весь иссеченный пулями и осколками, стоял на дамбе через Шешупу: одноэтажное кирпичное здание старинной постройки. Совсем недавно его покрасили заново, что было странно и необычно во фронтовой полосе. Я вошел в дом и все понял: здесь помещалось казино для офицеров дивизии, оборонявшей Эйдткунен. Зал был завален перевернутыми столами и стульями, пол усыпан пустыми бутылками и крошевом битой посуды. С разбитой люстры свешивался обрывок фашистского флага. Написанные на стене свежей масляной краской изречения фюрера призывали стойко защищать Восточную Пруссию — колыбель германской нации.

Распихивая столы и стулья, я пробрался в угол зала, где над стойкой бара на самом видном месте висели какие-то три картины. Одна из них оказалась портретом Гитлера, и кто-то уже прошил ее автоматной очередью. А по бокам висели две фотографии, сильно увеличенные и оправленные в деревянные рамки. И, взглянув на них, я едва поверил глазам. В этом первом немецком доме оказался тот самый, знакомый мне снимок из «Сигнала»: Волга, обрывистый берег, трое солдат-минометчиков в касках, с засученными рукавами, а поодаль от них, на мелководье, — догорающий остов пассажирского парохода, возможно «Композитора Бородина». Да и подпись под фотографией осталась все та же: «Волга — в наших руках! 24 августа 1942 года». На другой фотографии, тоже сорок второго года, я увидел панораму заснеженного Эльбруса: ее сделали с вершины, где немцы-солдаты только что установили флаг с черной свастикой. Этот триптих, висевший над стойкой бара, — Гитлер, Волга, Эльбрус — призван был поднимать дух и веру у каждого, кто входил в зал офицерского казино. Для них тот русский пароход, погибавший на Волге, был лишь красноречивой деталью на фотографии, прославляющей Гитлера. Даже теперь, в сорок четвертом, проигрывая войну и отступив до самой Шешупы, они все еще цеплялись за миф о всемогуществе фюрера: мол, он, сумевший дойти и до Волги, и до Эльбруса, сумеет закрыть на крепкий замок границу Германии. И, рассматривая триптих, я решил, что и это войдет в мой рассказ о гибели санитарного парохода под Сталинградом.

И хотя до конца войны — а День Победы застал меня в Австрии, в Альпах, — я так и не успел закончить рассказ, он

всегда был со мной, в полевой сумке. Лишь осенью сорок пятого года, вернувшись с войны, я смог написать еще десяток страниц. К тому времени у меня скопилось столько фактов, деталей, заметок, связанных с историей «Композитора Бородина», что первоначальный замысел стал тесным для собранного материала. А как его углубить, пока я не знал. К тому же в те дни прочел в октябрьской книжке журнала «Знамя» рассказ «Гибель командарма». Имя автора — Галина Николаева — я встретил впервые, но сам рассказ читал не отрываясь: в нем я узнавал что-то очень знакомое и тоже когда-то пережитое мною. В рассказе тоже был сорок второй год, пылающий Сталинград и гибнущий па Волге санитарный пароход. Как и «Бородин», он вывозил раненых из Сталинграда и, обстрелянный немцами, затонул и сгорел на мелководье неподалеку от берега.

Да, рассказ на эту тему был уже написан, стал фактом литературы. Повторяться нельзя, нужно писать повесть, тем более что к большему полотну тянул и собранный материал. Нужно было и побывать в тех местах, где все начиналось.

Январским морозным днем я приехал в Сталинград, на Тракторный завод, уже полностью восстановленный. И от завода знакомой дорогой пошел к бывшему рубежу обороны — к Мечетке, к Волге, к поселку Рынок. Дотла сожженный поселок почти еще весь лежал в руинах. Проулком я спустился к реке. Из архивов я уже знал, что «Композитор Бородин» затонул и сгорел у Рынка и что он был единственным пароходом, погибшим 24 августа. Следовательно, на фотографии, которую я видел в «Сигнале» и в первом доме на немецкой земле, на фотографии, датированной 24 августа 1942 года, мог быть только «Бородин». И вот я стоял на обрывистом берегу, заросшем кустарником, на том самом месте, откуда был сделан снимок. Сомнений уже не оставалось. Как и на снимке, неподалеку от берега была мель. На ней громоздились льды. Но только ли льды? Казалось, под ними лежит что-то большое, массивное, — может быть, корпус сгоревшего парохода?

Я зашел в стоявшую поблизости саманную хатку. В ней жили люди, приехавшие с Украины. В войну их здесь не было, но они тоже слышали о погибшем санитарном пароходе и видели его старый корпус, занесенный песком: прошлой осенью, до ледохода, он еще торчал над водой. Люди вспомнили, что раненых с того парохода, погибших в огне или в воде и вынесенных волнами к берегу, немцы велели зарыть в общей могиле. «А где это?» — «Там за поселком».

Я пошел туда и в поле, вдали от дороги, рассмотрел одинокий холмик, занесенный сугробами. Проваливаясь в снегу,

добрался до холмика и увидел деревянную ветхую пирамидку с красной звездой. Фамилий на ней не было, только дата — «1942 год», и кто здесь похоронен, и сколько их, никто, конечно, не знал. Это была лишь одна из 187 братских могил Сталинграда, отмеченных пока только такими деревянными пирамидками. Павшим за Сталинград еще предстояло соединиться всем вместе где-то в его священной земле. Таким местом, по общему мнению, должен был стать Мамаев курган. И, стоя у безымянного холмика над Волгой, я думал, что и это должно все войти в мою повесть.

Казалось, повесть созрела; но, написав ее первые главы, я убедился: быть очевидцем событий еще недостаточно, нужно изучить их и по документам. Архивы находились в Москве; но я к тому времени уехал надолго корреспондентом в Берлин, и работа над повестью опять отложилась. Лишь годы спустя смог я вернуться к неоконченной рукописи и поработать в архивах и библиотеках. Выяснилось, что в истории Сталинградской битвы трагедия «Композитора Бородина» не прошла незамеченной, она упоминается в документах и мемуарах. Так, в своем «Сталинградском дневнике» бывший председатель городского комитета обороны А. С. Чуянов писал: «Бородин» с 700 ранеными на борту был у Рынка в упор расстрелян из орудий и минометов, хотя шел под флагом Красного Креста. Почти все раненые погибли.

По архиву военно-медицинских документов в Ленинграде мне удалось установить: пароход «Композитор Бородин» — санитарно-транспортное судно № 50 — летом сорок второго года вывозил раненых из сталинградских госпиталей. Начальником СТС № 56 была военврач 3-го ранга Горшкова К. И., военным комиссаром — старший политрук Карака П. Ф., ординатором — Волянская Г. Е. По тому же архивному делу, военврач Горшкова погибла на «Бородине» 24 августа 1942 года. Бывший комиссар Карака умер после войны. Но вот третья фамилия — ординатор Г. Е. Волянская — не значилась ни в одной картотеке Министерства обороны СССР. И судьбу этой женщины мне установить не удалось.

В те же годы, работая в «Литературной газете» и бывая на разных заседаниях в Союзе писателей, я встречал иногда Галину Николаеву. Она была уже признанным мастером прозы, автором широко известного романа «Битва в пути». С тех пор, как в 1945 году журнал опубликовал ее рассказ «Гибель командарма», прошло много лет. И я, помня сам рассказ, почти забыл фамилию автора. Лишь годы спустя, уже после кончины Г. Е. Николаевой, я узнал: она была врачом на «Композиторе Бородине». Николаева

— ее псевдоним, а настоящая фамилия — Волянская. Та самая Г. Е. Волянская, которую тщетно разыскивал я много лет. И только теперь я понял, почему для меня так все знакомо и узнаваемо в «Гибели командарма»: в ней почти с документальной точностью описана трагедия «Бородина».

Я узнал также, что прообразом героини этого рассказа была подруга писательницы — врач Елизавета Васильевна Бахирева, погибшая на «Бородине». О ней, о ее подвиге Галина Николаева писала еще в 1945 году в газетном очерке «Врач Бахирева». А через несколько лет, работая над «Битвой в пути», в память о Е. В. Бахиревой дала эту фамилию главному герою романа.

По очерку «Врач Бахирева», Елизавета Васильевна до войны работала врачом в детских яслях. На плавучем госпитале «Бородин» отвечала за погрузку, размещение и эвакуацию раненых. Ее уважали за добросовестность, любили за доброту и сердечность. Трудилась она самоотверженно, сутками не отдыхая, даже не заходя к себе в каюту, хотя была уже немолодой и не очень здоровой, с бледным, усталым лицом. «Это лицо, — писала Г. Николаева в газете, — было удивительным. Часто приходится встречать лица, которые поражают красотой с первого взгляда, но скоро становятся привычными и уже не радуют взора. Лицо Елизаветы Васильевны обладало как раз противоположным и редким свойством: казалось, оно хорошеет с каждой новой встречей. Красота ее заключалась в тонкости и разнообразии выражений, в мягкой и умной улыбке, в теплоте и выразительности глаз. Каждая встреча открывала что-то новое. Чем больше люди узнавали Елизавету Васильевну, тем сильнее тянулись к ней». Эта русская женщина была прекрасна даже в своей смерти. На палубе горящего, гибнущего парохода, сама уже смертельно раненная, она спасала людей, вытаскивала из огня, бинтовала их раны: всю себя до последней кровинки отдавала борьбе за жизнь.

Откуда Е. В. Бахирева родом и где окончила институт, в очерке Г. Николаевой не указано. А мои розыски в архивах привели к неожиданному результату. Фамилии Бахиревой нет в списках медиков, погибших на судне 24 августа. В тот день на «Бородине» было три врача: Горшкова, Волянская и Захарова. Волянская случайно осталась жива. А из двух погибших одна по имени была Елизавета Васильевна. Но не Бахирева, а Захарова. Так она значится в сохранившихся документах. Ошибка Галины Николаевой? Нет, в память ей навсегда врезалась именно эта фамилия — Бахирева. Даже в конце своей жизни в беседе с корреспондентом газеты писательница приводила слова Елизаветы Васильевны о своем муже: «Когда я увидела его в

первый раз, то подумала: как идет к нему эта фамилия. Большой, сильный, молчаливый — настоящий Бахирев!» Объяснение может быть только одно: по мужу Елизавета Васильевна была Бахирева, а по паспорту и врачебному диплому оставалась Захаровой.

Вспоминая о другой своей подруге, погибшей на «Бородине», о враче Клавдии Ивановне Горшковой, писательница назвала ее «молодой красавицей». Такая она и в «Гибели командарма»: начальник санитарного судна Евдокия Петровна, «красавица с добрым и честным лицом», женщина волевая и до конца верная воинскому и врачебному долгу. По архивным документам, К. И. Горшкова родом из села Гремячки Саратовской области, перед войной окончила Саратовский медицинский институт, училась на курсах при Военно-медицинской академии; с весны сорок второго года — начальник плавучего госпиталя «Композитор Бородин».

Разыскивая сведения о Горшковой, я обратился в Саратов, в медицинский институт. Оттуда сообщили: ее имя есть на обелиске в память выпускников института, погибших на фронтах.

Обратился я и в Волгоград, в дирекцию памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане. Выяснилось, что фамилии Е. В. Захаровой-Бахиревой и К. И. Горшковой там не значатся. Однако сотрудники дирекции продолжают устанавливать имена воинов, павших в боях за Сталинград. Меня попросили прислать документы на Горшкову и Захарову-Бахиреву. И я собрал документы и послал на Мамаев курган — и произошло это спустя сорок лет после гибели «Бородина».

Но еще раньше обо всем этом однажды я вспоминал далеко от России, от Волги — в гористой, зеленой Тюрингии, в старинном городе Эрфурте. Было это в Доме культуры завода «Роботрон», где в тот вечер открывались Дни советской книги в ГДР. Приехав в составе писательской делегации, я сидел в людном, праздничном зале, перелистывал только что купленный на книжном базаре плотный томик в коричневом переплете — рассказы Галины Николаевой — и находил и перечитывал вновь знакомые строчки в «Гибели командарма». А когда в этом зале с трибуны инженеры и рабочие «Роботрона» говорили о влиянии советской литературы на их современную жизнь, в их выступлениях нередко звучала фамилия, для меня тоже связанная со Сталинградом.

Речь шла о Бахиреве, герое «Битвы в пути». Этот роман популярен в республике, он не только читается, он стал своеобразным пособием для тех, кто, как и Бахирев, борется за новаторство и прогресс. Именем Бахирева названо движение за творческий труд на заводах и фабриках ГДР. Бахиревцы были и в

этом зале, и, выступая, они называли прославленную фамилию. Но никто из них, вероятно, не знал, почему из тысяч русских фамилий именно эта для них стала символом человеческого горения. Никто в этом зале не знал о той русской женщине, Елизавете Васильевне Захаровой-Бахиревой, которая своим подвигом в Сталинграде, на Волге, возвысила эту фамилию, вложив в нее то свое, возвышенное и прекрасное, что, пройдя через многие годы, до сих пор придает этой фамилии и особый смысл, и высокую значимость.

Да, глубинная связь всех событий — а она всегда существует — познается не сразу, не в ту же минуту, а спустя много дней, даже лет, иногда — десятилетий. Но поистине никто не забыт и ничто не забыто!

А там, где все начиналось, в городе на Волге, у Тракторного завода, давно уже нет на берегу того безымянного холмика и пирамидки с фанерной красной звездой. Прах погибших на «Бородине» покоится на Мамаевом кургане, под гранитными плитами братских могил. И там, на кургане, в зале Воинской славы есть теперь имена Елизаветы Васильевны Захаровой-Бахиревой и Клавдии Ивановны Горшковой: спустя почти сорок лет после Победы они по праву зачислены в строй героев, павших за Сталинград.

Давно уже нет там, на Волге, у Тракторного, и той песчаной отмели, и тех ржавых железных останков сгоревшего парохода. Река течет вольно, просторно, и ничто на ее берегах не напомнит о тех огненных днях и ночах сорок второго года. Но, достигнув этого берега, волжские теплоходы всякий раз замедляют свой бег, чтят погибших товарищей — и «Композитора Бородина», и других его павших соратников по Сталинградской битве. И так происходит всегда, днем и ночью, в сумерках и на рассвете, весной, летом, осенью, год за годом, — и так будет вечно, пока есть Россия, пока течет Волга, пока стоит Мамаев курган.

Много лет собирая материалы для повести, я в конце концов убедился: сила всех этих записей — в их строгой документальности, а творческий вымысел лишь только снизит силу подлинных фактов. Поэтому я отказался от повести н написал все, как было, без выдумки и прикрас.

Давид ОРТЕНБЕРГ. В ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

1

В годы Великой Отечественной войны в «Красной звезде» работала большая группа писателей и журналистов. Один из них состояли в кадрах Красной Армии, другие были призваны с первыми же раскатами войны.

С волнением и гордостью вспоминаю об их самоотверженном груде и воинской доблести. Хотя от военных событий тех дней нас отдаляют четыре с лишним десятилетия и многие детали стерлись в памяти, но одно я твердо помню: среди нашей писательской и журналистской рати не было людей растерявшихся, унылых, равнодушных. Не было их и в тяжелые первые дни войны, не было и позже. В душе каждого жила непоколебимая вера в победу и готовность бороться за нее. На фронте писатели и журналисты вели себя достойно, мужественно, смело шли навстречу опасностям ради выполнения своих обязанностей.

Я встречался с нашими корреспондентами в те грозовые дни и ночи не только в стенах редакции. Мне много раз приходилось вместе с ними выезжать в действующую армию. Я не раз своими глазами видел их в боевой обстановке, видел их воинскую доблесть и мужество под огнем.

Об одной из таких поездок я и хочу рассказать.

2

В первых числах сентября сорок второго года я позвонил Сталину по кремлевскому телефону — связь с Верховным Главнокомандующим в редакции была напрямую — и попросил принять меня. Хотел доложить о некоторых, как я считал, важных для газеты делах.

— Сейчас не могу, — ответил Сталин.

В его голосе, обычно спокойном и суховатом, мне послышались тревожные нотки. Я понял, что случилось что-то неприятное, и сразу же отправился в Генштаб. Я не ошибся. Там мне сказали, что немецко-фашистские войска прорвались к Сталинграду.

Сталинград стал центром главных событий войны, наших тревог и забот. Я чувствовал необходимость хотя бы на короткий

срок съездить туда, увидеть и оценить происходящее собственными глазами. Я вызвал Константина Симонова, нашего специального корреспондента, и сказал ему, что он полетит со мной в Сталинград. Решили, что поедет с нами и фоторепортер Виктор Темин.

С рассветом вылетели на «Дугласе», машине в мирное время серебристой, а теперь закамуфлированной пятнами лягушечьего цвета, с Центрального аэродрома. Прямого пути в Сталинград не было, пришлось лететь кружным путем, обогнув линию фронта. К исходу дня наш самолет опустился в степи, в ста восьмидесяти километрах восточнее Сталинграда.

Мы вышли из самолета и оглянулись. Рядом небольшой, с низкими, разбросанными в беспорядке домиками поселок Эльтон, захолустная железнодорожная станция того же названия у самой границы Казахстана. Вдали блестят воды соленого озера Эльтон.

— Эльтон и Баскунчак, — продекламировал Симонов. Он вспомнил, как зубрил эти названия в школе на уроках географии; но тогда это было для нас только географическое понятие, а теперь — последняя ближайшая к Сталинграду площадка, где можно относительно безопасно приземлиться. Кругом бесконечная выжженная степь, напоминавшая нам, всем троим участникам халхинголских событий, необъятные монгольские степи.

В октябре и ноябре сорок первого года в Москве мы чувствовали, как далеко прорвался враг. И все же не было тогда ощущения загнанности. За спиной были Москва, города, села, заводы, люди. А здесь голая, глухая степь, край света, пустыня…

Мы стояли как вкопанные, с окаменевшими лицами и не сразу заметили девушек с букетами полевых цветов. Они улыбались нам, а мы одеревеневшими руками принимали эти цветы, забыв даже поблагодарить. И только потом, спохватившись, выдавили из себя улыбки и поблагодарили. Мы узнали, что девушки эти — сестры и санитарки полевого госпиталя. Понимая, с каким настроением могут прибывать сюда люди на очень редко садившихся самолетах, добросердечные девушки сговорились встречать гостей букетами цветов.

Затем мы отправились на станцию, где в тупике стояло несколько пассажирских вагонов. Это был поезд-редакция газеты Сталинградского фронта «Красная Армия». Не просто, как мы узнали, добрался он сюда. Не раз попадал под немецкие бомбы, пока из Воронежа тащился в Саратов, а оттуда в Эльтон. Забегая вперед, отмечу, что поезд-редакция газеты «Красная Армия» дошел до Берлина. Правда, под Купянском его сожгла вражеская авиация, и в столицу фашистской Германии прибыл уже

переформированный состав.

В поезде мы встретили знакомых, в том числе поэта Евгения Долматовского. Мы не виделись с ним с мирных времен. За год войны он успел хлебнуть ее невзгоды полной чашей: участвовал в боях под Львовом, был тяжело ранен под Уманью, захвачен там в плен, бежал, вновь встал в строй и «протопал» с боевыми частями от Купянска через Воронеж и Донбасс до Волги.

Долматовский вернулся сегодня из района Тракторного завода, где были жаркие бои с немцами, пытавшимися прорваться к Волге. Сухопарый, загорелый, с усталыми глазами, он казался совсем молодым парнишкой. Одет он был не но уставу — в кожаной курточке, подаренной ему, как он хвалился, летчиком, воевавшим в Испании; кажется, поэту прощали эту вольность в ношении воинской формы. Сейчас он стоял у верстального стола и занимался совсем не поэтическим делом: переставлял заметки в полосах, менял шрифт заголовков — в общем выполнял обязанность метранпажа. Это было его, как теперь бы назвали, хобби. В своей комсомольской молодости, работая в «Пионерской правде», Долматовский научился верстать газету. И, приезжая из Сталинграда в редакцию на ночь, он не мог отказать себе в удовольствии постоять у талера.

Долматовский вообще нес здесь на своих плечах весь груз фронтового газетчика: писал передовые, очерки, оперативные корреспонденции, заметки и, конечно, через день-два «выдавал» стихи — героические, эпические, лирические. Вот и сейчас я увидел его стихотворение «Разговор Волги с Доном».

— Снова о реках, — подначил я, имея в виду его «Песню о Днепре», сочиненную им осенью 1941 года и мгновенно распространившуюся по фронтам и в стране.

Я прочитал его новые стихи. Они мне понравились. Обратил внимание на несколько необычных строк. Эти стихи не раз перепечатывались в хрестоматиях, в книгах поэта. Они известны читателю, и я приведу только те строки, которые меня тогда заинтересовали:

…«Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их».
Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдут пришельцы из кольца.
Будет здесь положено начало
Вражьего конца».

Надо помнить то время, чтобы оценить эти стихи. Кругом гудит земля. Над Сталинградом нависла смертельная опасность. Враг рвется к городу, вгрызается в его окраины. Немцы даже назначили дату своего торжественного вступления в Сталинград. У стен города истекают кровью гвардейские дивизии. В этой отчаянной обстановке совершенно, казалось бы, невероятно звучат слова: «Не уйдут пришельцы из кольца!»

Не мог Долматовский, да и все мы, тогда не только знать, но и догадываться, что вскоре Сталин вместе с Жуковым и Василевским будут в Ставке обсуждать не только ход оборонительных боев в Сталинграде, но и план нашего контрнаступления, окружения и уничтожения паулюсовской группировки немецко-фашистских войск.

В стихах, созданных в горестные минуты тяжелого отступления, прозвучала не просто вера в победу под Сталинградом. Поэзия черпала свои дальновидные предсказания в глубине мыслей и чувств воинов, к которым она обращалась, с которыми вместе была на войне. Исход битвы на Волге, «Сталинградский котел», поэт раскрыл перед читателями как мечту и цель.

Когда спустя некоторое время после окружения и уничтожения армии Паулюса в Сталинграде я вновь встретился с Долматовским, напомнил ему эти стихи и сказал:

— Оказывается, и поэты могут быть стратегами…

— Я что? Я-то не стратег, а вот стратеги за стихи принялись, — в тон ответил мне поэт и рассказал, что маршал Еременко написал поэму о Сталинградской битве, назвал и маршала Рокоссовского и еще некоторых военачальников, которые сочиняли стихи и читали их поэту.

Но вернемся к Эльтону. В тот день до поздней ночи шел в редакции «Красной Армии» обмен московской и фронтовой информацией. А через шесть дней после этой встречи Долматовский был ранен в Дубовке, севернее Сталинграда. Когда наш спецкор писатель Василий Гроссман доставлял его в медсанбат, поэт шутил:

— Могу считать, что я ранен сразу тремя осколками…

И в самом деле: один осколок попал ему в руку, другой пробил тетрадь со стихами, а третий разнес трубку, подаренную ему Ильей Эренбургом.

3

На окраине Эльтона мы встретили группу бойцов, недавно вышедших из боя. Разговорились с ними. Боевые, закаленные ребята. Особенно нам понравился Семен Школенко, высокий, могучий парень с загорелым лицом и русыми волосами, в прошлом горный мастер, а ныне разведчик. Сам он, по всему видать, человек скромный, старавшийся не выделяться среди других, мало говорил, о себе рассказывал скупо.

Так часто бывало. Многие наши корреспонденты жаловались, что трудно было порой разговорить солдата, смело воевавшего, но сдержанного в беседах с работниками прессы. Конечно, журналистов, писателей в боевых частях всегда встречали дружески. Узнают в полку, в роте, что прибыл корреспондент, и, как ни заняты были люди, долго не отпускают его. Рассказывают о пережитом и прежде всего о своих товарищах, друзьях:

— Вы о нем напишите!..

А тот зардеется, пару слов скажет и молчит. Вокруг него товарищи злятся, что не раскрывается человек. Подсказывают. Вызывают других, кто был рядом и знает о нем. Все заинтересованы, чтобы отметить достойного бойца и чтобы ничего не исчезло. Жалели только, что нельзя назвать номер части и ее дислокацию.

Так и сейчас. О Школенко рассказали его товарищи. Еще на подступах к Сталинграду он получил задание добыть «языка». Отправился в разведку, привел пленного, заставив на своих плечах тащить трофейный пулемет. «Это чтобы руки у него были заняты», — улыбаясь, объяснил разведчик. В тот же день его снова послали в тыл врага — нанести на карту схему расположения минометных батарей, которые он заметил в первый поиск. Сделал и это, да еще совершил новый подвиг. На обратном пути набрел па группу наших бойцов, попавших в плен к немцам. Под охраной двух автоматчиков они рыли для себя могилу. Школенко открыл огонь по немецким охранникам, они удрали, а наших привел с собой в полк!

Мы сидели на сухой степной земле, и рядом с нами знаменитый разведчик. Он смотрит вдаль, на багровое солнце, уходящее за горизонт, и на его лице появляется горькое выражение.

— Что смотрите? — спрашиваем его.

— Смотрю, куда докатил нас, — далеко он нас допятил…

Попрощались мы с бойцами и возвратились в редакцию. В пути Симонов меня обрадовал:

— Считай, что для первого очерка материал уже есть!

— Хорошо, но «допятил» не выбрасывай, — попросил я. — Это не только его горе. Не оставляй читателя наедине с этим

горем. Подумай, как это сделать…

Симонов всегда удивлял всех в редакции своей оперативностью. Угнаться за ним, пожалуй, никто из наших корреспондентов не мог. Но на этот раз он превзошел самого себя. Через несколько часов вручил мне свой первый сталинградский очерк «Солдатская слава».

— Когда успел?

— Само писалось, — отшутился он.

Я стал читать очерк. В сердце и ударили те самые строки: «Смотрю, куда докатил нас, — далеко он нас допятил». Конечно, не легко было Симонову написать о тех горестных, но близких и нам по настроению словах Школенко. Не легко было и мне, редактору, их напечатать. Но в те кризисные дни битвы за Сталинград надо было открыто дать почувствовать нашим людям ту смертельную опасность, которая вновь нависла над нашей Родиной. Передавая очерк Симонова в редакцию, я наказал, чтобы опубликовали все как есть, без купюр. Так и сделали. И на следующий день он появился в «Красной звезде», заняв почти два подвала на третьей и четвертой полосах.

Через образ, думы и чаяния рядового войны Симонов выразительно раскрыл героизм наших воинов в битве за Сталинград, волю отстоять город, непоколебимую веру в победу.

«По ночам вокруг Сталинграда стоит красное зарево. А днем степи дымятся: вздымаются черные столбы минных разрывов, тонкие дымки походных кухонь, горьковатый дым солдатской махорки. Безвестные нивы, холмики и прогалины, заросшие полынью, стали местом, которого нельзя отдать, за которое дерутся и умирают, часто не зная, как называется деревня, лежащая слева, и ручей, текущий справа, но твердо зная — за спиной Сталинград и за него надо стоять.

Здесь предстоит выстоять ценой жизни, ценой смерти, ценой чего угодно. Сегодня мы держимся, мы еще не побеждаем, слава дивизий и армий, слава всего русского оружия еще не родилась на этих полях. Но слава солдата, солдатская слава, каждый день, каждую ночь рождается то здесь, то там, и мужество человека всегда остается мужеством и слава славой, как бы тяжело ни приходилось армии и народу».

Так начинался очерк.

«В степях под Сталинградом много безвестных холмов и речушек, много деревенек, название которых не знает никто за сто верст отсюда, но народ ждет и верит, что название какой-то из этих деревенек прозвучит в веках, как Бородино, и что одно из этих степных широких полей станет полем великой победы».

Так закончился очерк.

Далеко, прозорливо смотрел писатель. В те отчаянно трудные дни он увидел славу Сталинграда, сталинградских полей и сталинградских войск, беспредельно умноживших славу Бородина!

4

Рано утром мы выехали в город. Еще на аэродроме нас встретил корреспондент «Красной звезды» Василий Коротеев. На фронте работала большая группа сотрудников нашей газеты — начальники отделов Иван Хитров и Петр Коломейцев, спецкоры Василий Гроссман, Леонид Высокоостровский и Ефим Гехман. Все они считали себя теперь сталинградцами. Но больше всех их сталинградцем был Коротеев. До войны он работал секретарем Сталинградского обкома комсомола, перед самой войной был членом редколлегии «Комсомольской правды», а во время войны его призвали в «Красную звезду». Он был в Сталинграде своим человеком, все и всех знал, и это облегчало нашу поездку.

Коротеев принес нам печальную весть. Он на днях вернулся из районного центра Средней Ахтубы — был на похоронах Рубена Ибаррури, сына Долорес Ибаррури. Командир пулеметной роты, он вел бой за станцию Котлубань. Был смертельно ранен. Его сразу же переправили через Волгу, в госпиталь. Врачи приложили все силы, чтобы спасти жизнь героя. Отстоять ее не удалось…

Волга. На противоположном берегу километров на шестьдесят узкой полосой растянулся огромный город. Немцы начали его бомбить еще недели две назад. И сейчас тоже слышны взрывы бомб и уханье артиллерийских батарей. Город в дыму. В центре и недалеко от него поднимаются огромные столбы дыма и накрывают кварталы города черной пеленой. Это горят элеваторы, нефтебаза и еще что-то…

У немцев господство в воздухе. Почти вся наша авиация брошена на поддержку войск, обороняющих внешний обвод города. Поэтому вражеским самолетам удается прорваться к городу и Волге. Тем не менее на переправе и людно и шумно. Очередной паром отдан в распоряжение командира батальона, переправляющегося на тот берег. Комбата атакуют со всех сторон. Каждый доказывает, что именно ему и непременно сейчас надо переправиться в город.

Симонов втесался в эту толпу, слушал, делал какие-то пометки в своей записной книжке и, увидев мой вопрошающий взгляд, объяснил:

— Это хорошо, если люди рвутся туда, где война, а не оттуда…

Комбат погрузил какое-то число бойцов, пушки, машины с боеприпасами — соседство не идеальное для людей на незащищенном от нападения с воздуха пароме. Редакционную «эмку» погрузили беспрепятственно.

Я листаю свой сталинградский фотоальбом, заменяющий мне в какой-то мере дневник, смотрю на снимки и вспоминаю наши переживания того времени. Медленно плывет паром. Наши взоры обращены к городу. Вместе с нами снят Коротеев. Рядом — старый волгарь, капитан парома, в картузе, с посеребренной бородкой. Штатский человек, рискующий жизнью с утра до вечера, днем и ночью. Капитан и наш Коротеев, сталинградцы, смотрят на город, весь дымящийся, сожженный, и на их лицах — безмолвная горечь. Тяжело нам, но особенно горько этим двум людям, которые недавно видели этот город кипучим, жизнерадостным.

А вот впечатление, которое произвел один из снимков на тонкого ценителя фотоискусства народного художника СССР Бориса Ефимова, высказанное им на вечере в Центральном Доме журналистов.

— Мне хотелось бы обратить ваше внимание на одну из сталинградских фотографий. Я считаю, что этот снимок может заслуженно стать рядом с самыми замечательными работами фотокорреспондентов периода Великой Отечественной войны. Я бы назвал этот снимок «Журналисты». Мы видим на нем трех спецкоров-краснозвездовцев, переправляющихся на пароме в пылающий Сталинград, в самое пекло гигантского сражения. Вглядимся внимательно в лица журналистов. Спокойно и бесстрашно, с каким-то профессиональным интересом газетчика смотрит на приближающийся берег Волги Константин Симонов. В руке у него трубка, только что вынутая изо рта. Похоже, что в голове у него уже складываются первые строки будущего очерка. Более серьезен и, я бы сказал, озабочен другой журналист, редактор «Красной звезды», который, видимо, больше других знает о сложившейся обстановке и понимает, насколько она опасна. Он только что отнял от глаз бинокль — то, что происходит на переднем крае, уже можно свободно разглядеть невооруженным глазом. Лицо третьего журналиста — Василия Коротеева — искажено беспредельным страданием. До войны Коротеев ряд лет работал в Сталинграде, ему знакома здесь каждая улица, каждый дом, лежащие теперь в руинах. Переживания его в эту минуту можно сравнить с ощущением человека, у которого, по выражению Симонова, «только что, вот

сейчас, на его глазах убили отца и мать». Этот потрясающий, замечательный снимок сделан четвертым журналистом, фотокорреспондентом «Красной звезды» Виктором Теминым.

Переправились мы благополучно. Но за те пятьдесят минут, пока плыли по широкой волжской воде, произошел эпизод, который имел продолжение во время войны и после нее.

Рядом с нами на краю парома сидела худенькая девушка с длинными светлыми волосами, в выцветшей под стенным солнцем, ставшей почти белесой солдатской гимнастерке. Мы разговорились с ней. Она — военфельдшер. В горящем Сталинграде не всюду можно развернуть медсанбаты, поэтому, собрав раненых с передовых позиций, санитары и фельдшеры перевозят их на левый берег и сразу же возвращаются обратно на поле боя. Она переезжает сегодня уже пятый раз. Ей двадцать лет, фамилия ее Шепетя, звать Виктория. Она из Днепропетровска. В тридцатых годах я работал там, и мы с ней стали вспоминать этот город. Разговор был совсем не фронтовой. И вдруг, когда мы уже причаливали к берегу, Виктория с какой-то чисто женской стеснительностью и искренностью сказала:

— А все-таки каждый раз немного страшно выходит. Вот меня уже два раза ранило. Один раз тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

Симонов запомнил эти слова. В своем очерке «Дни и ночи», рассказав о нашей встрече на пароме, он привел эти слова Виктории и написал о ней:

«У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял, что это правда: очень страшно в двадцать лет быть уже два раза раненной, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, любовь, может быть, даже первый поцелуй, кто знает! И вот ночь, сплошной грохот впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через пятнадцать минут она пройдет среди горящих домов и где-то, на одной из окраинных улиц, среди развалин, под жужжание осколков, будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда, в шестой раз».

Образ этой девушки, одновременно мужественной н женственной, «рядом с которой стыдно не быть храбрым, стыдно пригибать голову, стыдно не сделать всего того, что потребует от тебя война», видно, так глубоко запал в душу Симонова, что, когда он после капитуляции Паулюса сел за повесть о Сталинграде, которую назвал так же, как и очерк, «Дни и ночи», он вспомнил о встрече на волжской переправе, и навеянный ею

образ стал одним из центральных в книге.

Не раз мы с Симоновым и под конец войны, и после войны вспоминали Викторию. Что мы знали о ней? Фамилию, имя и что она из Днепропетровска. Нам даже неизвестно было, в какой дивизии она служила. Мы не знали о ее судьбе, думали, что она погибла в огне Сталинградского сражения. Если бы Виктория была живой, она, сталинградка, вряд ли могла не прочесть книгу «Дни и ночи» и уж наверняка вспомнила бы точно приведенные в книге ее собственные слова на пароме.

Так мы считали. Но вот в 1963 году я готовил книгу о героях войны, которая потом вышла в Политиздате. Для этой книги нужен был рассказ о медицинской сестре или о фельдшере. Я снова вспомнил Викторию из Днепропетровска и стал ее разыскивать.

Помог днепропетровский журналист Лев Авруцкий. Он нашел Шепетю в родном городе. Мы узнали, что все годы войны она была на фронте. Первого раненого она вынесла под Ростовом-на-Дону. Прошла всю Сталинградскую битву. После нашей встречи была еще раз ранена, в руку, но вылечилась у себя «дома», в медсанбате. Потом была контузия, отнявшая на время речь и слух. Она не уехала на левый берег, лечилась здесь же и помогала ухаживать за ранеными. Участвовала в Курской битве. Форсировала Днепр. Воевала в Польше, Чехословакии. Последнего раненого бинтовала в Германии…

Повесть «Дни и ночи» она читала, но из-за своей врожденной скромности не хотела напоминать о себе.

Симонов послал ей свою книгу с теплой надписью и письмом, копию которого передал мне. Там есть такие строки: «Та короткая встреча с Вами, та искренность, с которой Вы говорили о своих чувствах, и то скромное мужество, которое было присуще Вам и которое Вы сами того, может быть, не замечая, проявляли тогда там, на волжской переправе, — все это оказалось для меня как писателя первым толчком к тому, чтобы написать выведенную у меня в романе медсестру Аню именно такой, как я написал ее. И сейчас, спустя много лет, мне хочется поблагодарить Вас за то, что тогда, в ту короткую встречу на переправе, Вы помогли мне написать книгу, которую я написал…»

Виктория сразу же откликнулась.

«Разрешите Вас поблагодарить, — писала она Симонову, — за большое внимание ко мне и за драгоценный для меня подарок. Даже не верится, что так быстро проходит время, а я уже не девушка, с которой встречались на пароме, а мать троих сыновей. Как дороги те минуты, когда вспоминаю Сталинград в тяжелые дни войны…»

Я, конечно, тоже написал Виктории. А в книге «На огненных рубежах» был напечатан очерк о Виктории Илларионовне Захаровой-Шепете «Девушка в пилотке».

5

Когда мы высадились на берег, почти стемнело. С берега обдало нас запахом пожарища, горелого железа, битого кирпича.

Мы отправились на командный пункт фронта. Он разместился в подземелье с низким сводом, напоминавшем мне горизонтальную штольню донецкой шахты, где я не раз бывал. Симонову же, как он заметил, оно чем-то напоминало подводную лодку с отсеками, в которой он плавал к берегам Румынии осенью сорок первого года для минирования фашистских баз.

Нас встретил как старых знакомых генерал А. И. Еременко, прихрамывающий из-за ранения под Брянском и одетый, в отличие от других, не в полевую форму, а в брюки навыпуск и ботинки.

У Еременко с редакцией была большая дружба. Началась она, когда в сентябре сорок первого года мы напечатали его большую, на три колонки, статью «Месяц упорных боев под Смоленском». Мои современники помнят, какое впечатление произвела эта статья, одна из первых, в которой было сказано о крахе гитлеровского блицкрига.

Свою первую статью Еременко хорошо запомнил. В одном из своих выступлений в коллективе «Красной звезды», уже в послевоенное время, он сказал: «Эта статья была началом моей скромной литературной деятельности». Еременко, как известно, написал несколько книг о войне и даже сочинил «Сталинградскую поэму», которую читал мне и Симонову. Правда, надо сказать, что с прозой у него выходило лучше, и нам пришлось ему об этом по-товарищески сказать.

В штабе кипела работа, стучали машинки, гудели зуммера, бегали офицеры и посыльные. Усталые, мы легли спать и сразу же заснули как мертвые. Утром проснулись — все было тихо. Вышли в тоннель. Машинок нет. Телефонисты сматывают линии связи. Людей мало. Лица у тех, кто еще остался, постные, настроение скверное. Трудно описать наши переживания: и горечь, и тревога. За ночь штаб в чрезвычайном порядке эвакуировали на противоположный берег Волги, в лесок возле деревни Ямы. Конечно, в этом ничего удивительного нет. Немцы все ближе. Непрерывная бомбежка, обстрелы. Руководить отсюда войсками фронта стало трудно. Но все же в то время у нас остался

тревожный осадок: все ли уверены, что отстоим Сталинград?

Под впечатлением этого мы пошли в один из отсеков, где размещался узел связи фронта. Там работал еще аппарат прямой связи с Москвой. Я вызвал дежурного узла связи Генштаба и попросил передать моему заместителю полковому комиссару Александру Карпову, что жду его у провода. Пока Карпов добирался, мы сделали набросок передовой статьи. Назвали ее просто и лаконично, как в былые дни битвы за Москву, «Отстоять Сталинград!». Были там такие строки:

«Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет. Она закрыта велением Родины, приказом народа…»

Наконец появился Карпов. Мы передали ему, как говорится, прямо в руки текст передовой. Я попросил его напечатать ее в завтрашнем номере газеты, а те две строки набрать жирным шрифтом. Так все и было сделано…

Отступая от хода своего повествования, хочу рассказать об одном эпизоде, взволновавшем меня спустя сорок лет после Сталинградской битвы. В последних числах января 1983 года — впервые после войны — мы вместе с участниками Международной научно-практической конференции журналистов, посвященной сорокалетию победы на Волге, выехали в Волгоград. Побывали всюду. А когда пришли на Мамаев курган, экскурсовод Элеонора Колосова, хорошо, видимо, знающая историю Сталинградской битвы, привела нас к стене-руинам и объяснила:

— В сентябре сорок второго года в Сталинград приезжали Константин Симонов и редактор «Красной звезды». Они послали в Москву в «Красную звезду» передовую статью «Отстоять Сталинград!». Когда пришла на фронт газета, Военный совет отпечатал ее стотысячным тиражом. Листовка была вручена всем бойцам. В передовой были такие слова… — И Колосова показала на выгравированную на стене-руинах ту самую фразу, которую я предложил набрать жирным шрифтом: «Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет. Она закрыта велением Родины, приказом народа».

Кто мог тогда подумать, что эти слова, написанные не для истории, а для боя, на веки вечные будут запечатлены на Мамаевом кургане!

Вернусь, однако, к нашей поездке в Сталинград в дни битвы с немецко-фашистскими захватчиками.

Из штабного тоннеля наш путь лежал на север от центра города, в 62-ю армию, на Мамаев курган. Тогда это была лишь высота, обозначенная на военно-топографических картах отметкой «102», где расположились командный и наблюдательный пункты армии. НП — на вершине кургана, а

командный пункт — на юго-восточных скатах, в блиндажах далеко не армейского масштаба и стиля. Обыкновенные ямы, щели, перекрытые матами и засыпанные землей, сквозь которую торчали соломенные ошметки.

Здесь был начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов, один из героев обороны Одессы и Севастополя, наш постоянный автор. Он исполнял обязанности командующего армией; мы были на кургане как раз дня за два до прибытия генерала В. И. Чуйкова.

Крылов, плотный, кряжистый генерал, встретил нас дружески и пригласил в свой блиндаж. Такой же хлипкий, как и другие блиндажи, он был перекрыт хворостом и сантиметров в двадцать земляной насыпью. Внутри все земляное — земляная постель, земляная лавка н небольшой стол, на котором разостлана карта. Сюда долетают немецкие снаряды, и на карту сыплется земля, Крылов сдувает ее и делает какие-то пометки.

В блиндаже мы застали члена Военного совета армии дивизионного комиссара К. А. Гурова, человека среднего роста, с головой, выбритой до синевы. Крылов и Гуров вначале на карте, а потом на местности ввели нас в курс дела. Видели, как немцы все ближе и ближе подходят и справа и слева; в центре они были несколько дальше. В наступавших сумерках еще резче обрисовывалась зигзагами изорванная линия переднего края — трассы пулеметных очередей, ракеты, разрывы снарядов.

С Мамаева кургана просматривался и центральный район города, его северная часть, левый берег Волги. Все полыхало. В волжской воде рдели кровавые блики. Дым полз зловещими тучами. Линия городских кварталов терялась в надвигавшейся мгле.

Бой не угасал ни на минуту. Шли тревожные донесения. Волнений на НП было достаточно. Но по выражению лиц, интонации в разговорах и по каждому движению чувствовалась непоколебимость, готовность сражаться до конца.

Через два или три дня немцам удалось захватить Мамаев курган, а еще через несколько дней враг был отброшен бойцами подошедшей 13-й гвардейской дивизии генерала А. И. Родимцева. Но тогда на прощание Гуров сказал нам, чтобы мы обязательно заехали в 33-ю гвардейскую дивизию, выведенную для пополнения на левый берег Волги.

— Там, — улыбнулся он, — вы соберете больше материалов, чем у нас.

Не мог он тогда, да и все мы, знать, что Мамаев курган станет навеки священным и что именно здесь, на этом кургане, обильно политом кровью наших бойцов, израненном, перепаханном

снарядами и минами, где железа было больше, чем земли, будет через четверть века сооружен величественный памятник-монумент героям Сталинграда; что сюда, на легендарный Мамаев курган, благодарные потомки со всех концов земли придут, чтобы склонить свои головы перед мужеством советского солдата.

6

На следующий день мы отправились на северную окраину Сталинграда, к Тракторному заводу. Дорога шла по центру города. Всюду разбитые дома, опаленные пожарами, с пустыми глазницами окон, через которые, как сквозь решетки, просматривались целые кварталы. Сожженные трамваи и громадное количество воронок. Возле одной из них, необычайно огромной, наша «эмка» остановилась. Симонов спустился на дно, а Темин успел щелкнуть «лейкой», и потом, когда мы рассматривали этот снимок, фигура Симонова выглядела как в перевернутом бинокле — такой огромной и глубокой была эта воронка.

Людей на улицах мало, они перебрались в подвалы и пещеры, отрытые на откосах крутых волжских берегов. Вот и Тракторный завод, первенец первой пятилетки. Он на военном положении. Люди здесь работают и живут. Главная и единственная работа — немедленный ремонт танков и пушек, прибывающих сюда с фронта.

Территория завода превратилась в поле битвы. Немцы буквально засыпали предприятие снарядами и бомбами. Директор завода К. А. Задорожный показал нам доску с планом заводской территории: вся она усеяна красными треугольниками и кружочками, обозначившими места попадания вражеских бомб и снарядов. Треугольники — бомбы, кружочки — снаряды. Много и тех и других.

Еще по пути на завод Коротеев рассказал, что завод хотели эвакуировать. Рассказал он и о разговоре, который был по этому поводу у Еременко со Сталиным. В связи с резким изменением обстановки на фронте обком партии поставил вопрос об эвакуации некоторых заводов за Волгу и подготовке к взрыву других предприятий. Еременко доложил об этом Сталину. Верховный не согласился:

— Я не буду обсуждать этого вопроса. Следует понять, что если начнется эвакуация и минирование заводов, то эти действия будут поняты как решение сдать Сталинград. Поэтому ГКО

запрещает подготовку к взрыву предприятий и их эвакуацию…

Все осталось на месте. А это не только вселило веру и надежду, что Сталинград отстоят. Завод, как мы сами убедились, стал крепостью обороны города, мощным арсеналом сражающихся армий.

По пути с завода во дворе, обнесенном каменным забором, мы увидели трофейный крупнокалиберный пулемет. Наши бойцы захватили этот пулемет у немцев, а сейчас прикрепили к подпиленному телеграфному столбу, приспособив для стрельбы и по воздушным, и по наземным целям. Бойцы тут же решили продемонстрировать свое искусство и дали несколько очередей по кромке рощи, где примерно в пятистах метрах от нас проходил передний край противника. И в ту же минуту посыпались ответные мины — огневая точка была, видимо, пристреляна немцами. Мы еле успели вскочить в окоп. Однако все обошлось. Лишь у одного из наших спутников осколок мины зацепил козырек фуражки с красной окантовкой, которую он держал в руках, чтобы не демаскировать группу.

В батальоне нас встретил командир Вадим Ткаленко. Высокий, подтянутый, с мягким взглядом улыбчивых глаз, с чапаевскими усами, в пилотке, сдвинутой на затылок, — таким мы его увидели здесь. Таким его увидели и читатели «Красной звезды», где на первой полосе вскоре был напечатан его портрет.

Была у нас интересная беседа с Ткаленко. Мы узнали, что в свои двадцать три года он уже пятнадцать месяцев воюет. Был разведчиком, не раз громил немцев в тылу. До войны экстерном закончил десятилетку и, прибавив к своим шестнадцати годам еще два, поступил в энергетический институт, успешно закончил его, стал главным инженером крупной электростанции, откуда и пошел на фронт. На войне его тяжело ранило, с трудом он выкарабкался, когда из его легких были изъяты две пули, и, не долечившись, удрал снова на фронт.

Мы с Теминым пошли по своим газетным делам, а Симонова оставили на НП батальона. Зная его неугомонный характер, я приказал ему никуда не соваться. Но когда мы через несколько часов вернулись, Симонова в батальонном блиндаже не оказалось. Он все-таки ушел в траншеи переднего края, в первую роту.

— Это приходил «декабрист» и утащил его к себе, в роту, — объяснили мне.

«Декабристом» в батальоне прозвали командира первой роты Бондаренко за его любовно ухоженные черные густые бакенбарды. Он рассказал писателю о разных баталиях, пережитых бойцами роты, о героях сражений, и Симонову

захотелось их увидеть, поговорить с ними.

Я попросил Ткаленко немедленно вызвать Симонова из роты, а когда он прибыл, отругал его за «неподчинение приказу». Симонов в оправдание показал блокнот, весь заполненный записями.

Записей у него действительно было много. Он успевал и в Эльтоне, и на переправе, и на Мамаевом кургане, и на заводе, и здесь, на окраине, — везде, где он бывал, — говорить с бесчисленным количеством людей и заполнять страницу за страницей свои записные книжки, блокноты — они и были «рудой» для его сталинградских очерков, а позже и для книг.

Вечером мы вернулись в заводской поселок. Для ночлега нам предоставили пятиэтажный дом — любую квартиру на выбор. Дом был печально пуст. Темину с «лейкой» в сумерках делать было нечего, и он сразу же улегся спать. Позже и я завалился на один из диванов, а Симонов еще долго сидел и писал очерк «Бой на окраине».

Когда я прочитал очерк, я понял, что, если бы Симонов не пошел в первую роту, очерк не был бы таким выразительным.

В поселке нас разыскали моряки Волжской военной флотилии и пригласили к себе. Снова пришлось нам пересечь Волгу, но на этот раз на быстроходном катере. Флотилия, стоявшая на речке Ахтубе, с берегами, заросшими кустарниками, поддерживала огнем своих канонерок и бронекатеров бригаду Горохова и другие части. Она отличилась в этих боях, за что получила лаконичную благодарность командующего фронтом генерала Еременко: «Волга»— молодец» («Волга» — позывные флотилии). Было что послушать и посмотреть у моряков. А затем честь по чести нас доставили назад к Тракторному.

7

Положение на фронте ухудшалось. Вся надежда теперь была на северную группу войск. Чтобы спасти Сталинград, они начали наступление с севера. Мы и решили поехать туда. Прямой дороги не было: немцы рассекли Сталинградский и Юго-Восточный фронты, пробили между ними восьми километровый коридор. Надо было делать петлю — два раза переезжать Волгу: сначала с правого берега на левый, подняться по берегу на север и снова с левого берега у поселка Дубовки перебраться на правый берег. Если наступление окажется успешным и войска Сталинградского фронта прорвут оборону противника, ликвидируют коридор, соединятся с 62-й армией, то мы через несколько дней с войсками

снова окажемся у Тракторного завода, в поселке Рынок, где были вчера.

Мы отправились к Волге и стали ждать самоходную баржу, которая должна прибыть через час. Рядом с нами над самым волжским обрывом стоял маленький дощатый домик, какая-то будка, в которой сейчас разместилось что-то вроде столовой местного начальства. Нас пригласили позавтракать. За столом сидели секретарь обкома партии А. С. Чуянов, председатель облисполкома, секретарь обкома комсомола и еще несколько человек. Коротеев представил нас.

Принесли еду. Над головами все время ходили немецкие самолеты и сильно бомбили берег. Земля содрогалась от разрывов. Одна из бомб разорвалась рядом, наша будка ходуном ходила. Надо нырять в «щель». Но никто не хочет подняться первым, показывают друг другу свою выдержку. Каждый углубился в свою тарелку, все усиленно работают челюстями, словно на завтрак дали твердый, как подошва, бифштекс, а не обыкновенную яичницу с колбасой. Потом в бомбежке наступил перерыв, и все, как по команде, громко и дружно рассмеялись, поняв друг друга без слов.

Наконец причалила баржа. Мы погрузились и минут за сорок переправились на левый берег. Симонов отправился на узел связи передать свой очерк «Бой на окраине», а я пошел к Еременко. Узнал у него обстановку. Рассказал ему, что в некоторых частях, находящихся в Сталинграде, нет мяса. Еременко сильно возмутился, вызвал интенданта и стал ругать его: кругом бродят бесхозные стада, а бойцы Сталинграда сидят без мяса!

На следующий день на машине добрались до деревушки, из которой ходили паромы в Дубовку. Светило солнце, но дул сильный ветер, вздымая волны. Паром медленно тянется. Над серединой реки появился «юнкерс», кружит над нами и высыпает бомбы. С парома никто не отвечает. Пушки нет. Есть крупнокалиберный пулемет, но патроны израсходованы, а новые не получены. Бомбардировщик заходит еще три раза подряд, кладет вокруг нас бомбы и уходит.

Выгрузились на полупустынном берегу, а отсюда штабной офицер в звании майора по узкой лощине повел нас в 66-ю армию генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского. Это была та самая армия Сталинградского фронта, которая вместе с 1-й гвардейской и 24-й армиями должна была в соответствии с директивой Ставки ударить по врагу с севера, чтобы оказать немедленную помощь Сталинграду.

Армия Малиновского имела задачу нанести удар в общем направлении на Орловку, отсечь восточную группу противника,

прижать ее к Волге и уничтожить.

Малиновского, большого, крупного человека, мы нашли на его КП, в землянке, вырытой на обратном скате глубокого оврага и хорошо прикрытой от авиации неприятеля среди густого кустарника. Прямо скажу, встретил нас командарм без большого энтузиазма. Я не раз замечал, что встречают нашего брата журналиста весело, когда на фронте дела идут весело. А Малиновскому похвалиться нечем было. Успехов никаких. Об этом он нам прямо сказал.

Собственно, к наступлению армия и не была готова. Она не успела сосредоточить силы и средства в своей полосе атаки и даже сориентироваться на местности. Сильным огнем артиллерии и ударами с воздуха противник отбил все атаки, а на отдельных участках сам перешел в контратаку. В первый день наступления армия сбила лишь боевое охранение противника и больше не продвинулась ни на шаг, а за несколько последующих дней ей удалось пройти с километр, а где — всего несколько сот метров.

Настанет время, и, как говорится, взойдет полководческая звезда Малиновского, будущего Маршала Советского Союза, дважды Героя. Мы узнаем о многих блестящих операциях, проведенных войсками фронтов, которыми он командовал, будем читать благодарственные приказы Верховного Главнокомандующего его войскам за освобождение Харькова, Донбасса, Бухареста, Будапешта, Мукдена… А затем — почти десять лет на посту министра обороны СССР.

Это будет потом, а тогда, в сентябре сорок второго года, когда мы сидели с Малиновским на грубо отесанной лавке у его землянки, он был мрачен. К тому же над ним еще висел груз недавних неудач — отступление Южного фронта, которым он командовал, потеря Ростова-на-Дону, Новочеркасска. Приказ Сталина № 227, который известен под девизом «Ни шагу назад!», подвергший суровой критике войска за оставление своих позиций и сдачу наших городов и сел, имел в виду войска Малиновского. Это он знал, знали и мы.

Позже я нашел у Симонова такие строки: «Что было на душе Малиновского? О чем он мог думать и чего мог ждать для себя? Остается только поражаться задним числом той угрюмой спокойной выдержке, которая не оставляла его, пока он разговаривал с нами в это несчастное для себя утро».

На прощание Малиновский сказал:

— Понимаю, о нашей операции писать вы не будете, материал для вас неинтересный. Да и не напечатаете его в газете… — Он посоветовал перебраться в 1-ю гвардейскую армию к генерал-майору К. С. Москаленко, там как будто дела идут

немного лучше.

Так мы и сделали. По пути к Москаленко мы заглянули в 173-ю стрелковую дивизию. В пещере, выдолбленной в глинистом откосе, нашли начальника политотдела дивизии полкового комиссара Д. Шепилова. Он угостил нас настоящим волжским арбузом, рассказал о боях и повел на наблюдательный пункт полка.

НП полка — просто кромка оврага и… высунутая над ней голова командира полка, стоящий у его ног полевой телефон да присевший рядом боец, дежурный связист. В двухстах метрах от НП полка — поле боя. Бой страшно тяжелый. Немецкая авиация и здесь господствует. Она непрерывно атакует наши немногочисленные танковые подразделения и пехоту. В воздухе дикий вой. Это воют специальные приспособления на плоскостях немецких бомбардировщиков. «Психическая» атака. Временами вражеские самолеты сбрасывают бочки, обломки железных конструкций. Это тоже «психическое» оружие, но, видно, и боеприпасов не хватает. То там, то здесь вспыхивают купола разрывов артиллерийских фугасок. Все поле в воронках. Бойцы прижаты к земле, и никакие приказы командира полка идти вперед не останавливаясь не помогают.

Да, мы видели, как в короткие огневые паузы бойцы делают небольшой рывок и сразу же залегают. Потом снова бросок, но поднимаются уже не все: потери большие. Что же еще можно потребовать от солдат, идущих вперед без поддержки артиллерии и авиации?

На НП армии, тоже врытом в кромку глубокой балки, встретили К. С. Москаленко, мужественного генерала, чье имя появилось в нашей газете уже в первые дни войны. Настроение у него было не из лучших. На подготовку этой операции его армия сначала имела всего шесть дней. Но жестокая необходимость в связи с критическим положением Сталинграда заставила его вводить в бой армию уже через три дня и по частям. Стрелковые дивизии вступили в бой прямо с пятидесятикилометрового марша. Армия не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка противотанковой и противовоздушной обороны. Авиационное прикрытие было крайне слабое.

Впоследствии проявивший себя на войне как мастер маневра, фланговых ударов, стремительного наступления, Москаленко вынужден был сейчас бить в лоб и притом меньшими силами, чем у противника.

— В первый день прошли два километра, — объясняет он нам, — во второй — километр, а сегодня и того меньше…

Мы вспомнили виденное нами на поле боя в дивизии и

подумали, что на этой вздыбленной всеми стреляющими средствами и системами земле наши люди отвоевывают шаг за шагом не километры, а метры.

Я время от времени наблюдаю в стереотрубу за боем, а Симонов, пристроившись в окопе, вынул блокнот и что-то черкает. Мимоходом заглянул и увидел… палочки. Немецкая авиация и здесь свирепствует, бомбит все кругом: и поле боя, отстоящее от НП метров на семьсот — восемьсот, и балку, где сосредоточивается пехота для атаки, и наш наблюдательный пункт, хотя он как будто неплохо замаскирован. Симонов, оказывается, помечает палочкой каждый немецкий самолет, заходивший на бомбежку в пределах нашей видимости. А чтобы легче было потом посчитать, каждые десять палочек соединяет черточкой. Таких черточек набралось к вечеру тридцать девять. Получилось 397 вражеских самолетов!

Москаленко непрестанно вызывает командиров соединений и теребит их:

— Есть пленные?.. Пленные есть?.. Давайте документы — с живых или с мертвых, все равно…

Вот и первые донесения — номера новых немецких дивизий и частей, танковых и пехотных, переброшенных сюда с южного фаса фронта. И как-то сразу исчезла с лица командарма тень тревожного ожидания. Он тут же звонит Жукову, расположившемуся на своем НП, и передает номера и названия новых немецких дивизий, появившихся перед фронтом армии. Странно было видеть: немцы подбрасывают свежие силы, а он вроде бы доволен.

— Вот этого-то как раз мы и ожидаем, — объяснил Москаленко. — Армия сейчас выполняет главную задачу — оттянуть как можно больше вражеских войск от Сталинграда, образно говоря, принимает огонь на себя, чтобы спасти город.

Отмечу, что эту задачу она с честью выполнила. Хотя «вступление в бой армий по частям, — доносил Жуков Сталину, — и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником».

Мы вернулись в Ямы, на командный пункт фронта. Что передать в газету? Все было ясно. Надо дать панораму Сталинградской битвы, описать все то, что видели своими глазами и слышали, без прикрас. О руинах Сталинграда. О страданиях людей. О ненависти, которая не дает ни спать, ни дышать. И главное, о том, что сталинградцы — и воины, и горожане — не отчаиваются, не помышляют о сдаче города, дерутся самоотверженно, до последней капли крови, до последнего дыхания. Дни и ночи. Круглые сутки.

Я собрал в Ямах наш корреспондентский корпус, а Симонов засел за очерк.

9

Недалеко от деревни Ямы, разбитой дальнобойной артиллерией и бомбежкой врага, мы разыскали 33-ю гвардейскую дивизию. Два с лишним месяца без передышки она вела бои за Доном и в междуречье Дона и Волги, отражая атаки немцев, рвавшихся к Сталинграду. Дивизия прославилась своим упорством в бою, стойкостью, смелыми контратаками. В этом соединении родился прогремевший на всю страну подвиг донецкого шахтера Петра Болото и его трех товарищей у станицы Клетской. Наша газета еще 13 августа посвятила им специальную передовицу под названием «Стойкость, победившая смерть».

«Маленький холмик в широкой задонской степи выше самой высокой горы вознес имена четырех советских гвардейцев — Петра Болото, Ивана Алейникова, Александра Беликова и Петра Самойлова. Четыре советских воина приняли бой с тридцатью немецкими танками и вышли победителями» — так начиналась передовая. «Стойкость, победившая смерть, — вот имя бессмертного подвига четырех гвардейцев!» — так заканчивалась она.

Естественно, нам важно было побывать в этой дивизии, поговорить с ее героями. Командовал дивизией А. И. Утвенко, рослый, с круглым лицом и украинским говорком полковник. Его имя запечатлелось в пашей памяти еще в сентябре сорок первого года: полк, которым он командовал тогда, участвовал в разгроме ельницкой группировки врага, и за успешные атаки Утвенко был назначен командиром дивизии. Запомнили мы его еще и потому, что ему, майору, в те дни было присвоено сразу звание полковника, через одну ступень, что является редким случаем в армии. И об этом мы писали в газете. А сейчас увидели этого полковника с живым, веселым характером снова на главном

фронте Отечественной войны. Он был несколько раз ранен, и у него плохо двигалась рука.

Утвенко обрадовался нам. Вместе с комиссаром дивизии они как раз в это время готовили красноармейский митинг и сразу же «запрягли» нас в работу: попросили принять участие в его подготовке. Мы пошли в полки. Пробыли там целый день.

На второй день — красноармейский митинг. Небольшая травянистая полянка среди дубовых зарослей. Бойцы в чистых, только что выстиранных и отглаженных гимнастерках с несмываемыми разводами от соленого пота, подтянутые, сидят на земле четырехугольником. В руках автоматы, винтовки. Воздух над головами наполнен гудением «рамы» — немецкого самолета-разведчика, но к нему уже привыкли, и мало кто, и то изредка, подымает голову.

Открыли митинг.

Выступают Утвенко, Болото, сержант Зверев и другие. Простые солдатские речи, без громких фраз. Не столько о боевых действиях, сколько о сложившихся в бою традициях и законах советской гвардии, о человеческих чувствах и переживаниях.

Записи выступлений на митинге мы вели поочередно, почти стенографически. Симонов долго беседовал с Болото, а сейчас записал колоритную, с чисто украинским юмором речь Петра Болото. Дюжий парень с открытым лицом и шахтерскими крапинками под глазами начал речь с автобиографии:

— Я сам из Донбасса родом. У меня долгие годы под землей прошли. И коногоном был, и крепильщиком, и забойщиком — вместе с братьями Семеном и Дмитрием. Все трое под землей работали, а теперь все трое за эту землю воюем. Такая уже судьба у нашего семейства вышла.

О том, как они подбивали немецкие танки, он говорил немногословно. Зато рассказ о том, что он пережил, что пережили его товарищи, был сочный, ядреный, свидетельствовавший о силе духа и неустрашимости гвардейцев.

— Утро было. Только мы у себя в окопах за кашу сели, ложку каши набрал, как нам кричат: «Танки слева!» Я поставил кашу аккуратно, думаю: съем еще… (Смех.) Только поставил кашу, действительно, танки идут… Когда на меня первый танк шел, я уже думал: конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел, и уж вышло не мне, а ему конец (смех). А между прочим, знаете, я за тот бой цигарок пять скрутил и скурил до конца. Алейников у меня был некурящий, мне свою норму отдавал, так что табаку у меня было богато… В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то промахнешься и уже не

закуришь — вот какое дело. Переживания были трудноватые. Но мы не терялись, все время разговаривали друг с другом, перекликивались для бодрости духа. Я Беликову кричу из окопа: «Ну как ты, ничего?» — «А ты?» — «А я тоже ничего!» — «Ну, значит, и хорошо».

Так мы целый день копошились с танками. А потом мы услышали, что слева и справа больше стрельбы нет. Нет никакой, кроме немецкой. И подумали, что, наверное, здесь придется умирать. Мы решили: все равно, раз уже так вышло, либо жить, либо умереть, но в плен не отдаваться. И тут я увидел, что Беликов от ружья оторвался и что-то на бумажке пишет. Я говорю ему: «Что ты пишешь?» Он отвечает: «Пишу за всех четверых, что бьемся и не отдадимся живыми. Пусть от нас память будет. Может, наши придут и найдут».

На митинге предоставили слово и мне. Я рассказал о положении на всех фронтах Отечественной войны и под Сталинградом, о некоторых московских новостях и о наших впечатлениях во время пребывания в дивизии.

В Москве мы с Симоновым подготовили полосу об этом митинге, напечатали выступления всех гвардейцев, их портреты и над полосой дали шапку: «Законы советской гвардии». Полоса нашла добрые отклики, кстати, секретарь ЦК партии А. С. Щербаков предложил Воениздату выпустить ее отдельной брошюрой.

10

Наша поездка подошла к концу. Пора было возвращаться домой. Темин успел отпечатать несколько снимков, с летчиками переслать в Москву, и они сразу же были опубликованы. Но отснятой пленки у него еще много было. Симонову надо было «отписаться». Он еще успел побывать у летчиков легкой авиации и потом напечатал о них интересный очерк «Рус-фанер».

На этих самых «рус-фанерах», предоставленных нам Еременко, с небольшой полянки у лесочка мы готовились вылететь из Ям на основной аэродром. Я и Симонов уселись в двухместном «Р-5», а Темин в одноместном «У-2». Только поднялись в воздух, как появился «мессершмитт» и, увидев легкую, беззащитную добычу, ринулся на нас. Наш летчик сразу же посадил самолет на полянку, впритык к роще, и мы, быстро выскочив, спасаясь от пуль, прильнули к деревьям. А по другому самолету во время посадки немец успел полоснуть очередью.

Лететь на нем было нельзя. Переждав немного, мы взобрались снова на «Р-5»: летчик, Симонов и я. Темина с грехом пополам запихнули тоже и взяли курс на большой аэродром, а оттуда на «Дугласе» вылетели в Москву.

Я перелистываю пожелтевшие страницы комплекта «Красной звезды» тех дней и вижу, каким широким потоком пошел материал о битве на Волге! Одна за другой передовые статьи «Герои Сталинграда», «Стойко защищать Сталинград с воздуха», «Значение боев на Юге», «Стойко защищать каждую улицу Сталинграда», где были строгие, суровые слова: «Дальше отступать некуда. Отступить дальше — значит… загубить Родину» — и проникновенные строки: «Нет сейчас в нашей стране имени славнее и почетнее, чем герои Сталинграда…» Заметки, сообщения, статьи. Очерки и корреспонденции. Слова о мужестве и настрое воинов и ополченцев:

«Забудем о жизни и смерти — будем думать об одном: как отбить врага».

«Умрем, а Сталинград не сдадим».

«Выстояли под Москвой, выстоим и под Сталинградом».

Аркадий ФРАМ. С РАБОТЯГОЙ ШОРИНОФОНОМ

С безграничной благодарностью судьбе, давшей мне в спутники микрофон военного корреспондента советского радио, вспоминаю путь от Прута до Шпрее и Влтавы к стенам рейхстага и Вацлавского Наместья.

Предок нынешнего магнитофона — шоринофон был далеко не совершенен. Бездорожье, большие расстояния, преодолеваемые на трясучей, с грехом пополам переоборудованной полуторке, нередко выводили его из строя. Но фронтовик-шоринофон прилежно нес свою солдатскую службу, записывая боевые эпизоды, рассказы героев войны, представлявших все рода войск. Когда же аппаратура, не выдержав непосильного напряжения, надолго замолкала в ожидании ремонта или замены, приходилось действовать в общем строю военных корреспондентов.

Летом 1941 года на Южном фронте были записаны рассказы солдат и офицеров знаменитой Шепетовской дивизии, кавалеристов генерала А. Ф. Бычковского, летчиков Героя Советского Союза С. Г. Гетьмана, знаменитого снайпера Максима Брыксина, его боевых друзей и других героев.

Осенью 1941 года фашисты сообщили об окружении и уничтожении под Ростовом-на-Дону нашей 9-й армии; сумел, дескать, спастись лишь раненый командарм Харитонов. Это была очередная геббельсовская «утка», и я немедленно записал на шоринофон интервью с Ф. М. Харитоновым, рассказ о том, как «ликвидированная» армия и ее командующий — живой и невредимый — бьют гитлеровцев и готовятся преподать им новые уроки. И действительно, вскоре 9-я армия совместно с другими соединениями освободила Ростов-на-Дону.

Вспоминаются и другие фронтовые передачи и записи, сделанные тогда, в том числе «День Южного фронта» — передача, подготовленная с участием писателей и журналистов фронта.

* * *

Одно из крупнейших сражений 1942–1943 годов — битва за Кавказ длилась пятнадцать месяцев. Наступать на всем советско-германском фронте гитлеровцы уже не могли. Главной их целью был захват Кавказа и района нижней Волги.

Единственной истребительной авиачастью в Ростове был полк майора М. Ноги, дислоцировавшийся на центральном аэродроме. 4 июля пал город-герой Севастополь, и гитлеровцы смогли бросить на Ростов шестьсот самолетов. Летчики М. Ноги храбро дрались с врагом, во много раз превосходящим их численно. С 12 по 31 июля летчики Смирнов, Шор, Говорухин, Заяц, Полищук, Коблов и другие уничтожили девяносто четыре бомбардировщика и истребителя врага. Рассказы героев обороны Ростова я записал на аэродроме и немедленно передал в Москву.

Военные действия развернулись в предгорьях Кавказа, перенеслись в леса и сады Черноморья. Враг, прижав наши войска к узкой полосе побережья, рассчитывал сбросить их в море.

Воины Черноморской группы Закавказского фронта с честью выстояли.

Вспоминаются подготовленные в то время радиозаписи из казачьего корпуса генерала Н. Кириченко, с гвардейского крейсера «Красный Крым», сделанные во время боевого похода корабля, и другие.

Осенью того же года мне было приказано отправиться из Черноморской группы войск в Северную, где ожидались большие события. На месте нового назначения я успел подготовить передачу «Сыны Кавказа в боях за Родину». Ее участники — Герои Советского Союза командир батальона морской пехоты А. Гегешидзе и бывший директор средней школы в Нальчике, ставший штурманом авиаполка, К. Карданов и другие — рассказали о славных делах своих боевых друзей.

Как известно, в день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз первый удар приняли на себя пограничники. Они же оказались на пути фашистов, вышедших на подступы к Орджоникидзе (Владикавказу). Вскоре здесь был нанесен контрудар войск Северной группы. Эта победа совпала с 24-й годовщиной Октября. Канун и дни праздника я провел в частях, начавших наступление, приведшее к полному освобождению Северного Кавказа.

Навсегда сохранится в моей памяти помощь начальника штаба Закавказского фронта генерал-майора С. Е. Рождественского. Поглощенный почти круглосуточно оперативной работой, он все же урвал время для беседы со мной, подробно обрисовал подготовку и проведение операции. Рассказ генерала Рождественского и все, что я увидел непосредственно в частях, составили большую корреспонденцию, опередившую сообщения Совинформбюро и ТАСС. Эти счастливые для меня дни чуть было не обернулись бедой. Михаил Шкерин, работавший тогда на радио и пославший в эфир радостную весть,

рассказывает в книге «Солдаты слова» о нагоняе, устроенном редакции «Последних известий» председателем Радиокомитета Д. А. Поликарповым, в свою очередь получившим внушение от начальника Совинформбюро А. С. Щербакова.

— Как вы смели дать эту корреспонденцию без моего ведома? — бушевал Поликарпов. — Верховный приказал подготовить сообщение о разгроме гитлеровцев под Владикавказом под рубрикой «В последний час», а вы своим возмутительным самоуправством сорвали выполнение этого приказа.

Буря, однако, миновала. Сообщение «В последний час» все же появилось. Звонки радиослушателей, благодаривших за переданную перед тем радостную весть, вознаградили работников редакции «Последних известий» за пережитые треволнения. В итоге довольным оказалось и начальство, сменившее, не показывая этого, гнев на милость.

Вал наступления неудержимо катился вперед.

…На горных склонах седого Кавказа, на скалистых берегах его горных рек приняло боевое крещение одно из танковых соединений. Битва под Ардоном стала стартом ее стремительного марша. Тысячу пятьсот верст прошли танки по Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, станицам Кубани — к Дону.

Танковый батальон вел герой Испании и участник разгрома гитлеровцев под Москвой Петр Волошко. У него давние счеты с германо-итальянскими фашистами. Волошко был 20 раз ранен — трижды в Испании, 17 — в Великую Отечественную. Не совсем послушны перебитые рука и нога. Но он все так же не знает усталости в бою, все той же энергией светятся его глаза. Он хорошо помнит сражение на Хараме — в ущелье, в которое он со своими танками загнал марокканскую конницу и фашистскую пехоту. Под Москвой он бил фашистов из «Голубой дивизии» — соучастников тех, кого он несколько лет назад громил на другом конце Европы.

…Вперед и вперед ведет свой батальон Петр Волошко, круша вражеские танки, пушки, минометы, пулеметные гнезда, укрепления, подрывая железнодорожное полотно.

Весь путь от Владикавказа до Ростова-на-Дону совершило сдружившееся трио военных журналистов — известный теперь писатель и кинодраматург Евгении Габрилович («Красная звезда»), будущий председатель Комитета народного контроля СССР Павел Кованов и автор этих строк (Всесоюзное радио). Работая бок о бок, помогая друг другу, мы передавали в свои редакции зарисовки и очерки о действиях войск, партизан и подпольщиков, о страданиях населения Северного Кавказа под

гнетом захватчиков.

Освобождены Ардон, Ставрополь, Нальчик, курорты Минеральных Вод. В Пятигорск Кованов и я вошли 11 января 1943 года вместе с войсками, освободившими город-курорт.

В наших блокнотах сохранились записи о том, что произошло в последние дни фашистской оккупации Пятигорска. Вот что мы, в частности, узнали.

…Художник-гример Мария Федоровна Петрова только что вернулась из театра. Душа ее была охвачена волнением: в памяти вновь ожили блокада Ленинграда, ледовая дорога, по которой был вывезен на Большую землю театр С. Радлова, путь к Пятигорску. Вспомнились лето, прорыв врага на Кавказ, ночь, когда наши танкисты, посадив на свои машины половину труппы, довезли артистов до Нальчика, откуда их эвакуировали с последним санитарным эшелоном. А в следующую ночь уходить было поздно — авиадесант и другие гитлеровские части ворвались в город. Последовал приказ фашистской комендатуры: под угрозой расстрела открыть театр и, изъяв «большевистские пьесы», возобновить классический репертуар.

Началась пятимесячная оккупация Пятигорска.

Но сегодня, 3 января 1943 года, было и радостно и тревожно. Шепотом передавались слухи о быстром продвижении Красной Армии. Близость освобождения чувствовалась в беспрерывном потоке уходивших немецких войск и автомобилей с награбленным добром, в трусливой увертливости фашистских листков, пытавшихся скрыть свое катастрофическое положение на Кавказе.

Стук в дверь прервал ход мыслей молодой женщины. В комнату вошли полицаи.

— Одевайтесь, поедете с нами.

В автомобиле Мария вспомнила, что несколько часов назад люди, сидевшие сейчас рядом, были за кулисами и внимательно разглядывали ее.

Что могли узнать о ней?

Однажды уже было: наследнице дореволюционного владельца дома, из которого полицаи выбросили Марию, она сказала: «И у нас будет праздник». Об этом донесли в гестапо. Тогда Марию вызвали и, жестоко избив, отпустили.

Теперь могли доискаться, что Мария, собирая еду, относит ее советским военнопленным и что она рассказывает о подходе наших частей к Пятигорску. Не узнали ли о другой, самой важной работе, взятой на себя Марией?

Близ Машука автомобиль остановился. Полицаи вышли и повели девушку в лес. У канавы они остановились.

— Что вы хотите сделать? — спросила Мария.

— Сейчас узнаешь, — последовал ответ. — Говорила, что большевики близко?

— Я слышала, что Красная Армия подходит к Пятигорску.

— Да что с ней разговаривать! — крикнул полицай. Он выстрелил в девушку. Мария упала, обливаясь кровью. Как в тумане, она почувствовала, что с нее снимают одежду, срывают с руки часы. Полицаи поволокли Марию к канаве. Голова ее билась о землю, сучья и кустарники царапали ее лицо. Блеснул свет фонаря. Сердце Марии сжалось, вдруг обнаружат, что она жива. Но ей посчастливилось. Бросив Петрову в канаву, истязатели занялись дележом денег из ее сумочки. Затем на потерявшую сознание девушку, заживо погребая ее, посыпались комья мерзлой земли, смешанной со снегом.

Машина умчалась назад, в город. Рана на голове Марии примерзла к смешанному с землей снегу, и, должно быть, поэтому она не истекла кровью.

Очнувшись, Мария выбралась из кювета; падая и вновь поднимаясь, поползла к Пятигорску. Навстречу ей, уже не заботясь о маскировке, включив полный свет, мчались машины: их хозяева удирали из разграбленного и разрушенного города.

Мороз крепчал. Мария уже не чувствовала ни рук, ни ног. Отчаяние охватило ее. Но неужели сдаться, когда час освобождения так близок?

И девушка нашла силы, чтобы спасти себя. Она добралась до пригорода — Белой Ромашки и постучалась в первый же дом. Вышла женщина, подхватила ее и уложила в постель. В матери схваченного гестаповцами советского работника Мария Петрова нашла спасительницу, выходившую ее.

П. Кованов и я разыскали девушку. И Мария Петрова — она была еще в бинтах и повязках — рассказала нам о том, как смерть прошла рядом с ней…

Двадцать три года спустя мы, бывшие военные корреспонденты, и Мария Федоровна Петрова-Новикова вновь нашли друг друга и обменялись письмами. Она жива-здорова, полна энергии и продолжает — теперь уже в Ленинградском Малом театре оперы и балета — служить любимому искусству.

Пути трех друзей разошлись: Габрилович направился на Северо-Западный фронт, Кованов остался на Северном Кавказе, мне приказали ехать на Южный фронт — им стал знаменитый Сталинградский фронт.

Журналистский корпус здесь был представлен достойно. Петр Никитин — будущий член редколлегии «Известий» — был пытливым исследователем человеческих душ и действий; я бы

назвал его чемпионом любознательности. Мало кто мог так, как он, вызвать воина на содержательную беседу. Его коллега Константин Тараданкин отлично умел делать для газеты все, что нужно. За два часа он набрасывал темпераментную передовую, фельетон, проблемную корреспонденцию. Сильные, горящие, рожденные большим талантом строки принадлежали порывистому худощавому юноше — военному корреспонденту «Комсомольской правды» Анатолию Калинину, имя которого теперь широко известно.

Царский генерал В. Афанасьев с первых дней создания Красной Армии стал под ее знамя. Этому знамени также верно служил его сын — Борис Афанасьев. Он отморозил ноги на линии Маннергейма, перенес ампутацию нескольких пальцев. Казалось, он не мог выдержать выпавшую на его долю нагрузку. Но выдерживал. Где бы ни работал корреспондент ТАСС Афанасьев, он всегда пробирался в самое пекло, возвращаясь с отменными материалами. В течение примерно года он освещал Нюрнбергский процесс. Он и В. Темин были единственными советскими корреспондентами, присутствовавшими при казни фашистских главарей.

«Правду» достойно представлял Михаил Шур. Его серьезная, вдумчивая, исключительно добросовестная работа сочеталась с хорошим литературным вкусом.

Неистовым военным корреспондентом был сталинградец Василий Коротеев — корреспондент «Красной звезды».

Неутомимым фотоасом называли корреспондента «Комсомольской правды» А. Гличева.

Самым юным из нас был Григорий Шпаков, представлявший Совинформбюро.

В этом составе мы и шли от ворот Кавказа до крайней оконечности Крыма.

* * *

В июне на Южном фронте возникла небольшая пауза. Шла десантная эпопея 18-й армии на полуострове Мысхако. Я получил разрешение на несколько дней вернуться к берегам Черного моря и отправиться на Малую землю.

На осунувшихся лицах помощника военного коменданта, краснофлотцев, дежурных и других работников порта можно было прочитать их тревогу за судьбы людей и караванов, отправляемых на Малую землю.

Ждали темноты — только под ее покровом были возможны

рейсы на Малую землю. На горизонте угадывались очертания клочка нашей территории. Море было спокойно. Но в обманчивой тихой зеленой глади таились вражьи магнитные мины, шныряли подводные лодки и торпедные катера, и в любую минуту следовало ожидать появления эскадрилий фашистских гидросамолетов и истребителей, а на подходе к Малой земле — шквального огня артиллерии и минометов.

Но вот наши суда строятся и под охраной сторожевых катеров трогаются в путь. Катер № 85, которым командует старший лейтенант Василий Торопков (ныне капитан 1-го ранга), совершил свой первый рейс в памятную штормовую февральскую ночь 1943 года… В тылу у гитлеровцев, в рыбацком поселке Станичка, мало еще кому ведомом, высадился со своими людьми Герой Советского Союза майор Цезарь Куников. Двести шестьдесят девять смельчаков-десантников, разметав проволочные заграждения и подорвав минные ноля, с боем зацепились за прибрежные скалы. В ночь с 7 на 8 февраля катер Торопкова высадил еще десантную роту, а потом совершал рейсы почти ежедневно…

Пересекая узкую бухту, караван судов уходил вперед. С гор побережья доносилась канонада. Это наши артиллеристы, выследив днем бьющие по Малой земле батареи, теперь расправлялись с ними.

Проплываем несколько селений Кубани. Позади остается разрушенный, весь в дыму пожарищ героический Новороссийск. Разрывы становятся все явственнее и оглушительнее — мы подходим к Малой земле. Сквозь туманную дымку, прикрывающую ее очертания, вспыхивают снопы пламени — враг ведет яростный обстрел. Осколки снарядов и мин со свистом сыплются в волны, шумно набегающие на скалы. На минуту становится светло как днем. В небе повисли ракеты: фашисты нащупывают караван. Тут же ввысь взлетают сотни зеленых огоньков — пулеметчики Малой земли, помогая высадке, трассирующими пулями дружно расстреливают ракеты. И снова враг бьет вслепую, его снаряды мечутся по Мысхако, с визгом рвутся на берегу и вокруг судов. Экипажи, ведущие в открытом море разгрузку, не теряют ни минуты. Подошедшие с берега боты принимают массивные ящики с боеприпасами и продовольствием, тюки с подарками Большой земли, новыми кинофильмами, газетами, книгами, журналами. Еще четверть часа, и люди со своей ношей, помогая друг другу, взбираются по скалам на отвесный берег. Желтые молнии разрывов озаряют изрезавшие полуостров ходы сообщения, по которым движется живая цепь. Идти нам не очень далеко — ведь всю территорию Малой земли

можно пересечь в течение часа. Короткая проверка — все под тем же огнем, — и нас пропускают в подземные укрепления штаба Малой земли. В этот момент раздается оглушительный грохот, сотрясающий скалы: фашистские эскадрильи сбрасывают в этом районе третий за первую половину ночи бомбовый груз.

На стене одного из блиндажей Малой земли сохранилась торопливо нацарапанная надпись:

«Здесь жили матросы отряда Куникова и будут жить здесь до особого распоряжения».

Рядом другая, более поздняя надпись:

«Матросы отряда Куликова будут жить в веках».

Люди, сделавшие вторую надпись, не ограничились данью уважения своим предшественникам. Они продолжили и обогатили бессмертные традиции первых десантников. Труден был прыжок с Большой земли на Малую. Еще труднее было удержаться в огненном полукольце. Враг не мог оставить в своем тылу десантные группы. Приезжавший в марте в Крым Гитлер поручил командующему 17-й армией Иенеке сбросить советские десантные соединения в море.

Фашистский генерал-лейтенант Ветцель получил приказ прорвать советскую оборону и вновь захватить Мысхако. Фашисты бросили против малоземельцев огромные массы авиации, артиллерии и несколько пехотных дивизий. Восемь суток отбивали яростный напор врага герои Мысхако. Они не слышали друг друга — такой гул висел над Малой землей. Но стояли насмерть. Боевой призыв подполковника П. Штахановского — превратить Малую землю в большую могилу для фашистов — облетел весь гарнизон. Армейские газеты, описывая массовый героизм исторической эпопеи, сообщали о том, как воины устилали подступы к своим позициям тысячами вражьих трупов и умирали сами, не отступая ни на шаг.

В блиндаже куниковцев расположился политотдел. Героика Малой земли стала бытом. Фашисты не рискуют сейчас предпринимать наступление. Но двадцативосьмикилометровая площадь по-прежнему простреливается артиллерией и минометами, бьющими день и ночь.

Хрупкая дверь, ведущая из блиндажа на поверхность, полуоткрыта. Того и гляди, залетит шальной осколок. «Закрывайте дверь», — ворчит кто-то. Дверь затворяется, но через минуту ее снова забывают закрыть. Тесно и шумно. Капитан М. Бурле дает консультацию радистам и перебирает кинофильмы, привезенные с Большой земли. Лектор, маленький, скромный и тихий человек, восторгающийся решительно всем, что он видит на Малой земле, уточняет и дополняет свои записи и заранее

волнуется от общения с необычной аудиторией. Инструктор по учету партдокументов по фамилии Коминтерн оформляет дело сержанта Карпа — кандидата ВКП(б). Корреспондент армейской газеты, прибежавший с берега моря, откуда краснофлотцы только что выловили трех летчиков, выбросившихся с парашютами из зажженного фашистского самолета, готовит материал для редакции. Но вскоре в штабе становится свободнее: политработники отправляются на передовую. В гвардейское соединение, где сегодня проводится собрание партактива, путь лежит через весь полуостров. Под лучами солнца Малая земля выглядит не такой мрачной. Правда, на каждом шагу чернеют огромные воронки, не в одной из них побывало по два снаряда, и странно ходить по сплошь перепаханному полю среди вывороченных и расщепленных деревьев. Но по-прежнему упрямо тянутся ввысь колючие кустарники, так же прекрасны чащи горных склонов, зеленеющие под сияющим небом Черноморья. Тяжело израненная земля предстает перед нами в трогательном и суровом величии своих страданий и борьбы, бессмертного героизма ее богатырей. Воющие звуки заставляют поднять голову. В небе сорок фашистских бомбардировщиков. Снова долгий визг бомб, и опять фашистские артиллеристы, словно одержимые, бьют по Малой земле. Нас провожает фотограф соединения, которого все здесь зовут Мишей. Непостижимым образом он научился угадывать, куда в следующий момент перенесут фашисты свой огонь. Авторитет Миши кажется здесь непререкаемым. Он подает команду, и, перебегая по щелям и лощинам, мы с благодарностью убеждаемся в точности его предсказаний.

В густом лесу, среди тщательно замаскированных землянок, собираются гвардейцы-коммунисты. Заслоны автоматчиков окружают место сбора — близок враг. Коротки и горячи речи. Конкретна и подчас сурова критика. На Малой земле прочно утверждено советское знамя. Но благодушествовать не дано никому. Сзади — море, впереди — Новороссийск, Тамань, победа.

Выстоять и победить клянутся гвардейцы-коммунисты — комбат Беляков, старший сержант командир орудия Кудинов, автоматчики Мусаэлян и Степаньян, старшие командиры Малютенков, Власов. (К сожалению, не могу привести имена или инициалы выступавших. Я не успел их записать.)

Спускается ночь. Бдительно несет вахту самый левофланговый боец — горьковский колхозник Зятьков. Всегда начеку левофланговый взвод старшины Якубовского — лучшего снайпера батальона — и вся рота лейтенанта Рыбалкина…

А в штабе промокшие до нитки сбитые фашистские летчики

заискивающе передают нашим разведчикам данные о своей группировке. Важность их такова, что легкое сожаление по поводу того, что фашистов извлекли из моря, сразу исчезает.

Двести двадцать пять дней и ночей сражений за Мысхако завершились поражением врага. Малая земля, выстояв, соединилась с Большой землей…

* * *

Долгий путь прошел В. М. Торопков со времени описанной мной июньской ночи 1943 года. Свою долю в освобождение города-героя Новороссийска внес и его корабль — в качестве флагмана 1-го отряда катеров Героя Советского Союза капитана 1-го ранга П. И. Державина.

Закончив войну на Черном море, В. М. Торопков командовал Краснознаменным дивизионом сторожевых кораблей. Окончил академические курсы, несколько лет провел на Дальнем Востоке.

Судьба вновь свела нас 14 декабря 1973 года, когда капитан 1-го ранга, кавалер трех орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени В. М. Торопков за успешное выполнение важного задания был награжден третьим орденом Красной Звезды.

— Тридцать шесть лет служу я на флоте, — сказал мне в день нашей второй встречи Василий Мефодьевич, — без флота не мыслю жизни и в приближающемся пенсионном возрасте. Родным морским просторам отдам все силы и опыт. А работа на флоте найдется!

* * *

Как известно, Ростов и Таганрог разделяет река Миус, на подступы к которой вышли в ту пору войска Южного фронта. Фашистское командование считало, что созданный им «Миус-фронт» по мощности укреплений и обороны не уступает линиям Зигфрида и Мажино. Длина «Миус-фронта» превышала 180 километров, глубина достигала 20–25 километров. Одних траншей и ходов сообщений здесь было проложено 2540 километров, что в полтора раза превышает расстояние от Миуса до Берлина.

Но пробил час падения и «Миус-фронта». Освобожден Таганрог, давший миру Чехова. На армейском узле связи Бодо не работало либо передавало сверхсрочные донесения.

Единственным средством связи оставалась ВЧ. Афанасьев и я — мы работали рука об руку — бросились к начальнику штаба армии, освободившей Таганрог. Попытки Афанасьева связаться по этому аппарату с ТАССом не удавались. У председателя Радиокомитета ВЧ тогда не было. Я решился позвонить наркому юстиции СССР Н. М. Рычкову и передать корреспонденцию его стенографистке: перед войной я окончил Академию права и редактировал радиожурнал «Советская юстиция», нарком знал меня и относился ко мне по-доброму, это придало мне смелости. У Николая Михайловича заседала коллегия наркомата, тем не менее он вызвал в кабинет стенографистку. Слышимость была ужасная. Я в штабе и стенографистка в Москве вопили что было мочи, переспрашивая названия и фамилии. Нарком дважды взывал к моей совести — из-за адского крика в кабинете коллегия не могла работать. Но, в отличие от незабвенного Николая Михайловича, я был бессовестным и додиктовал все до последнего слова.

То, что я раньше всех передал свое сообщение, было случайным везением. Афанасьев работал лучше меня, но, когда аппарат ВЧ в ТАССе освободился, связь прервалась. Борис Владимирович очень огорчился, огорчился за него и я. Впрочем, вскоре пришлось огорчиться и за себя. Через два-три часа у наркома случился сердечный приступ. В спешке, когда Н. М. Рычкова увезли на дачу, мою расшифрованную корреспонденцию об освобождении Таганрога вместе с другими бумагами, лежавшими на столе наркома, заперли в несгораемый шкаф, ключи от которого положили в карман Николая Михайловича. Телеграмма же о том, что материал передан по ВЧ, пришла в редакцию вечером, и, когда позвонили в секретариат наркомата и выяснили, в чем дело, было уже поздно.

В трудных боях наши войска прокладывали путь вперед.

Освобождены Донбасс, Мариуполь, Осипенко, прорвана линия Вотана и взят Мелитополь — ворота к Крыму. Ликвидировано Никопольское предмостное укрепление. Над всей Левобережной Украиной взвилось знамя Страны Советов.

В чудовищную осеннюю распутицу войска 2-го Украинского фронта — так был назван прежний Южный фронт — подошли к Перекопу и к Сивашу. (Предполагалось брать Крым той же осенью, но Ставка, учитывая многие трудности, перенесла операцию на весну, приказав всесторонне к ней подготовиться.)

На подступах к Крыму провели вместе с войсками осень и зиму военные корреспонденты. В День Советской Армии мы пригласили разделить наш скромный ужин своих друзей —

работников политуправления, оперативного отдела н врачей штаба фронта.

Военные корреспонденты — «Известий» К. Тараданкин и «Последних известий» — в моем лице — прочли написанные экспромтом шутливые стихи — «О нас обо всех». Вот они:

От сталинградской переправы
Через Миус, через Донбасс
Святая воинская слава
К воротам Крыма пронеслась.
Над Сивашом бушует вьюга.
Скорее чаркою согрей
Бойца, товарища и друга
В красноармейский юбилей.
Могучей родины солдаты,
Свидетели великих лет,
Мы собрались вот в этой хате
Отметить славный путь побед.
Быть может, здесь не все знакомы?
Мы, соблюдая этикет,
Сейчас собравшимся представим
Спецвоенкоров Юга цвет.
Искусством Чкалова превысив,
Касаясь крыльями планет,
Из Агаймана Тараданкин
Летел па праздничный банкет.
Здесь Афанасьев, Боря, бравый (1),
Поклонник дам и общий друг.
Он истый жрец шестой державы.
Стратегом Боря стал не вдруг,
В атаках он явил упорство.
Вот стол, трудов его венец,
Сломил он Левченко упорство (2),
Повержен страшный Кисловец (3).
Представлю дальше я — Гличева (4):
Снимать готов везде, всегда,
Соперник Вовы Иванова (5)
И фотоас он хоть куда.
На фронт умчался он поспешно,
Шесть суток честно буксовал,
Но в общем действовал успешно
И даже в Никополь попал.
Привез он снимки для газеты
И аппарат — мечту поэта,

Для дам — роскошные усы,
Себе — трофейной колбасы.
Вот два Аякса — два спецкора,
Всего казачества опора:
Калинин Толя — новеллист (6),
Никитин Петя — очеркист (7).
Им перья служат вместо пики,
Горит воинственный восторг,
Друзья на «газах» мчатся с гиком
То к казакам, то в Военторг.
Теперь о Фраме строки эти,
Ведь наш пострел везде поспел.
Ютился прежде в драндулете,
А ныне в «виллис» пересел.
С прекрасным полом в час ночной
Ведет он разговор такой:
— И будешь ты царицей мира,
И будем сладко жить вдвоем,
Тебя мятежный сын эфира
Умчит на «виллисе» своем.
Его ты в оперсводках слышишь
На Южном фронте с давних пор.
Заметно вырос Шпаков Гриша (9),
Очаровательный майор.
Ни сил, ни «эмки» не жалея,
Летит на фронт во весь опор
Майор Василий Коротеев (10),
«Звезды» неистовый спецкор.
Под Лепатихой было жарко,
Но, материал сумевши взять,
Сегодня Вася выпьет чарку,
А может, две, а может, пять.
И в шуме боя, в море грязи
Там видеть можно было всех.
Все к сроку добрались до связи
И, право, выпить всем не грех.
II даже Шур (11) весьма серьезный,
Всегда предельно осторожный,
Сто грамм для праздника хлебнет
Или живым он не уйдет.
Работа дружбу закрепила,
И в журналистский входит круг
Желанным гостем П. Корнилов (12),
Спецкоров всех желанный друг.

Его соавторство незримо,
Но помощь очень велика.
Через газеты по эфиру
Его узнала вся страна.
Вот врач зубной — Евгенья Львовна,
Она прелестна безусловно,
Зато душою — «лютый зверь»,
Пропали с вами мы теперь.
Я промфинплан ее застенка
Открыть собравшимся готов:
Он составляет ежедневно
Полтыщи вырванных зубов.
Нет ни в одной из мира стран
Врача милей, чем Лидерман (13).
Вы излечили грипп, бронхиты,
Одной болезни нет конца.
Мы умоляем: исцелите
Корреспондентские сердца.
Оргинстра нач. — Н. З. Катулин (14)
Корреспондентами любим,
В работе он неутомим
И день и ночь всегда в движеньи,
Он управленья украшенье!
Вы оцените яркость строк,
Чтоб из того извлек я прок.
Нельзя ль бумагу подписать
В Москву мне быстренько слетать?
Смеетесь вы? — Клянусь, вы правы,
Теперь не время для забавы.
И мы кончаем фельетон,
Нас ждут Одесса и Херсон,
Ждут Ялта нас, и Симферополь,
И легендарный Севастополь.
Наутро — в бой, с зарей в поход
Приказ народа нас ведет.
Лети вперед, отчизны слава,
Цвети, Советская держава,
Несется к Крыму от Днепра
Красноармейское «ура».

1) военный корреспондент ТАСС, затем член коллегии ТАСС, парторг ЦК в ТАССе,

2) заместитель начальника штаба фронта,
3) начальник Военторга фронта,
4) военный фотокорреспондент «Комсомольской правды»,
5) фотокорреспондент ТАСС (погиб на фронте),
6) военный корреспондент «Комсомольской правды»,
7) военный корреспондент «Известий»,
8) военный корреспондент «Последних известий по радио»,
9) военный корреспондент Совинформбюро,
10) военный корреспондент «Красной звезды»,
11) военный корреспондент «Правды»,
12) старший офицер оперативного отдела штаба фронта,
13) начальник медсанчасти штаба фронта,
14) заместитель начальника политуправления фронта.

Возгласом «ура» заканчивались наши стихи. И оно же, могучее «ура», раскатилось 8 апреля 1944 года от вод Сиваша до цитадели Турецкого вала. Грандиозный тайфун наступления залпами тысяч орудий и минометов, непрерывными ударами авиации всех видов смел в прах укрепления, о которых командующий 17-й армией Гитлера Э. Енеке вещал: «Крым — на замке. В мире нет сил, способных прорвать нашу оборону. Пусть солдаты спокойно отдыхают в своих окопах».

Но отдыхать не пришлось ни фашистским солдатам, ни самому Енеке. В три дня глубокоэшелоннированная оборона гитлеровцев была взломана армиями генерал-лейтенантов Г. Ф. Захарова и Я. Г. Крейзера.

Форсирован Сиваш, взят Перекоп. Мощное наступление развивается. Минуя бескрайние золотистые поля, селения, в которых еще три часа назад хозяйничали гитлеровцы, мчатся «виллисы» генералов, руководящих небывалой операцией, танки, отряды мотопехоты; проходит тяжелая артиллерия. Позади Армянск, Джанкой.

Решив объединиться, едем в одной машине — корреспондент «Известий» Петр Никитин и я. Мы в составе подвижного передового отряда подполковника Ленивого, быстрота и смелость действий которого никак не соответствуют его фамилии.

До Симферополя остается 50–60 километров. Внезапно на шоссе начинают рваться снаряды. Разведка доносит: в ближайшем селе Китай — вражеский заслон; на подмогу ему подходят бронепоезда. По команде Ленивого артиллерия выдвигается на огневые позиции, бронебойщики занимают оборону.

Спускаются сумерки. Над полем боя появляются наши штурмовики и истребители. Они долго кружат: в темноте можно ошибиться и ударить по своим. Так и есть, один из штурмовиков сбрасывает бомбы на нас. По счастью, они не причиняют вреда.

Взлетают наши сигнальные ракеты; позиции врага окутываются дымом и пламенем. На рассвете наш передовой отряд овладевает селом Китай. Путь вперед открыт. Взят Сарабуз, пленен его комендант. Стремительным ударом взят Симферополь.

Наши войска, наступая с юга, возвратили Родине Керчь, Феодосию, Евпаторию; в три-четыре дня освобождено все южное побережье Крыма и его жемчужина — Ялта.

Успешно продвигался наш фронт. В только что освобожденном селении я «атаковал» командующего 51-й армией генерала Я. Г. Крейзера. Яков Григорьевич на ходу бросил мне: «Через несколько дней будем в Севастополе».

Однако на подходах к этому городу немцы закрепились, и в продвижении войск наступила небольшая пауза. Я уже отправил ряд больших телеграмм о боях под Севастополем и решил, что успею быстро съездить в Ялту, написать о Доме-музее А. П. Чехова.

Смеркалось, когда машина остановилась у дорогого всей стране домика. Навстречу вышла помощница Марии Павловны Чеховой — Е. Ф. Янова.

— Музей уже закрыт, — сказала она.

Стало грустно. Во мне заговорил в эту минуту не только корреспондент, но и читатель, влюбленный в Чехова. Поэтому взволнованно и горячо попросил сделать исключение.

— Я передам вашу просьбу Марии Павловне, — сказала, улыбаясь, Янова.

Через несколько минут она вернулась.

— Мария Павловна просила вам передать, что если вы действительно такой почитатель Чехова, то должны это доказать. Ответьте на три вопроса, и тогда она вам покажет дом.

Послышались шаги, слишком быстрые для женщины такого почтенного возраста, и я увидел милое, приветливое лицо Марии Павловны.

— Вы из Москвы? — спросила она.

— Нет, я приехал из штаба фронта.

Мария Павловна засмеялась.

— Я спрашиваю не об этом, а о том, в каком произведении Антона Павловича и кем говорится фраза: «Вы из Москвы?»

— Это из «Трех сестер». Вопрос Вершинину сестер Прозоровых.

— А откуда это: «Для любви одной природа нас на свет произвела».

— Оттуда же. Первый акт. Слова доктора Чебутыкина.

— А «Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность?»

— Это из «Иванова» — реплика графа Шабельского.

— Ну что же, экзамен вы выдержали, — улыбнулась Мария Павловна.

Мы переходили из комнаты в комнату, и обо всем сестра великого писателя рассказывала с той нежностью и преданностью брату, которые помогли создать замечательный музей и отстоять его от разграбления гитлеровцами, хотя они и забрали некоторые чеховские реликвии, а некоторые испоганили.

Близко к полуночи мы втроем поужинали чем бог послал — тем немногим, что было в доме Чехова и в моем пайке.

— Во всем мире у меня остался один самый близкий человек — Оля (народная артистка СССР О. Л. Книппер-Чехова. — *А. Ф*), — сказала Мария Павловна. — Ни она, ни я со дня, когда гитлеровцы захватили Крым, ничего не знаем друг о друге. Сюда приезжали двое москвичей, обещали дать знать Оле обо мне, но по-прежнему из Москвы ни слуху ни духу. Они, вероятно, забыли о моей просьбе, так что я, пожалуй, не буду и вас затруднять.

— Ну, раз не будете, что ж поделаешь…

Время было позднее. Мария Павловна провела меня в комнату, где мне предстояло ночевать.

Едва рассвело, как я вскочил, сел за руль «виллиса» и помчался в Сарабуз, где стоял штаб 4-го Украинского фронта. Горные дороги были запружены войсками, разбитой техникой. На узле связи вызвал московского дежурного, упросил его передать по телефону Ольге Леонардовне несколько слов о Марии Павловне и принять ответ для нее. Через полчаса из квартиры О. Л. Книппер-Чеховой поступила по Бодо ответная телеграмма, с которой я помчался назад в Ялту. По дороге кто-то сообщил, что наши взяли Севастополь. Голодный и грязный, добрался я до дома Чехова, вручил сообщение от Ольги Леонардовны и погнал машину к Севастополю. (Забегая вперед, скажу, что в 1954 году мне довелось побывать у О. Л. Книппер-Чеховой и напомнить об истории, происшедшей десять лет назад.)

У Байдарских ворот стояла «эмка» с раскрытыми дверцами; в машине едва умещался офицер огромной толщины.

— Товарищ полковник, позвольте представиться — военный корреспондент «Последних известий». Верно ли, что Севастополь взят?

— А вы давно военный корреспондент? — скосил на меня глаза полковник.

— С первых дней войны.

— Так пора бы уже иметь здесь кое-что, — сказал полковник, постучав себя по лбу. — Сколько наши сидели в Севастополе?

— Двести пятьдесят дней.

— Вот именно. И вы хотите, чтобы мы вернули Севастополь

за две-три недели. Поезжайте спокойно, десять раз успеете. Так-то, — добавил он внушительно.

Спокойствия я все же не обрел.

Поздним вечером на фронтовых дорогах повстречались Вадим Кожевников и Василий Коротеев; поехали в знакомую нам дивизию, штурмовавшую Севастополь.

Назавтра — 9 мая 1944 года — войска генералов Захарова, Крейзера, Мельника овладели Севастополем — городом русской славы. Прогноз толстого полковника с треском провалился, чему он, несомненно, был чрезвычайно рад.

К мысу Херсонес — к бухтам Камышовая, Стрелецкая, Круглая и другим бежали остатки гитлеровской группировки; это были десятки тысяч солдат и офицеров — с оружием и техникой. Фашистское командование надеялось, задержав наше наступление, вывезти морем свою орду, сгрудившуюся на территории примерно в 15–20 квадратных километров. Эвакуация была назначена на 12 мая. Наша разведка проникла в замыслы врага. Советские воины преодолели мощный вал, возведенный между Севастополем и Херсонесом, и овладели развитой сетью окопов и траншей. Артиллеристы в упор направили на гитлеровцев огонь орудий и «катюш». В наступление пошли танки.

12 мая прогремел последний выстрел батареи лейтенанта Ралюка. Загнанные к морю три тысячи уцелевших солдат и офицеров противника сложили оружие. На Херсонесском маяке парторг пехотного батальона Шаров водрузил кумачовый платок — скромный символ великой победы в Крыму. Через несколько минут подошедший танкист установил рядом большой алый стяг.

Майское солнце озарило поле битвы — кладбище фашистов и их боевой техники. Наш «виллис» с трудом лавирует между сожженными зенитками, автомобилями, бесчисленными воронками.

Колонна пленных бредет к Севастополю. Хвост ее далеко сзади. Среди пленных генералов и офицеров нет генерал-полковника Альмендингера, сменившего в апреле Енеке. Издав грозный приказ: «Держать до последнего солдата Севастопольский обвод, помнить, что никому не должна даже в голову прийти мысль об отходе», Альмендингер сбежал от своих войск.

А на север, чеканя шаг, возвращаются с Херсонесской косы гвардейцы дважды краснознаменной дивизии. В этот день я послал в Москву последнюю корреспонденцию с освобожденного юга нашей страны.

* * *

Война подкатывалась к Берлину, до взятия которого оставалось сорок пять дней.

На шоссе, которое вело к предгорьям Судет, среди обломков «мессершмиттов», устилавших захваченный накануне аэродром врага, виднелся КП только что прибывшей сюда авиачасти. Здесь судьба вновь свела меня с М. Ногой — теперь уже генералом, командиром дивизии. В боях между Вислой и Одером его истребители сбили 76 самолетов противника, не потеряв ни одной машины. Митрофан Петрович был все так же скромен и немногословен. Только четверть века спустя я узнал то, что он утаил во время двух наших встреч: в комплекте «Известий» за 1939 год я обнаружил фото, запечатлевшее вручение Почетной грамоты и Звезды Героя Советского Союза трем командирам, среди которых был и М. Нога.

Бывший слесарь авиазавода, командир эскадрильи, участник боев в районе Халхин-Гола, воспитанник Военной академии имени К. Е. Ворошилова, кавалер многих советских и монгольских орденов, боевой генерал-лейтенант М. Нога после войны работал в Академии наук УССР.

Войска антигитлеровской коалиции подходили к Эльбе с востока и запада. Их встреча ожидалась с часу на час.

Каково бы ни было ее значение, главным событием представлялся близкий конец фашистского Берлина, означавший окончательный крах гитлеровской империи.

Я обратился к И. С. Коневу с просьбой рассказать о последних боях за Берлин. Мне предложили подготовить аппаратуру и ждать.

Раза два маршал прошел мимо, не произнеся ни слова.

Не будет ли выпущена синица из рук в поисках журавля в небе? Ведь из-за длительного ожидания может оказаться упущенным немало из того, что нужно видеть собственными глазами… Однако перспектива послать рассказ командующего фронтом о битве за Берлин была так заманчива, что отказаться от нее представлялось невозможным.

Наконец Конев вышел все с тем же непроницаемым лицом; объявили, что записи не будет. Позднее выяснилось: в битве наступил острый момент — армия Венка предприняла наступление, пытаясь разомкнуть кольцо, окружающее Берлин. Мощным контрударом она была отброшена. Естественно, что в минуты, когда решалась судьба операции, маршал Конев не хотел предвосхищать событий.

* * *

В этот день передовые части 58-й гвардейской дивизии генерал-майора Русакова встретились на Эльбе — в районах Стрела и Торгау с разведывательными группами 69-й американской дивизии генерал-майора Рейнгардта.

Декадой позже в районе Торгау в старинном замке Военный совет 1-го Украинского фронта принимал Омара Брэдли — командующего 12-й группой американских войск, подошедших к Эльбе с запада. Это были последние часы гитлеровской Германии. Девять десятых ее территории были в руках союзников. Пожар войны, догорая, еще полыхал; над местом встречи барражировала наша авиация.

На лужайке, примыкающей к колоннаде замка, — командующий фронтом маршал И. С. Конев, начальник штаба фронта генерал армии И. Е. Петров, члены Военного совета и другие военачальники, военные корреспонденты.

…Вдали показалась мчащаяся со стороны Эльбы колонна «виллисов». Это, опережая машины Брэдли и его высших офицеров, к месту встречи несутся военные корреспонденты западной печати и радио. Мгновенно ориентируясь, они с ходу «атакуют» руководителей советского командования.

Приезжает Омар Брэдли — худощавый и барственный, профессиональный военный.

В залах замка накрыты столы. На главном столе я поставил микрофон. Проходя мимо, командующий фронтом сказал: «Уберите микрофон». Я сделал вид, будто не слышу. Возвращаясь, И. С. Конев повторил свои слова. Видя, что я притворяюсь глухим, командующий, повысив голос, резко потребовал выполнить его приказ. Делать было нечего; пришлось действовать пером вместе с другими военными корреспондентами.

В речах, звучавших на берегу Эльбы, с восхищением отмечался подвиг Советской Армии, вынесшей на своих плечах основное бремя войны с фашизмом. В канун капитуляции фашистского рейха в обмене речами обоих командующих выражалась надежда, что историческая победа человечества, озаренная светом Сталинграда и Эль-Аламейна, явится залогом такого же успешного разрешения проблем мира и безопасности, на что, добавим мы, так последовательно и неизменно направлена ленинская внешняя политика нашей страны.

И. С. Конев вручил О. Брэдли знамя гвардейской части, первой вышедшей к Эльбе.

В этот день советские и американские генералы и офицеры слушали английские, американские и советские песни. Брэдли

аплодировал, но решил, что его надувают — перед ним не фронтовой ансамбль, как ему объяснили, а профессиональные музыканты и танцоры, переодетые в военную форму.

Когда И. С. Конев наносил ответный визит О. Брэдли, перед советским командующим выступили два американских солдата, игравшие на скрипке. Это были знаменитые Я. Хейфец и его сын, специально выписанные Брэдли из-за океана.

В своих воспоминаниях И. С. Конев рассказывает и о другом. На обеде, устроенном Брэдли, советский командующий увидел перед собой микрофон. Считая, что застольный спич не заслуживает быть записанным и переданным, И. С. Конев попросил микрофон убрать. Ответив, что микрофон отключен, американцы преспокойно записали речь советского маршала.

А я до сих пор жалею, что не записал выступление маршала И. С. Конева в Торгау. Каждое слово, сказанное им сорок лет назад под Торгау, И. С. Конев мог бы повторить и сегодня — в назидание заокеанским поджигателям войны, а запись его выступления в эти знаменательные дни была и будет нужна для истории.

2 мая 1945 года над Берлином в двадцатый раз поднялся аэростат «АН-640» корректировочно-воздухоплавательного отряда, которым командовал капитан И. В. Страшков. Военные корреспонденты «Последних известий» на 1-м Украинском фронте П. Мануйлов и я подготовили тогда радиорепортаж о событии, которому суждено было стать примечательным.

На пленку были записаны боевая задача, поставленная аэростату, рассказ его командира о боевом пути аэростата от Кунцева, под Москвой, до Берлина, рапорт начальника летно-подъемной части лейтенанта Демина о результатах наблюдения.

Вот что зафиксировали последние кадры нашей записи.

— Товарищ капитан! Разрешите доложить результаты наблюдения.

— Докладывайте.

— Артиллерия противника себя не проявляет. Подсчитал до сорока двух очагов пожара в центре города. Мне с воздуха видно: центр города в развалинах, траншеи пусты, мимо колонн пленных идут наши войска. Знамя Победы — над рейхстагом; на Унтер-ден-Линден — наши полки и дивизии. Повсюду белые флаги. Нам, наверно, больше не придется подниматься над Берлином!

Все же аэростату Страшкова пришлось подняться еще раз. Помогая войскам 1-го Украинского фронта, освободившим Прагу, воздухоплаватели-корректировщики выявляли укрывавшиеся в лесах скопления эсэсовских войск, вскоре также сложившие оружие.

* * *

7 мая 1945 года… Пять дней назад пал фашистский Берлин. Но на автостраде, соединяющей его с Бреслау, у въезда в главный город Силезии еще сохранилась надпись: «Дорога обстреливается, останавливаться воспрещается». Только несколько часов назад эта надпись стала достоянием истории — гарнизон Бреслау капитулировал.

Восемьдесят один день шли осада и штурм окруженного города. Бреслау вместе с Глогау и Франкфуртом прикрывал столицу рейха. В подземных казематах крепости засел вооруженный до зубов фашистский гарнизон. Бреслау оттягивал к себе значительные наши силы. Ставка Гитлера взывала: «Деритесь, как русские в Сталинграде!» Но ходить за примером теперь можно было и поближе. В Бреслау гитлеровское командование вновь увидело тех, чьей доблести предлагалось следовать: защитники Сталинграда затянули стальную петлю вокруг крепости на Одере.

Мы на КП батальона саперов-сталинградцев майора трижды орденоносца Атамась, действующих в подвале взорванного дома. Свет от движка освещает офицеров, склонившихся над картой города. По подвалу гулко разносится голос московского диктора, передающего известия с фронта.

Саперы, взрывая двухметровые стены, поднимая в воздух тысячетонные баррикады, шагают сквозь разорванные каменные громады; по глыбам металла и кирпича продвигаются пехота и пушки. Шесть раз проникала во вражий тыл со взрывчаткой, головыми шашками и бутылками с горючей смесью группа старшего сержанта Скаткова. Она выкурила осажденных из шести домов, превращенных в крепость. Пробравшись ночью в квартал, занятый гитлеровцами, сапер Гречко не успел к рассвету выполнить задачу и уйти. Он провел тридцать шесть часов в тылу противника, взорвал восьмой на своем счету дом, в котором держались фаустпатронщики, и благополучно вернулся.

В полуразрушенном доме — КП полка кавалера трех боевых орденов Ивана Федоровича Банатина. Его батальоны одними из первых форсировали Днепр. Тогда когорта Героев Советского Союза приняла под сень своей славы группу лучших воинов полка. Трое из них ведут сейчас бои на улицах, вернее, в домах Бреслау. Полковой знаменосец Герой Советского Союза Иван Федорович Крашенинников пронес боевой стяг к центральным районам Клеттендорф и Клиттерн. Адъютант полка Герой Советского Союза Степан Григорьевич Ситник во главе штурмовой группы пробрался на территорию крупного завода и

внезапно, ночным ударом, овладел им. Рота Героя Советского Союза Николая Федоровича Жуковского круглосуточно поддерживает образцовую связь между штабом полка и его батальонами. Среди наступающих нет двух воспитанных полком Героев Советского Союза: майоры Рашутин и Филимонов — слушатели военной академии. Мы были на КП полка, когда из Москвы в Бреслау пришло письмо от Филимонова. Друзья успешно учатся и ждут возвращения в ряды однополчан. В этот день заканчивался бой за огромный дом, занимающий целый квартал: подвалы и два этажа — в наших руках. Третий и четвертый очищаются от фаустпатронщиков и гранатометчиков.

И вот бастионы, подземные казематы Бреслау капитулировали. Мы едем по его центру, мимо завалов и баррикад. На одной из них — плакат: «Стой, проезда нет. Фронт!» Да, он проходил здесь. Потеряв захваченные советскими войсками аэродромы, гитлеровцы соорудили непосредственно в городе на Кайзерштрассе огромное летное поле. Здесь на территории около двух километров были взорваны все дома. Тысячи узников лагеря Бурквейде круглосуточно, подгоняемые плетьми, расчищали завалы, утрамбовывали летное поле, куда по воздуху доставлялись людские резервы и баррикады.

…Массивная башня, носящая имя знаменитого химика Либиха. В ее подземельях-казематах помещался штаб командующего группировкой генерала Нихофа. Страшась окружения, Нихоф и его сподручные перебрались в подвалы городской библиотеки на Зандштрассе, превращенные в неприступные крепостные казематы. В подземных комнатах-отсеках брошено множество оружия, вплоть до крупнокалиберных пулеметов, карты фронта, бутылки из-под шампанского. На столе — последний номер «Шлезише тагесцайтунг», датированный 6 мая 1945 года. В час, когда газетка, вещая об успехах гарнизона Бреслау и о непоколебимости его духа, вышла в свет, фашистские парламентеры с белыми флагами пробирались в наш штаб. Они подорвались на собственных минах. Послали других. Через несколько часов к нейтральной зоне потянулось фашистское воинство, сдающее оружие. В 18 часов 45 минут 7 мая радиостанция группировки передала сообщение о том, что прекращает работу.

Постепенно на улицах появляется население, проведшее три месяца в подвалах. Вальтер Лассман — пастор Иозефкирхе, которую эсэсовцы взорвали, чтобы расчистить территорию для аэродрома, — хочет узнать в нашей комендатуре, где он теперь сможет вести богослужение. Но его возможные прихожане решают более актуальную проблему: они принимаются за очистку

и уборку города.

Победа Советского Союза, восстанавливая историческую справедливость, вскоре откроет древнему Вроцлаву путь к воссоединению в лоне родного польского государства.

* * *

На этом можно было бы поставить точку, если не упомянуть об одном, если хотите, чрезвычайно «трудном» утре.

Еще в 1944 году мне разрешили пользоваться радиоприемником: он был нужен для ориентации и проверки прохождения в эфире материалов. Корреспонденты газет могли прочесть посланное ими с фронта; переданное в эфир живет несколько минут. Не имея приемника, приходилось месяцами бывать в неведении о результатах своей работы. Приемник был со мной и в Прибалтике, и в Германии. Тем, кто разрешил мне это отступление от тогдашних строгих правил, я дал слово, что не подведу их. Геббельсовскую брехню я ни разу не слушал, но за «Последними известиями» на французском языке, передаваемыми из Лондона, я следил, если улучал свободное и удобное время. Некоторые из моих товарищей не без насмешки относились к моей пунктуальности в держании языка за зубами; они не видели греха в том, если корреспонденты в своем кругу послушают и то, что тогда слушать не полагалось. Но я терпеливо переносил уколы, оставаясь при убеждении, что у войны законы строгие и непреложные.

Берлин был взят. Завершение войны представлялось вопросом нескольких дней.

И вот настало это очень «трудное» утро. Я перехватил первое в мировом эфире сообщение из Фленсбурга о капитуляции Деница. Сказать об этом нельзя было никому: сообщение могло не подтвердиться; малейшее размагничивание способно было принести вред. И действительно, на нашем фронте группа фельдмаршала Шернера, уклоняясь от капитуляции, прорывалась с боями на запад.

Но как трудно было хранить в себе самом радостное сообщение! И кому — корреспонденту, призванному не только первому схватывать новость, но и делиться ею с теми, от контакта с которыми во многом зависит его осведомленность. А тут пришлось быть хранителем тайны, пока она перестала ею быть, до того, когда о событии, которого наш народ ждал 1418 дней, торжественно возвестил ликующий голос Москвы.

Павел ТРОЯНОВСКИЙ. СОЛДАТСКИМИ ДОРОГАМИ

1

Телеграмма из редакции:

«Вам выезжает Константин Симонов тчк Помогите ему выполнить важное задание редакции тчк Очень надеюсь на вас тчк Вадимов».

Бывало вот такое с главным редактором газеты «Красная звезда» Давидом Иосифовичем Ортенбергом (Вадимовым) во время войны. Он иногда перебарщивал в желании сделать хорошее еще лучше. Как будто бы без директивы из Москвы мы, фронтовые корреспонденты в Туле, не встретили бы как следует Симонова, не помогли ему.

Симонов есть Симонов. Его любили и уважали не одни читатели «Красной звезды», «Правды», слушатели Всесоюзного радио, ценители поэзии. И уж конечно же тепло и сердечно относились к нему в дружном коллективе фронтовых корреспондентов. А меня плюс ко всему этому связывало с Константином Михайловичем боевое товарищество по Халхин-Голу.

Шел декабрь 1941 года. К этому времени Симонов был именитым военным корреспондентом, большим публицистом и поэтом — его военные стихи читались взахлеб.

Но только, наверное, мы, работники «Красной звезды», хорошо ведали о том, как познавал Симонов войну, как вырабатывал и оттачивал мужественный стиль своих рассказов, очерков, стихов. В июле под Могилевом он вывез трех советских летчиков из-под огня фашистских автоматчиков. В дни обороны Одессы Симонов преимущественно находился на переднем крае — то в боевых порядках стрелковых рот, то в ударных батальонах моряков. Писатель участвовал в боевом походе на подводной лодке к берегам Румынии. В начале боев за Крым Симонов попадал в такие рискованные ситуации, что потом сам изумлялся тому, что остался невредим.

Он пережил все самое тяжелое и отчаянное, что пережили в первые месяцы войны миллионы советских солдат и командиров, вместе с ними шел нелегкими солдатскими дорогами.

Приехав в Тулу и выйдя из машины, он сразу спросил:

— Как с Калугой, я не опаздываю?

Я должен был разочаровать его, показав на своей карте приблизительное очертание фронта.

В работе Симонов был всегда нетерпелив и неугомонен. Усталости не признавал. Вот и сейчас тут же отправились в штаб 50-й армии. Эта армия остановила у стен Тулы танковые дивизии гитлеровского генерала Гудериана, преградила им путь к Москве.

Командующий армией генерал-лейтенант Иван Васильевич Болдин в разговорах с корреспондентами как-то заметил, что из фронтовых писателей и корреспондентов ему больше всего по душе Константин Симонов. Командарму нравилась его поэзия — энергичная, глубокая, патриотическая, его правдивые, яркие корреспонденции и очерки.

И не удивительно, что, услышав о прибытии Симонова в Тулу, командующий быстро принял его. Генерал вышел из комнаты навстречу нам. Это был крупный человек. Он чуть прихрамывал и опирался на палку. С первых же минут И. В. Болдин не скрывал своей симпатии к писателю. Они говорили о войне вообще, о знаменитом рейде генерала в тылах немецких войск, о поражении врага под Москвой, о героической обороне Тулы, о сегодняшних операциях армии.

— Калуга входит в наши планы, — сказал И. В. Болдин, отвечая на вопрос Симонова, — Но пока соединения армии встречают сильное противодействие врага.

Худой и какой-то угловатый от этой худобы, Симонов дотрагивался время от времени до крохотных усов и был весь — внимание. У него была отличная память, и он часто не делал записей, откладывая это на время после разговора. Сейчас он, по-моему, даже опасался вынуть блокнот, чтобы не смутить этим командарма.

Я смотрел на Симонова и вспоминал нашу первую встречу. Она произошла в августе 1939 года за рекой Халхин-Гол у сопки Ремизова, где наши войска, выполняя интернациональный долг, помогали армии Монгольской Народной Республики изгонять с ее территории дивизии японских самураев.

Накануне Симонов прилетел из Москвы с направлением в газету «Героическая красноармейская». Редактор поручил писателю Владимиру Ставскому вывезти его на передовую. На командный пункт полка они пришли часов в одиннадцать утра. Один — пожилой, громадный, с крупными чертами лица, ромбами в петлицах, другой — совсем юноша, в защитной форме без знаков различия и в больших кирзовых сапогах.

В небе появились японские бомбардировщики. Все поспешили

в щель. Один Симонов остался наверху. Он растерянно смотрел на приближающиеся самолеты и, видимо, затруднялся принять решение. Раздался громкий голос Ставского:

— Константин, немедленно прыгай к нам!

И Ставский протянул к нему свои сильные руки.

Еще там, на Халхин-Голе, начались солдатские дороги Симонова.

Сейчас он возмужал, хотя ему было всего двадцать шесть лет.

«Как я понял из слов генерала… — пишет К. Симонов в первом томе своих писательских дневников «Разные дни войны», — ситуация под Калугой складывалась довольно трудная. Немцы с двух сторон оставались еще очень близко от Тулы. Но наша ударная группа прорвалась вглубь по Калужской дороге и дошла до самого города. Бой шел за предместья Калуги. Прорыв был совершен на большую глубину, но по обеим сторонам узкой кишки прорыва по-прежнему были немцы. Они то в одном, то в другом месте перерезали эту кишку, так что от штаба армии до командовавшего наступавшей на Калугу группой войск генерала Попова было почти невозможно добраться. А он, в свою очередь, не мог добраться до своих передовых частей, которыми временно начальствовал один из командиров дивизий.

Словом, переплет был сложный, но Болдин действовал в этих условиях смело и решительно. И, учитывая психологическое состояние немцев в те дни, очевидно, так и следовало действовать. То есть поступать с немцами так, как всего каких-нибудь два месяца назад они поступали с нами».

Несмотря на такую обстановку, Симонов предложил все-таки попытаться достигнуть окрестностей Калуги или хотя бы расположения генерала Попова. Для надежности поехали на двух машинах.

В эти дни свирепствовали страшные метели. Дорогу местами совсем занесло. В двух или в трех местах образовались большие «пробки» машин. С огромным трудом нам удалось миновать эти заторы. Потом перед нами выросла настоящая стена из снега.

— Тпру-у, приехали, — сказал мой шофер Михаил Бураков.

Толкаем «эмку» сюда, толкаем туда — ни с места. Пошли за трактором. Он вытащил нас из сугроба. Измучившись до предела, измотав до опасного машину, поняли, что пробиться вперед нельзя.

— Счастье, что погода нелетная, — сказал Симонов, — а то бы нам дала тут жару фашистская авиация…

Погода, действительно, благоприятствовала действиям наших войск, хотя они и испытывали невероятные трудности.

Вернувшись в Тулу, Симонов попросил редакцию прислать

нам редакционный самолет «У-2».

На следующий день утром Константин Михайлович вдруг исчез из поля нашего зрения. Мы и в штаб, и на узел связи, и в обком — нет Симонова. Собирались уж наводить справки в госпитале. И тут, какой-то довольный, сияющий, Симонов вошел в дом, где мы жили.

Улыбается. На все наши вопросы ответил лишь на ухо шепотом:

— В кино, на свидании был…

И тут я вспомнил, что в кинотеатре на улице Коммунаров шел фильм с участием актрисы, которая стала героиней знаменитого сборника стихов Симонова: «С тобой и без тебя».

В ожидании самолета Константин Михайлович каждый день куда-нибудь ездил. Освободили город Плавск — он туда, освободили Одоев — в него. А в перерывах между поездками беседует с И. В. Болдиным или с его адъютантом Е. С. Крицыным. Думал написать о Болдине очерк.

Вечером он у нас, среди корреспондентов. Читает стихи. Рассказывает об Одессе, о походе на подводной лодке, о том, как был в разведке на Севере. А однажды прочитал поэму «Сын артиллериста».

Не переставал восхищаться генералом И. В. Болдиным. Почти наизусть знал известный приказ Верховного Главнокомандующего, в котором отмечена смелость, выдержка и решительность генерала, сумевшего из-под Белостока вывести из окружения большую группу войск. На долгом пути группа И. В. Болдина бесстрашно вступала в схватку с превосходящими силами противника. А когда был ранен адъютант Крицын, генерал вынес его с поля боя на своих плечах…

— Великолепная тема! — говорил Симонов.

Делаем новую попытку пробиться к Калуге, и опять неудача. Наконец приходит из Москвы самолет. Симонов в этот же день берет курс на Калугу. Снег валит стеной. Самолет делает посадку. Но, как выясняется, далеко в стороне от Калуги. Сесть сели, а взлететь не могут. Симонов толкает самолет, помогая ему сдвинуться с места, и еле успевает взобраться в кабину.

В штабе армии сообщают, что в этот день из шести связных самолетов только один добрался до группы генерала Попова.

Толкая самолет, Симонов растянул мышцы. Нужно ложиться в госпиталь, в крайнем случае спешить в Москву. Он выбирает Москву и полушутя-полусерьезно говорит мне:

— Калугу оставляю тебе…

2

Письмо из Сталинграда под Моздок от Василия Коротеева, фронтового товарища и друга, октябрь, 1942 год:

«Зачем спрашиваешь, как дела… У вас на Северном Кавказе они неважны, а у нас еще хуже… Недавно проводил Ортенберга и Симонова. Читал, конечно, «Дни и ночи»? Я считаю этот очерк вершиной советской военной публицистики. Главное достоинство его — правда. Симонов все видел своими глазами, слышал своими ушами, все пережил сам. У нас тут считается героем человек, который хотя бы один раз перебрался через Волгу в Сталинград. А Симонов делал это четырежды. И за эти переправы было всякое — от непонятной тишины до бурного кипения воды вокруг от разрывов мин и снарядов. Были жертвы. Но было и счастье — нас не бомбила немецкая авиация… Костю я в общих чертах знал. Талантливый поэт и прозаик. По тому, что читал, слышал от нашего брата фронтового корреспондента, полагал, что он должен быть еще и очень отважным. И сейчас с удовлетворением убедился в этом. Поверь, в иные моменты тут было более чем страшно. Ортенберг спросил Костю: «Ну что, разве ты здесь не испытываешь страха?» Он ответил: «Как все». А вечером ушел от нас в роту, которая зарылась в камни в развалины зданий в пятнадцати — двадцати шагах от немцев. Симонов показывает нам пример не только писательским мастерством, но и храбростью, честностью в сборе материалов…»

И еще письмо от Леонида Высокоостровского, тоже друга и боевого товарища:

«Большое спасибо за поздравление. Честно говоря, не думал, не мечтал, что когда-нибудь рядовая работа рядового корреспондента «Красной звезды» будет так высоко оценена — орденом Красного Знамени… А ты знаешь, что Вася Коротеев получил Красную Звезду?

Вот кого бы я хотел видеть еще награжденным за Сталинград, так это Константина Симонова… Он, правда, только в мае награжден орденом Красного Знамени… Я бы дал ему второй…

Ты его знаешь давно. Я узнал его тут, в Сталинграде. Большой писатель. Большой публицист. И смелейший, храбрейший человек.

Мы с ним должны были преодолеть в одном месте десять метров пространства, которое враг накрывал многослойным огнем. Надо было или ползти, или сделать быстрый рывок. Перед нами это опасное место пытались перебежать четверо. Один был убит, один — ранен. Я предложил перебраться в роту на локтях и коленях. Гораздо безопаснее. А Константин Михайлович сказал:

— Нет, Леня, надо перебежать… Ты подумал, что о нас с тобой подумают бойцы и командиры, к которым мы идем?

Действительно, все было на виду наших войск.

Мороз по коже прошел. Но делать нечего. Неужели два батальонных комиссара не сумеют сделать то, что делали и делают десятки, сотни советских воинов?!

Все-таки первым побежал я. Благополучно. Махнул рукой Симонову. Через сколько-то мгновений он стоял около меня. У обоих сердца колотились так, что слышно было. Костя обнял меня, и мы пошли.

Слушай дальше. Беседуем с командиром роты и политруком. Не поверишь — это была настоящая репортерская школа для меня. Как он умеет задавать вопросы! Как перед ним открылись души двух разных людей!

Я бы, честно говоря, поговорил еще с пулеметчиком и еще с одним бойцом и хватит — пошел бы обратно. Константин Симонов поговорил со всеми солдатами и какие детали нашел! Потом он читал стихи, знаменитое «Жди меня». Видел бы ты, как слушали его бойцы…

В общем — я влюбился в него».

А вот строки из писательского дневника Симонова:

«Ясный осенний день. Берег вовсю бомбят. Земля под ногами то сильнее, то слабее содрогается от разрывов. Кругом все смешалось — развалины домов, рухнувшие бараки, изогнутые рельсы, рваные железные бочки, доски, обломки мебели, утварь…»

И среди этого разрушительного хаоса войны, рядом с защитниками Сталинграда писатель Константин Симонов, спецкор «Красной звезды», чьи статьи и корреспонденции, очерки, рассказы, стихи звали к стойкости, решительности, мужеству.

3

Январь 1943 года. Северный Кавказ. Советские армии преследуют отступающего противника.

В наш дом в станице Гулькевичи, где ненадолго остановился штаб фронта, неожиданно входят Константин Симонов и фотокорреспондент Яков Халип. На их одежде, обуви, на лицах и руках жирная кубанская грязь. Наша хозяйка Мария Ивановна Новикова, пожилая казачка, вопросительно смотрит то на меня, то на гостей.

— Свои, мамаша, свои, — говорю хозяйке. Симонов просит

согреть хоть ведро воды. Из горницы выглядывает изумленная внучка Марии Ивановны — тринадцатилетняя Рая.

Пока я отводил нового шофера к нашим водителям, Симонов и Халип чем-то покорили хозяйку и ее внучку и уже сидят за столом, пьют чай с курагой, которую Костя привез из Ташкента.

После трапезы я и Мария Ивановна предложили Симонову отдохнуть. Он взглянул на меня так, что мне стало не по себе. Но я понял его: отдыхать будем после войны.

Я повел его информироваться в штаб фронта. И тут же заметил разительную перемену в поведении работников оперативного отдела. С нами, рядовыми фронтовыми корреспондентами, они неразговорчивы, скрытны, сухи. А сейчас каждый, как купец, разложил перед известным писателем весь свой товар: карты, сводки, шифровки.

Не знаю, каким путем дошли сведения о приезде Симонова до Военного совета. С писателем изъявил желание встретиться командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-лейтенант И. И. Масленников. Должен сказать, что до этого командующий не принимал ни одного корреспондента. Я сказал об этом Симонову. Он ответил:

— Пойдем, отказываться нельзя.

Вернулись на квартиру. Халип сладко спал. Симонов разбудил его и громко сказал:

— Вставайте, Яков Николаевич. Поехали!

И умчались в одну из дивизий, которая отличилась в последних боях.

Возвратились утром.

По каким-то творческим делам побывал Симонов в Алма-Ате, Ташкенте и Тбилиси. Не очень щедрый на разговоры, Костя все-таки кое-что нам рассказал. В столице Узбекистана он познакомился с женщиной-узбечкой, которая усыновила пятерых сирот — русского, двух украинцев, белоруса и еврея. Ребята потеряли родителей при эвакуации из западных областей страны.

— Небольшого роста, глаза добрые-добрые, — рассказывал Симонов. — И застенчивая, как все хорошие люди. Спросил ее: «Не трудно будет — трое своих да пятеро приемышей?» — «Нет, нет, — мотает головой, — будет хорошо, хорошо будет…»

Призвали писателя выступить перед рабочими завода «Ташкентсельмаш». В цехах — женщины, пенсионеры, подростки. От станков не уходят по 14–16 часов. А питание скудное.

— Тяжко? — спросил Симонов пятнадцатилетнюю девушку, которая собирала автомат.

— А вам на фронте легче? — ответила девушка.

Не знаю, можно ли соскучиться по фронту. А вот по

корреспондентской работе он явно соскучился. Почти каждый день ездит то в одну, то в другую часть.

Известность Симонова — военного писателя и поэта — росла. Его стихотворения «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» знали наизусть миллионы людей на фронте и в тылу. Зачитывались его сталинградскими очерками.

А он не менялся: все такой же компанейский, простой, душевный.

Однажды поздно вечером протягивает мне листочек. Стихи! Зову Халипа. Читаем:

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С «лейкой» и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли…

Музыкальный Халип тут же подбирает мелодию одной известной песни и напевает. Я подтягиваю. Поет и Симонов.

Рая зачарованными глазами смотрит на нас. Мария Ивановна отошла от печи и, прислонив руки к груди, слушает незнакомую песню.

Мы поем с чувством, так как симоновские слова отвечают нашему настроению. Это было первое исполнение песни Симонова «Корреспондентская застольная», которую потом так полюбили фронтовые журналисты.

Когда мы кончили петь, Рая подошла к Симонову со школьной тетрадочкой:

— Напишите на память, пожалуйста…

Костя не может отказать и пишет песню в тетрадь.

Между прочим, тут, в Гулькевичах, Симонов преподал всей нашей журналистской братии хороший репортерский урок. Каждый из нас слышал много рассказов станичников о зверствах врага. Но эти рассказы казались нам не слишком новыми, вроде повторения виденного и даже не один раз описанного. А Симонов не поленился копнуть глубже и откопал такие факты, которые потрясли всех советских людей. Я имею в виду его корреспонденцию в «Красной звезде» под заголовком «Гулькевичи — Бердин. Поезда рабов».

12 февраля рано утром был освобожден город Краснодар.

Мы с Симоновым и Халипом вошли в него вместе с войсками. За Кубанью и на вокзале еще шли бои, на улицах не перестали рваться фашистские снаряды, а все население города, именно все,

высыпало из домов и подвалов на улицы. Войска шли по живому коридору. Улыбки, слезы, красные флажки и самые нежные слова: «родные», «дорогие», «долгожданные».

Двоякое чувство овладевает тобой, когда ты входишь в освобожденный советский город. Ты бесконечно рад, счастлив, что еще один кусок советской земли возвращен Родине, что тысячи наших, советских людей вызволены из нацистского плена. А пожарища, развалины, тела убитых женщин, детей, стариков отзываются в сердце болью.

Радость и горе вместе.

Симонов то улыбается, то бледнеет. А картины сменяют одна другую. Где-то рядом ухнул взрыв. На углу улиц Шаумяна и Ворошилова — виселица. Повешен юноша лет шестнадцати. Угол Красной и Ленина — снова виселица, тут казнена девушка.

А вот семья — семь детей и, видимо, их мать обступили пушку, целуют солдат. У женщины текут по щекам слезы.

Целая толпа людей окружила место, где расстреляны три девушки. Плач, рыдание.

Пахнет гарью.

Позднее весь мир узнает, что именно здесь, в Краснодаре, фашисты испытали самое адское свое изобретение — газовые автомобили. В них сажали людей под видом перевозки и душили специальным газом. Но об этом узнают потом. А сейчас город «украшен» виселицами. В здании гестапо горы трупов — мужчины, женщины, подростки. На дворе тюрьмы трупы советских военнопленных.

Пишем корреспонденцию «В Краснодаре» вдвоем с Симоновым. На этом настоял Костя.

— Сколько дней рядом и тут все облазили вместе, — говорит Симонов. — Выступим в газете на пару, будет правильно.

После обеда проводил Симонова на Южный фронт, а сам пошел передавать нашу корреспонденцию.

На следующий день меня пригласил к прямому проводу из Москвы главный редактор Д. И. Ортенберг. Вот что он мне передал:

«Вы сделали большую ошибку, поставив вместе с Симоновым свою подпись под корреспонденцией Краснодара тчк Вообще неприлично корреспонденту навязываться в соавторы такому видному писателю, как Симонов тчк Никто не поверит, что вы вместе писали тчк Не повторяйте таких ошибок впредь тчк».

Я попросил телеграфиста отстукать:

«Вместе с Симоновым были в войсках во время боев за Краснодар, вместе вошли в освобожденный город, вместе ездили, ходили, слушали, смотрели тчк Уверяю вас — вместе писали тчк

Было бы ошибкой, если бы я поставил свою подпись рядом с Симоновым под очерком, рассказом, стихами тчк Корреспонденцию вместе писали по его настоянию тчк».

Д. И. Ортенберг подытожил разговор так:

«Считаю ваше объяснение неудовлетворительным тчк Под корреспонденцией будет оставлена одна подпись тчк Ортенберг тчк»

И корреспонденцию опубликовали за подписью одного Симонова.

В тот же день я получил от него телеграмму:

«Возмущен самоуправством редакции тчк Сообщил об этом Ортенбергу, просил извиниться перед тобой тчк Будь здоров, твой Костя».

От главного редактора пришла извинительная телеграмма.

4

Приезжая в Москву на короткую побывку, я два раза ночевал у Симонова на квартире в ажурном доме на Ленинградском шоссе (сейчас Ленинградский проспект).

По-моему, он никогда не был один. И никогда не отдыхал. Всегда был очень занят, всегда работал по 15–17 часов в сутки.

Запомнился второй приезд к нему. Бросив у него чемоданчик часов в 10 утра, я пошел в редакцию. Он в это время сидел вместе со стенографисткой Музой Николаевной Кузько, диктовал ей фронтовые дневники.

Вернулся на его квартиру в 22 часа. Костя по-прежнему ходил по своей комнате и диктовал. Мне сказал:

— Чай и ужин на кухне…

Я тоже посидел часа два над срочным материалом, потом сон и усталость свалили меня.

Проснулся в четыре утра. Слышу: Костя диктует.

В девять он уже на ногах. Чай, бутерброд с колбасой «второй фронт» — и снова за работу.

Не знаю, откуда у него брались силы.

Любимыми его словами были:

— Отдохнем после войны.

Я не подсчитывал, сколько было написано Симоновым во время войны. Но стоит вспомнить его военные стихи и поэмы, газетные и журнальные очерки, рассказы, корреспонденции, статьи, его корреспонденции для американской и английской печати, его выступления по радио, наконец, его пьесы, его кинофильмы — и вы поразитесь работоспособности этого

изумительного человека.

5

И вот финал в поверженном Берлине. Да, Симонов здесь. Он не мог не быть в фашистской столице. После Сталинграда и Краснодара он побывал на Украине, видел бои на Курской дуге, писал об освобождении Бухареста, рассказал народу об ужасах Майданека, был в Болгарии, добрался до штаба югославской партизанской армии и взял интервью у ее главнокомандующего Иосипа Броз Тито, ходил по улицам чехословацких городов, встречался с союзниками на Эльбе.

Вечером 7 мая 1945 года корреспондентов центральных газет приглашают в Военный совет 1-го Белорусского фронта. Член Военного совета генерал-лейтенант К. Ф. Телегин и начальник политуправления генерал-лейтенант С. Ф. Галаджев говорят нам, что завтра в Берлине будет подписан Акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. И одним из первых удостоверение на право участия в этой исторической церемонии выдается специальному корреспонденту «Красной звезды» Константину Михайловичу Симонову.

Генерал К. Ф. Телегин, вручая документ, долго всматривается в лицо выдающегося писателя. Они встретились впервые.

Весь день 8 мая проходит в праздничной суматохе. К. Симонов хочет видеть все, не пропустив ни одной детали. И как его не понять: сегодня каждый штрих, каждый шаг — история. Он встречает на аэродроме Темпельгоф руководителей союзных делегаций и иностранных корреспондентов. Многие из них считают за честь познакомиться с известным на весь мир советским писателем.

До ночи он ходит по залам и комнатам военно-инженерной школы в Карлсхорсте, отведенным хозяевами гостям. У него тут много знакомых. Командующий 8-й гвардейской армией генерал-полковник В. И. Чуйков, с которым знаком со Сталинграда, начальник штаба фронта генерал-полковник М. С. Малинин, с которым встречался под Москвой. Особенно рад он видеть генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского, в полку которого Симонов закончил бои на далеком Халхин-Голе в Монголии. У них есть что вспомнить, есть о чем поговорить. И разговоры тянутся часами. Есть знакомые среди журналистов, фотографов, кинооператоров: Евгений Долматовский, Л. Славин, Б. Горбатов, В. Гроссман, Р. Кармен.

В первом часу ночи в небольшом актовом зале школы под

флагами стран-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции — фашистская Германия признала свое поражение.

За центральным столом маршал Г. К. Жуков, заместитель министра иностранных дел СССР Л. Д. Вышинский, командующий американской авиацией дальнего действия К. Спаатс, главный маршал авиации Англии Артур В. Теддер, командующий французской армией Ж. Делатр де Тассиньи.

В зале много корреспондентов советской и иностранной прессы, еще больше советских генералов.

Неистовствуют фотографы и кинооператоры.

К. Симонов в дневнике пишет:

«Сидящие за центральным столом выглядят очень по-разному. Спаатс не выражает на своем лице ничего. Вышинский суетится. Жуков сияет. Сидящий рядом с ним Теддер с его приятной, но невыразительной внешностью, слегка улыбаясь, что-то говорит через переводчика Жукову… У Делатра де Тассиньи вид человека, приехавшего позже других, озабоченного этим и спешащего войти в курс дела…

Смотрю на Жукова, на его красивое, сильное, тяжелое лицо и вспоминаю встречи с ним во время боев с японцами на Халхин-Голе, когда он был еще комкором и командовал там, в Монголии, нашей армейской группой…

Жуков… сухо говорит:

— Введите германскую делегацию.

Двери распахиваются, и входят Кейтель, Фридебург и Штумпф, за ними несколько офицеров, видимо адъютанты…

Я слежу за Кейтелем. Он сидит, положив перед собой руки в перчатках… Сначала сидит неподвижно, глядя перед собой, потом чуть поворачивает голову и внимательно смотрит на Жукова. Снова смотрит в стол перед собой и снова на Жукова. И так несколько раз подряд. И хотя это слово, казалось бы, предельно не подходит к происходящему, но я все-таки вижу, что он смотрит на Жукова с любопытством. Именно на Жукова и именно с любопытством. Как будто он увидел человека, который его давно интересовал и сейчас сидит всего в десяти шагах от него…»

Подписывается исторический документ. Жуков стальным голосом говорит:

— Германская делегация может покинуть зал.

И тут зал задрожал от аплодисментов, ликующих возгласов. Победа!

«И вдруг все накопившееся в зале напряжение исчезает, — пишет Симонов. — Исчезает так, словно все надолго задержали воздух в груди и разом выпустили его. Общий облегченный,

расслабленный выдох.

Капитуляция подписана. Война кончилась».

Я привожу тут выдержки из дневников К. М. Симонова потому, что они сами стали уже историей. Достоверной, яркой, как все достоверно и ярко, что писал Симонов о войпе.

Война кончилась, но кончились ли солдатские дороги Константина Симонова? Он идет по ним еще много, много лет. Идет хорошим, твердым шагом, и кажется, нет конца у этих памятных дорог.

6

Действительно, казалось, что у этих дорог не будет конца. Но конец, к сожалению, пришел раньше, чем думал сам писатель и миллионы его почитателей.

Но сделано очень много. Симонов и после войны трудился и творил по-фронтовому. Вспомним хотя бы его трилогию «Живые и мертвые», отмеченную Ленинской премией. А его знаменитые телевизионные солдатские мемуары — рассказы о полных кавалерах ордена Славы?

Наше знакомство продолжалось и после войны. Была и переписка.

В 1978 году я опубликовал небольшой отрывок своих фронтовых воспоминаний в газете «Литературная Россия». Это пришлось ко дню рождения Симонова. Газету, сопроводив ее запиской, послал по почте писателю.

Через несколько дней почтальон принес мне письмо от Симонова. Вот оно:

«Дорогой Паша! Спасибо за внимание, за теплую твою записку и за то, что ты написал про меня, грешного, в «Литературной России». От доброй души ты мне передал, конечно, лишку, в частности, например, к огорчению моему, в освобожденный Минск я не попал и оттуда не писал.

Что-то и Вася Коротеев в том письме, что он послал тебе из Сталинграда, сильно мне передал лишку. Если говорить по правде, сам он и куда больше, чем я, был в Сталинграде, и больше, чем я, рисковал, и глубже, трагичнее все это пережил.

Это уж для точности. А так — еще раз спасибо товарищеское. Читал твою вещь и думал, а ведь мы с этим черняве́ньким, лихим младшим политруком первый раз встретились вон когда — 39 лет назад и вон где — за тридевять земель. А все, глядишь, живы и даже иногда (умеренно) попиваем водочку. Право же, молодцы!..»

В этом письме весь Костя — скромный, большой, душевный.

7

В середине ноября 1941 года корреспонденты «Красной звезды», работавшие в осажденной Туле, узнали, что пулеметчики 437-го стрелкового полка оборудовали в развалинах дома на нейтральной полосе огневую точку, которая ни днем ин ночью не дает покоя врагу.

Я немедленно помчался на южную окраину города и где ползком, где перебежками добрался до наблюдательного пункта полка. Наша газета до этого дважды писала об успешных боевых действиях подразделений этой части, командир ее полковник М. Краснопивцев был моим старым знакомым.

Спрашиваю полковника о пулеметчиках. Он отвечает, что такое пулеметное гнездо существует.

— Вон видишь, развалины дома? — показывает мне в щель между кирпичами командир полка. — До недавнего времени там стоял старинный дворянский особняк. В полку его прозвали «дом со львами» — у парадного входа здания лежат на лапах два каменных царя зверей. Там нейтральная полоса. Однажды в развалинах побывали наши разведчики, а потом пулеметчик младший командир Иван Васильевич Егоров установил там станковый пулемет. Три советских воина днем и ночью наносят врагу урон. Направлялась к гитлеровским окопам кухня — егоровский пулемет уничтожил ее. Несут фрицы воду или термос с чаем — Егоров тут как тут. Три дня назад подстрелил гитлеровского капитана. Враг рассвирепел, стал круглые сутки бомбить развалины, держит их под артиллерийским и минометным огнем. Очень трудно сейчас егоровскому гарнизону. И еще труднее тем, кто обеспечивает его питанием, куревом, газетами. Тут мы каждый день несем потери.

— Связь по телефону с Егоровым есть?

Полковник почему-то улыбнулся и ответил:

— Когда есть, когда нет. Давай попробуем.

Вскоре телефонист начал долго повторять позывной Егорова «Игла». И наконец:

— «Игла»? Передаю трубку корреспонденту «Красной звезды» старшему политруку…

— Иван Васильевич? — спросил я.

В трубке вдруг раздался задорный и громкий голос корреспондента газеты «Правда» Михаила Сиволобова:

— Привет, Павел!..

И Сиволобов рассмеялся так, что я начал опасаться, как бы не разлетелась трубка. Но смех был хорошим, дружеским, без подвоха, без насмешки.

Я, признаться, от неожиданности несколько опешил. А Сиволобов продолжал:

— Слушай, Павел, не обижайся, что тебе ничего не сказал… Надо же мне было когда-нибудь обогнать и тебя. Ведь ты уже сколько раз это делал… Ну вот спасибо. Передаю трубку тому, с кем ты поначалу хотел поговорить…

Егоров с первых слов заговорил о Сиволобове. Как правдист познакомил их с международным положением. Как он нарисовал обстановку на фронте. Какие интересные истории рассказывает в минуты затишья. Каким оказался прекрасным гранатометчиком, когда сегодня утром враг атаковал развалины. Егоров считает, что Сиволобов уничтожил семерых или восьмерых гитлеровцев…

Очень толково рассказал он и о своем расчете, о боевых буднях пулеметчиков. Короче говоря, интервью по телефону получилось интересное. У меня сразу поднялось настроение.

Потом взял трубку опять Сиволобов:

— Материал и у тебя будет, слава богу… Но давай договоримся: передавать и твой и мой в один день, когда я вернусь… Попросим редакции и напечатать в один день. Согласен?

Грех было не согласиться, и я простился с правдистом.

Спросил полковника, как Сиволобов попал к Егорову.

— Целая история, — ответил тот. — Пришел и просится туда. Я и комиссар категорически против. Он ни в какую. Я сказал, что туда добираться не только трудно, но и опасно. Туда, говорю ему, с трудом и потерями добираются наши самые опытные солдаты. Сиволобов как закричит: «А почему вы думаете, что правдист хуже и малоопытнее ваших солдат? Туда, говорит, куда доберется солдат, доберется и журналист!» Мы остаемся при своем. Тогда он вынимает из кармана приказ командующего армией генерала Болдина… Что нам было делать, по-твоему? Вот он и там…

Среди всех корреспондентов центральных газет и ТАСС Михаил Сиволобов выделялся особым колоритом, выносливостью, волей и стальной выдержкой. Звание правдиста считал самым высоким званием на свете и поэтому легче других проникал в блиндажи и кабинеты военных и гражданских начальников. Бесился, когда «Красная звезда» или «Известия» сообщали какую-нибудь новость с нашего участка Западного фронта раньше «Правды».

Короче — это был партийный газетчик с большой буквы, и не случайно именно его «Правда» вскоре сделала своим

партизанским корреспондентом.

8

Шел третий день боев на Курской дуге. Боев ожесточенных и до сих пор невиданных.

И случилось так, что, попав ночью на огневые позиции одного артиллерийского полка, я не успел до утра закончить свою работу. А рано утром налетели 20 фашистских бомбардировщиков. Потом по нашим батареям открыла огонь вражеская артиллерия.

Сидя в окопе рядом с начальником штаба майором Владимиром Сурковым, я видел две атаки неприятельских танков. В одной из них участвовало тридцать восемь вражеских машин, в том числе двенадцать тяжелых танков «тигр».

У нас за спиной стоял артиллерийский корпус генерала Игнатова. Где-то рядом в засаде был наготове танковый корпус 2-й танковой армии. Поэтому и пехота, и артиллерия переднего края дрались увереннее и стойче, чем в первые дни.

Между двумя высотками, одна из которых была в наших руках, а другая — в руках врага, дымило двенадцать фашистских танков. Левее, правее и между ними чернели навеки застывшие машины, подбитые 5 и 6 июля.

Временами бывало очень страшно. Даже видевший и переживший на войне больше меня майор Сурков иногда так прижимался к песчаному дну окопа, что казалось, будто он хочет провалиться сквозь землю.

К обеду, однако, бой утих. Тишины не наступило, нет. По-прежнему били наши пушки и рвались вражеские снаряды. Но атаки противник не повторял.

Вот в это время майору Суркову и сообщили из стрелкового батальона, что к ним пришла девушка — старший лейтенант, фотокорреспондент фронтовой газеты «Красная Армия» Наталья Бодэ. Хочет снять подбитые «тигры». И так как в батальоне остались только младшие офицеры, они вспомнили о майоре и обратились к нему с вопросом, как быть.

Минут через десять к нам в окоп прыгнули Наталья Бодэ и лейтенант из батальона. Офицеры хором начали пугать фотокорреспондента настоящими и мнимыми опасностями, отговаривая от задуманного ею дела. Они понимали важность снимков, учитывали политическое значение появления фото подбитых «тигров» в печати, но резонно боялись подвергать

жизнь девушки смертельному риску.

Наташа Бодэ слышать ничего не хотела.

Майор Сурков сказал:

— Хорошо, идите, лейтенант даст вам провожатого.

И к лейтенанту:

— Выделите группу обеспечения. Я прикажу нашим батареям приготовить заградительный огонь…

Снимки Натальи Бодэ, сделанные в районе станции Поныри, появились сначала во фронтовой газете «Красная Армия», а потом в «Правде» и «Красной звезде».

9

С писателем Василием Гроссманом мы одними из первых среди корреспондентов 1-го Белорусского фронта побывали в освобожденном польском городе Люблин. Только приехали во Владаву — небольшой городок, избранный на время местом пребывания штаба фронта, как прибежал посыльный из Военного совета. Сказал, что нас обоих приглашает к себе командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Не идем, буквально летим. Ведь поговорить с командующим фронтом в такие горячие дни наступления — большая журналистская удача!

— Мне доложили, что вы только что приехали из Люблина, — сказал маршал, пожав нам руки. — Москва очень интересуется состоянием этого города. Но, к сожалению, у нас в штабе никто не успел там побывать. Более или менее полной информации от генерала Чуйкова пока тоже нет. Можете ответить на вопросы генерала Антонова? Он сейчас у прямого провода…

Член Военного совета генерал-лейтенант К. Ф. Телегин добавил:

— Но нужна только правда. Никаких догадок и домыслов. Запомните, начальник Генерального штаба свой разговор с вами будет докладывать правительству.

У Василия Семеновича Гроссмана лицо сразу сделалось каким-то скучным. И я его понял. Да, мы были в Люблине. Но к докладу правительству, конечно, не готовы.

И все-таки пришлось подойти к аппарату. После того как К. К. Рокоссовский нас представил, Москва отстукала первый вопрос:

— Водопровод в Люблине работает?

Я посмотрел на Гроссмана. Он — на меня.

— Вы же пили у того поляка воду, — напомнил я ему. — Вода, кажется, была из водопровода.

— Вы умывались из водопровода, — вспомнил в свою очередь Гроссман.

А ведь и в самом деле!

Дали положительный ответ.

— Электричество есть?

— Есть! — Вот это-то мы знали точно.

— Мосты целы?

— Один проезжали. Цел. О других ничего не знаем.

— На каких улицах были? Каковы размеры разрушений? Много ли целых жилых домов? Сколько, по-вашему, в городе осталось жителей? Видели ли уцелевшие дома правительственного типа, где и на какой улице? Состояние мостовых, тротуаров? Не интересовались ли городской телефонной сетью? Как замок Любельский?

И еще вопросы, вопросы. Мы, отвечая, даже вспотели. Вместе с нами переживал маршал.

Наконец генерал Антонов поблагодарил нас за информацию и вслед за этим отстукал: «…правда, не очень богатую, к сожалению. Но думаю, что и она пригодится».

Какое-то время все молчали. Потом Рокоссовский поинтересовался, какой дорогой мы ехали из Люблина.

Я показал на карте ниточную линию шоссе.

— Что? По этому шоссе? Да оно же в руках у немцев! — воскликнул Рокоссовский и внимательно, я бы сказал, с подозрением посмотрел на нас. Чувствовалось, что он сомневается в нашей правдивости.

— Мы не знаем, в чьих руках это шоссе, — начал сердиться Гроссман, — но мы ехали именно по нему. Думаю, что ваши данные, товарищ командующий, просто устарели…

В это время в дверях показался генерал А. М. Пронин — член Военного совета 8-й гвардейской армии.

Маршал спросил его:

— Вы из Люблина? Какой дорогой ехали?

Пронин указал на шоссе, по которому проехали и мы.

Рокоссовский смутился. Затем виновато сказал:

— Извините, товарищи. Мои данные и в самом деле устарели. В искупление недоразумения прошу отужинать с нами.

Я ответил сразу за нас обоих:

— Спасибо, товарищ маршал. Но мы очень торопимся. Нам надо передать наши корреспонденции в Москву. Вот, если вы дадите указание передать их вне очереди, «Красная звезда» скажет вам великое спасибо.

Маршал дал обещание выполнить эту просьбу и крепче прежнего пожал нам руки.

Скоро мы узнали, что только что организованная Крайова Рада Народова и сформированный ею Польский комитет национального освобождения переехали в Люблин.

Николай КУЛЕШОВ. В ПОЛОСЕ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Путь от Москвы до Праги самолетом два часа, поездом — двое суток, а у нас он занял полных четыре года. Через огонь сражений, надолбы, рвы, минные поля — далекая дорога, залитая кровью и покрытая пеплом сожженных городов и сел.

Четыре года от Москвы до Праги пешком с длинными остановками на оборону и стремительными наступлениями.

Каждый пришел на войну своей дорогой, у каждого была своя судьба. Я пошел на войну с группой журналистов «Строительной газеты». Было это так. В начале июля 1941 года секретарь Свердловского райкома партии вручил путевки добровольцам. Листок бумаги, на нем — номер воинской части и адрес сборного пункта. Каждому задавался только один вопрос: «Стрелять умеешь?» И тут, признаться, кое-кто лукавил, отвечая на это утвердительно.

Спустя несколько дней в школьном дворе, что в районе улицы Чехова, собралось почти полтораста человек. Какие-то люди, одетые в полувоенную форму, выкликали фамилии, формировали отделения и взводы. Так была создана 1-я рота истребительного батальона Свердловского района Москвы.

В первом взводе, куда я был зачислен, оказалось много моих коллег-журналистов, в том числе работников редакции и издательства «Известия». Помню Михаила Круглянского, Иону Андронова, Юлия Медведовского, Эдуарда Нуркаса, Петра Еркина, Зельмана Гуревича, Виктора Захарова. Взводом командовал лейтенант Сергей Петров — фотокорреспондент «Строительной газеты», а политруком роты был Михаил Габович, известный в те годы артист балета Большого театра.

22 июля фашистская авиация обрушила на Москву первый бомбовый удар. С той минуты рота была приведена в боевую готовность. Расположением нашего взвода во время воздушных тревог был район площади Пушкина, а опорным пунктом — здание «Известий». Вдоль всего фасада на три-четыре метра в высоту штабелями были уложены мешки с песком. Они плотно закрывали стеклянные витрины. В подвальном этаже, где разместили типографию, стояли наборные кассы, а рядом с ними — койки, противогазы, огнетушители. Их владельцы состояли в редакционном отряде противовоздушной обороны.

В роте создали стенную газету. Меня избрали редактором. Делали ее на четырех-пяти листах ватмана. Известинцы

шефствовали над газетой: снабжали бумагой, красками, печатали фотографии и даже несколько раз на линотипах набирали тексты заметок и статей.

В коридорах редакции то и дело встречались знакомые журналисты в военной форме. Продиктовав корреспонденцию с фронта, они мчались снова на передний край.

Потом, спустя годы фронтовой жизни, пройдя через огонь боев, мы вспоминали свои первые «сражения» в районе площади Пушкина, когда бросались гасить сброшенные гитлеровскими стервятниками зажигалки, ликвидировать пожары или уходили в кромешной тьме наглухо зашторенного и затемненного города во время воздушных тревог нести на улицах патрульную службу, вслушиваясь в каждый шорох и всматриваясь в непроглядный мрак.

…Обстановка на фронте накалялась. Враг подходил к Москве. 16 октября 1941 года, в 5 часов утра, роту подняли по тревоге, раздали гранаты, по сотне патронов — начался марш.

Помню то осеннее туманное утро. На улицах редкие прохожие. Москва ощетинилась «ежами», надолбами и проволочными заграждениями. Батальон идет через Каменный мост, сворачивает на Калужское шоссе, на рубежи под Наро-Фоминск. А вскоре, сформировав из наших истребительных батальонов полнокровную дивизию и присвоив ей номер 158, нас направили на Калининский фронт, под Ржев, в самый огонь сражений. Здесь я был назначен редактором дивизионной газеты «За победу».

Сформировать редакцию и типографию удалось без особого труда. Среди личного состава дивизии было немало журналистов и полиграфистов.

Хозяйством редакция обзавелась быстро — помогли москвичи. В кузове одного грузового автомобиля установили печатную машину, в другом — наборные кассы. Бумажные рулоны перевозили на телегах.

Корреспонденты Игорь Голубев, Владимир Ногач, Аркадий Новочадов, Владимир Лазерсон ранним утром отправлялись в роты и во взводы. Возвращались к вечеру. Их репортажи, организованные ими заметки красноармейцев немедленно шли в номер. Если не хватало времени, материал диктовали прямо наборщикам. Тут же сочиняли шапки, заголовки. Как только полосы были сверстаны и вычитаны, печатники, пришедшие на фронт из типографии «Правды», запускали движок, а когда он выходил из строя, вручную крутили маховик печатной машины. Ранним утром со свежими оттисками мы отправлялись на передний край, к нашим читателям.

Дивизионная двухполоска вмещала всего тысячу с лишним строк, что составляло одну страницу обычной газеты. Но мы приспособились к этому. Оперативная корреспонденция занимала 50–60 строк, заметка — 20–30, зарисовка — максимально 80 строк. Никаких длинных «въездов» и «заходов». Сразу о деле. Выработался свой стиль, своя манера. Короткая рубленая фраза, простой доверительный разговор с солдатом. Заголовок энергичный, каждая заметка предметна, конкретна, учит, советует, передает боевой опыт, на ярких фактах раскрывает лицо врага.

Фронтовая обстановка требовала от нас в короткие сроки освоить специфику военного дела. Неоценимую помощь в этом оказывал нам начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Степан Гаврилович Белов, за плечами которого была военная академия и опыт политработника в кадровых частях.

Встречались с ним часто. Белов знал каждого из нас. Бывало, встретит корреспондента дивизионки в роте, во взводе, внимательно расспросит о заданиях, сообщит новость, интересный факт. Часто заходил и в хату, в которой располагалась редакция. Возьмет в руки номер газеты, за что-то похвалит, за что-то пожурит, ознакомит с боевой обстановкой. Его рекомендации газете основывались на знании дела, партийности, анализе конкретных задач дивизии.

Руководитель политотдела поощрял инициативу, добрыми советами помогал шире смотреть на происходящие события.

Однажды корреспондент газеты Владимир Погач принес сообщение о том, что в одном из наших подразделений солдат Копылов из снайперской засады поразил врага. Через несколько часов после выхода номера в редакцию пришел С. Белов.

— Газете надо писать о Копылове, — сказал он. — Но этого мало. Пишите о том, как овладевать снайперским искусством, устраивать засады, маскироваться. Печатайте фотографии лучших снайперов, передавайте их опыт.

Редакция воспользовалась этими рекомендациями. Снайперское движение в подразделениях дивизии стало одной из главных тем газеты.

В ту пору вышел новый Боевой устав пехоты. Он в полной мере учитывал опыт первых месяцев войны, вносил много изменений в характер построений воинских подразделений, в их действия на поле боя, по-новому определял роль и место командира в бою.

На совещание политработников начальник политотдела вызвал меня. Я слушал его выступление и думал, какую роль,

кроме публикации пропагандистских материалов о новом Боевом уставе, может сыграть газета.

После окончания совещания С. Г. Белов приказал мне остаться.

— Вот что, редактор, — сказал он, — надо найти яркую и доходчивую форму освещения Боевого устава. Я попросил командира дивизии создать небольшое подразделение, которое в показательном порядке будет отрабатывать каждое требование нового Боевого устава, а газете надо публиковать об этих учениях обстоятельные отчеты.

Для освещения в газете учений я выделил журналиста лейтенанта Л. Новочадова. Он придал своим отчетам форму живых рассказов о действиях одиночного бойца, отделения, взвода, роты в наступлении и обороне. Эти корреспонденции предварительно смотрел и корректировал С. Г. Белов, что во многом предопределило их практическую пользу и успех. Их перепечатали газеты других дивизий нашей армии, а затем и газета Калининского фронта «Вперед на врага».

…Овладев новым Боевым уставом и воспитав сотни метких стрелков, московская дивизия усилила нажим на гитлеровские позиции. В нашей газете появлялись все новые имена героев ожесточенной битвы. Корреспонденты дивизионки В. Ногач, И. Голубев, Л. Новочадов из пекла сражений добывали материалы, которые назавтра становились достоянием личного состава всех рот и взводов.

Шли недели и месяцы битвы на дальних подступах к Москве. Слава о героизме и доблести воинов нашей дивизии перешагнула границы Калининского фронта. С ее опытом приезжали знакомиться военные корреспонденты центральных газет: Василий Гроссман, Александр Кривицкий.

В один из осенних дней 1942 года в редакцию газеты вошел связной с телефонограммой прибыть в политотдел 30-й армии, которой командовал Герой Советского Союза генерал- лейтенант Д. Д. Лелюшенко.

Захватив на всякий случай подшивку дивизионной газеты, я на коне отправился в путь. Преодолев за пару часов пятнадцать километров, оказался в маленькой деревушке, недавно отбитой у врага, где располагался политотдел армии.

На широкой полянке, убегающей в сторону речки, стояла группа военных. Среди них был начальник политотдела.

— Вас хотел видеть Эренбург, — сказал он и повернулся в сторону пожилого человека в шинели без погон.

Эренбург протянул мне руку. Немного сутулый, с усталым лицом, с бровями, нависшими над глубоко посаженными глазами,

в солдатской пилотке явно не по размеру головы, Эренбург вынул трубку изо рта.

— Расскажите о своей дивизии.

Помню, мой рассказ был формальным и напоминал рапорт:

— 158-я стрелковая дивизия, — начал я, — сформирована из бойцов истребительных батальонов ряда районов Москвы. Почти все коммунисты и комсомольцы. На Калининском фронте с февраля 1942 года. Ведет непрерывные наступательные бои…

— Это я знаю, — сказал он. — Расскажите о людях, о том, как они воюют, как ведут себя в бою, как приспособились к фронтовой жизни…

Он взял меня за руку, отвел в сторону и, задавая вопросы, повел к избе, возле которой лежало несколько бревен.

Наступали осенние сумерки. Илья Григорьевич присел на бревно.

— Меня очень интересует ваша дивизия, потому что она целиком состоит из людей, которые еще вчера были сугубо штатскими: рабочими, инженерами, актерами, журналистами. Расскажите о биографиях, подвигах, делах своих фронтовых товарищей.

Эренбург слушал внимательно.

— Интересно, — сказал он, — а не смогли бы вы прислать мне подшивку вашей газеты?

— Подшивку? Охотно. И не прислать, а тут же вручить: она здесь…

Эренбург протянул руку… А меня вдруг осенило:

— Я дам вам подшивку только с одним условием: я вам — подшивку, а вы пришлете в нашу газету свою статью.

Илья Григорьевич улыбнулся:

— Согласен.

Через четыре дня в нашу редакцию поступила статья И. Эренбурга размером в три страницы, напечатанная прописными буквами на портативной машинке.

Статью мы тут же опубликовали на первой полосе. Надо было обладать могучим талантом журналиста, проницательностью, глубоким знанием характера советского человека, великой ненавистью к врагу, чтобы с такой страстностью рассказать о подвигах воинов-москвичей.

В июле 1943 года, когда пополнялся личный состав газеты 38-й армии «За счастье Родины» (Воронежский фронт), я получил назначение в эту редакцию. Она располагалась в маленькой деревушке вблизи города Сумы.

Газета была такого же формата и объема, как и дивизионка, но штат редакции намного больше. Здесь я встретил заместителя

редактора майора Павла Попова, ответственного секретаря старшего лейтенанта Якова Майкопского — человека с атрофированными ногами и ходившего на протезах, художника старшего лейтенанта Евгения Ведерникова, фотокорреспондента Давида Минскера и группу корреспондентов: майоров Семена Угрюмова и Макса Кусильмана, капитанов Степана Вовка, Эммануила Беренсона, Игоря Урманова, Михаила Афонина, Александра Кременского, Константина Струганова.

Редактор газеты подполковник Александр Кочкуров был опытным журналистом, прошедшим в свое время школу «Комсомольской правды». Он знал, как вести газету, что ждет от нее читатель — солдат переднего края.

В дни наступлений он ввел, как мы называли, челночный метод работы всего личного состава. В редакции оставались только редактор и ответственный секретарь, все остальные журналисты отправлялись на передний край, в батальоны и полки, которые действовали на главных, решающих направлениях наступающей армии.

В каждую часть редактор отправлял двух корреспондентов. Через двое-трое суток, а бывало, и чаще они сменяли друг друга. Пока один находился в боевых порядках, другой отписывался. Этот метод и жесткий график движения журналистов обеспечивали своевременную публикацию оперативных материалов. Именно так действовала редакция в период наступательных операций 38-й армии за города Сумы, Ромны, Прилуки, при форсировании Днепра, в боях за Киев, Львов, в Карпатах, Польше, Чехословакии.

Журналисты нашей армейской газеты строго соблюдали правило: быть непосредственными участниками событий. Запрещалось брать интервью в тылах армии, у раненых, в госпиталях и медсанбатах. На это были серьезные причины. Вышедший из-под огня раненый солдат, офицер порой находился какое-то время в состоянии шока и потому не всегда мог точно воспроизвести обстановку боя. Вот почему нам необходимо было своими глазами видеть, как сражаются бойцы, уметь сделать верные выводы о действиях отделения, взвода, роты, батальона, орудийного расчета, танкового экипажа. А потом, в короткие перерывы между боями, тут же, в окопе или блиндаже, в овраге или в лесочке, помочь солдату или командиру написать заметку в газету.

Части 38-й армии, ломая яростное сопротивление гитлеровцев, упорно продвигались к столице Украины. В нашей газете на всю первую страницу появились шапки: «Нажимай, братцы, пробивай путь к Киеву!», «Здравствуй, Днепр! Мы пришли

— освободители!», «Вперед, братцы, за Днепр!», «Атакующего врага отбрось и отбей!» А под этими шапками — репортажи, заметки, солдатские письма, доставленные час-два назад корреспондентами газеты с переднего края. Вот, например, как это было.

27 сентября 1943 года в батальон капитана Саввы, которому было приказано на нашем участке фронта первым форсировать Днепр, редактор направил Степана Вовка, фотокорреспондента Давида Минскера и меня. Роли распределили так: Вовк и Минскер с первым десантом — взводом старшего сержанта П. П. Нефедова — отправляются на правый берег Днепра, а я обязан был ночью, как только этот взвод на лодках и подручных средствах отчалит от берега, прибыть в редакцию и тут же написать материал. Затем вернуться в батальон Саввы, на смену Вовку, который вместе с Минскером, вернувшись па левый берег, должен сдать репортаж о первом десанте. Выполнили все точно. Мой репортаж о форсировании Днепра взводом Нефедова назывался: «Они первые форсировали Днепр». А начинался он словами: «Нет, никогда не забыть этой ночи…» Репортаж был написан за считанные минуты, ночью набран, и ранним утром газету читали бойцы, штурмующие Днепр.

В следующем номере газета опубликовала организованный Вовком подробный рассказ заместителя Нефедова сержанта Новоселова о том, как прошло форсирование Днепра и как шел первый бой на правом берегу.

Теперь пришла моя очередь отправиться на правый берег. За прошедшие сутки здесь уже сосредоточилось несколько наших батальонов, пытающихся в ожесточенных схватках расширить плацдарм. Бой был отчаянный. Ночью я благополучно вернулся в редакцию и в коротком репортаже рассказал о подвиге рядового Семена Немокшонова.

Я написал о том, что часть берега Днепра немцы превратили в отвесную стену высотой около трех метров. Зацепиться не за что, а наверху — враг, его траншеи, дзоты, лесные завалы. Они преграждают путь к Киеву. Семен Немокшонов подбежал к стене, на секунду остановился и вдруг крикнул так, чтобы все слышали: «Становись на плечи! Через меня, вперед!» С этими словами он расправил плечи, уперся руками о стену и широко расставил ноги. На него вскочил один боец, другой, третий. И с плеч туда — наверх! А рядом — справа и слева — по примеру Немокшонова поднялись и другие живые лестницы. Все это произошло очень быстро. Бойцы как снег на голову свалились на фашистов. Вдруг упал командир роты старший лейтенант Набережный. Немокшонов поднял раненого, отнес в безопасное место, потом

догнал товарищей и, видя, что в строю не осталось офицеров, крикнул: «Командует ротой рядовой Немокшонов!» Он бросился вперед, увлекая за собой бойцов.

Об этом подвиге было рассказано не только в газете. На другой день Немокшонову была посвящена специальная листовка, которая заканчивалась стихами, написанными секретарем нашей редакции Яковом Майкопским.

Ранним утром 6 ноября 1943 года Днепр был затянут седой дымкой, накрапывал мелкий дождь. На рассвете тысячи орудий еще раз открыли по противнику массированный огонь и танки, сопровождаемые пехотой, ворвались в столицу Украины.

Я вошел в Киев вместе с командиром 1140-го полка 340-й дивизии Процепко. Центр города — Крещатик — еще горел. На улицах убитые. Через освобожденный город, преследуя противника, спешили колонны наших войск. Редакция ждала моего материала. В час, когда я только-только закончил корреспонденцию, меня разыскал ординарец начальника политотдела армии и приказал явиться к нему.

Задание генерала было предельно ясным. Ему стало известно, что кто-то из бойцов 167-й стрелковой дивизии водрузил над зданием правительства Украины Красное знамя. Мне поручалось собрать об этом подвиге обстоятельную информацию. Генерал сказал, что 167-я дивизия направлена на левый фланг нашей армии и двигается в район Васильково — Фастово.

На попутных машинах где-то за городом Васильково догнал эту дивизию, собрал материал и направился в обратный путь.

…Помню, когда я уже подходил к Киеву, в сторону Западной Украины — Львова, Карпат, летела эскадрилья наших бомбардировщиков. Над Киевом реяло Красное знамя…

Прочитал написанное и подумал: ведь еще ничего не сказал об организаторской работе газеты, о том, как она установила связи с тылом, с родственниками героев битвы, о большой кампании под рубрикой «Письма о ненависти», о серии интересно задуманных пропагандистских материалов, о том, как организовали на страницах газеты школу боевого опыта, и о многом, многом другом. Но ведь я не пишу историю армейской газеты, а лишь восстанавливаю эпизоды, оставшиеся в памяти.

Почти с первых дней боев за Правобережную Украину я часто бывал в батальоне, где парторгом был Ефим Перевалов. Мы с ним очень сдружились и порой говорили об очень личном. И вот после одной такой встречи я опубликовал в нашей армейской газете материал о подвиге Ефима Перевалова, который назвал «Письмо неизвестной девушке». Поскольку эта публикация, на мой взгляд, в какой-то мере отражает жизнь фронтовика не только в условиях

боев, но и, так сказать, в личном аспекте, я позволю себе привести из нее несколько абзацев.

«…Вы где-то рядом, но я не знаю Вас, ни Вашего имени, ни лица. Может быть, мы встречались с Вами на дорогах наступления и, поздоровавшись, разошлись. Как жаль! Я рассказал бы Вам о Ефиме Перевалове.

За Днепром все еще идут жаркие бои. Немцы держатся за каждый метр земли. Но мы должны освободить Украину. Это знает каждый боец. Об этом горячо, убежденно говорил солдатам парторг батальона Ефим Перевалов.

После очередного боя Ефим собрал коммунистов, времени было очень мало, может быть, всего пять минут. Но в эти минуты он сказал им о героях сражения и обязал каждого из них передать этот рассказ в своих отделениях и взводах. Потом он вынул из полевой сумки десяток «Боевых листков». На них карандашом были написаны короткие, как боевое донесение, заметки о подвигах воинов батальона. Один из листков он вновь положил в сумку и сказал: «Теперь пойдем в роты. Скоро новый бой».

Ефим пришел в роту за несколько минут до начала атаки. Предстоял трудный прорыв сильно укрепленной опушки леса. Бойцы лежали в наскоро вырытых окопах. Ефим вынул «Боевой листок» и передал его бойцу. Тот прочел и передал соседу. В листке говорилось о тех, кто сейчас читал его и через несколько минут пойдет в бой. И это, Ефим знал, поднимало у них солдатскую гордость…

Начался бой. Ефим, пошел в атаку. Осколок мины поразил командира роты. Старшим теперь оставался Ефим. Он принял командование и повел бойцов. Атака успешно развивалась. Там в схватке с пятью гитлеровцами парторг вышел победителем, но был ранен. Сейчас он в госпитале и скоро вернется в родной батальон. Его здесь помнят и ждут.

Я знаю: Ефим ничего не напишет Вам об истории своего ранения. Может быть, он даже обидится на меня за то, что об этом написал Вам я. Но я написал потому, что, прочтя эти строки, Вы будете горды подвигом своего верного друга — героя Ефима Перевалова».

Жизнь драматически завершила эту публикацию. Подруга Ефима Перевалова служила в одном из медсанбатов нашей армии. Она прочитала мою корреспонденцию и отправилась на поиски друга. Но встреча не состоялась. В пути она попала под вражеский огонь и погибла. Об этом, еле сдерживая слезы, рассказал мне Ефим Перевалов в нашу последнюю встречу.

Полки и дивизии 38-й армии, сокрушая врага, двигались на запад. Появились первые награжденные орденом Славы.

Фотокорреспонденту нашей газеты Давиду Минскеру поручили сфотографировать одного из них. Это было в дни боев за Винницу. Он пришел в подразделение, а солдат — кавалер ордена Славы — был в боевом охранении. Минскер ползком добрался до его окопа. Приготовил аппарат. Вместе с солдатом вылез за бруствер. И именно в то мгновение, когда надо было нажать на спусковой крючок, вблизи разорвался снаряд. Осколок угодил в аппарат, смял его, а кусочек стали рикошетом прошелся по правой руке и вырвал мышцы и сухожилия. Восстановить руку не удалось. Минскер стал инвалидом войны. Но профессию не оставил. Научился фотографировать левой рукой. И три десятилетия после войны работал фотокорреспондентом в системе Министерства нефтяного и газового строительства. Вел фотолетопись создания в стране новой отрасли социалистической индустрии. Все эти долгие годы он был на переднем крае — в тайге и в горах — там, где прокладывали новые магистрали. Теперь Давида Минскера нет уже с нами, но во многих школьных и армейских музеях, в десятках альбомов строителей демонстрируются его талантливые работы о ратных и трудовых подвигах советских людей.

В трудные дни боев за Львов я оказался в стрелковой роте старшего лейтенанта Б. Коростина. Он сидел у чуть-чуть тлевшего костра в наброшенной на плечи шинели. Разговорились. Он был учителем, окончил краткосрочные курсы командиров. Незадолго до войны женился. Жену звать Зоя. Так в тихой доброй беседе минули часы, наступал рассвет. И вдруг он сказал:

— Знаешь, майор, что-то предчувствие у меня дурное, не выйду я из этого боя. Вот планшет, там письмо Зои. Оно написано стихами. Возьми планшет. Если останусь жив, вернешь, а если нет, пусть письмо останется у тебя…

Письмо осталось у меня. Оно на трех страницах большого формата, необыкновенно сердечное, полное нежности и понимания солдатского долга, выпавшего на долю ее мужа Бориса Коростина. Вот несколько строф:

…Я об одном жалею и скорблю,
что не с тобой я в битвах небывалых,
что не могу сказать тебе «люблю»,
шинель снимая с плеч твоих усталых.

Хочу идти с тобой плечом к плечу —
пусть бой кипит вокруг смертельной вьюгой.
Я кровью ран смогу сказать «плачу»,
плачу за право быть твоей подругой.

Воюй, мой муж, сжав зубы, но воюй,
борись и жди минуты светлой,
и знай, что я люблю, люблю тебя
и в нашу встречу верю беззаветно.

Может, кто и скажет, что несовершенна в этих стихах рифма, не соблюдены, мол, законы поэтики. Может быть. Да разве в этом суть? Они идут из глубины сердца патриотки, родного человека и поэтому были так дороги их адресату — старшему лейтенанту Борису Коростину.

…Был у меня на фронте большой друг — журналист Макс Кусильман. До войны он работал заместителем главного редактора газеты «Машиностроение», которую возглавлял впоследствии легендарный герой Малой земли Цезарь Куников. Они чуть ли не в один день ушли на войну. Их фронтовые дороги разошлись. В подмосковной битве Макс Кусильман — комиссар батальона — был тяжело ранен, а после выздоровления направлен в армейскую газету. Там мы и встретились с ним перед боями за Днепр. Часто вместе отправлялись на передний край. Я не знаю, какие у него были нервы, но он всегда, даже в самые трудные часы боя, проявлял поразительное спокойствие и выдержку. И всегда приносил в газету яркие рассказы о боевых действиях взводов и рот.

У каждого из нас — корреспондентов — были свои привязанности. Мы с Максом стремились чаще бывать в подразделениях 70-й гвардейской дивизии. Он облюбовал полк Гусева, а я — полк Героя Советского Союза полковника Печенюка.

Вот и в этот раз, когда шли ожесточенные бои в Карпатах, на Дуклинском перевале, Макс отправился к своим боевым друзьям. Ему надо было сделать подборку материалов о действиях гвардейцев в условиях горной местности. Гвардейская часть несла большие потери. Тяжело были ранены командир полка и его заместители. Старшим по званию офицером остался майор Кусильман. И он немедленно принял на себя командование. К концу боя, когда сюда были брошены свежие роты, упал, сраженный осколками мины, журналист Кусильман. Тяжелое ранение в голову, полная потеря зрения. Я был у его постели в нашем госпитале, что стоял тогда в польском городе Кросно. Макс был без сознания. Потом его вывезли в Москву. Лечил его академик Бакулев. И поставил на ноги. Но зрение было потеряно на 70 процентов. За тот бой был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. После войны он руководил

журналом «На стройках России» и все собирался написать для книги «Солдаты слова» свои воспоминания о многочисленных встречах с С. Орджоникидзе и В. Куйбышевым, но не успел…

В полку Героя Советского Союза Печенюка той же гвардейской дивизии одним из батальонов командовал мой однофамилец Иван Кулешов. Как-то я пришел к нему. Было это на дальних подступах к пограничной с Польшей реке Сан. Но в батальон командир полка Печенюк меня не пустил и велел остаться с ним в небольшой ложбинке, откуда он руководил боем за опушку леса. Тут же вместе с несколькими автоматчиками и связистами была военфельдшер полка лейтенант Лиза Алешина, недавняя студентка медицинского института.

Я стоял рядом с Печенюком, прислушиваясь к его телефонным переговорам. И вдруг крик:

— Убит или ранен? Вынести, немедленно вынести. Посылаю замену.

— О ком речь, товарищ полковник? — спросил я.

— Кулешову горло перебило. Истекает кровью.

И сразу команда:

— Командира минометной роты Бреева ко мне.

Через несколько минут в лощину спрыгнул элегантный молодой офицер. Суконная пилотка франтовато надвинута на лоб с расчетом два пальца от правой брови. На плотно натянутой гимнастерке боевые ордена. Печенюк внимательно посмотрел на старшего лейтенанта и тихо сказал:

— Принимай батальон Кулешова. Он ведет бой вон у той опушки.

Старший лейтенант, круто повернувшись, на одно мгновение остановился возле Лизы Алешиной, что-то ей сказал.

События развивались стремительно. Печенюк вызвал на помощь авиацию. Откуда-то издали по опушке ударили наши орудия. Возле лощины стали рваться вражеские снаряды. Печенюк неотрывно держал связь с Бреевым. И мы услышали:

— Да, да, сынок, поднимай людей в атаку. Что, мало осталось? Поднимай, поддержу огнем.

И вдруг оттуда, с опушки:

— Бреев убит. Прямое попадание мины.

Трубка выпала из рук Печенюка. А дальше произошло такое, что и сейчас, почти сорок лет спустя, трудно без волнения вспоминать.

Военфельдшер Лиза в наброшенной на плечи плащ-палатке стремительно бросилась к месту боя. Печенюк кричал в телефон:

— Где военфельдшер? Где Алешина?

Но она не шла. И только когда стало заходить солнце и все поле напоминало кроваво-красный ковер, мы увидели Лизу. Она шла очень медленно. Подошла совсем близко к нам, остановилась. И мы услышали ее рыдания.

Потом я много раз встречал Лизу на поле боя. Однажды видел, как она вынесла с минного поля двух раненых солдат. Опубликовал о ней в армейской газете очерк «Красные маки». Газета выпустила о ней специальную листовку, ставила в пример ее мужество.

На войне были не только бои и кровь. Война стала неотвратимым бытом для миллионов и миллионов ее участников. А в быту бывает и смешное. На фоне величайших трагедий тех дней, бесконечных тягот фронтовой жизни веселые и смешные эпизоды воспринимались радостно, давая разрядку напряжению всех духовных и физических сил.

Помню, как мы освободили крупный промышленный центр Чехословакии — город Моравска-Острава. Народ ликовал. Наших солдат забрасывали цветами, обнимали, братались с ними. Чешские коммунисты выходили из подполья, формировали городское самоуправление. В здании ратуши был назначен прием в честь освободителей. Приглашено командование 4-го Украинского фронта, командующие армиями, корпусами, дивизиями. Фотокорреспондент нашей газеты старший лейтенант Андрей Петров получил задание сделать фоторепортаж этого исторического события, а мне было поручено подготовить отчет.

Когда все приглашенные собрались за огромным праздничным столом, в зал вошла делегация шахтеров и металлургов. Они несли грандиозных размеров торт, увенчанный сделанной из шоколада фигурой красноармейца. И поставили этот торт в центре стола против командующего фронтом генерала армии Д. И. Еременко. Генерал провозгласил тост за демократическую республику Чехословакию, за прочную и вечную дружбу с советским народом. Потом были благодарственные тосты хозяев. И вдруг мы услышали немного глуховатый голос командующего:

— Майор!

Среди всех бывших тут офицеров майором был только я, все остальные — старшего звания.

Кто-то дернул меня за ремень гимнастерки:

— Тебя зовет.

Я быстро подошел к командующему, вытянулся и отчеканил:

— Слушаю, товарищ генерал.

Но ответа не последовало. Еременко оживленно разговаривал

с соседом справа, не глядя в мою сторону.

Я стоял по стойке «смирно» и не знал, что делать. Все еще не обращая на меня внимания, командующий, как мне показалось, очень четко сказал:

— Махнем?

Меня это привело в полное замешательство. Тот, кто был на войне, знает эту забавную игру. В переводе с фронтового языка тех дней слово «махнем» означало: обменяемся. Каждый, принимавший в ней участие, держал в зажатом кулаке какой-либо предмет: зажигалку, спички, авторучку и после слова «махнем» передавал партнеру из рук в руки, не глядя на обмениваемый предмет.

И вот сам командующий фронтом почему-то предлагает именно мне сыграть с ним в «махнем». Тут было от чего покрыться испариной. Я набрался мужества и громко сказал:

— Что, товарищ генерал?

Но генерал, не ответив на мой вопрос и все еще увлеченный беседой с соседом, требовательно повторил:

— Махнем!

«Махать» у меня было нечем. В кармане лежала пачка сигарет, спички, блокнот и пара карандашей. И потом самое главное — кто это посмел бы затеять игру с самим командующим фронтом? Положение, казалось, безвыходным.

И вдруг кто-то быстро меня оттолкнул. Впереди оказался офицер небольшого роста, плечистый, с погонами майора. Он наклонился к генералу и что-то ему сказал. Как оказалось, это был адъютант командующего майор Махнёв.

Потом все смеялись и поздравляли меня с благополучным исходом операции «махнем».

…Советская Армия штурмует Берлин, а наша 38-я, входящая в состав 4-го Украинского фронта, все еще ломает отчаянное сопротивление гитлеровцев и неудержимой лавиной движется на Прагу. Дивизии и полки уже ушли вперед. А мы — заместитель редактора Павел Попов, фотокорреспондент Андрей Петров и я — задержались в каком-то селе на ночь. Утром 8 мая мы продолжили свой путь в трофейной машине. И вдруг впереди, в каких-нибудь ста метрах, увидели колонну немцев, их было около ста. Быстро свернули к лесу, залегли в канаву, сбросили автоматы и приготовились к обороне. Но тут произошло неожиданное. Немцы, завидев нас, вытащили из карманов белые платки и подняли их высоко вверх. И тут же стали бросать оружие. Подошли без оружия трое. Сказали только три слова:

— Гитлер капут. Плен.

Все было ясно. О таком уже знали. Мы подогнали машину, немцы сложили в нее свои автоматы и построились в колонну.

Как потом выяснилось, они, не нарушая строя, так и пришли в наш плен, все повторяя:

— Гитлер капут.

Еще раз перелистываю комплект нашей армейской газеты «За счастье Родины». И невольно обращаю внимание на большое количество портретов солдат — героев боев. Разумеется, техническое исполнение этих портретов далеко от тех, которыми мы нынче любуемся в иллюстрированных изданиях.

Но те портреты, которые опубликованы в армейской газете, очень дороги для нас. Они сохранили для истории лица героев боев. Как же делались эти портреты? Ведь у нас своей цинкографии не было.

После ранения Минскера фотокорреспондентом нашей газеты стал старший лейтенант Андрей Петров, москвич, до войны кинооператор. До отчаянности храбрый, он всегда появлялся на самых горячих участках боевых действий, быстро входил в контакт с командирами подразделений, шел в окопы, боевые порядки, полз к засадам снайперов, фотографировал, выяснял подробности, потом мчался в редакцию, проявлял пленки, печатал и вновь отправлялся на передний край.

Но ведь фотографию без цинкографа в газету не дашь. К счастью, был в редакции рядовой Леонид Моисеев, талантливый художник-самородок. Получив из рук Андрея Петрова фотографию, он при помощи простого перочинного ножа, маленьких стамесок и шил вырезал на цинковых пластинках, отлитых по своему рецепту и способу, портрет воина.

Моисеев так овладел своим искусством, что точно воспроизводил при помощи своего подручного инструмента не только портреты, но и карикатуры и фронтовые зарисовки, которые талантливо исполнял редакционный художник старший лейтенант Евгений Ведерников, после войны получивший широкую известность художника-карикатуриста журнала «Крокодил».

С волнением вспоминаю теперь, спустя десятилетия, дела фронтовых журналистов. Создается ощущение, что ни одна даже очень обстоятельно написанная монография или исторический труд не в состоянии в таком ярком многообразии отразить дух огненных дней Отечественной войны, как это делала наша фронтовая печать. Она — подлинный и правдивый летописец великого подвига Советской Армии в борьбе с гитлеровскими полчищами.

Александр УСТИНОВ. ИЗ ЗАПИСОК ВОЕННОГО ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА

Свой первый снимок из тех, что посвящены годам и событиям Великой Отечественной войны, я сделал 23 июня 1941 года. В тот день началась всеобщая мобилизация. Не только те, кто пришел, будучи вызван предписанием, — тысячи добровольцев осаждали районные военные комиссариаты Москвы. Среди них был и я. Естественно, явился с фотоаппаратом…

В армию меня, как «белобилетника», не взяли.

И все же вскоре я выехал на фронт: меня зачислили в штат фотокорреспондентов «Правды». Отправился на берега Волхова.

Болота. Мокрые леса. Бревенчатые дороги, на которых душу вымотаешь, пока доберешься попутными машинами в нужную тебе часть. И дождь, дождь! Нудный, бесконечный, серый…

Спустя неделю послал в редакцию два пакета с негативами. Часть снимков «Правда» напечатала. Это окрылило меня.

На бронепоезде (Ленинград находился уже в кольце окружения) двинулся с теми, кто шел на боевое задание к станции Мга: там сконцентрировались крупные силы фашистских войск.

Операция прошла успешно. Но на обратном пути бронепоезд накрыли вражеские бомбардировщики. От разрывов бомб буквально дрожала земля. Еле-еле удалось проскочить. Зато в «Правде» появилось шесть колонок фотографий.

В моем фронтовом блокноте 1941 года есть короткая запись: «Волховский фронт. Сентябрь. Отважный разведчик. Ленинградский музыкант Дмитрий Павлович Петров. Бесстрашный разведчик. За 10 и 11 сентября уничтожил восемь солдат и двух вражеских офицеров. Принят в кандидаты ВКП(б). Ему помогает двенадцатилетний сын колхозника Саша Попов (снято под Новыми Киришами)».

С ними я встретился так. В конце сентября приехал в дивизию, которая сдерживала натиск фашистских танков и пехоты, рвавшихся к Ленинграду. Обстановка на фронте была крайне напряженной. На земле и в воздухе шли ожесточенные бон.

Комиссар полка посоветовал побывать у разведчиков.

Вскоре на окраине небольшой деревеньки в полуразрушенной избе нашел командира полковой разведки старшину Д. П. Петрова — в недавнем прошлом, как довелось мне узнать, ленинградского музыканта.

Мы сидели у прикрытого хвоей костра на берегу Волхова. По реке плыло много рыбы, оглушенной разрывами снарядов, мин, бомб. В котелке бурлила наваристая уха.

Было тихо. И вдруг где-то рядом зашуршала трава. Старшина поднял карабин, но тут же опустил его. Повернувшись ко мне, тихо проговорил:

— Это наш Сашок. Разведчик, сирота.

К костру подошел мальчонка в потрепанном овчинном тулупе. На поясе — трофейный штык, за поясом — граната.

— Я уже беспокоиться стал, — сказал ему командир. Любовно оглядел паренька с ног до головы, положил руку ему на плечо и спросил:

— А где же корова? Что-нибудь случилось?

Саша присел на землю и с трудом стянул с себя тяжеленные кирзовые сапоги.

— Фрицы не поверили, что я ее пасу. Забрали, а мне автоматом пригрозили.

Мальчик помолчал немного, потом как бы самому себе сказал:

— Ладно, корову еще достану…

Утром старшина Петров, Саша, другие разведчики и я пошли в Новые Кириши. Высокая железнодорожная насыпь, через которую нам предстояло перебраться, простреливалась снайперами. Саша короткими перебежками первым добрался до рельсов и крикнул:

— Быстрей!

В штабе полка мне много рассказали о Саше Попове. Ему двенадцать лет. Отец погиб на фронте. Мать, замученная фашистами, умерла. Сирота увязался за нашей воинской частью, отходившей к Ленинграду, и упросил оставить его на правах боевого помощника разведчиков.

Отважный паренек много раз переходил линию фронта, «пас» коров, а назад приносил ценнейшие сведения.

Перед отъездом из полка я сфотографировал старшину Дмитрия Петрова и Сашу Попова. Потом послал им фотографии. Они ответили мне письмом.

И вот прошло уже более сорока лет. Я снова гляжу на этот снимок. Нет в живых старшины Дмитрия Петрова — он погиб смертью героя в декабре сорок первого года.

А где же Саша? Я знаю, что в марте 1942 года юный разведчик был тяжело ранен, его отправили в госпиталь… Как сложилась его судьба, где он сейчас?

Военные корреспонденты перед отправкой на фронт кроме редакционной командировки получали разрешение от Главного

политического управления Красной Армии находиться в частях действующей армии. В первых числах октября у меня кончился срок такого разрешения, и я вернулся в редакцию.

Работу мою одобрили и сказали:

— Немного отдохните и полетите в Ленинград. Будете нашим спецкором и на Балтийском флоте.

Через несколько дней документ Главного политуправления пришел. Теперь требовался допуск политуправления Военно-Морского Флота.

Звонил туда ежедневно. Особенно запомнился день 16 октября 1941 года. После, вероятно, сотой моей попытки соединиться с коммутатором Военморфлота телефонистка сжалилась надо мной:

— Не звоните больше. Они сегодня ночью уехали в Куйбышев.

Так мечта о поездке на флот рухнула.

Я решил поехать в редакцию. Надел полушубок и теплые брюки, оставшиеся у меня с финской войны, вышел из дому. На Плющихе несколько трамваев, не останавливаясь, прошли переполненными, люди сидели даже на крышах. Мне надоело ждать, я забрался на «колбасу» следующего трамвая и, благополучно миновав Тишинский рынок, добрался до улицы Горького.

На главной магистрали столицы было необычно многолюдно. Все куда-то спешили, были встревожены. В этот день сделал несколько снимков: «Рабочие батальоны идут на фронт», «Привал добровольцев у Второго часового завода»… Назавтра эти фотографии были напечатаны в «Правде».

Тяжелой была осень сорок первого года. Упоенные успехами первых месяцев войны, фашистские орды достигли полей Подмосковья. Началась битва за Москву. В считанные дни столица создала 12 дивизий народного ополчения, 25 истребительных батальонов. Тысячи москвичей вступили в коммунистические батальоны.

Враг рвался к столице, шли кровопролитные бои. Гитлеровцы в ходе стремительного наступления взяли Вязьму, Смоленск, подмосковный город Наро-Фоминск в шестидесяти километрах от Москвы. Они подходили к району Крюкова (ныне Зеленоград).

Вечером нас, военных корреспондентов, предупредили:

— Военное положение. Из редакции без разрешения не отлучаться!

17 октября вместе со Львом Толкуновым (он работал тогда дежурным помощником редактора) поехали на Хорошевское шоссе, где, увязая в раскисшей от осенних дождей глине,

москвичи рыли глубокие противотанковые рвы.

Нескончаемым потоком двигались по дороге воинские обозы. Гнали стада коров. Били зенитные батареи. Люди строили баррикады, вкапывали в землю огромные надолбы. Сотни стальных «ежей» перекрывали широкие улицы, оставляя для транспорта лишь небольшой проезд.

В постановлении Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 года говорилось:

«В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

Ввести с 20 октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие».

В те дни в центральном аппарате редакции осталось всего двадцать человек. Правдисты работали напряженно. Опасность еще крепче спаяла наш небольшой коллектив. Петр Лидов, Михаил Калашников, Владимир Ставский, Борис Полевой, Лазарь Митницкий, Сергей Струнников, Оскар Курганов приезжали прямо с фронтов, иногда на машинах, пробитых осколками мин и пулями, и, не обращая внимания на воздушные налеты, работали. Вернулся из Брянских лесов Михаил Сиволобов. Прилетел с юга Митя Акульшин, наш корреспондент в Донбассе… Материал шел в номер с колес.

Москва была настоящим прифронтовым городом. Едва ли не все предприятия работали на оборону: одни делали снаряды, другие изготовляли минометы и автоматы, третьи выпускали автоматы или противотанковые ружья. Даже маленькие кустарные мастерские, которые до войны чинили примусы, готовили «лимонки».

«Правда» обращалась к гражданам страны:

«Кровавые орды фашистов лезут к жизненным центрам нашей Родины, рвутся к Москве. Остановить и опрокинуть смертельного врага!» (15 октября).

«Взбесившийся фашистский зверь угрожает Москве — великой столице СССР. С железной стойкостью отражать напор кровавых немецко-фашистских псов!» (16 октября).

«Воины Красной Армии! С вами вся страна, весь советский народ. Будьте бесстрашными в бою, деритесь до последней капли

крови за каждую пядь родной земли!» (17 октября).

«Все силы на отпор врагу! Все на защиту Москвы!» (18 октября).

«Противопоставим вражескому наступлению на Москву железную стойкость, мужество, героизм советских людей!» (19 октября).

20 октября я сфотографировал двух друзей — истребителей танков: инженера Иванова и машиниста метро Дьячкова.

Интересна судьба В. П. Иванова. В мае 1916 года он был арестован за участие в забастовке на Бежицком заводе и отправлен на фронт в штрафную роту. На гражданскую войну ушел добровольцем. В 1928 году вступил в партию, в 1930 году окончил Московский энергетический институт и до войны работал начальником ОТК завода «Изолятор». Когда началась Великая Отечественная война, Иванову было около пятидесяти, но он пошел добровольцем в коммунистический батальон Ленинградского района. В битве за Москву Василий Петрович уже командовал ротой истребителей танков. Генерал Лобачев в книге «Трудными дорогами» тепло отзывается об этом бесстрашном воине. Иванов прошел славный боевой путь от Москвы до Сталинграда.

На площади Маяковского, у Краснопресненской заставы, перед театром Красной Армии, около Дорогомиловского моста и во многих других местах были установлены зенитные орудия, которые иногда не прекращали огня круглые сутки.

Я помню, как Юрий Левитан, объявив о том, что угроза воздушного нападения миновала, буквально через несколько секунд быстро проговорил: «Граждане, воздушная тревога!»

Я работал, отдавая себе ясный отчет в том, какие дни мы переживали. В «Правде» ежедневно появлялись мои снимки и небольшие заметки. Фронт и тыл были тогда столь близко друг от друга, что иной раз удавалось в один и тот же день делать фронтовую и тыловую съемки.

Как-то рано утром, после выхода «Правды», редактор П. Н. Поспелов вызвал меня и попросил сделать снимок в номер — сфотографировать разведчиков из оперативной группы полковника А. И. Лизюкова. Звоню в гараж — машины нет. Сел в троллейбус № 12 и доехал до Химок. Отсюда прошагал километров десять — и уже оказался на передовых позициях, у разведчиков.

Однажды вечером недалеко от «Правды», точнее, на Бутырском валу ухнула пятисоткилограммовая бомба. Полетели стекла из окон. В редакции стало холодно. И не только холодно, но и голодно. Мне иногда удавалось перекусить у летчиков на

Центральном аэродроме.

Со многими познакомился и подружился. Это были молодые и отважные ребята. Они делали до десяти вылетов в сутки.

Летчики подполковника Писанко и днем и ночью сбивали «мессеров» и «юнкерсов» в небе Подмосковья. В «Правде» 30 ноября 1941 года был опубликован мой снимок с подписью: «Младший лейтенант Коробейников, лейтенант Невкипелый, младший лейтенант Алешин, разрушив вражескую переправу в районе Малоярославца, сорвали наступление противника».

3 декабря летчики этой части Цыганов, Тетерин и Даубе активно штурмовали фашистские войска в районе Истры. Младший лейтенант комсомолец Рубцов сбил под Москвой десять гитлеровских самолетов.

Обороняли небо Москвы не только летчики. Здорово работали и зенитчики. Когда смеркалось, в воздух поднимались аэростаты и висели всю ночь.

Москва не только оборонялась, но и нападала. С подмосковных аэродромов в глубокие тылы фашистской Германии вылетали наши бомбардировщики. 16 декабря я был у летчиков из экипажа самолета, который бомбил Кенигсберг. Сфотографировал их. Материал немедленно пошел на первую полосу.

С востока подходили солидные воинские резервы. Во всех районах развернулось всеобщее военное обучение. Днем и ночью по улицам Москвы в сторону фронта двигались танки, артиллерия, шли нескончаемые вереницы солдат, тянулись обозы. На грузовиках и подводах везли снаряды.

Вспоминается ночь на 7 ноября. Михаил Калашников снимал в метро на станции «Маяковская», где проходило торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

А часов в семь утра звонок. Говорят из редакции:

— Саша, немедленно вставай, едем на Красную площадь.

У подъезда меня ждали Бронтман, Гершберг, Калашников. Было необычно тихо. Торжественно. Просто не верилось, что в трех десятках километров идут кровопролитные бои.

На площади я увидел своих коллег. Начальник охраны подошел и сказал:

— Снимайте, где хотите.

Впервые за свою фотографическую жизнь я расхаживал по Красной площади и снимал с самых выгодных точек.

Парад был необычным и продолжался недолго. Стало светлее. Снегопад прекратился. После парада мы направились к станции метро «Охотный ряд» и доехали до «Белорусской».

Я быстро побежал по эскалатору и выскочил на мост. Вижу: танки, которые только что участвовали в параде, полным ходом идут по улице Горького — на фронт! Сделал несколько фотографий, которые живы до сих пор.

Настроение в предновогодний вечер было отличное — все мы жили наступлением наших войск под Москвой. Дороги Подмосковья были буквально усеяны искореженными вражескими орудиями, танками, тягачами.

Этим вечером пришло сообщение об освобождении Калуги. Несколькими днями раньше советские войска освободили Керчь и Феодосию…

Редакция еще работала в узком составе — большинство находилось в Куйбышеве. Но уже вернулись Е. М. Ярославский, Д. О. Заславский. Они тепло поздравили нас с наступающим Новым годом. Емельян Михайлович и был инициатором «торжественной встречи сорок второго года», как он объявил.

Около двенадцати ночи стали стекаться в комнату, где в тяжелое для Москвы время соседствовали военный и тыловой отделы и куда мы привыкли являться с материалами прямо с подмосковных фронтов. Номер еще утрясался. Заканчивалась правка передовой статьи «С Новым годом!». В ней были такие слова: «Мы встречаем 1942 год с высоко поднятой головой… К новым победам, доблестные воины Красной Армии!»

К двенадцати часам всем составом редакции собираемся в кабинете Ярославского.

Как всегда, включено радио. Из рупора раздается голос Михаила Ивановича Калинина. Слушаем его замечательную новогоднюю речь…

Выпили по чарке трофейного вина, доставленного предусмотрительными военкорами. Выступали все. Больше всего говорили о недавно пережитых октябрьских — ноябрьских днях, когда смертельная угроза нависла над любимой Москвой, когда столица была фронтовым городом, а «Правда» стояла на передовой.

Начался 1942 год. По заданиям редакции «Правды» я исколесил много фронтовых дорог. Снимал на Западном, Юго-Западном, Брянском, Ленинградском, 1-м, 2-м и 4-м Украинских фронтах. Побывал у партизан Ковпака и в Чехословацком корпусе, которым командовал Людвик Свобода.

Последние два года Великой Отечественной войны вместе с Борисом Полевым и Сергеем Борзенко работал на 1-м Украинском фронте. В моем фронтовом блокноте 16 апреля 1945 г. сделана такая запись: «Первый день последнего наступления». Дальше перечислены эпизоды, запечатленные

мною на пленку: «Танки- тральщики ст. лейтенанта В. Панкратова делают проходы в минном поле»; «Танкисты дважды Героя Советского Союза генерала И. Якубовского форсируют реку Нейсе»; «Артиллеристы мл. лейтенанта М. Голышева готовят Гитлеру персональный «подарок» с доставкой в Берлин».

22 апреля я снимал наши войска уже на западном берегу Шпрее.

Утром 24 апреля на Берлин с юга двинулись большие соединения танков. Впереди на «виллисе» ехал генерал П. С. Рыбалко. А навстречу им шли люди, много людей… Вот освобожденные из концлагерей французы горячо приветствуют своих освободителей — воинов Советской Армии, вот по дороге движется колонна изможденных женщин в лохмотьях. Это наши, русские: узницы берлинских лагерей. Солдаты делятся с ними хлебом, сахаром…

А утром 26 апреля я прилетел на Эльбу, в район города Торгау. Днем к нам, на правый берег, переправились первые американцы — солдаты и офицеры, а под вечер командир 58-й гвардейской ордена Красного Знамени дивизии генерал-майор Владимир Васильевич Русаков дружески встретил прибывшего с большой свитой американского генерала Эмиля Ф. Рейнгардта. Сфотографировав это событие, я вылетел в Москву. На следующий день «Встреча на Эльбе» была опубликована в «Правде».

Война шла к концу. Со всех фронтов поступали в столицу радостные сообщения о разгроме фашистских армий. Во всем мире люди с нетерпением ждали и сердцем чувствовали: вот-вот фашисты капитулируют.

В ночь на 9 мая москвичи не спали. В два часа ночи по московскому радио после позывных «Широка страна моя родная…» объявили, что будет передано важное сообщение. В 2 часа 10 минут Юрин Левитан прочитал акт о военной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы.

Взяв две «лейки», я выбежал на Зубовскую площадь. Изо всех окон неслась торжественная музыка, из домов выбегали люди. Они радостно поздравляли друг друга с долгожданной победой. У многих на глазах были слезы — слезы радости. Появились знамена. Народ все прибывал, и многие двинулись на Красную площадь.

Началась стихийная демонстрация. Радостные лица, залихватские пляски под гармошку, качают военных, наших и союзников… Люди вздохнули полной грудью. Пришла Победа.

Вечером был салют. Тридцать артиллерийских залпов из тысячи орудий. Лучи ста шестидесяти прожекторов образовали подвижной световой шатер над Москвой.

Александр КРИВИЦКИЙ. НЕМНОГО О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

Помню, на Курской дуге еще до начала битвы провел я несколько суток в траншеях батальона Шапошникова, зарывшегося глубоко в землю. По характеру обороны люди здесь давно поняли, что рассчитана она не только на отражение противника, но и на нечто другое. Иначе зачем бы прокладывать ходы для бросков из основных оборонительных сооружений. Хитер солдат, помалкивает, дисциплину соблюдает, а сам в полном курсе всех дел, хотя и не читает штабных документов. Но не о том речь. Собрав материал для корреспонденций, я было решил уезжать — хотелось добраться до танкистов, как вдруг меня окликнул капитан Шапошников, вынырнувший откуда-то из хода сообщений.

— Вы что же, бросаете нас? Не советую. Как бы вам по дороге не попасть в кашу: слышите, как тихо? Неспроста это. Если что, лучше переждать у нас, в блиндаже, ну-ка он захватит вас в пути — хуже будет. Здесь хоть и передний край, да сами видите, как крепко все устроено.

Это было произнесено полушутливым тоном, но глаза Шапошникова серьезны. И даже встревожены. По давнему опыту я знал: боевой офицер не станет подвергать военного корреспондента излишней опасности. Во-первых, если убьют человека с блокнотом, значит, ничего не напишет он, а ведь, как ни говорите, каждому хочется прочесть и свое имя в газете, и имена товарищей. Зря, что ли, и Шапошников, и Ворончихин перечисляли мне бойцов, отличившихся в обороне. А во-вторых, давай потом объяснения в вышестоящие штабы: как, почему и отчего произошло такое. Ну а в-третьих, и это, по-моему, самое главное, в душе настоящего военного всегда возникает такая мысль: я здесь стою — мне положено, выполняю боевую задачу, а корреспонденту, ему ж здесь фактически не положено, у него другая задача, а раз так, чего ему зря голову подставлять?

С таким великодушно-трогательным представлением о миссии корреспондента на фронте я встречался всегда, а из бесед с коллегами знаю, что они постоянно испытывали на себе такое же, иногда до слез волновавшее участие. На самом деле оно не было продиктовано сантиментами, или, как я сказал, великодушием. Просто человек с «военной косточкой» не терпит напрасного риска и бесцельного героизма. Что ж лезть в пекло, если нет на то приказа? Наше дело — воевать, ваше дело —

писать.

Но сколько раз, сколько раз военные корреспонденты, опрокидывая такое представление, лезли в это самое пекло, брали на себя командование взводом, отделением, группой бойцов, когда выбывали из строя командиры, как это сделал Аркадий Гайдар; ходили в смертельные десанты, как Сергей Борзенко; штурмовали на «илах» немецкие колонны, как Леонид Вилкомир; поднимали в последний бросок «окруженцев», как милый Петр Огин; отстреливались до последнего патрона на пятачке, прижатом к горам и морю, как Лев Иш!

Сколько их погибло, не дописав оперативного очерка, не послав жене прощальной весточки, не успев подумать, что куплет знаменитой корреспондентской песни, той, которую он пел еще вчера, еще сегодня: «Кто-нибудь услышит, вспомнит и напишет, кто-нибудь помянет нас с тобой», уже относится не к погибшему товарищу, а к нему самому, к нему, лежащему, широко раскинув руки или поджав колени, как ребенок в утробе матери, на мерзлой земле, в болотном, жадно чавкающем студне, среди груды темного покореженного железа…

Кто во время войны не читал «Красной звезды»! Десять лет ее существования прошли на моих глазах. Да и сейчас я часто думаю о родной газете. Это не элегические воспоминания. Нет. Просто в затруднительных случаях обращаюсь к своему опыту военного журналиста, к бесценному для меня опыту работы в «Красной звезде».

Нас учили в газете партийной журналистике, смелости, дисциплине, оперативности, умению хорошо делать свое дело. «Приказано — сделано» — таков был девиз всех, кто любил свою военную газету и считал для себя честью работать в ней. Долгое время я по роду своих редакционных обязанностей общался с писателями, был начальником отдела литературы и искусства. Когда началась война, большинство из них были глубоко штатскими людьми. Но в ее дни прониклись духом железной воинской дисциплины, сроднились с коллективом.

В сорок первом году мы отправляли в первую фронтовую командировку еще молодых — или так мне казалось — Михаила Шолохова и Александра Фадеева. Я хорошо помню время, когда шолоховская «Наука ненависти» была на устах, в сердце всей нашей армии.

Николай Тихонов — человек с лицом свирепого викинга и добрыми, постоянно любопытствующими глазами — жил и работал в Ленинграде во время осады города. А меня не покидало ощущение, будто он и там, на своей Зверинской, 2, и где-то здесь, на втором этаже старого, источенного древесными жучками

особнячка редакции на улице Чехова. Он врос в редакционную жизнь, был неутомим и исполнителен, как солдат-сверхсрочник.

Ну а Петр Павленко — ироничный, язвительный и внутренне застенчивый? Он глотал порошки, пилюли, кашлял, кутал шею шарфом, но делал дело с легкостью и стремительностью, какие поражали в этом человеке, боровшемся со своей болезнью всеми способами, а главное — работой. Писаревский овал его лица с очками в «разночинной» металлической оправе хорошо знали на разных фронтах. Когда я теперь перечитываю «Счастье», то легко узнаю в полковнике Воропаеве черты самого полковника Павленко.

Перед глазами стоит худой, в щеголеватой гимнастерке, похожий на «вольноопределяющегося» Костя Симонов — работник безотказный и веселый. Как непреклонно он стремился — правдой н неправдой — обогнать других, когда речь шла о командировке на опасный и важный участок фронта, каким он был нежным и заботливым, когда ему казалось, что друг нуждается в поддержке! Он неожиданно появлялся в редакции вечером, диктовал стенографистке свой очерк и утром снова улетал на фронт, успевая скоротать ночь с товарищами за столом, где военные харчи причудливо смешивались с разноцветными ликерами фирмы Бачевского — трофеями наших войск кампании 1939 года из подвалов пустынного тогда Клуба писателей.

А Илья Григорьевич Эренбург! В дни войны он ни разу не «прогулял», хотя работал в редакции без обычного «оклада содержания». Ежедневно шаркающей походкой следовал он по коридору в свою небольшую комнату, желчными репликами откликался на невинные приветствия, добрел, когда перехватывал у фронтовиков глоток зеленого «Тархуна» или спирта, насмешливый, лохматый, попыхивал трубкой, и вскоре из густейшего облака серо-голубого дыма возникал ожесточенный стук почти невидимой машинки: писался очередной фельетон в газету…

А дорогой мой, бесценный друг Андрей Платонов — веселый схимник и печальный вертопрах, человек мудрого ума и такого ощущения русского слова, что казалось, он не пишет свои рассказы, а выпевает их из глубины глубин души! Он был тяжело болен, и мы выхлопотали ему путевку в военный санаторий, а спустя месяц узнали: он провел все это время в знакомом ему полку на фронте, куда прибыл без командировки и продаттестата.

— Что делал ты, чудовище? — с грозным отчаянием спросил я, когда он явился наконец в редакцию.

Чудовище, сконфуженно помотав своей жилистой шеей дровосека, подняло на меня голубые глаза ребенка и с полным

сознанием вины ответило:

— Я наступал…

А Василий Гроссман, терпеливый солдат-фронтовик, проводивший по полгода на переднем крае! Получая командировочное предписание, он бурчал: «Опять меня на самый гиблый участок», а приезжая спустя несколько месяцев, удивленно восклицал: «Знаешь, никогда еще я не бывал в такой интересной командировке! Я видел таких людей…»

Вспомним Бориса Галина — чернорабочего нашей газеты. Он писал очерки, отчеты о митингах, публицистические статьи. Щуря свои близорукие глаза, он растерянно переспрашивал человека, читавшего его рукопись: «Неужели вам в самом деле нравится?» Ему хотелось писать все лучше и лучше, а я до сих пор не могу забыть один из его первых в военной газете, но уже великолепный очерк «Прощай, 109-й полк», прекрасно раскрывший идею войскового товарищества.

Вспомним скромнейшего из скромных — Василия Павловича Ильенкова, работавшего в трудном жанре короткого рассказа на военные темы. Он сочинял их по прямому редакционному заказу, и, когда мне говорят, что литератор не может хорошо написать на тему дня, что на него должно «накатить», я думаю об истинном вдохновении, которое питается чувством партийности и сознания необходимости выразить то, что волнует людей.

Именно таким вдохновением была освящена работа коллектива писателей-краснозвездовцев. Они многое дали газете, но и газета не осталась в долгу, или, вернее говоря, она с первых же дней пребывания писателей в редакции как бы авансировала их своим опытом, традициями, тем стилем работы и умением увидеть красоту военной темы, какие газета приобретала еще в мирное время, до войны.

Как-то я перелистывал комплект газеты за военные годы и прочел очерк Павленко «Инвалид войны». Это конспект основных мыслей и чувств романа «Счастье».

А «Дни н ночи» Симонова — первый роман о Сталинграде? Мы хорошо знаем его очерки того времени. Одни из них так и называется — «Дни и ночи», и с героиней романа Аней мы познакомились еще тогда, на страницах «Красной звезды».

И Илья Эренбург не стал бы отрицать, что огромный диапазон его работы в «Красной звезде» — от международных фельетонов, военных заметок до фронтовых поездок, когда он ночевал в крестьянских избах, ходил по траншеям, замерзал в степи вместе с нашим подполковником Лоскутовым, — помог ему создать эпическую «Бурю». Я думал об этом, отправляя в набор рукопись романа, когда работал уже в журнале «Новый мир».

А ниточка фронтовых воспоминаний, продернутая сквозь все повествования Бориса Галина, которые он называет очерками, — разве она не тянется от дней работы автора в качестве «нашего спец. корреспондента»!

Для газеты работал и Алексей Сурков, солдат трех войн, незабываемый автор щемящей сердце «Землянки», Александр Довженко с его патетическими рассказами-очерками, полными эпического величия и накала народной борьбы. Многие писатели, те, кто и не нес военную службу в «Красной звезде», посылали ей свои корреспонденции, зарисовки и очерки с фронтов. Эта газета стала родным гнездом многих летописцев нашего пути к Победе.

Вспоминаю неутомимого спецкора Леонида Высокоостровского, молчаливого, нахмуренного, — я открыл в нем чистую и добрую душу… Петра Коломейцева, военного философа, знатока тактики и стратегии танковых войск. Он весьма точно предсказал мне эволюцию их применения, вплоть до такого массированного, как в танковой битве под Прохоровкой на Курской дуге… Михаила Толченова, рослого мужчину со старофицерской выправкой, с мушкетерской бородкой и огромной, в ящиках стола, картотекой военных действий союзников. Он хорошо поддавал им жару в своих обзорах… Аркадия Ерусалимского — видного историка-международника, он был у нас начальником иностранного отдела, а после войны получил за свои ученые труды золотую ломоносовскую медаль Академии наук.

А полноватый, круглолицый, вечно спешащий Борис Король. Он, действительно, был королем всегда оперативных, содержательных репортажей с места боев…

А Павел Крайнов, вот уж кого у нас любили. Невысокий, изящный, тихий — смельчак во фронтовых командировках и трудяга в редакции, — вместе с ним мы летали через линию фронта, к партизанам. Он упорно учился, стал японоведом. Во время войны в Корее, уже демобилизованный, штатский, он писал для «Литературной газеты» обзоры военных действий, их ждали и читали с огромным интересом.

Еще и еще вспоминаю милого Петра Огина. Он погиб. А какого писателя мы в нем потеряли! Его корреспонденции привлекали внимание образностью, широтой мысли, в них чувствовалась рука оригинального прозаика, копившего опыт, — он начинал свежо и сильно.

А Савва Дангулов — ныне известный писатель. Еще до войны был он специальным корреспондентом газеты на подмосковном аэродроме, откуда стартовали тогда воздушные асы в знаменитые перелеты. Во время войны писал для газеты очерки-портреты.

Савва был большим тружеником, не любил тратить время на разговоры в коридорах редакции, и, когда он покидал спорящих, чтобы сесть за стол, я неизменно говорил ему вслед: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». Он, оборачиваясь, широко улыбался.

Вспоминаю Ваню Гаглова, добродушного балагура и точного работника. Мы часто встречались и после войны у Николая Тихонова, он был другом поэта еще со времен ленинградской блокады, сейчас он — научный сотрудник Института марксизма-ленинизма; Михаила Зотова, курносого забияку, безотказного автора на темы партийной жизни армии. На днях прочел его прелестную книжку о птичках. Да, именно о них. Как их ловят, бережно содержат дома в клетках, наслаждаются их пением, а потом выпускают на волю. Это уже вторая его книга. Почему раньше такого не писал? — спрашиваю автора. Он комически разводит руками: «Так ведь…»;

Рувима Морана, худощавого, нервного, легко ранимого душою и первого краснозвездовца, раненного на войне. Теперь это известный переводчик поэзии, его подпись под стихами иноязычных поэтов как знак качества самого оригинала;

Павла Трояновского. Красивый, с бесовским огоньком в цыганских глазах, он почти не вылезал из «собкорства» на фронтах, публиковался едва ли не в каждом номере газеты. А спустя сорок лет после боевой страды выпустил отличную книгу, написал про войну «от звонка до звонка», написал сжато, уверенно, с магией «эффекта присутствия», всегда дорогой читателю.

А Марк Вистинецкий, долговязый, похожий фигурой на диккенсовского Джингля из «Записок Пиквикского клуба», он так виртуозно правил статьи, выписывая на полях каллиграфическим почерком сложные узоры, что оригинал превращался в богатую мозаичную композицию.

А Зигмунд Хирен, с вечной папиросой в уголке губ, один из тех спецкоров, какие принадлежали к «подразделению особого назначения» редакции. Не помню случая, чтобы он не справился с порученным делом.

А Викентий Дерман, командир-строевик с общевойсковой подготовкой, он прибыл с курсов «Выстрел» в газету нехотя, но очень скоро невозможно было представить себе редакцию без его компетентного пера.

А Николай Асанов… Он начинал как поэт, ходил в «констромольцах» — так называлась у Сельвинского группа молодых времен манифеста поэтов-конструктивистов. Я привлек его к газете, он оказался высокополезным сотрудником. Его очерк

о партизанах Белоруссии получил тогда широкую известность. Речь шла о том, как оккупанты захватили и повесили на площади командира партизанского отряда. На следующий же день народные мстители подорвали немецкую комендатуру и подбросили немцам письмо, в котором были слова: «Так будет и впредь» — и подпись повешенного. «Кого же мы сунули в петлю», — растерялись каратели. С помощью провокатора они добрались до нового командира, казнили и его, а в ответ новые и новые акты диверсий и мщения сотрясали фашистский гарнизон. И каждая акция партизан сопровождалась запиской того, первого вожака отряда. То было выражением бессмертия народного сопротивления. Первый командир воскресал и воскресал в неугасимой партизанской борьбе и как бы восклицал: «Нет, вы нас не возьмете!» Рассказываю содержание по памяти, может быть, что-то и не точно, но за смысл ручаюсь.

Когда в приказе Верховного Главнокомандующего было сказано: взят Минск, редактор спросил, нет ли литературного материала, подходящего к событию. Я озаглавил очерк — «Человек из Минска» и сдал в набор. Наутро позвонили из секретариата Сталина, спросили, кто такой Асанов? Дежурный поднял на ноги редактора, потом меня (все мы жили на казарменном положении), я помчался за город, в поселок Заветы Ильича, где жил тогда Асанов. Ни улицы, ни номера дома не знал. Но нашел Асанова, усадил его писать краткую биографию и, сунув ее в планшет, помчался обратно.

Впоследствии Николай Тихонов рассказал мне, что на заседании Государственного комитета по присуждению премий Сталин спросил: «А кто читал повесть Николая Асанова «Человек из Минска»? Общее молчание. Тихонов о такой повести и слыхом не слыхал. «Я просто сконфузился, — рассказывал Тихонов. — Кажется, все читаю, а тут проморгал целую повесть». Сталин походил по комнате и с досадой заметил: «Жаль, что никто не читал, очень хорошая повесть». Помолчал и добавил: «Как видно, у меня свободного времени больше. Но что ж обсуждать, если никто не знает». Тихонов был смущен и расстроен.

— Тебе не попадалась эта повесть? — спросил он.

— Да не повесть «Человек из Минска», не повесть, — вскричал я, — а газетный подвал! Напечатан у нас, в «Звездочке». Очерк хороший, символика его прекрасна. Но очерк это, не повесть, понимаешь?! Хотя, как посмотреть!..

Тихонов смотрел на меня в растерянности…

Всех, кого знал я в «Красной звезде», кого любил, с кем дружил или просто приятельствовал, здесь не перечислишь. Пришлось бы опубликовать список штатного состава редакции, да

еще фамилии тех писателей, кто, как Александр Авдеенко, Микола Бажан, Петрусь Бровка, Борис Лавренев, Сергей Михалков, Вадим Кожевников и многие, многие другие, присылали в «Красную звезду», не служа в ней, свои очерки и статьи, кому заказывала газета стихи и рассказы, как, например, Борису Пастернаку, Александру Твардовскому, Самуилу Маршаку, Леониду Мартынову, Николаю Асееву, совсем молодому тогда Юрию Нагибину и человеку уже в больших годах, бывшему солдату Иностранного легиона Виктору Финку, Мариэтте Шагинян, Евгению Воробьеву и Михаилу Светлову…

Многих из моих друзей-краснозвездовцев уже нет в живых, с другими развела жизнь, с третьими встречаюсь и теперь. И начинается: «А помнишь?..»

Я пишу лишь о тех, с кем вместе все годы войны трудился в «Красной звезде», да и то далеко не обо всех, и так бегло, что самому совестно, а сколько журналистов и писателей работало во фронтовых, армейских и дивизионных газетах! Подчас нм приходилось куда труднее, чем нам, «центральным». С честью и славой делали они свое дело. И дай бог, чтобы в тех испытаниях, какие выпадут на долю нашего Отечества в будущем, новые люди действовали пе хуже. Жаль, что в Москве нет памятника Неизвестному военному корреспонденту. Подобного нет ни в одном городе мира, но ни в одной стране никогда не было, такого слияния журналистского корпуса с армией, как у нас в годы великой войны.

Мне случалось с ребятами — и в военные дни, и уже в мирное время — «исполнять» в кругу иностранных журналистов нашу знаменитую песенку фронтовых корреспондентов «От Москвы до Бреста». И всегда на их лицах после перевода текста я видел у одних — изумление, у других — задумчивость, у всех — желание понять, проникнуть в магию слов, одушевляющую меня и моих товарищей, когда мы самозабвенно пели эту песню:

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С «лейкой» и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли…

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали,
Репортер погибнет — не беда.
Но на «эмке» драной

И с одним наганом
Мы первыми въезжали в города.

— Скажите, эта песня принадлежит именно вашей редакции? — спросил меня однажды майским вечером сорок пятого года в прокуренном баре пресс-кэмпа при армии Ходжеса низенький, пегий корреспондент «Балтимор сан».

— Нет, почему же, она общая. Ее знают и поют все наши фронтовые журналисты.

— Но так не может быть, это удивительно! У каждой редакции свои интересы. Как может Херст петь то же, что и Сульцбергер!

Сознаюсь, этот ход мыслей показался мне неожиданным и забавным.

— Пожалуй, вы правы, — заметил я и добавил: — По-своему, конечно. Но надо идти дальше. Внутри каждой редакции тоже сталкиваются разные интересы. Я представляю себе дело так, что у каждого сотрудника «Балтимор сан» должен быть, так сказать, индивидуальный гимн, своя собственная песня, которую он и распевает, упросив знакомого композитора положить ее на музыку.

Пегий мой собеседник рассмеялся и с расчетливым простодушием ответил:

— Конечно, у вас иначе. У ваших журналистов одна песня.

— Песня одна, но голоса разные. Вы это могли заметить даже сегодня, — невинно откликнулся я.

И поскольку таким образом разговор перешел на тему «свободы печати», я решил не стесняться.

— У вас там действительно разные песни. Газеты Маккормика, кажется, уже затянули пронацистские арии. Будете подтягивать или повремените?

Бородатый великан Гарри Феллоу подошел к пегому и, склонившись над ним, быстро сосчитал до десяти.

— Конец, — сказал бородатый, — тебе уже не встать. Что правда, то правда!

Да, у нас одна песня, одна судьба, одна цель. Обо всем этом думаешь сейчас, а тогда я просто послушался капитана Шапошникова, тем более что его предложение, как я твердо понял, сулило защиту от опасности, хотя, признаться откровенно, не отдавал себе полного отчета, в чем она могла состоять.

Я кивнул капитану в знак согласия, хотел его порасспросить, но он торопливо зашагал дальше по узкой траншее.

Когда мы говорим о военных литераторах и журналистах как

о летописцах Победы, то имеем в виду, разумеется, целый комплекс понятий, а не только те оперативные корреспонденции, какие они посылали в свои газеты с боевых участков фронта.

Мы говорим и о внимательном изучении оперативно-тактического фона событий, изучении впрок, поскольку в то военное время собственный самоконтроль и военная цензура, естественно, ограничивали возможность таких публикаций. Мы говорим об изучении воинской психологии, изучении бесценного, особенно для тех, кто впоследствии стал писать о войне в объемных формах — романы, повести, рассказы.

Я и сам выпустил в свет после войны несколько книг: «Подмосковный караул» — повесть-хронику, где основу сюжета представляет собой литературное первооткрытие подвига двадцати восьми героев-панфиловцев, выпавшее на мою долю; повесть «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года» — попытка автора заглянуть в историю русской армии из времен Отечественной войны; «Мужские беседы» — повесть о верности военной присяге, о верности и взаимовыручке в бою, а в еще более широком смысле — о верности военным союзам, таким, как Варшавский Договор. Всю жизнь я пишу на военные темы, а в последние годы стал и литератором-международником. Война и мир противоположны друг другу во всем. Но советские писатели, особенно те, кто пишет о международных отношениях и ведет борьбу с нашим идеологическим противником, по существу, отстаивают дело мира, обороняют плоды нашей Великой Победы.

А сейчас я хочу вернуть читателя в траншею Курской дуги, с которой начались эти страницы, и показать — на одном небольшом примере, — что такое воинская психология, с чем ее, как говорится, едят и какое огромное значение имела она на фронте, да и сейчас, в период боевой подготовки войск к защите Родины.

…Оставшись вроде бы один, я прислушался. Вокруг царила мертвая тишина. Обычно, несмотря на отсутствие активных действий, здесь дни и ночи идут огневые бои, происходят мелкие стычки, а сейчас неожиданно все смолкло. Не слышно треска пулеметных очередей, прекратились артиллерийские и минометные налеты. Даже снайперы и те замолчали. Все замерло в каком-то совершенно непривычном для здешних краев безмолвии, настолько непривычном, что, оглядевшись, перебросившись словами с солдатами, я почувствовал, будто людям стало как-то неловко. В их движениях ощущалась осторожность, разговаривали они вполголоса.

Все находятся на своих местах. Взоры устремлены в сторону противника. Чуть позже Ворончихин, снимая и снова надевая

каску, сказал мне, что еще с ночи наши разведчики заметили какую-то подозрительную возню. Ясно — немцы что-то замышляют, к чему-то готовятся. Боевое охранение доносило: ночью был слышен шум моторов.

Гнетущая тишина становилась все более невыносимой. И вдруг два поста воздушного наблюдения сообщили: приближается группа вражеских бомбардировщиков. Они летели на большой высоте. Не прошло и двух минут, как самолеты, подходя к нашей обороне, начали пикировать. Заговорили наши зенитки, открыли огонь пулеметчики. Сбрасывая бомбы, вражеские самолеты тоже начали строчить из пулеметов. Оглушительные взрывы катились по широкой степи. Столбы дыма, смешанного с землей, подымались высоко к небу.

Это был массированный налет по всем правилам немецкой воздушной тактики. Группа пикировщиков бомбила расположение стрелкового полка в яростном стремлении уничтожить все живое, что есть на земле.

Сознание уже перестало отмечать отдельные взрывы бомб. Звуки слились в один бесконечный гул. Казалось, кто-то невидимый бешено колотил в гигантский барабан над самой твоей головой. Грохот стоял такой, будто на этом маленьком клочке земли гремела вся музыка ада, если она там существует. Какие-то стальные иглы вонзились в ушные раковины и давили на мозг. Это было жестоким испытанием нервов. Я хорошо помнил время, когда многие наши бойцы не выдерживали его, но теперь все вокруг проявляли полнейшее хладнокровие. Наша оборона, закопанная глубоко в землю, изрыгала море огня. Еще минута-две — и вражеские машины, уходя, начали набирать высоту.

Но не успели бойцы осмотреть оружие, как в воздухе появилась новая группа вражеской авиации. Снова ожила наша оборона. Немцев встретил сильный огонь. Стреляли все — артиллеристы, пулеметчики, стрелки. Палил и я из своего трофейного «вальтера», вдавив себя во вздрагивающую стенку траншеи и крича что-то громко и однотонно, начинавшееся словами: «Ах, ты…». Противник прошел на большой высоте, не сбрасывая бомбового груза, и затем, быстро развернувшись, попытался прорваться через стену огня для пикировки. И снова с новой силой завязался жаркий бой пехоты с самолетами.

Опасность пугает меня, как и многих, только в первое мгновение. Потом, убедившись, что ты жив, ничего рокового не случилось, начинаешь вновь верить в свою «исключительность», в счастливую планиду, а так как заветное и всегдашнее свойство характера заставляет тебя еще и подгримировывать остающуюся

на дне души робость остротами, то, сколько себя помню, я всегда безудержно острил в моменты испытаний, что и давало мне возможность слыть более или менее храбрым человеком и уж, во всяком случае, не трусом.

Так и тогда, преодолев ощущение «конца света», я щелкал своим «вальтером», и, подобравшись к стрелковой ячейке, где примостился знакомый мне по вчерашнему разговору молоденький боец Сергей Кузнецов — худой, с галочьим ртом, немного испуганными глазами, но бойкий на язык, я прокричал ему на ухо: «Бей дробней — больше будет!» — и только после этого увидел, что Кузнецов не стреляет, а скорчился, втянув голову в плечи.

Казалось, только мой крик пробудил его к действию. Он сделал движение, оглянулся, и его глаза, показавшиеся мне вчера чуть испуганными, на этот раз были полны ужаса. Меня он будто и не замечал. Я почему-то снова заорал ему на ухо, но уже без прежней уверенности: «Бей, говорю, дробней!..», но он, ничего не слыша, не видя, оттолкнул меня в сторону без преднамеренности, а просто потому, что я стоял в устье ячейки, и, очутившись в самой траншее, вдруг судорожным броском выскочил из нее наверх.

Что там открылось его глазам? Поле, окутанное дымом, тяжелое дымное небо, упавшее на землю, сплетение вихря и огня, изрезанное во все стороны черными полосами гари. В первую секунду я даже не понял, что произошло. «Атака, что ли?» — мелькнуло в голове. Но нет, не похоже. Там, наверху, я видел лишь фигуру Кузнецова и комья земли, сыпавшиеся в траншею из-под его ног.

На память пришел старый рассказ времен первой мировой войны: пожилой бухгалтер, попав солдатом в окопы, вскоре с ужасом обнаружил, что вокруг него рвутся снаряды. Он поднялся на бруствер и, простирая руки в сторону противника, завопил:

— Вы с ума сошли! Что вы делаете? Здесь же люди!

…В следующее же мгновение Кузнецов кубарем свалился обратно.

— Ты что, свежим воздухом подышать захотел? — сострил я, наклонившись к нему.

Но Кузнецов ничего не слышал; стоя на коленях, он медленно, сонно-автоматически отряхивался. Рядом раздалась пулеметная очередь. Кузнецов поднялся и снова, словно не видя ничего вокруг, толкнул меня в сторону, бросившись на звук тарахтевшего пулемета. Он пробежал по траншее несколько шагов и заглянул в стрелковую ячейку. Я последовал за ним, решив до конца понять его полузагадочное для меня поведение.

В стрелковой ячейке, пристроив свой пулемет на бруствере окопа, бил по самолету тоже знакомый мне сержант Иван Васильевич Федоров. В моем блокноте уже была запись о нем. Про Федорова рассказывали бойцы, что вот он с первых дней на войне, десятки раз бывал в больших переделках — и ничего. Живой.

Вчера я, глядя на него, записал: «Солдат, воюющий с первых дней войны, — источник смелости для других. Значит, не все гибнут, значит, и там, где беспрерывно косит смерть, нет места обреченности. Он уцелел, а чем же другой хуже? В этом ощущении столько же правды, сколько и иллюзорности, но без него трудно воевать».

Сейчас Федоров, укрываясь в стрелковой ячейке, возбужденный, быстрый, следил своими острыми глазами за небом, и, как только тот или иной вражеский самолет направлялся в его сторону, он, изогнувшись по-кошачьи, пускал из пулемета очередь. То же самое делали его соседи — пулеметчики, стрелки. Еще дальше где-то ухали артиллерийские орудия. Всюду огонь, огонь. Федоров на миг оглянулся.

— Что бегаешь? — спросил он Кузнецова.

— Самолеты, — пролепетал тот и, потоптавшись на месте, в свою очередь растерянно спросил пулеметчика: — А ты что стоишь?

— Самолеты, — ответил Федоров спокойным тоном.

Вдруг одна из немецких машин подпрыгнула в воздухе. Подпрыгнула, перевернулась и медленно пошла к земле. Кто подбил этот самолет, Кузнецов не видел, но, вероятно, был уверен, что это дело рук сержанта, Ивана Васильевича. Кузнецов быстро повернулся, бегом побежал в свою стрелковую ячейку, занял свое место. Я понял, что судьба послала мне наглядный и скоротечный пример формирования воинской психологии, и посмотрел на Кузнецова с нежностью.

Между тем бой земли и неба продолжался. Бомбовозы со свастикой еще несколько раз заходили то с запада, то с востока. Но вскоре появились наши истребители, завязались воздушные бои, они переместились куда-то вдаль, и все стихло.

Капитан Шапошников и группа командиров обходят участок батальона. В районе его расположения видны несколько воронок от взорвавшихся бомб. Много воронок обнаружено в тылу и, пожалуй, больше всего — за передним краем нашей обороны. Здесь артиллерийский и пехотный огонь был особенно интенсивен, и поэтому вражеские самолеты сбрасывали бомбовый груз, не доходя до цели. Немцам не удалось разбить ни одного блиндажа или дзота. Убитых не было, раненых — трое. Потери

немцев — два самолета. Вот это и есть оборона, оборудованная по всем правилам фортификации! Хорош бы я был, застань меня этот налет в открытом поле!

Главное, как я узнал потом в штабе дивизии, у немцев сорвалась атака наземных частей. Позднее было установлено: противник хотел отбить у нас первую линию траншей. Воздушный налет был началом атаки. Но сама атака не состоялась, поскольку советский огонь разжал авиационный кулак, занесенный над нами в облаках.

А теперь, в заключение, хочу рассказать кое-что из своих сокровенных ощущений в первый период войны. Военное честолюбие не возбраняется. Боевые награды для того и существуют, чтобы люди на войне стремились заслужить орден или медаль. Нет-нет, а мелькала и у меня такая дальняя мыслишка. Особенно в ту пору, когда редакция поручила мне исследовать проблему традиций русского офицерства и написать для газеты серию военно-исторических очерков на эту тему. Сказать по правде, нравилась мне медаль «За отвагу»…

Собирал я материал о наградах — прошлых и настоящих — и думал: не вытянуть мне ни на одну из них. Конечно, речь и не шла о реальной награде, о ней я и не смел мечтать в то время. Думаю, что многие из нас, военных литераторов, испытывали чувство какой-то виноватости, что ли, — не найду подходящего слова — перед пехотинцем, который постоянно, круглосуточно нес на себе все тяготы войны. Я просто прикидывал свое поведение на фронте: дескать, как оно, тянет ли хоть на какое-либо одобрение?

А когда прочел статут ордена Славы, то понял окончательно: нет, не светит мне ничего… На передовую мы, спецкоры, выезжали часто, бывали там и под огнем, и мало ли какие случайности происходят на дорогах, в ближнем тылу, под артналетом или авиабомбежкой, но все же в атаку не ходили.

Редко на чью-то долю выпадал такой жребий, когда надо было во что бы то ни стало заменить в бою убитого командира и вести в бой роту, батальон. Так поступили в трудную минуту жизни наши коллеги Сережа Борзенко, Леша Коробов… Но такое было делом исключительным. Нет, не светит мне!

Но что-то я зарапортовался. Пишу об ощущениях и, кажется, весьма точно, а факты путаю. Ведь еще в сорок втором году я получил на грудь первую свою награду. Правда, не за действия на фронте. В конце того года летал я через линию фронта, выполнял задание командования. Вот за то и дали мне медаль «Партизану Отечественной войны». Потом пришли и другие награды. А медаль «За отвагу» я не получил. Не за что было ее получать.

Мы вдоволь, досыта хлебнули военной страды и, естественно, не хотим другой. Но в конце семидесятых годов из США донесся рев милитаристских труб. Белый дом открыто заговорил о новой войне. На этот раз ядерной.

С тех пор как прозвучал последний мушкетный выстрел в Пенсильвании во время гражданской войны 1801–1835 годов, на территории этой страны не велись военные действия. Американцы, как видно, плохо представляют себе, что такое чужой огонь на своей земле, а тем более современный ядерный удар. По страницам их газет, журналов и даже комиксов кочуют изображения невинного гриба, внешне не более опасного, чем гриб мухомор. Хочешь — сорви и брось, хочешь — пройди мимо… Правители США пытаются приучить к нему людей, объявить его съедобным и внушить людям лживую мысль, будто атомная война может быть «ограниченной».

А кроме того, кто-то там думает и на ней заработать. И кто-то полагает, что она может стать дуэлью между Западной Европой и СССР. Одним словом, хотят попробовать… Мы, как люди более опытные в военном деле — этого у нас отнять нельзя, хотя тот опыт был нам навязан, — можем сказать: «Лучше не надо!»

Давно установлено: технический и стратегический облик данной войны определяется характером ее вооружения. «Ограниченность» в ядерной войне не закодирована. Не будет так, что в обход заокеанской державы другим подадут ядовитые атомные грибы, а она тем временем проглотит, скажем, Ближний Восток, да еще оглянется вокруг: «Чем бы закусить?» Так не будет.

Кайзеру Вильгельму не помогла в свое время «Большая Берта» — гигантская пушка, чьи снаряды из дальнего далека достигали Парижа. Гитлеру не помогли его танковые клинья, ревуны на пикировщиках, боевая выучка вермахта. А ведь как были уверены и тот и другой в своей способности покорить мир. Но на их силу нашлась другая сила, на яд — противоядие.

Конечно, ядерная боеголовка — это не старый орудийный заряд, но и на нее есть ответная мощь, не менее грозная. И какой бы дубинкой нам ни грозили, мы, раз такое дело, поднатужимся, вырежем, обстругаем себе такую же, по крайней мере ничем не хуже. Ведь это же Советский Союз! Его так просто не возьмешь. Он постоит стеной и за себя, и за своих друзей.

Вот какие размышления приходят на ум участнику Отечественной войны, когда он думает о событиях современности. У нашего прошлого долгое эхо.

Время идет… Старичков уже не осталось в редакции: другие люди работают в «Красной звезде». Так и должно быть. Не раз спорили мы: когда труднее делать газету — в мирное или

военное время? Хорошую газету — всегда трудно!

Газету можно любить, как человека. А что? У каждой есть свое лицо, свой характер. «Правду» не спутаешь с «Известиями», а «Известия» — с «Советской Россией»… У каждой свой облик. Я различаю, узнаю их, даже не глядя на название, даже если она сложена вчетверо на коленях у соседа в вагоне метро и я вижу только ее уголок. Узнаю по манере верстки, по шрифту, характеру заголовков. Лицо газеты может быть гневным, радостным, потрясенным или спокойным.

«Красная звезда» всегда уверенно-спокойна. В газетном мире она представляет Вооруженные Силы.

Помню, в конце сороковых годов я слушал в парке ЦДСА выступление оркестра Утесова, еще молодого тогда и любимого всеми, веселого Леонида Утесова. Пошел я в концерт с группой старых товарищей-краснозвездовцев. В зале преимущественно военная публика. Было это в разгар «холодной войны». Соединенные Штаты грозили нам и горячей. Им не терпелось попробовать, у них была атомная бомба.

А Утесов пел, подмигивая зрителям: «Есть, конечно, и у нас некий боевой припас, бьет он прямо между глаз, вроде атомный фугас…» Артист, разумеется, не владел военными тайнами и, понятное дело, не знал, что в это время шла к концу атомная монополия США. Немудреная его песенка отражала общую нашу веру: партия знает, куда и как вести наше великое дело. Советский народ не оставит свою армию без оружия, способного надежно защитить Отечество.

Мы вышли тогда из парка ЦДСА в хорошем настроении. Хвалили Утесова и думали о том, как лучше, в каких наиболее выразительных формах донести эту веру до каждого читателя газеты. Я принимал горячее участие в этом обсуждении. И хотя в то время уже не служил в «Звездочке», но внутренне был с нею.

Каждое утро бегу на свидание с прессой, к почтовому ящику. С «Красной звездой» здороваюсь с первой. Она мой старый, верный друг.

Думаю: ну а если бы случилось так, что время снова потребовало твоей работы в газете, пошел бы ты в «Красную звезду»? Еще бы! Если б взяли, конечно…

Геннадий БУДАЙ. СТРАНИЦЫ, ПРОПАХШИЕ ПОРОХОМ

На стендах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны рядом с боевым оружием партизан можно видеть партизанские газеты, листовки, рукописные журналы и даже поэтические сборники. Соседство это не случайное. Печатное слово тоже было на вооружении партизан.

Сто шестьдесят две газеты — республиканских, областных, районных и межрайонных — издавались в годы войны в тылу врага подпольными партийными комитетами Белоруссии.

Среди этих пропахших порохом, пожелтевших от времени листков есть один, который меня особенно волнует. Это первый номер вышедшей в оккупированном Минске газеты «Звязда». Ее редактором был студент Минского коммунистического института журналистики, мой друг Владимир Омельянюк.

На войне нелегко приходилось всем журналистам. И фронтовым, вместе с солдатами поднимавшимся в атаку на вражеские траншеи и дзоты, чтобы назавтра рассказать в газете о героизме советских воинов. И партизанским, которые в сложных лесных условиях выпускали газеты и листовки и вместе со своими боевыми друзьями громили гарнизоны врага, ходили на диверсии. Но ни с чем не сравнить трудность, сложность и опасность работы журналиста в подполье, в городе, где царил жесточайший фашистский террор, где исправно действовала широко разветвленная кровавая машина полицейского сыска, преследовавшая одну цель — во что бы то ни стало поставить на колени советских людей, не допустить ни малейшего сопротивления оккупантам. Каким надо было обладать мужеством, сколько надо было проявить умения и находчивости, презрения к смерти, чтобы в таких условиях издавать газету. Все эти качества были присущи Владимиру Омельянюку.

В 1934 году Владимиру не было еще и восемнадцати, а он уже работал ответственным; секретарем Дзержинской районной газеты. В редакции любили и уважали этого русоволосого паренька с большими карими глазами. Он был на редкость общительный, душевный и простой, обладал счастливым даром сближаться с людьми, крепко и верно дружить. Жадный к жизни, Владимир и других заражал своим жизнелюбием, любознательностью, оптимизмом. Его всегда окружали люди: приходили друзья из города, приезжали из деревни. Одному он поможет выпустить стенную газету, другому подскажет тему для

статьи в «районку», посоветует, как лучше ее написать. Сам писал хорошо, причем с одинаковым увлечением, и о людях колхозной деревни, и о жизни пионерии. Одно время он был пионервожатым в школе, а позже заведовал отделом пионерской работы в райкоме комсомола. Однажды, помню, он прочитал нам в редакции свое первое стихотворение. Оно всех тронуло. Кто-то из ребят полушутя-полусерьезно воскликнул: «Братцы, мы же присутствуем при рождении таланта». И это была правда. Володя окончил училище связи, но свое истинное призвание нашел в газете. Мы вместе поступили в Минский коммунистический институт журналистики.

Война застала Владимира в Белостоке, где он проходил производственную практику в областной газете. Я был на практике в Бресте. Встретились мы спустя две недели после начала войны в Минске. Мы долго смотрели друг на друга, словно не виделись целую вечность. Я не заметил в нем и тени подавленности, растерянности, как это случалось в те трагические дни со многими. Выглядел он, как и прежде, живым, энергичным, на бледном похудевшем лице вспыхивала прежняя знакомая улыбка. Пожалуй, лишь глаза, всегда искрившиеся, стали чуточку грустными, а взгляд — более сосредоточенным.

Мы просидели до рассвета. Перед глазами стоял изувеченный, варварски опустошенный Минск. Грохот кованых сапог гитлеровской солдатни, наполнивший улицы родного города, острой болью отдавался в сердце, наполняя его жгучей ненавистью. Каждый из нас думал об одном: что делать? Как быть? И решение созрело: перейти линию фронта, влиться в ряды Красной Армии. Хотелось быстрее попасть туда, где насмерть стояли наши бойцы. В то время жестокая военная буря лютовала уже где-то на Березине.

Утром мы изложили свой план родителям Володи. Но у них не встретили поддержки.

— Вот вы хотите бить фашистов на фронте, — заметил отец Владимира Степан Кондратьевич. — Но их можно и нужно бить не только на фронте.

— Где же еще? Не здесь ли, в Минске? — запальчиво возразил Володя.

— Да, и здесь, в Минске, — твердо сказал присутствовавший при этом разговоре друг Володиного отца Степан Иванович Заяц, который вскоре стал одним из организаторов минского подполья.

— Фронт сейчас повсюду. И всюду советские люди должны бить врага, помогать Красной Армии.

— Как? Чем?

— А перо журналиста? Разве это не оружие? Представляете,

как нуждаются люди сейчас в правдивом слове? Кроме того, в тылу врага надо создавать подпольные группы, партизанские отряды. Так что без дела сидеть не придется.

Разговор кончился тем, что Володя решил остаться в Минске, а мне посоветовали вернуться в мой родной Дзержинск и попытаться там создать подпольную группу.

…Владимир Омельянюк стал одним из организаторов комаровской подпольной группы в Минске, которая начала действовать в августе 1941 года. Он установил у себя дома радиоприемник, ежедневно слушал передачи из Москвы и писал листовки, в которых разоблачал фашистскую ложь, сообщал правду о положении на фронтах, о жизни и борьбе нашего народа. Листовки эти он размножал на машинке, и они каждый день расклеивались подпольщиками на Комаровском рынке, на стенах домов, на досках объявлений, рядом с распоряжениями оккупационных властей. Из этих листовок минчане и приезжие из деревень узнавали правду: Москва живет и сражается! Узнали все и о том, что 7 ноября на Красной площади состоялся парад наших войск. А в начале декабря листовки сообщили еще более радостную весть: под Москвой советские войска перешли в контрнаступление!

Тот, кто в годы войны был на оккупированной земле, помнит, что значила эта весть о первой нашей победе. Как она согрела людские сердца, укрепила веру в полный разгром врага! И как ни изворачивались геббельсовские словоблуды и их холуи, чтобы оправдать неудачи гитлеровских полчищ под Москвой, люди знали: не морозы остановили и отбросили фашистов от столицы.

По заданию Минского городского подпольного комитета партии, который был создан осенью 1941 года, Владимир Омельянюк устанавливал связи комитета с подпольными группами и партизанскими отрядами, подыскивал надежные явочные квартиры, где можно было бы проводить совещания, принимать партизанских связных, хранить оружие, боеприпасы, литературу, документы. Подбирал и отправлял людей в партизанские отряды. Он помог бежать из фашистских лагерей многим нашим военнопленным. Владимир поддерживал постоянную связь с нашим подпольным антифашистским комитетом в Дзержинске, который был создан в августе сорок первого года и в состав которого входил автор этих строк.

Работа в подполье была сопряжена с огромной опасностью, требовала умения, мужества. При каждой нашей встрече я открывал в своем друге что-то новое. Я знал Володю одухотворенным, мечтательным юношей. А сейчас передо мной все четче вырисовывался образ человека волевого,

целеустремленного, бесстрашного. Он не терялся в сложной обстановке, был всегда энергичен, неутомим. Меньше всего думая о себе, Володя трогательно заботился о друзьях.

Весной 1942 года фашистским карательным органам удалось нанести серьезный удар по минскому подполью. В городе шли аресты. Гитлеровцы ежедневно устраивали облавы на базарах, совершали налеты на квартиры, учиняли обыски, систематически меняли паспортный режим. От подпольщиков требовалась исключительная находчивость, предельная осторожность. Чтобы изменить внешность, Омельянюк отрастил бородку, усы.

— Тебе надо хотя бы на время перебраться к нам в Дзержинск или в один из партизанских отрядов, — посоветовал я Володе.

— Не могу оставить друзей в такое время! — И я почувствовал, что разговор бесполезен.

— К тому же снова налаживается издание газеты. А ты знаешь, что это — моя мечта. Подумай только, как будет здорово, если мы здесь, в Минске, под носом у фашистов, станем выпускать «Звязду»!

С первых дней борьбы у минских подпольщиков возникла идея наладить издание газеты. Осуществить задуманное было нелегко, но они преодолели трудности, и уже в конце 1941 года Минский городской комитет партии начал издание газеты-листка «Вестник Родины». Набиралась и печаталась она в подпольной типографии, которая находилась в одном из домов по улице Островского. Подпольщики выпустили также три листовки, в которых рассказали об успехах зимнего наступления Красной Армии. Во время провала подполья была разгромлена и типография. В мае 1942 года вновь созданный городской подпольный комитет, в который вошел Владимир Омельянюк как заведующий отделом агитации и пропаганды, принял решение возобновить издание газеты. Организовать это дело было поручено Омельянюку. Все приходилось начинать сызнова.

Нужны были люди, не только знающие полиграфическое производство, но и смелые, находчивые, готовые на любой риск. Таких людей Владимир нашел.

В городской типографии начальником печатного цеха до войны работал Михаил Павлович Воронов, старейший полиграфист Минска. Как и многие другие жители города, он не успел эвакуироваться. Оккупационные власти в принудительном порядке заставили его вернуться в типографию. Но советский патриот и не собирался работать на гитлеровцев. Он думал, как использовать оружие, которое оказалось в его руках, для борьбы с врагом. Воронов создал в типографии подпольную группу. Оборудовал у себя дома маленькую тайную типографию и

печатал небольшие листовки, продовольственные карточки, которыми пользовались многие подпольщики. Вот с этим человеком и удалось познакомиться Владимиру Омельянюку.

Во время одной из встреч он предложил Воронову принять участие в издании подпольной газеты. Тот охотно согласился. Возник вопрос, как практически взяться за дело.

— Чтобы набрать газету у меня дома, не хватит шрифта, — сказал Воронов.

— Придется пополнить кассу, — заметил Володя.

— А не пойти ли нам по другому пути? — предложил Воронов. Помолчав, продолжил:

— Набирать газету прямо в типографии, выносить набор по частям, а у меня дома верстать и печатать.

— Это сложно и опасно. Нужны очень надежные люди.

— Людей постараемся найти.

На том и порешили. Володя энергично взялся за подготовку первого номера газеты. Его блокнот пополнялся фактами о боевых действиях народных мстителей, о зверствах фашистов. Скрупулезно отбирал он наиболее важные сообщения московского радио. Советских людей на оккупированной территории интересовало все, что делалось по ту сторону фронта.

Я видел, с каким старанием Владимир готовил материалы. Многое хотелось втиснуть в маленький газетный листок. Но надо было «сжимать», и он по нескольку раз переписывал заметки. Весь жар своей души, талант журналиста, ненависть к врагу и мужество коммуниста вкладывал он в каждую строку. Исписанные странички переправлялись Воронову.

Первый номер подпольной «Звязды» вышел в Минске 18 мая сорок второго года. Газету набирали в типографии тайком по ночам, на складе, где были свалены в кучу шрифты, члены подпольной группы Воронова — Борис Пупко и Михаил Свиридов. Им помогала Броня Гофман, работавшая уборщицей в типографии. Литер не хватало. Часть текста приходилось набирать разными шрифтами. Некоторые заметки Борис набирал прямо в цехе: на наборную кассу клал заметку для немецкой газеты, а под ней — для партизанской. Этот паренек из Лиды был смел и находчив. Приехал он в Минск на курсы наборщиков, и здесь его настигла война.

Набранные колонки Броня связывала, клала в корзину с полугнилой картошкой, которую выдавали рабочим типографии, и относила на квартиру к подпольщику Василию Сайчику, а тот уже — домой к Воронову. Там набор верстали в полосы и печатали на тискальном станке. Первый номер «Звязды» вышел тиражом около двух тысяч экземпляров. Это было огромное

событие.

Журналист в условиях подполья… Ты и корреспондент, и корректор, и редактор. Не всегда есть возможность посоветоваться даже с членами комитета. Все приходилось решать и делать самому, поступать так, как подскажет твоя партийная совесть. Омельянюк показал себя в этих условиях зрелым журналистом. Вот строки из написанной им передовой статьи в газете.

«Партизан! — писал он. — Ты видишь, на фронт тянутся немецкие эшелоны, груженные солдатами, боеприпасами, техникой. Взрывай железнодорожное полотно, мосты, пускай под откос составы — этим ты облегчишь наступление Красной Армии. Видишь телефонный кабель — рви его, этим прервешь связь и внесешь замешательство в стан врага!

Ты слышишь, по твоей земле шагают солдаты и офицеры гитлеровской грабьармии. Уничтожай их! Родина только тогда вздохнет свободно, когда на ее земле не останется ни одного оккупанта.

Ты слышишь, как плачут твои дети, жена, мать. Это подлые предатели вместе со своими фашистскими хозяевами издеваются над ними. Уничтожай эту погань — полицейских, волостных старшин, управских чиновников, — пусть платят за свои злодеяния своей кровью!

Будь мужественным в борьбе! Время расплаты приближается. Отомсти за муки своего народа!

Добивайся, чтобы ни один немецкий приказ не выполнялся там, где ты находишься!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует победа!»

В газете помещен страстный призыв народного поэта Белоруссии Якуба Коласа к своему народу. Сообщаются вести с фронтов Отечественной войны. Многие заметки рассказывают о боевых действиях белорусских партизан. Все материалы суровые, строгие, как сама жизнь, но есть и юмор, без него не обходилось. На второй полосе помещена острая сатирическая зарисовка «Из рассказов Ивана Булавы из-под Турова». Юмористический рассказ резкий, обличительный. Юмор и сатира постоянно были на вооружении журналистов-подпольщиков.

Минчане с воодушевлением встретили выход «Звездочки», как они любовно называли подпольную газету. Она передавалась из рук в руки, быстро проникла в близлежащие сельские районы, в партизанские отряды. Помню, с какой радостью встретили «Звязду» партизаны нашего отряда, созданного в районе весной сорок второго года. Каждому хотелось подержать в руках дорогой

листок, прочесть его своими глазами. Кто-то, вскочив на пенек, начал читать газету вслух. И надо было видеть, как светлели при этом лица партизан. Да, ради одного этого стоило Володе и его друзьям переносить неимоверные трудности, рисковать жизнью!

Для оккупационных властей выход газеты в Минске был подобен разорвавшейся бомбе. Как только появилась в городе «Звязда», агенты полиции и СД нагрянули в типографию. В те дни гитлеровцы арестовали многих полиграфистов. Погиб и Володя Омельянюк. Он был выслежен фашистским шпиком и убит по-бандитски выстрелом в спину прямо на улице.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Владимиру Степановичу Омельянюку посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В Минске, в центре города-героя, на площади Ленина, возле Дома правительства, есть своеобразный памятник, может быть, самый скромный и простой по своему скульптурному и архитектурному решению. Гранитная глыба с очертаниями старого печатного станка, с бронзовыми листами газетных гранок у подножия. На граните надпись, как некролог в газете: памяти редактора подпольной газеты «Звязда», члена Минского подпольного горкома КПБ, Героя Советского Союза Омельянюка В. С., погибшего на этом месте 26 мая 1942 года. Я часто наблюдал, как останавливаются возле этого памятника минчане, гости нашей столицы, пионеры, молодежь, седые ветераны и подолгу в задумчивости читают надпись…

Именем Владимира Омельянюка названа одна из улиц Минска. В школе поселка Самохваловичи Минской области, где учился Владимир, установлен монумент: открытое мужественное лицо, задумчивый взгляд, словно устремленный в будущее. В память о герое-подпольщике пионерские дружины многих школ Минска и Дзержинска устраивают торжественные сборы.

После гибели Владимира Омельянюка выпуск подпольной газеты продолжили его товарищи. Вскоре вышли второй, третий, четвертый, был подготовлен пятый номер «Звязды», но он не увидел света. В сентябре в Минске вновь начались массовые аресты подпольщиков. А 8 октября агенты минского СД появились в Дзержинске. Им удалось схватить члена нашего комитета Павла Хмелевского и мою жену — активную подпольщицу, тоже студентку Минского института журналистики Нину Котешову. Она погибла в фашистских застенках.

А со мной было так. Когда гитлеровцы нагрянули на завод «Штамповщик», чтобы арестовать меня, я, к счастью, находился на чердаке и слушал последние известия из Москвы. На этом

заводе был центр нашей подпольной организации. Там у нас находился радиоприемник. Я регулярно слушал Москву, писал листовки, которые мы затем размножали на машинке и распространяли среди населения города и в деревнях района. Мне удалось скрыться и уйти в лес в наш партизанский отряд. Вскоре я был назначен комиссаром Ивенецкого партизанского соединения, затем заместителем уполномоченного ЦК КПБ и Белорусского штаба партизанского движения по Ивенецкому подпольному межрайцентру. В июне сорок третьего года нам из-за линии фронта сбросили на парашютах шрифт и портативную печатную машину. Я был утвержден редактором ивенецкой районной газеты «Народный мститель», а с февраля 1944 года редактировал подпольную барановичскую областную газету «Чырвоная звязда». До этого редактором ее был прекрасный журналист, пламенный патриот Григорий Старовойтенко. Из-за тяжелой болезни он вынужден был улететь за линию фронта. Так судьба снова вернула меня к журналистике.

Партизанская газета… В журналистике это было новое явление, новая, ранее неизвестная газета, рожденная в тылу врага, в условиях партизанской войны. И я не раз задумывался над тем, какой она должна быть, о чем в ней писать. Как сделать газету такой, чтобы она вызывала интерес не только у партизан, но и у населения? Как создать авторский актив? Каким образом распространять тираж в городах и селах?

За время работы в подполье приходилось готовить много листовок, и я, как говорится, набил руку. Но листовка — особый тип печати и, если хотите, особый жанр. Она пишется по одному конкретному поводу, очень кратко, лаконичным языком. А газета? Это уже целый комплекс статей, заметок на разные темы. Их следовало подобрать и написать так, чтобы каждый номер газеты давал широкую картину жизни, в данном случае жизни и борьбы в тылу врага.

Должен заметить, что настоящей школой для нас, партизанских журналистов, были страницы тех немногих экземпляров «Правды», «Известий», «Красной звезды», которые проникали к нам из-за линии фронта. У старших коллег мы учились, как надо освещать военные события, учитывая, разумеется, наши специфические условия.

Стремителен бег времени, и многое из партизанской жизни уже забыто. Но на помощь приходят пожелтевшие от времени комплекты издававшихся в области партизанских газет и листовок, которые я храню, как дорогие реликвии. Перелистываешь их, и в памяти оживают события тех далеких лет.

В каждом номере под крупными заголовками сообщения с фронтов, рассказы о подвигах воинов и партизан. Приказы и выступления Верховного Главнокомандующего, документы нашей партии и правительства, в которых содержалась конкретная программа действий советских людей… Вести с Большой земли о том, как самоотверженно ковали победу в тылу рабочие, колхозники, интеллигенция… Информация о событиях за рубежом, о движении участников Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы…

Все это было очень важно. Ведь оккупанты не только жгли, убивали, вешали — они вели яростное наступление на умы советских людей, всеми силами стремились духовно растлить наш народ, убить в нем веру в Советскую власть, в победу Красной Армии. Привезенные из Германии в обозе гитлеровских войск националисты, изгнанные из нашей республики еще в гражданскую войну, издавали в Минске две газетенки. И на территории области (в Барановичах, Новогрудке, Слониме) оккупанты и их верные слуги выпускали газеты, всевозможные прокламации и воззвания, заполняя их гнусной клеветой, провокационными измышлениями, сенсационными «утками». Надо было выводить на чистую воду лгунов, сообщать народу правду о положении на фронтах, о жизни и труде в советском тылу.

И мы в своих листовках и газетах давали решительный бой клеветникам, разоблачали империалистический, разбойничий характер войны, развязанной гитлеровцами против нашей Родины. Контрпропаганде подпольные партийные комитеты и их печатные органы придавали первостепенное значение.

Партизанская печать обнажала античеловеческую, антигуманную, террористическую сущность фашизма как идеологии оголтелого расизма, показывала, как выглядит на деле его «новый порядок». В газетах, листовках широко освещались злодеяния оккупантов. При этом мы старались писать так, чтобы у читателя не слезы лились из глаз, а гневно сжимались кулаки, разжигали в людях ненависть к фашизму, звали их на священную борьбу. Очень верно заметил некогда наш замечательный советский журналист Михаил Кольцов в своем «Испанском дневнике»: «Еще ни в одной войне от сотворения мира не побеждали тихие, задушевные, уступчивые люди».

Помню (я редактировал тогда уже областную газету), опубликовали мы несколько корреспонденций из Барановичей. Факты, приведенные в них, и сегодня леденят душу.

«В скверах и других людных местах города, — писал автор корреспонденции «Барановичи под сапогом оккупантов», —

фашисты соорудили виселицы и устраивают публичные казни. Почти ежедневно проводят облавы, хватают людей и бросают в тюрьму или увозят на каторжные работы в Германию. Зимним морозным днем они согнали на тюремный двор несколько сот мужчин и женщин. Глумились над ними, как могли. А когда кто-то попытался разжечь костер, расстреляли всех, кто попался им под руку.

Фашистские вандалы уничтожили в городе памятники культуры. В школах устроили публичные дома для солдат и силой приводят туда девушек. А одну из школ превратили в казарму и осенью, чтобы ходить по сухому, двор выстлали томами сочинений Сервантеса, Гёте, Пушкина, Мицкевича».

Вот еще одна корреспонденция — «Лагерь смерти в Колдычеве». «Это ужасное место, — писал Семен Х. — Один из живописнейших уголков за околицей Барановичей фашисты превратили в лагерь смерти. Здесь за рядами колючей проволоки и глубокими рвами томятся тысячи невинных людей. Их морят голодом, каторжным трудом, расстреливают, сжигают в специальной печи. Массовые казни проводятся методически, каждые две недели». Автор письма называет имена палачей.

Кстати, эти двуногие звери не ушли от возмездия. И на суде после войны среди других документов, изобличавших фашистских убийц, фигурировал номер газеты «Чырвоная звязда».

В нашем межрайцентре всегда было людно. Приезжали командиры, комиссары бригад и отрядов, секретари партийных организаций, чтобы поделиться планами, получить «добро» на ту или иную операцию. Как правило, эти люди навещали землянку, где располагалась наша редакция. Одни для того, чтобы прихватить свежий номер газеты, сводку Совинформбюро, листовки, другие просто из любопытства, чтобы посмотреть, как набираются заметки, верстаются страницы, делаются оттиски. Каждому хотелось подержать в руках свежий номер газеты. А мы приобретали не только читателей, распространителей печати, но и авторов. Наши посетители рассказывали о жизни, боевой деятельности партизан, о людях безмерной отваги, совершавших подвиги в боях с фашистским зверьем. Эти рассказы становились затем публикациями. Черпали мы богатый материал и на заседаниях межрайцентра, где рассматривались самые разнообразные вопросы.

Газета выходила небольшим форматом, но работать приходилось много. Выпустив номер, надо было готовить очередной, писать листовки, вычитывать корректуру. Ежедневно принимали сводки Совинформбюро и другую информацию с Большой земли. Эти материалы занимали центральное место в

каждом номере, их с нетерпением ждали в отрядах, деревнях. Сводки Совинформбюро мы печатали и отдельными листовками. Чтобы своевременно разоблачать измышления геббельсовских подручных, нам приходилось слушать радиопередачи немцев, читать их газеты.

При всей нашей занятости я и мой заместитель Михаил Чижиков постоянно бывали в отрядах, которые обычно находились далеко друг от друга. Беседовали с партизанами, рассказывали о нуждах редакции, о том, как и о чем надо писать. Нашим главным требованием было — писать одну правду, не приукрашивать факты, ибо неправдивая информация не только подрывала авторитет газеты, она непременно использовалась врагом с целью дискредитации партизанского движения.

В каждом отряде у нас появлялись корреспонденты, сообщавшие о самом важном, интересном. Партизанские художники присылали нам свои рисунки, карикатуры на злобу дня, вырезанные на линолеуме или просто на резине. В газете был уголок юмора и сатиры, где печатались стихи, частушки, раскрывавшие звериный облик фашизма, язвительно высмеивавшие хвастливость, самоуверенность и наглость Гитлера и его вояк.

Но актив газеты составляли не только наши постоянные корреспонденты. Часто заходили в редакцию партизаны, приносили свои заметки, рассказы, стихи. Помню, пришла однажды группа бойцов из отряда «Октябрьский», которым командовал Виктор Панченко. Они рассказали, что получили письмо от новогрудского гебитскомиссара Бутмана: он призывает их бросить оружие. «Вас ждут необработанные нивы, семьи», — уговаривал фашистский начальник.

Чувствуя свое бессилие, гитлеровцы и их лакеи — буржуазные националисты пытались разлагать ряды народных мстителей изнутри. В отряды засылались провокаторы, шпионы, направлялась масса писем и листовок.

— Сочинили мы ответ Бушману, — сказали бойцы. — Как бы отпечатать его у вас в типографии?

Так появилась изданная тысячным тиражом листовка «Партизанский ответ новогрудскому палачу».

«Мы прочитали ваше письмо, — писали партизаны. — У всех оно вызвало веселое настроение… Что-то не тем голосом вы запели, господин гебитскомиссар. Мы не стратеги, но все же нам кажется, что ваше «сокращение» фронта, длящееся уже свыше года, для вас очень невыгодно.

Вы пишете, что партизаны не решают исход войны, что исход войны решается на фронте. С этим мы вполне согласны. Но

подумайте, господин Бушман: ведь то, что лично вы не выезжаете из города, разве только в сопровождении броневика и танков, то, что вы, будучи в Новогрудке, не пользовались еще телефоном, то, что ваши паровозы и вагоны сотнями лежат под откосом и ночью поезда не ходят, то, что нет вашей власти над деревней, то, что с каждым днем растет количество могил немецких солдат на белорусской земле, — разве это случайно? Нет. Это заслуга партизан.

Господин гебитскомиссар! Вы извините, но уж очень смешно нам стало, как вы проливаете крокодиловы слезы над судьбами нашего народа. Над этим и конь бы рассмеялся.

Мы хотели бы писать еще, но командир торопит идти на задание — пустить под откос еще один эшелон с бравыми солдатами фюрера. Нам хорошо знакома ваша волчья порода, а потому и разговариваем мы с вами и со всеми вашими сподвижниками на одном только понятном вам языке — на языке оружия. За пропуск благодарны. Он нам не нужен, ибо мы частенько и без него бываем в Новогрудке».

Один экземпляр листовки оказался в папке с делами на столе Бушмана. А через некоторое время этот палач-лицемер получил партизанскую пулю в лоб.

В каждом номере читатель находил материалы о боевых действиях партизан. Мы писали о наших советских людях, сильных духом, отважных, не ставших на колени перед врагом, а взявших в руки оружие. Ограниченная газетная площадь не позволяла использовать все жанры. Печатались главным образом заметки, рассказы участников боев, небольшие зарисовки, в основе которых лежали факты, звавшие к действию. Старались писать коротко и при этом сказать как можно больше. У партизан не хватало винтовок, автоматов, боеприпасов. Самым сильным их оружием были мужество, смекалка. «Бить врага не числом, а умением» — таков был их девиз. И мы старались ярко пропагандировать примеры героизма, находчивости народных мстителей.

С особой теплотой и почти в каждом номере мы рассказывали о подрывниках. Партизанские поэты посвящали им стихи. Это была у партизан самая почетная профессия. Она требовала особенной смелости и находчивости, большого умения и выдержки. У партизан мало было взрывчатки, и газета рассказывала о смельчаках, которые выплавляли тол из неразорвавшихся бомб и снарядов, мастерили самодельные мины.

Немало подрывников погибло в неравных схватках с врагом. В одном из номеров мы опубликовали рассказ группы подрывников о подвиге своего командира Ивана Сажнева. «Не

пропустить через нашу белорусскую землю ни одного вражеского эшелона — это была самая желанная цель нашего командира. В этом он видел смысл своей жизни, — писали подрывники. — Своими руками этот смелый, мужественный человек пустил под откос четырнадцать фашистских воинских эшелонов. Встретившись во время последней операции с превосходящими силами врага, славный патриот не дрогнул. Чтобы спасти своих товарищей, он один вступил в бой против десятков гитлеровцев и дрался до последнего вздоха».

Редакция не могла базироваться на одном месте, она передвигалась по глухой, дремучей пуще вместе с отрядами. Каждый раз надо было перевозить, а зачастую перетаскивать громоздкое типографское и редакционное имущество. Летом мы обычно располагались под куполом натянутого парашюта. Случалось и так, что наборную кассу пристраивали на пне под открытым небом. Но где бы мы ни были, письма находили редакцию. И это было лучшим свидетельством популярности газеты. Через связных они поступали не только от партизан, но и от крестьян окружавших пущу деревень.

Эти волнующие документы и сегодня нельзя читать равнодушно. В черной ночи фашистской оккупации люди с любовью писали о верности Родине, Советской власти, о готовности отдать все силы делу разгрома врага. Ни пулей, ни огнем, ни виселицей гитлеровцам не удалось убить веру белорусского народа в победу, его надежду на скорое возвращение родной Красной Армии.

Газета печаталась двухтысячным тиражом. Массовыми тиражами издавались сводки Совинформбюро, листовки. Каждый экземпляр газеты и листовки прочитывали сотни людей. Обращение редакции — «Прочти и передай другому» — было излишним. Даже у самых заядлых курильщиков не поднималась рука, чтобы из партизанской газеты скрутить цигарку.

Нашими добровольными помощниками в распространении газеты и листовок были командиры и комиссары отрядов и бригад, агитаторы, подрывники, разведчики. Отправляясь на выполнение задания, они непременно заглядывали к нам в редакцию. Но такой способ распространения наших изданий имел свои недостатки. На одном из совещаний работников редакций секретарь обкома партии Василий Ефимович Чернышев, обращаясь к нам, заметил:

— Вы делаете большое дело, выпускаете интересные, содержательные газеты, печатаете в них важные и нужные материалы. Но всегда ли вы, товарищи редакторы, задумываетесь над тем, как доходят до читателя ваши газеты и листовки? Ведь

мало выпустить газету, надо, чтобы ее прочитали.

Кто-то бросил реплику:

— А как же! Наши газеты попадают в Барановичи и даже в Минск.

— То, что они попадают в Минск, — это хорошо, а вот то, что их нет во многих населенных пунктах области, никуда не годится. В некоторых деревнях газеты и листовки оседают в избытке, а в других их совсем не бывает. Думаем обсудить этот вопрос на совещании в обкоме.

Следует сказать, что Чернышев с большой заботой относился к печати и к нам, партизанским журналистам, советовал, подсказывал, если нужно было, поправлял. Издательская деятельность постоянно находилась в центре внимания областного комитета партии. Обком подбирал и утверждал редакторов газет и их заместителей, периодически заслушивал отчеты о работе партийных печатных органов, заботился о том, чтобы редакции были обеспечены бумагой, шрифтом, краской, посылал представителей в райкомы для оказания практической помощи партизанским журналистам. Проводились совещания редакторов, на которых шел обмен опытом. Это были полезные, поучительные встречи. Обсуждались не только вопросы чисто редакционной работы, содержания газет и листовок, но и их распространения.

Совещание, о котором говорил Чернышев, действительно состоялось. Присутствовали на нем секретари райкомов, комиссары бригад, редакторы газет. Речь шла о состоянии массово-политической работы среди населения, причем особое внимание обращалось на распространение печати, широкое использование ее в идеологической работе. Приводилось много примеров находчивости, героизма, проявлявшихся распространителями газет и листовок. Их наши люди ждали с нетерпением, принимали как самых желанных, дорогих. Многие из них погибли. Вспоминается крестьянин из деревни Борки-Ярцево Воложинского района Викентий Кулак. Пренебрегая опасностью, он проник во вражеский гарнизон, расклеил и разбросал листовки, но спастись не смог. Запомнился и такой случай. Оккупационные власти открыли в городе Столбцы читальный зал, разложили там подшивки своих газет, издания националистов, различные антисоветские книги. Подпольщики оказались изобретательными: в подшивках и книгах читатели стали находить партизанские газеты и листовки. Пришлось фашистам закрыть читальню.

Вскоре областной комитет партии издал специальную директиву. В соединении был создан четкий, хорошо отлаженный

механизм распространения печати. Газеты распределялись по бригадам, а там — по отрядам. Специально назначенные агитаторы не только доставляли их в населенные пункты и раздавали жителям, но и устраивали громкие читки. Во многих деревнях оборудовали даже витрины, на которых вывешивались свежие номера газет, листовки, плакаты. Через связных газеты и листовки засылались подпольным группам в города.

К лету 1943 года барановичские партизаны, по существу, контролировали всю территорию области. А это был очень важный для гитлеровцев район. Здесь проходили железнодорожные и шоссейные линии, по которым рейх снабжал всем необходимым группу армий «Центр». Партизаны днем и ночью наносили чувствительные удары по врагу — громили его гарнизоны, разрушали коммуникации и линии связи, срывали перевозки живой силы, техники, горючего, боеприпасов, продовольствия.

Не на шутку обеспокоенное германское командование решило принять меры для защиты своей важной коммуникации. В разгар боев под Орлом и Белгородом оно бросило против барановичских партизан пятидесятитысячное войско с артиллерией, танками и авиацией. Руководили им генерал-лейтенант фон Готтберг и особо уполномоченный Гитлера по борьбе с партизанами генерал фон Бах-Зелевски. В середине июля каратели блокировали Налибокскую пущу.

Блокада… Партизаны хорошо знают зловещий смысл этого слова. Блокада — это не прекращающаяся ни днем ни ночью артиллерийская канонада, беспрерывный треск пулеметных и автоматных очередей, разрывы мин, гул самолетов над головой и глухое уханье бомб. Это прерванные связи с деревнями, снабжавшими продовольствием и фуражом. Это, наконец, суровая проверка физических и моральных сил партизан, необходимость вести изматывающий бой с превосходящими силами противника.

В разгар боев мы обратились с листовкой к полицейским, которых гитлеровцы привлекли к блокированию пущи. В ней говорилось:

«В кого вы стреляете? За чьи интересы кладете свои головы? Вы стреляете в своих братьев и сестер, которые, не щадя жизни, мстят фашистам за горе народное, за кровь и муки людей. Вы проливаете кровь невинных детей и матерей, обесчещенных, ограбленных гитлеровцами…

Вы продали свою национальную честь за немецкую чечевичную похлебку. Помните, что изменников Родины ждет суровая кара народа. Придет время, когда вы ощутите всю бездну своего падения, оказавшись вместе со своими хозяевами на краю

гибели. Но тогда будет поздно. Думайте об этом сейчас. Убивайте гитлеровцев, толкнувших вас на братоубийство в своих грабительских интересах, и переходите к партизанам, искупайте свою вину перед Родиной».

Разведчики проникли через вражеские заслоны и разбросали листовки в деревнях, прикрепили на телефонных столбах, на деревьях вдоль лесных дорог. Эти листовки наверняка дошли до адресатов и, как знать, может быть, не одного полицейского заставили задуматься над своей судьбой. Но вскоре нам пришлось зарыть под старой елью всю типографскую технику и взять в руки автоматы.

Почти месяц длилась неравная борьба. Враг имел большой численный перевес, был хорошо вооружен. А партизанам порой не хватало даже винтовочных патронов. Но они стойко сдерживали натиск озверевших фашистов. Лишь после того, как иссякли боеприпасы и кольцо окружения стало сжиматься, было приказано небольшими группами просачиваться из него по болоту. Болото считалось непроходимым, но другого пути не было. И эта непролазная топь спасла нас. Партизаны вышли в тыл карателям и снова объединились в отряды и бригады.

За время блокады партизаны потеряли в Налибокской пуще 129 человек, 52 бойца были ранены, 24 — пропали без вести. Но гораздо большими были потери карателей. Народные мстители встречали их огнем из бесчисленных засад, лесных завалов и таким образом истребили многие сотни гитлеровцев. На дорогах пущи они взорвали 60 вражеских автомашин, уничтожили 7 танков и 4 бронемашины. Пока шли бои, подрывники, вырвавшиеся из кольца блокады, пустили под откос 37 эшелонов.

Тем не менее в одной из августовских сводок гитлеровского верховного главнокомандования сообщалось: «На днях к западу от города Минска с применением крупных армейских сил, войск СС и авиации уничтожены крупные силы партизан. В боях, длившихся свыше трех недель, разбито 357 укрепленных пунктов, убито свыше 7 тысяч и более 10 тысяч партизан взято в плен. Захвачено 380 тяжелых и более 1500 легких пулеметов, более 100 орудий, много автоматов, винтовок, минометов, большое количество складов с обмундированием, боеприпасами и продовольствием. Все партизаны уничтожены.

Командующий партизанами, в прошлом крупный политработник Платон, с группой своих приближенных прорвался из окружения на танках, но был настигнут нашими доблестными войсками и убит».

До чего же фашистские генералы были мастера брехать! Не было у нас ни складов с обмундированием и боеприпасами, ни

орудий, ни танков, на которых якобы прорывался из окружения Платон (это была кличка секретаря Барановичского подпольного обкома партии В. Е. Чернышева), и не настигли его «доблестные» солдаты фюрера, не убили. Лживые сообщения такого рода нам доводилось не раз читать в немецких газетах. В боях с партизанами гитлеровцы неизменно терпели неудачи, и именно поэтому они, как говорится, наводили тень на плетень.

Правдой в сообщении было лишь то, что враг действительно загубил много тысяч жизней жителей деревень — стариков, женщин и детей.

После блокады мы остались без типографской краски, без бумаги. Чтобы возобновить издание газеты, надо было все это достать. Выручили наши связные из города Лиды. Они раздобыли ведро краски в местной типографии. Но как вывезти ее из города? И тут сработала партизанская смекалка — прикрепили ведро под повозкой (чем не колесная мазь?) и отправились за город. Мы были очень благодарны нашим друзьям. Сложно было и с бумагой, но ею нас обеспечили партизаны и подпольщики. Иногда это была оберточная бумага — синяя, голубая, серая. Выбирать не приходилось, все шло в дело.

Печатная машина работала безотказно. Немало хлопот доставляли лишь валики — они часто плавились от жары. А без них оттиска не сделаешь. Выход, однако, находили — в ход пускали сапожные щетки. Делалось это так: на набор клали смоченный водой лист бумаги и по нему стучали щеткой. Получался не ахти какой оттиск, но читать было можно. Правда, от такого допотопного способа явно страдал тираж. Наш печатник Борис Перельман с помощью оружейников одного из отрядов смастерил специальную форму и стал сам делать великолепные валики. Издание газеты продолжалось.

Подпольные партийные комитеты, партизанская печать внимательно следили за каждым «мероприятием» оккупантов и тут же срывали с них маски, разоблачали их ухищрения. Встретив решительное сопротивление на белорусской земле, гитлеровцы начали всячески маневрировать, заигрывать с населением. Они создали так называемую «Белорусскую народную самопомощь» во главе с привезенными из Германии белоэмигрантами, рассчитывая при содействии этого отребья вовлечь население в орбиту своего влияния. Но надежды гитлеровцев и их холуев оказались тщетными. Белорусы отвергли «самопомощь». Тогда оккупанты учредили «Белорусскую раду доверия» и объявили ее постоянно действующим совещательным органом при генеральном комиссариате. И она просуществовала недолго и канула в небытие вместе со своим вдохновителем — палачом

белорусского народа Вильгельмом Кубе, отправленным минскими подпольщиками на тот свет.

Но игра в «самостоятельность» Белоруссии продолжалась. Вскоре оккупанты объявили о создании «Белорусской центральной рады» и во главе ее поставили своего давнего агента, матерого национал-фашиста Радослава Островского. Таким образом гитлеровцы старались ослабить нараставшее сопротивление народа оккупационным властям, отвлечь его от партизанской борьбы. Была у них еще одна подлая цель — с помощью своей марионетки провести «тотальную» мобилизацию белорусов в армию и вовлечь их в братоубийственную войну.

В одном из номеров областная газета напечатала перехваченное подпольщиками письмо барановичского гебитскомиссара Вернера, адресованное Островскому. В этом письме раскрывались истинные намерения гитлеровцев. «Ваше дело — борьба с партизанами, — с циничной откровенностью писал гебитскомиссар. — Немецкое командование не располагает собственными для этой цели силами. Оно готово только помочь вам в борьбе с партизанами техникой и непосредственно командными кадрами. В вашем распоряжении для указанной цели есть полиция и другие вооруженные силы. Кроме того, вам предоставляется право мобилизации дополнительных сил». Далее Вернер советовал, как «мобилизовать» население: «Используйте широкие средства агитации, направленные против партизан, через печать и митинги, собрав для этого яркий материал грабежа белорусского населения, неважно, что это делали не партизаны. Им надо приписать все». Вскоре Вернер объявил о «тотальной мобилизации».

Сразу же после объявления этого приказа подпольные партийные организации выпустили ряд листовок, были помещены статьи в областной и районных газетах. В них разоблачались цели мобилизации и те грязные методы, к которым прибегали оккупанты и их холуи, чтобы заманить в ловушку легковерных. В сатирическом приложении к мирской районной газете «Партизанскае жыгала» едко высмеивались тщетные потуги островских, этих фашистских наймитов, создать свое войско. Эту газету и сатирическое приложение к ней редактировал Янка Брыль, ныне известный белорусский писатель. «Жыгала» — значит пчелиное жало. Кстати, партизаны так называли и винтовку. Отсюда и название листка. В нем помещались сатирические стихи, частушки, меткие карикатуры. Рисовал их брат Янки Брыля — Михаил, художник-самоучка. Клише он вырезал на грушевых чурках. Партизанские художники на листах бумаги, картона нарисовали десятки карикатур с такими,

например, подписями: «С миру по нитке — Гитлеру петля». Их расклеивали в деревнях. Издавались и специальные плакаты. Один из них гласил: «Внимание! Приказ барановичского палача гебитскомиссара Вернера по мобилизации мужчин и женщин в германскую армию и на немецкую каторгу партизаны отменяют.

Граждан и гражданок призывают не являться в немецкие волостные и другие управы.

Н-ский партизанский штаб».

Мы публиковали в газете письма людей, насильно вывезенных в Германию, своим родственникам и знакомым. Это были суровые документы, обличавшие фашизм, его человеконенавистническую идеологию.

Благодаря такой активной, убедительной агитации партийные организации сумели сорвать коварные замыслы гитлеровцев провести мобилизацию белорусов.

Партизанские газеты, листовки широко использовали подпольщики, связные бригад и отрядов в своей сложной и опасной работе по разложению вражеских гарнизонов, особенно частей, состоявших из поляков, чехов, словаков, насильно мобилизованных гитлеровцами в армию. Они использовались, как правило, для несения охранной службы на железных и шоссейных дорогах. Наши люди не зря подвергали себя опасности. Многие солдаты и офицеры охранных частей перешли на сторону партизан и бок о бок с ними сражались против общего врага, делили радости и невзгоды суровой лесной жизни.

Помню, мы рассказали в нашей газете «Народный мститель» об отважном антифашисте словаке Франтишке Зятько. Он прослыл у нас бесстрашным подрывником.

«…Бесшумно пробираясь возле немецких постов, подошла к железнодорожной магистрали группа подрывников. Рядом с командиром — боец Франтишек З. Он по национальности словак… Вместе со своими боевыми друзьями Франтишек разрывает окровавленными пальцами щебень на железнодорожной магистрали, чтобы поставить смертоносный партизанский груз. Здесь, на белорусской земле, он мстит врагу за свой народ, за поруганную землю родной Словакии.

Тяжело пыхтя, приближается вражеский эшелон. Прильнув к земле, крепко сжал Франтишек в руках шнур. Как бы не опоздать… Сильный рывок — и оглушительный взрыв потряс землю и воздух. Вражеский эшелон полетел под откос…»

Однажды в бою Франтишека Зятько тяжело ранило. «Было это 10 декабря 1943 года, — вспоминает он. — Мы, партизаны, вынуждены были отступать, но я не мог идти, был очень слаб, потерял много крови. Остался лежать на снегу. Патронов уже не

было, только одну гранату сберег для себя. В это время под пулеметным и автоматным огнем кто-то приблизился и позвал: «Ферик, давай назад!» Увидев, что я не могу идти, подполз ко мне. Я просил его, чтобы он меня не оставлял. Он сказал: «Не беспокойся, Ферик, вместе воюем и, если надо, вместе умрем». Был он сильный, высокий ростом. Взял меня и оттащил метров на пятьсот в безопасное место. Я видел: человек готов спасти меня или умереть вместе со мной. Партизаны звали его Петя».

Такое не забывается. Человек может забыть фамилию, как это и было в данном случае, но никогда не забудет искренней боевой дружбы и высокой отваги партизана Пети, который, рискуя жизнью, спас товарища. Может быть, в память об этом отважном партизане и назвал Франтишек Зятько своего сына русским именем Петя.

После освобождения Белоруссии Зятько попал в чехословацкий корпус, в составе которого дошел до Праги. Он окончил военную академию, стал офицером. Приезжает в Белоруссию, поддерживает связь со своими друзьями-партизанами.

Мы публиковали в наших газетах и листовках письма, рассказы, обращения антифашистов к своим сослуживцам, в которых они призывали следовать их примеру и здесь, на оккупированной советской земле, бороться за освобождение своих стран от фашистской неволи. Эти публикации играли большую роль. Они помогали тем, кого гитлеровцы бросили в кровавую бойню, найти единственно правильный выход. Кроме поляков, чехов, словаков переходили к партизанам и румыны, французы, люксембуржцы, представители других народов Западной Европы.

Были у нас и немецкие антифашисты. Помню, однажды мартовским утром 1944 года наши отряды, дислоцировавшиеся в Налибокской пуще, облетела новость: ночью в лесу приземлилась группа немецких антифашистов. Наперебой передавались подробности: один парашютист повис на дереве, и его пришлось снимать, другой в момент приземления сломал ногу. Словом, можно было подумать, что все видели, как происходило приземление, и все принимали непосредственное участие в судьбе ночных гостей. Повышенный интерес к этому событию нетрудно было объяснить. Ведь до сих пор партизанам приходилось встречаться с немцами только в бою, а тут — группа антифашистов.

Это были представители Национального комитета «Свободная Германия», созданного в июле 1943 года на территории Советского Союза по инициативе Компартии

Германии. Возглавлял этот комитет известный пролетарский поэт-коммунист Эрих Вайнерт. Наши немецкие товарищи вели большую пропагандистскую работу. У них была своя типография. Мы им помогали всем, чем могли: бумагой, краской, делились опытом распространения литературы. «Группа-117» — так она называлась — выпустила более сорока листовок и обращений к немецким солдатам. Вот что говорилось в одной из них:

«Хочешь ли ты и дальше бессмысленно жертвовать своей жизнью? Нет! Ты сыт по горло войной. Ты хочешь мира, ты хочешь снова увидеть свою семью и детей. Только живой ты можешь возродить нашу родину и свое собственное счастье. Каждый день, который ты выжидаешь, приближает тебя к смерти! Ты должен немедленно действовать, иначе будет поздно. Только переход на сторону движения «Свободная Германия» спасет твою жизнь. Если ты участвуешь в боях против русских войск или партизан, сдавайся в плен — это единственный путь к спасению. Борись вместе с нами за Германию, против Гитлера».

Рискуя жизнью, наши разведчики и немецкие товарищи проникали в гарнизоны фашистов и расклеивали листовки на стенах домов, на деревьях, телеграфных столбах, подбрасывали в дома, где жили немцы, в госпитали, в вагоны поездов. И листовки находили своих адресатов. Все больше и больше приходило в лес немецких солдат с листовками наших друзей.

Партизанская печать оказывала громадное воздействие на развертывание всенародной борьбы в тылу врага. Она несла великую правду и поэтому была действеннее фашистской пропаганды, что вынужденно признавали и сами оккупанты. В отчете одной группы тайной полевой полиции сообщалось: «Все больше приходится удивляться, как быстро и хорошо русское население узнает о событиях, происходящих на фронте… Сводки Советского информбюро, газеты переходят из рук в руки… Враждебно настроенные к немцам элементы торжествуют».

…Всякий раз, когда перелистываешь подшивки партизанских газет, испытываешь большое волнение. Хранятся у меня и листовки на немецком языке с загадочной для непосвященного человека надписью: «Уполномоченные Н.К. — «Группа-117». Эти пожелтевшие от времени страницы воскрешают в памяти суровые годы партизанской борьбы. Бумага разная: газетная, оберточная, тетрадная, белая, серая, голубая. Стерлись многие подписи под лаконичными заметками. Иногда с трудом можно прочесть: «Командир отряда Г. С.», «Подрывник В. П.», «Партизан Б.». Но никогда не забудутся героические подвиги людей, о которых повествуют эти скупые строки. За каждой заметкой — беспредельное мужество, отвага, стойкость народных мстителей.

Анатолий ЕГОРОВ. РОЖДЕНИЕ ФОТОСНИМКОВ

В то памятное воскресенье я был под Звенигородом с заданием редакции «Московского большевика» подготовить фотоочерк «Москвичи отдыхают».

Погода не очень располагала к выезду на лоно природы. Хмурилось, то и дело накрапывал дождь. Но звенигородские места на редкость красивы даже в пасмурную, «несъемочную» погоду.

Фотоочерк и без солнышка получался веселым, праздничным. Купание, костры, танцы под укрытый плащом патефон.

И так до того момента, как пробегавший мимо парень тревожно крикнул:

— Война, ребята! Минск бомбят!

На железнодорожной станции толкучка. Но не паника. Лица не испуганные, скорее суровые.

Дома та же озабоченность. На телефонный звонок «Московский большевик» не отвечает.

В редакции окружной газеты «Красный воин» трубку берет секретарь Илья Друз. До ухода в армию он работал в «Московском большевике». Пытаюсь узнать подробности, но Илья сегодня неузнаваемо краток: «Формируем редакцию фронтовой газеты. Могу включить тебя в приказ. Согласен? Завтра к восьми на склад на улицу Осипенко».

Отсюда начался мой путь на войну.

В помещении, прилегающем к складу, людно и шумно. Среди штатских костюмов мелькают новенькие, еще не обмятые гимнастерки. В человеческой круговерти маячит светлая шевелюра Бори Ярославцева. Наш фоторепортер. Много лет мы с ним работали в одной лаборатории. Попал сюда тем же путем, что и я. С ним ориентироваться легче: здесь отслужил срочную. Знает все входы и выходы. Действительно, очень быстро попадаем на склад. Кто-то сразу оформляет нам документы. На длинный прилавок валят груду военного обмундирования, и мы тут же в уголке меняем свой штатский вид на военный.

Осматриваем друг друга. Все как положено — от пилотки до кирзовых сапог, включая два зеленых «полевых» кубика на петлицах.

Носовой платок идет на протирку сильно замасленного «ТТ». Коробка патронов уходит в обоймы.

А обстановка в общем зале здорово изменилась. Теперь среди

гимнастерок редко-редко мелькнет штатский костюм. Люди, еще недавно такие разные по внешности, стали удивительно похожи друг на друга.

Присматриваемся к человеку, доказывающему работнику склада, что у него не хватает какой-то детали в полевом снаряжении.

Борис подсказывает: «Дядя Степа!» Ну конечно! Только не сам дядя Степа, а Сергей Михалков. Рядом с ним среднего роста, плотный, с бритой головой, чуть сощуренными глазами за толстыми «близорукими» стеклами очков Борис Горбатов. Тоже наш будущий сотрудник.

Откуда-то появляется Илья Друз. Узнаем, что газета наша будет называться «Во славу Родины», что штат подобран дай бог всякому, но на выяснение подробностей времени нет. В 14.00 с Киевского вокзала уходит наш эшелон. Опаздывать ни-ни.

— А как с аппаратурой? Чем будем работать?

— Ну, это к майору Косых. Борис его знает.

И исчез.

А время бежит. Надо заехать в редакцию, забежать домой попрощаться да бросить штатские пожитки. А мы все ищем майора Косых.

Находим. Начинаем выкладывать свои заботы и… с ходу получаем замечание: «Надели военную форму, а как обращаться к старшему по званию, не знаете».

Поправляемся и излагаем свои тревоги по поводу фотоаппаратуры. Может, захватить свою?

С минуту майор посматривает на нас, чуть насмешливо сощурив глаза. Отвечает вопросом:

— Думаете, в армии аппаратов нет? Захватите зубную щетку. Остальное пусть вас не беспокоит.

Аудиенция окончена.

Не забываем откозырять и — бегом.

Редакцию не узнать. Муравейник разворошенный. Но в военной форме мы первые, поэтому к нам особое внимание.

Нам завидуют, расспрашивают, что-то советуют. Активность небывалая.

Домой, пожалуй, попасть не успеем. Поди-ка отсюда вырвись. Каждый отдел считает обязанностью непременно заручиться нашим клятвенным заверением срочно слать материалы. Еще бы! Наш собственный корреспондент в действующей армии!

Прощаясь с заведующим отделом иллюстраций, вынимаю из кармана ключ от лаборатории:

— Кому оставить?

— Зачем оставлять? Кому без вас нужна ваша лаборатория?

Вернетесь — будете работать. Не год же вы там проболтаетесь?

Он, кажется, не очень доволен тем, что на какое-то время теряет сразу двух репортеров.

В 14.00 эшелон отходит от перрона. Опоздавших нет. Места занимать не торопились. В первую очередь хотелось познакомиться со своими будущими сотрудниками, послушать, что говорят военные, а их здесь немало. Формировалась редакция на базе газеты Московского военного округа.

К вечеру шум поутих. Вероятно, подходило время, когда каждому необходимо было утрясти в сознании весь ворох событий.

Мысли потянулись к дому. Не успел повидаться с дочкой. На трамвайной остановке у редакции попрощался с женой. Надо было бы повидаться кое с кем из друзей.

Как-то немного успокаивала брошенная в редакции фраза: «Не год же вы там проболтаетесь!»

Год! Разве мог кому-нибудь из нас прийти в голову такой срок?

А эшелон не торопился. Ранний рассвет встретили под тревожные гудки паровозов и выстрелы зениток. Эшелон стоял километрах в шести — восьми от Москвы. Видны были вспышки, местами над городом поднимался дым. Кто-то предполагал, что это налет вражеской авиации, и про себя тревожился за оставшихся в Москве, другие же уверяли, что это просто учебная тревога.

Первый настоящий налет пережили уже на Украине, под городом Голованивском. Слышали свист падающих бомб, близкие разрывы, видели раненых, убитых, разрушения в городе. Война показывала свое кровавое обличье.

Страха не было. Была какая-то неукротимая злость, вероятно вызванная непонятной, нелепой дикостью происходящего. Убиты мирные люди! Разрушается мирный город!

Привыкаем к бомбежкам, к артналетам, к непрерывным командировкам в действующие части. Из каждой командировки привозим не только материалы для газеты, но и опыт еще малознакомой жизни газетчика на войне. Правильнее сказать — «гражданского» газетчика.

Большинство из нас в свое время проходило действительную военную службу. Вероятно, мы неплохо знали когда-то армейскую жизнь. Но время, и особенно бурлящие годы первых пятилеток, стерли из памяти и уставы, и армейский быт. Да как-то и не думалось, что все это может когда-нибудь понадобиться.

И вот понадобилось. Стало просто необходимым. Не зная порядков, взаимоотношений армейцев, оказалось невозможным

чувствовать себя «своим человеком» среди людей, с которыми теперь приходилось встречаться ежедневно.

Вспоминается случай, когда в одну из первых командировок в действующую часть наш писатель Владимир Поляков, знакомясь с командиром полка и работниками штаба, левой рукой чуть приподнимал пилотку, протягивая правую для рукопожатия. Опомнившись, он смутился и даже пытался извиниться, но характеристика-то уже была «подмочена», хотя присутствующие военные обошлись чуть заметными снисходительными улыбками. С точки зрения гражданского человека, все это мелочи, но от этих мелочей и еще от многого «домашнего» надо было отвыкать, и чем быстрее, тем лучше.

Мешало незнание военной терминологии, оружия. Помнится, как в те дни опытный сотрудник нашей газеты, вероятно не сумев разобраться в рассказе летчика-связиста, дал информацию о том, что на самолете «У-2» летчик его части сбил «мессершмитт». Заметка проскочила в номер.

У редакции была масса неприятностей. А злополучный корреспондент, не знавший, что «У-2» не имел никакого вооружения, был отчислен из штата.

Но опыт приобретался довольно быстро. Вскоре почувствовали «твердую почву под ногами» и наши поэты. Воины сразу приняли «на вооружение» их стихи. Подтвердили это письма, пришедшие в редакцию после того, как были опубликованы стихи Сергея Михалкова о летчике-истребителе Мокляке, погибшем утром 22 июня. Он сбил пулеметной очередью одни самолет противника и тараном покончил со вторым. Песня «Давай закурим» нашего поэта Ильи Френкеля стала известна на всех фронтах и в далеком тылу.

Набирали силу писатели. Бойцы ждали острых, злободневных фельетонов Владимира Полякова. Знаменитые «Письма к товарищу» Бориса Горбатова, как правило, перепечатывались «Правдой» и другими газетами.

Хорошо работали и художники-иллюстраторы. Фронтовики отлично принимали рисунки, и особенно бичующие фашистских захватчиков карикатуры Василия Фомичева и Виктора Васильева.

В первой декаде июля редакция перебазировалась в Одессу. Здесь 22 июля — это была первая бомбежка Одессы — мы понесли первые потери. Под обрушенной взрывом бомбы частью здания обкома партии погиб секретарь редакции Илья Друз. На Пушкинской улице, под окнами редакции, осколком сразило наповал шофера редакционной машины Алиева.

Редакцию из сильно пострадавшего здания переселили на довольно просторную дачу на Пролетарском бульваре. Весь штат

редакции по приказанию командования рыл щели, в которых мы должны были укрываться во время налетов. Сотрудники, постоянно находящиеся в редакции, быстро к этому привыкли, разъездных корреспондентов приучали под угрозой взысканий.

После первых ночных тревог Михалков решил перенести спальные принадлежности в «свою» щель. Это избавляло его от лишней ночной беготни. Опыт, кажется, не получил большого распространения, но был отмечен в первой появившейся в эти дни редакционной песне о наших сотрудниках:

Он любит бомб лихое завыванье,
Когда в щели сидит меж тюфяков,
Там выполняет срочное заданье
Лауреат Сережа Михалков.

Некоторые товарищи сомневались в безобидности этого несколько ехидного куплета, но вскоре выяснилось, что автором его был сам Сережа.

В первой декаде августа редакция покинула Одессу. Литературному работнику майору Клавдиеву и мне было приказано временно оставаться в войсках, защищавших город.

13 августа Одесса была отрезана от войск Южного фронта, связь с Большой землей поддерживалась только водным путем. Однако войска и жители нисколько не утратили своего боевого духа. Материалов, рассказывающих о героях обороны Одессы, накопилось предостаточно, но приказа о выезде в редакцию не было, да и выехать теперь было не так просто. Появилось вроде бы свободное время. А почему бы не сделать фотоочерк «Рабочий день воинов Н-ского подразделения»?

Клавдиеву тема понравилась, а событие, происшедшее в половине августа, прямо, как говорится, ложилось под этот заголовок.

В этот день хваленые гренадеры Антонеску, вероятно надумавшие удивить своих фашистских покровителей, решили прорвать нашу оборону способом, известным еще с прошлой войны. Так называемой «психической атакой».

В результате свыше четырех тысяч фашистов легло перед окопами 161-го полка, которым командовал полковник Серебров.

Мы решили показать в фотоочерке участников этого сражения и закончить его фотографией поля боя. Однако создавшаяся на фронте обстановка озадачила нас. Как ее сделать, эту фотографию?

Понеся огромные потери, противник вел себя до такой степени нервно, что малейшее движение с нашей стороны

вызывало дикую «огневую реакцию». О том, чтобы выйти из окопа, не могло быть и речи.

Пользуясь ночной темнотой, разведчики полазили по полю, принесли документы убитых, охапку винтовок и автоматов, рассказали, что местами земля сплошь покрыта трупами. Разведчик Ваня Денисов, о котором говорили, что он ходил в тыл противника, как к себе домой, предлагал показать место, где лучше сделать эту фотографию. Но добраться туда, хоть и было это всего метрах в пятидесяти — шестидесяти от наших окопов, было невозможно. Совершенно открытое поле прицельно простреливалось противником.

Вечером командир полка принял решение, дававшее некоторую надежду на эту съемку. Он полагал, что, если после крупного урона противник не успел еще подтянуть резервы (а это несложно проверить разведкой), есть смысл ударить с правого фланга, где линия нашей обороны дугой вдалась в район, занятый фашистами. При благоприятных обстоятельствах захват небольшого поселка Штерн, находящегося всего метрах в трехстах от нашего переднего края, давал возможность флангового удара по передовым позициям противника.

За ночь была проведена перегруппировка сил, оборудован наблюдательный пункт, разведрота в темноте вышла на исходный рубеж. В ее задачу входило разведать наличие сил противника в прилегающем к поселку большом фруктовом саду. Если сопротивление будет незначительным, действовать с целью захвата поселка. В этом случае здесь же предполагалось ввести в бой резервный батальон.

Мне и Клавдиеву полковник предложил находиться с ним на наблюдательном пункте, чтобы быть в курсе событий и в случае хотя бы частичного успеха не пропустить момента и побывать на интересующем нас поле. Рассвет встретили на новом НП. Проходивший по западному склону высотки, отрытый в полный профиль окоп давал возможность свободно расположиться. С нами были два связиста со своим хозяйством, трое разведчиков и вестовой командира полка. Отсюда без всякой оптики был хорошо виден занятый противником поселок. В нем не было видно ни души. По мнению полковника, он интереса не представлял. Сюрприз мог преподнести сад. Что скрывала его густая листва, разглядеть нельзя было и в бинокль.

В назначенное время цепь разведроты стала подтягиваться к саду. Противник не выдержал и открыл огонь. Сперва редкий ружейный, а потом такой плотный, что разведчикам пришлось залечь.

Случилось то, чего опасался командир полка. Участок был

насыщен большим количеством огневых средств и, вероятно, живой силы. А когда в бой включилась расположенная на закрытых позициях артиллерия противника и у дальней посадки появились несколько бронетранспортеров, стало ясно, что задуманную операцию осуществить не удастся. Было очень досадно.

Полковник все же решил не упустить момента и ударить по обнаружившим себя в саду фашистам. В дело включились батальонные минометы. Огонь корректировал сам Серебров. Уже третья мина легла в центр сада. За ограду сада выскакивали люди, никем не управляемые повозки. Сильные взрывы заволокли сад черным дымом. Вероятно, рвались боеприпасы.

Разведрота, залегшая по краю овражка, этим же овражком без потерь отошла, а нам пришлось отсиживаться на дне окопа, пока, уже в сумерки, не поослаб артогонь. Уходили по одному. Бегом в ложбинку, проходившую сразу же за нашей высоткой.

Здесь, лежа на прогревшейся за день земле, полковник Серебров сказал:

— Хотелось вам, товарищи, помочь, не получилось. А жаль. Правильно вы решили назвать «рабочим» день солдата-фронтовика. Тяжелая у него работа. Не забывайте эту тему. Она вам пригодится, вот только начнем наступать.

Она действительно пригодилась. И не один раз.

Я к ней вернулся в январе 1942 года во время Барвенковской операции. В начале наступления я был с артиллеристами лейтенанта Ветешева, которые, как тогда говорилось, огнем и колесами сопровождали пехоту. Фотоочерк получился довольно убедительным. В него вошли фотографии находящихся в боевых порядках пехоты артиллерийских разведчиков, отлично действовавших орудийных расчетов.

Между прочим, в очерк была включена фотография, сделанная сразу же после митинга, проведенного перед боем. В подписи под снимком говорилось: «После митинга к комиссару И. Курашу вместе с командиром орудия сержантом Н. Цапулиным подошел наводчик М. Колотько и попросил принять от него заявление о приеме в кандидаты ВКП(б). В это утро политрук Кураш принял девятнадцать таких заявлений». На меня это произвело глубокое впечатление. Возвратясь в редакцию, я рассказал об этом Борису Горбатову. Он помолчал — неторопливость была в его характере — и спросил:

— А сам ты, что же, думаешь оставаться в стороне?

Я ответил, что, кажется, запоздал с таким решением. Когда фронт отходил, шли тяжелые бои, не подумал, а когда положение поправилось, вдруг подам заявление, как-то неудобно будет это

выглядеть. Борис помолчал, чуть кивнул головой, видимо соглашаясь с этим.

В начале мая противник начал наступление в районе Барвенково. Силы оказались далеко не равными. Фронт вынужден был отходить.

14 мая я вернулся из 12-й армии, ведшей тяжелые оборонительные бои. Редакция стояла на окраине Ворошиловграда, в поселке Вергунка. В секретариате меня встретил Горбатов:

— Умоешься, зайди к нам.

С трудом отодрав донбасскую пыль, пошел в домик, где жили наши писатели.

Борис поднялся навстречу, протянул мелко исписанный листок бумаги:

— Ну как? Теперь удобно? Если решил, держи! Вторую пишет Илюша, — кивнул на сидящего за столом Илью Френкеля, старейшего коммуниста редакции.

Это были рекомендации. Вечером на партийном собрании принимали в кандидаты двоих: Сашу Верхолетова и меня. Выступали не только рекомендовавшие, но и товарищи, с которыми приходилось часто бывать в командировках. Выступления были сердечными, и это, пожалуй, еще больше волновало.

Не могу припомнить, как и что говорил после единогласного решения о приеме в кандидаты партии. Кажется, что-то не очень складное. Но чего можно было требовать от человека в такую минуту?

Положение на фронте ухудшалось. Вскоре редакция была уже за Доном. В августе мы остановились на берегу Черного моря, в хуторе Вишневом. Расформировывался Южный фронт, а вместе с ним и наша газета.

Штат редакции по приказу ГлавПУРа переходил на новый, Юго-Восточный фронт. Пробираться туда нужно было через Тбилиси, Баку, Астрахань. Грустно было расставаться с людьми своего фронта. С многими из них уже связывала большая, скрепленная пережитыми трудностями фронтовая дружба.

Утешало, что коллектив переходил в новую газету в полном составе. Вероятно, так бы оно и случилось, но на переезд ушло слишком много времени, а события не ждали. Новый фронт, получивший название Сталинградского, действовал. Уже выходила и вновь сформированная фронтовая газета.

Весь старший офицерский состав нашей редакции отзывался в Москву, младший же оставался в резерве фронта. Приказом политуправления я был откомандирован в распоряжение

фронтового корпункта «Известий».

С его начальником Константином Тараданкиным мы были знакомы еще по совместной работе в газете «Рабочая Москва». Внешностью Костя производил впечатление человека медлительного, неповоротливого. В работе же был предельно оперативным, обладал тонким чутьем высококвалифицированного газетчика, отлично владел пером.

29 декабря мы с ним на довольно замызганной редакционной «эмке» очень удачно проскочили в Котельникове между эшелонами танкового корпуса генерала П. А. Ротмистрова. Это был один из предсмертных дней танковой армады фашистского генерала Готта, который по плану, разработанному фельдмаршалом Манштейном, рвался на выручку окруженной в Сталинграде армии Паулюса. Разгром был полным. Захвачены орудия, танки, самолеты, железнодорожные составы с боеприпасами, продовольствием.

Имея перед глазами такой материал, я не мог не вспомнить о возможности показать итог одного рабочего дня наших армейцев. Костя загорелся. Делаем фотоочерк «Рабочий день танкистов Ротмистрова».

Ночью в чьей-то брошенной квартире проявили пленки. Костя по негативам написал текст. Теперь надо было побыстрее переправить материал в Москву. Операция не такая уж сложная, но здесь мы потерпели неудачу. Нашу машину, на которой шофер отправился пораньше утром на аэродром поразжиться трофейным бензином, притащили на буксире: полетел задний мост. Для нас это была катастрофа. Пришлось обращаться с просьбой о помощи к техническому начальству корпуса. В этой суматохе Тараданкин передал пакет с материалом уезжавшему в штаб фронта офицеру связи. Это была следующая неудача. Ни офицера, ни пакета мы больше не видели.

Иногда удача баловала нашего брата, иногда следом за ней шло горькое разочарование.

Случаи, подобные тому, о котором пойдет речь, всяко толковались в повседневной газетной жизни. Одни называли их везением, другие просто удачей, а старые газетчики еще говорили — репортерское счастье.

Ну, разве не счастье для репортера, не будем говорить в результате каких переделок, в горячке завершающейся битвы за Сталинград попасть на допрос только что плененного фашистского фельдмаршала Паулюса?

Конечно же это было не так просто. Из довольно многочисленной группы фото- и кинооператоров Сталинградского фронта в нужный момент у штаба 64-й армии,

куда был доставлен плененный фельдмаршал, оказались только двое: Жора Линекеров — фоторепортер армейской газеты и я — сотрудник фронтового корпункта газеты «Известия».

Съемка оказалась сложной. В небольшие оконца с фасада избы, заполненной работниками штаба, пробивались скудные лучи январского солнца. Света их едва хватало на передний план. Углы комнаты казались совсем темными. К тому же боковые окна давали сильно мешающий контровой свет.

Для пленки, на которой тогда работали, освещение, прямо скажем, было гиблое. О съемке автоматическими скоростями думать не приходилось, требовалась экспозиция порядка секунды.

У Жоры был, хоть и плохонький, металлический штативчик. Мне приходилось надеяться только на свои руки.

Кассету я отснял полностью. Опыт позволял надеяться, что из тридцати шести кадров можно будет выбрать для печати нужный снимок. Теперь стояла задача, как переправить кассету в редакцию.

По окончании допроса, пользуясь хорошим настроением командарма, подошел к нему и попросил помочь доставить пленку в Москву. И снова улыбнулось репортерское счастье. В Ставку срочно отправлялся самолет с какими-то документами. Летевший с ними офицер связи заверил меня, что к вечеру пленка будет в редакции. Фотография имела возможность попасть завтра в номер. Явно назревал крупный «фитиль» остальным газетам. Корпункт лихорадило.

Наутро затемно выехали в политуправление фронта. Сюда газеты поступали прямо с аэродрома. Конечно, у меня немножко участилось дыхание, немножко дрожали руки, когда разворачивал газету. Но снимка в номере не было. Не было его и в последующих номерах. Рухнули надежды на «фитиль». Репортерское счастье дало осечку.

То ли пленка не дошла до редакции, то ли руки отказали автору. Было обидно. Но война продолжалась, события шли за событиями и не оставляли времени на личные переживания.

С материалом об освобождении Ростова я попал в краткосрочную командировку в Москву, и здесь наша редакционная лаборантка повинилась мне в причастности к гибели этой пленки. Кассета действительно была доставлена в редакцию в тот же день. Случайно миновав заведующего отделом, попала прямо в руки лаборантки. Та, не прочитав мою записку, заложила пленку в проявитель и… забыла.

Вспомнила ночью, но, не имея ночного пропуска, смогла добраться до редакции только утром. За это время проявитель сделал свое «черное» дело. Все же пленка была отфиксирована,

слегка промыта, высушена и брошена в коробку с другими, такими же «неудачными» пленками. Заниматься с нею было мне недосуг, да и нужда миновала, а об истории в то время мало думали. Просто случайно положил я ее в карман, и очутилась она в моем домашнем архиве.

Здесь, чтобы закончить разговор о репортерском счастье, надо на минутку перенестись на… двадцать пять лет вперед.

Именно в преддверии двадцатипятилетия сталинградской победы вспомнил я о той загубленной пленке.

В редакционной лаборатории решили попробовать хоть что-нибудь напечатать. Ослабить негатив не удалось. Очевидно, сильно задубленная в фиксаже пленка не размокала. Тогда решили усилить свет в увеличителе. Дошли до лампы в 500 ватт. Увеличитель охлаждали мокрым полотенцем. И получилось! Через двадцать пять лет фотография пошла в номер…

Но, как говорилось выше, было все это двадцать пять лет спустя, а пока война шла своим чередом. В дальнем тылу остался Сталинград, залечивал свои раны освобожденный Ростов.

С Тараданкиным мы расстались на подступах к Таганрогу. Я получил приказ выехать под Воронеж в газету «Суворовский натиск» вновь формируемого Степного фронта.

Всю жизнь везло мне на товарищей. И в «Суворовском натиске» ребята подобрались отличные. Потому, вероятно, и газета была живой, оперативной. Ну и настроение было, конечно, не в пример прежнему. К концу июля фронт пошел вперед.

Курская дуга, Белгород, первый салют Москвы, Харьков, Полтава, Кременчуг, Днепр, Черкассы, Кировоград, и все срочно, все в номер. Настоящая газетная работа.

После корсунь-шевченковского разгрома фашистов весна стала все решительнее вмешиваться в военные дела. Не только колесный транспорт, танки вязли в грязи. Самым надежным средством передвижения стали собственные ноги. Скептики ворчали, что, мол, по таким дорогам никаких ног не хватит. Ну это еще как сказать! Конечно, были мы молоды, азартны. Ходить так ходить!

В Умань пришли пешком. И вовремя. В городском парке, знаменитой Софиевке, еще шел бой. Материал отправили в редакцию с каким-то отчаянным парнем, севшим на своем «У-2» у самых крайних домов города. Самолет ткнулся носом в грязь, но своих летных качеств не потерял. На руках вытащили его на сухое, выстелили соломой «взлетную дорожку» и помогли взлететь. Материал попал в газету вовремя.

Ночь на 26 марта мы с писателем Львом Шапиро провели в молдавском селе Сороки. Вместе с нами в гостеприимном домике

местного учителя остановился и офицер связи из армии генерала Коротеева. Парень нервничал. По его словам, армия вот-вот должна выйти на Прут. Пропустить такое было невозможно. Ведь Прут — это наша государственная граница.

Как быть? Рассчитывать на завязший в грязи транспорт? Мы решили идти.

Ушли на рассвете, к вечеру добрались до Бельцов — городка в центре Молдавии. По весенней распутице конец не маленький. Важно, что добрались вовремя. В ночь на 28 марта бойцы дивизии полковника Михаила Путейко во главе со своим комдивом перешли государственную границу. В этот день были сделаны первые снимки на румынской земле, освобожденной Советской Армией от фашистов.

Снимки были опубликованы и в «Суворовском натиске», и в «Известиях».

Потом была трехдневная командировка в Москву. Вызывал ГлавПУР для перевода на работу в журнал «Фронтовая иллюстрация». И снова повезло. Район работы — хорошо знакомый 2-й Украинский фронт. Снова рядом с товарищами из «Суворовского натиска». Яссы, Бухарест, незабываемые встречи в освобожденном югославском Петровграде, бои на венгерской земле, Будапешт. А потом новый фронт, 1-й Украинский. Бреслау, Берлин, Дрезден… И 9 мая — в освобожденной Праге.

Вернулись домой не сразу. Только в июне, перед парадом Победы, собралась наша фотобратия в редакции на улице «Правды».

Начали осваивать мирную жизнь. Но передышка получилась не очень продолжительной. Еще не успели привыкнуть к домашней обстановке, не повидались с довоенными знакомыми, а ГлавПУР уже заготовил новые командировки. Теперь в противоположный конец страны. Кому в Приморье, кому в Приамурье. Мне достался Забайкальский фронт.

Кампания была непродолжительной, но богатой событиями. Хинган, бездорожные просторы Маньчжурии, воздушный десант на Мукден, захват марионеточного императора Пу И, капитуляция знаменитой Квантунской армии, освобождение нескольких тысяч американских военнопленных, находящихся в Мукденском концлагере.

Последним материалом, сделанным мною на войне, был фоторепортаж о рабочем дне десантников — воздушном десанте на Порт-Артур. Было это 22 августа 1945 года.

Алексей КОЖИН. О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Газетчик с довоенным стажем, был я политработником в разных частях и подразделениях. А в апреле 1944 года получил предписание прибыть в распоряжение редакции газеты 3-го Прибалтийского фронта «За Родину» на должность инструктора-литератора.

Назначению предшествовала краткосрочная подготовка на всеармейских курсах фронтовых журналистов в Москве. По тактике зачеты сдавали в объеме знаний командира полка. Был дотошный спрос, как владеем всеми видами стрелкового оружия, нашего и трофейного. Ведь без основательных знаний военного дела на фронте газетчику не обойтись. Усиленно расширяли политический кругозор, освежали в памяти правила грамматики, стилистики. То была забота об идейной силе, об отточенности слова, обращенного к фронтовикам.

Большинство курсантов — из дивизионных и армейских газет. У многих поблескивали на груди ордена и медали. Так высоко ценилась журналистская работа на войне. И нелегко давалась. То у одного, то у другого нашивки за ранения.

Перед самым выпуском нам объявили: «Вчера в Москву на несколько дней приехал с фронта Сергей Борзенко. Охотно согласился встретиться с вами». Кто тогда не знал первого военного журналиста, удостоенного звания Героя Советского Союза, участника знаменитого десанта под Новороссийском, корреспондента армейской газеты, а потом правдиста, кто не читал его ярких репортажей и корреспонденций с самых горячих участков борьбы против фашистских захватчиков?

Борзенко подробно рассказал, какова обстановка на фронте, где он недавно побывал. Отдавая должное собратьям по перу, он подчеркнул: «Главное, сами хорошо знаете, — предельная оперативность, достоверность, поучительность наших сообщений, что возможно, когда постоянно находишься на передовой, а если надо, и в действующих боевых порядках. Тогда весомо наше слово, тогда чувствуешь в себе моральное право рассказывать о военных событиях, о тяжелом ратном труде, о высоком мастерстве и каждодневном героизме фронтовиков».

Предписание явиться в распоряжение редакции газеты «За Родину» получил и капитан Василий Тертычный, прибывший на переподготовку с Волховского фронта, из дивизионки. Нам

сказали: «До войны вместе работали в «Комсомолке», а теперь послужите оба во фронтовой газете».

«Комсомольская правда» — наша юность, большая школа идейной закалки, настоящей человеческой дружбы и духовного единения с жизнью Отчизны. Это сразу сказалось в пору войны. У большинства работников редакции была бронь. Но сотрудники один за другим настойчивыми просьбами, всяческими ухищрениями добивались своего — становились бойцами и политработниками регулярных частей, партизанами, ополченцами. Главный редактор Борис Бурков за голову хватался: с кем выпускать газету?

А выпускал с теми, кому никакие ухищрения не помогли. И всю войну «Комсомолка» оставалась настоящим солдатом.

Отправились мы с Тертычным к месту назначения ранним солнечным утром. Сначала обычным пассажирским поездом. В нем ехали больше гражданские люди. Иные с детьми. Спальные вагоны. Проводницы. Похоже, как до войны. Такая схожесть была и в облике Москвы. Поблескивая стеклами, деловито бежали трамваи, автобусы. Пестрели театральные афиши. Детвора с портфеликами и сумочками направлялась в школы.

Мой спутник засмотрелся на одну стайку. Помолчал задумчиво. Потом стал рассказывать какую-то забавную историю из своей довоенной собкоровской жизни. Он представлял тогда «Комсомолку» в одном из волжских городов. Там остались жена и двое малышей. Как жилось населению у полуосиротевших очагов — кто не знает. Тут и страх, когда почтальон у порога, и постоянная тревога за тех, с кем разлучила война…

Состав часто останавливался — пропускали воинские эшелоны.

Следующим утром сошли на станции, откуда нам надо было направляться на запад, в сторону Пскова, занятого еще гитлеровцами. Поезд, в котором почудилось мирное время, лязгнув буферами, укатил дальше на север. Словно его и не было.

Где сошли — кругом пустошь в рыжеватой путанице прошлогодней травы. Недавно возвращенная миру земля еще не отошла от войны. Сквозь провалы в станционных постройках виднелось небо. Следы воздушных налетов. На запасных путях чернели остовы сгоревших вагонов, покореженные цистерны. Моросил по-осеннему холодный дождь.

Железнодорожная ветка на Псков еще только восстанавливалась. Пожилой солдат из военной комендатуры, накрывшись плащ-палаткой, проводил нас до границы станции, где близко проходил большак, весь измочаленный скатами грузовиков. Усыпанная гравием площадка помогала им подходить

к навесу, где лежало то, что предназначалось фронту.

Из-за ближнего увала прихлынувший ветер донес тарахтенье трактора. Тертычный оживился:

— Пахать начали?

Боец покосился на нас: не иначе горожане.

— Не, пахать еще рано. Земля не прогрелась и насквозь промокшая. Объяснил: военные тракторы в распутицу дежурят на дорогах, чтобы не возникали «пробки», вытаскивают из рытвин застревающие машины. Ведь фронтовые грузы надо доставлять без задержки. Да уж, труд такой в слякотную пору — до кровавого пота.

И еще услышали мы от солдата:

— У здешнего крестьянства пока какие уж трактора! Ведь фашистского гада отсюда недавно вышибли. Душегубствовал, как везде, куда дорвался. Разорение кругом полное. Но пахать и сеять нынешней весной тут будут. Уж как придется, а будут.

Иного человек представить себе не мог.

На всем пути, каким мы с Тертычным добирались к месту назначения то на попутных машинах, то пешком, то большаками, то проселками, по обеим сторонам бугрились недавно остывшие пепелища, торчали покрытые копотью печные трубы. Совсем редко попадались полууцелевшие или нетронутые деревушки. В руинах лежали взорванные фашистами при отступлении Дно, Гдов, Порхов.

В Порхове мы оказались, когда почти совсем стемнело. Густо пахло гарью. Под ногами похрустывало. Молоденькая регулировщица показала направление к продовольственному пункту и ночлегу для военных. И тут же жестким голосом сказала, что ее пост находится на городской площади, где наши застали виселицы и трупы жителей — взрослых и детей.

И там, на порховской площади, нам еще больше захотелось поскорее быть на месте воинской газетной службы. На пути к ней оставалась одна ночевка — в просторном бревенчатом доме, наспех восстановленном саперами. Здесь, при всей усталости, мы долго глаз не могли сомкнуть.

С восходом солнца дошагали, одолев от Порхова километров десять дорожного месива. Редакция и типография газеты «За Родину» располагались в полусожженной деревне, окруженной березовыми рощами и косогорами. Сразу увиделось: все хозяйство в походном состоянии, готово к передвижению в любой момент. Грузовики с брезентовыми верхами в маскировочных разводьях. На грузовиках — ротационная машина, линотипы, кассы ручного набора. На прицепе — движок. На линейке — два

«виллиса», еще грузовые машины. Часовой с автоматом. Только пишущие машинки трещали рядом в приземистой избе.

Нам показали избу, где помещалось редакционное начальство. У порога тщательно очищаем от грязи сапоги, расправляем шинели. Надо представиться по всей воинской форме. В горнице за столом сидел майор, склонившись над рукописью. Мы, как водится: «Разрешите обратиться». Посмотрел на нас довольный: дескать, добро пожаловать, ждем вас. Да это же Мануил Семенов!

— Ты знал о нашем назначении?

— Конечно. Сообщили из Москвы.

До войны он был собственным корреспондентом «Комсомолки» в Узбекистане, потом командовал ее секретариатом. И друг мой давний, с юных лет. Вместе начинали в сталинградском «Молодом ленинце», когда строился Тракторный. Почти в одно время перешли на работу в «Комсомольскую правду». Во фронтовой, оказалось, заместитель главного.

Понятное дело, крепкие объятия, громкие возгласы, оживленный разговор накоротке, где и как провели годы войны.

На фронте он с августа сорок первого года. Ответственный редактор редакции газеты 20-й армии. Тяжелые бои в районе Вязьмы, на ближних подступах к Москве, потом под Ржевом. Летом сорок третьего года гнали врага от Ладоги, с волховских высот. Теперь вот 3-й Прибалтийский фронт. Сгодилась школа «Комсомолки».

Немного позже ее землячество в нашей фронтовой пополнил Федор Барсуков, возглавлявший в «Комсомолке» отдел прессы и фельетонов. На войну тоже ушел в сорок первом. Ополченцем. Стал политруком стрелковой роты. Не раз ходил с ней в атаку под Серпуховом. Тяжелое ранение. После госпиталя — Волховский фронт. Агитатор полка. Участвовал в прорыве ленинградской блокады. В политотделе проведали: журналист, да еще из «Комсомолки». И вот приказ: служить в армейской газете. Потом фронтовая заполучила его к себе.

Уж коли речь зашла о землячестве «Комсомолки» во фронтовой газете, скажу, забегая вперед, что тут не произошло никакой нашей обособленности, хоть в начальниках и был «свой брат». Наоборот, знакомый и дорогой нам дух истинного товарищества сплачивал воедино весь редакционный коллектив. А «свой брат» был одинаково ко всем доброжелательным, требовательным, а когда надо, и строгим, исходя из общего горячего стремления сделать каждый номер газеты, каждую в ней строку без промаха бьющими в цель.

И не было тут никакого отчуждающего деления на маститых и не маститых, кадровых военных журналистов и штатских до войны, младших и старших по должности и званию. Но и панибратства — тоже. И скидок никому никаких. А маститыми фронтовая редакция оказалась богатой, что очень помогало газете. Меня и Тертычного даже некоторая робость взяла, когда мы узнали, что в ее штате Семен Кирсанов, Александр Чаковскнй, Александр Гитович, Юрий Севрук, Марк Лисянский, чья песня «Моя Москва» тогда уже стала одной из любимых в стране. И должность у каждого писательская.

Нет, не то, что у них — очерки, рассказы, стихи, а у остальных каждодневная корреспондентская «проза», добываемая на переднем крае. В гуще фронтовых будней черпалось все, что появлялось в газете. Впечатления, рождающие стихи, — тоже. Но ведущие литераторы передавали для газеты с мест боевых событий репортажи, короткие заметки, а затем возвращались на несколько дней, чтобы отписаться уже основательней. И со всей полной мерой вкладывали свое мастерство, теперь уже немалый опыт работы в армейской печати. Не отстать бы нам от маститых!

Не отставать они нам постоянно помогали. Добрым советом, собственным примером взыскательной работы над словом, обращенным к воинам.

Был еще в редакции член Союза писателей — Борис Песков из Воронежа. Соответствующий должности ему не хватило. Он был литсотрудник — и этим гордился. Выступал в газете и как прозаик.

Главным редактором газеты был полковник Дмитрий Александрович Чекулаев, кадровый политработник. При нашем знакомстве он рассказал о боевой обстановке. Войска 3-го Прибалтийского фронта, сосредоточившись на ближних подступах к Острову, Пскову, усиленно готовились к их освобождению. Начало — прорыв мощной, глубокоэшелонированной линии вражеской обороны, основу которой составляли железобетонные укрепления. Гитлеровцы устрашающе назвали ее «Пантерой» — запоздалая дань спесивой уверенности в своей непобедимости.

— Орешек, конечно, крепкий, — заметил серьезным тоном полковник, — только одна «Пантера» — на Курской дуге — уже не помогла захватчикам. Не поможет и тут. Но для этого надо хорошенько потрудиться. Нам в том числе. Ну а воинам — не привыкать.

В составе 3-го Прибалтийского в большинстве своем находились части и соединения, сражавшиеся с первых дней

войны, прошедшие огромную закалку оборонительных и наступательных боев, громившие врага на полях Подмосковья, у стен Сталинграда, на Курской дуге, под Ленинградом, где никакие укрепления не стали для них непреодолимой преградой.

Главный редактор подчеркнул:

— Обратить всю силу наступательного порыва, весь боевой опыт на выполнение предстоящей операции готовятся войска фронта, значит, и его печать. А тон дивизионным и армейским газетам задавать нам. Из этого исходите. Что потребуется от обоих — еще поговорим.

И добавил:

— Пару дней передохните с дороги. Познакомьтесь с товарищами. Посмотрите подшивку. И — за дело.

Подшивку газеты посмотрели в избе, где помещался ответственный секретарь редакции Марк Постоловский, тоже из штатских. До войны работал в столичной печати. Худой, долговязый, очень интеллигентного вида. Усадил нас за маленький столик в углу. Знакомился, не отрываясь от гранок, макета:

— Собкорами были в «Комсомолке»? Значит, тоже москвичи. У нас многие из столицы. И газетчики, и полиграфисты.

Видно, душе теплее, когда земляки рядом. Своим занятием напомнил: рабочая пора в разгаре.

Едва мы углубились в подшивку, порог избы переступила пигалица в солдатской шинели. Очень бледное, усталое лицо. Пилотка зыбко держалась на волнистых прядях черных волос. Осторожно ступая, чтобы меньше наследить яловыми сапогами, подала Постоловскому стопку исписанных листов.

То была Тоня Лисянская, жена поэта, радистка, почти не ведавшая передышки для того, чтобы воинам пораньше прочесть сводки Совинформбюро, узнать, что происходит в родной стране, за рубежом. Принимались вести из Москвы на слух сквозь атмосферные помехи, с предельным вниманием. Малейшая неточность, пропуск единого слова недопустимы.

Ответственный секретарь с благодарностью посмотрел на Лисянскую, просяще произнес:

— Продержитесь, Тоня, еще чуть-чуть. Вчера снова запросили подмогу.

В ответ короткое тоненьким голосом:

— Конечно же.

Когда ушла, Постоловский рассказал: в сорок первом Лисянская добровольцем ушла на фроит, служила с мужем в дивизионке, в армейской газете. Вместе оказались во фронтовой. Последнее время пришлось рацию обслуживать одной, без

сменщицы, по многу часов не отходить от аппарата. У нее крайняя степень нервного истощения.

Сменщицу прислали через две недели — ленинградку Нину Дорохову. Лисянскую сразу надолго уложили в госпиталь.

Еще одно знакомство — с полиграфистом лейтенантом технической службы Андреем Терещенко. Пришел к Постоловскому доложить, что забарахливший было линотип за ночь отремонтирован, действует надежно. У ответственного секретаря вырвался вздох облегчения:

— Очень вам благодарен, а то беда…

У молодого, рослого Терещенко лицо бесстрастное, даже хмурое. Потом я не раз видел его таким. Узнал: тяготится человек тем, что он на войне, а не воюет. Сверстники командуют взводами, ротами… Нет, он понимает всю необходимость своей работы для фронта. Но все же, может быть, кто-либо другой. А то все время во втором эшелоне, в относительной безопасности. Но легко ли найти замену прекрасному специалисту? И Чекулаев был неумолим: каждый находится на войне там, где нужен. А безопасность здесь относительная.

В октябре, после освобождения Риги, мы похоронили погибшего Андрея Терещенко с воинскими почестями на городском кладбище…

Снова открылась дверь избы. Появился капитан среднего роста, плотно сложенный, без шинели, с орденом Красного Знамени и медалью «За боевые заслуги» на суконной гимнастерке. Правая рука в черной повязке. Планшет перетянут резинкой — фронтовая привычка строевых офицеров. То был Юрий Севрук. Левой рукой крепко пожал наши руки:

— Еще пополнение. С прибытием!

Пришел к Постоловскому поделиться огорчением: опять главный редактор ответил отказом на просьбу отправить в действующие части.

Постоловский воскликнул:

— Ну и правильно! Надо окончательно окрепнуть.

Юрий Севрук сам прибыл в редакцию недавно — недели за две до нас. Добился выписки из госпиталя, еще не излечившись совсем после пулевого ранения. Чекулаев и усадил его до полного выздоровления за работу над солдатскими письмами. А Севрук ежедневно отправлялся к начальству: разрешите на передний край. Разрешение получил только недели через три, после медицинского освидетельствования.

Не сразу узнали мы, и не от самого Юрия Севрука, что, будучи корреспондентом армейской газеты на Волховском фронте, он имел на своем счету девять фрицев, уничтоженных из

снайперской винтовки, а однажды захватил в бою «языка». И о том, что ранен был, когда заменил павшего командира батальона, возглавив атакующих и выиграв бой. За это и был награжден орденом Красного Знамени. На Волховском же фронте стал коммунистом. Был он заочно, хотя заявления и не подавал, принят в члены Союза советских писателей при восьми, а не трех положенных рекомендациях. В том числе И. Эренбурга, А. Твардовского, Б. Горбатова, П. Антокольского, С. Щипачева.

И. Эренбург писал в своей рекомендации: «Горячо поддерживаю кандидатуру писателя Ю. П. Севрука, которого знаю как умного литератора, прекрасно работавшего до войны и талантливо работающего сейчас, во время войны».

До войны — в журнале «Знамя», где он вырос до крупного литературного критика и публициста, тонкого ценителя русской классической и современной поэзии. На исходе войны друзья писали ему из Москвы: «Ты уже многое сделал для Победы. У тебя правая рука не действует. Дай согласие вернуться на работу в журнале «Знамя». Очень нужен здесь». В сентябре сорок четвертого он отвечал А. Тарасенкову и В. Вишневскому: «Вообще-то говоря, я не устал еще воевать, и рука у меня зажила… И время сейчас интересное, и места мы проходим сейчас несколько необычные».

Не устал воевать! И жил, как все мы, жадным ожиданием близкой Победы, желанного мира, тех счастливейших минут, когда за родным порогом увидит лица близких, крепко прижмет их к груди. И работал, работал, оставляя след своей жизни на страницах газеты, в душах воинов, которых звал в бой. А коли звал, долгом своим считал быть вместе с ними до конца ратного пути.

У Юрия Севрука была белесая от полинялости, пропитанная потом пилотка, которой он очень дорожил и никак не хотел сменить на новую. Надел в сорок первом. Мечтательно говаривал нам: «Когда вернусь, покажу жене, детишкам. Повешу дома на видном месте. Погляжу, вспомню…»

Но с заветной пилоткой Юрию Севруку пришлось все-таки расстаться. После успешно выполненной одной частью боевой операции Марк Лисянский получил приказание немедленно отбыть на место и написать об этом. Отбыть на «кукурузнике», который вот-вот собирался взлететь неподалеку от деревни, где размещалась редакция. Марк, вызванный к главному редактору, явился, забыв впопыхах пилотку. Бежать за ней не было времени. Выручил Севрук — отдал свою. И попросил: «Смотри не потеряй».

Лисянский невысокого роста. Пока сидел в кабине самолета, все было в порядке. Но вот приподнялся, чтобы побольше

увидеть, что там, на земле. Пилотки как не бывало. Радость от успешно выполненного задания не могла затмить огромного огорчения. Все в редакции знали, как берег Севрук старую пилотку. С грустью выслушал он покаяние поэта, но упрекать не стал, похлопал его по плечу и сказал: «Вернулся в срок с репортажем — это главное». Но грустил о пилотке долго.

В июле я был ранен во время штурма Пскова. Через месяц вернулся из госпиталя в редакцию. На какое-то время для меня создали «облегченный режим» — послали в воздушную армию писать о боевых делах летчиков. 14 сентября находился в домике, где размещался штаб одной из авиационных дивизий. Мне вручили телеграмму из редакции: «С глубоким прискорбием извещаем о том, что вчера прямым попаданием снаряда убиты наши дорогие товарищи Юрий Севрук и Борис Песков. До конца жизни сохраним светлую память о них».

Оказалось, в разгар наступательного боя вместе направились с КП дивизии в полк, достигший наибольшего успеха. Им настойчиво советовали: «Дождитесь, когда стемнеет. Противник упорно сопротивляется, ведет интенсивный артогонь». Юрий Севрук ответил: «Надо поскорее передать материал для газеты».

Знакомство с подшивкой газеты «За Родину» заняло порядочно времени, хотя было ей от роду три месяца. Внимательно, изучающе вчитывались мы во многие строки. Ведь теперь это — наша жизнь, наша работа. Написанные по горячим следам событий или при непосредственном видении их и достаточной степени военной грамотности, строки вызывали ощущение полной достоверности и сиюминутности того, о чем рассказывалось в газете.

Но о каких событиях шла речь? В ту пору 3-й Прибалтийский относился к фронтам, о которых сообщалось: «Ничего существенного не произошло». Наш фронт еще ни разу не упоминался в сводках Совинформбюро. А между тем части и соединения 3-го Прибалтийского, сковывая значительные силы противника и тем самым облегчая нанесение ударов в других местах, активно воздействовали на вражескую оборону, не давая фашистам покоя ни днем ни ночью.

Бои местного значения для того, чтобы выбить противника с выгодных позиций и улучшить свои, для захвата «языков», частые диверсионные и разведывательные действия, успешные воздушные налеты, уничтожение орудиями и минометами огневых точек, наблюдательных пунктов, линий связи, живой силы врага, массовое снайперское движение, тоже стоившее гитлеровцам немалых потерь. Командование, политорганы

настойчиво и планомерно готовили сокрушение «Пантеры». Тем жил весь фронт. Тем жила и газета «За Родину». На ее страницах день за днем воссоздавалась впечатляющая картина высокой боевой и политической активности воинов, их мужества и стойкости, возросшего умения бить врага.

«Письма из роты» — под такой рубрикой в нескольких номерах печатался обстоятельный рассказ начальника отдела фронта редакции майора Михаила Токарева о политическом воспитании подразделения, о том, как партийцы сплачивают его, ведут за собой. Токарев две недели безвылазно провел в этой роте, ночевал в солдатских землянках, со многими поговорил по душам. Потом уж взялся за перо.

Доходчиво, убедительно раскрывался и боевой опыт. «Ночная настороженная жизнь переднего края. Светлый сумрак северной ночи прорезается полетом трассирующих пуль. Одна за другой взвиваются осветительные ракеты в бледное небо». Начало корреспонденции Александра Гитовича «Орлы». О саперах, разведавших и обезвредивших ночью вражеское минное поле. Чувствуется, многое сам увидел, вник в суть боевого дела. И рассказал о нем, о людях хорошо, убедительно. А вот его репортаж «На ночном бомбардировщике» — об ударах экипажа капитана Ивана Зайкова по вражескому тылу. Гитович — в составе экипажа, в роли воздушного стрелка. Газетчик разбрасывал еще и листовки, адресованные немецким солдатам.

Фронтовые журналисты писали не только об успехах. Случались досадные промахи, упущения. Из них тоже надо было извлекать уроки. Нелицеприятная критика — признак нашей силы, уверенности в себе. «Почему не удался ночной поиск» — так озаглавил статью Борис Песков. Рота капитана И. Корниенко образцово подготовилась к поиску — отработала операцию на схожей местности, запасла маты для преодоления колючей проволоки, скрытно изготовилась для броска, чтобы внезапно ворваться в немецкую траншею и захватить «языка». Но внезапности не получилось. Почему? Накануне операции в роту зачастили штабные офицеры, проверяя ее готовность. Ну а до фашистской траншеи всего семьдесят пять метров. Засекли, догадались, насторожились. Сильным огнем преградили путь нашим бойцам. Пришлось отойти. В статье гневный укор оплошавшим штабистам. Враг не дремлет — нельзя забывать!

На страницах газеты фамилии не только журналистов, писателей, поэтов. В каждом номере выступали сами воины — политработники, строевые командиры, старшины, сержанты, рядовые бойцы, особенно те, кому прежде доводилось действовать в схожей со здешней обстановке.

Сотрудники редакции бережно записывали такие рассказы или помогали их написать. Поступали в большом количестве и по полевой почте авторские материалы, сочиненные старательно на привалах, в окопе, при свете коптилки в блиндаже. И становились гвоздевыми в тематических полосах газеты, задавали им тон ясностью, простотой, убедительностью изложения, предельно конкретным, деловым содержанием. Такими полосами редакция помогала воинам успешно подготовиться к наступательным действиям фронта. Вот шапки к некоторым таким полосам: «Разведчики! Решительно и смело действуйте в тылу врага!», «Через рвы, окопы, колючую проволоку… готовьтесь наступать дерзко, стремительно, по-суворовски!», «Учиться тому, что нужно для победы».

Когда в сумерках мы направлялись в избу, где поместились, Тертычный произнес многозначительно:

— В общем, знакомо. Хотя теперь во фронтовом масштабе…

Нас с Тертычным послали собкорами — его в 67-ю армию, меня в 42-ю армию, изготовленные для прорыва «Пантеры», форсирования реки Великой, освобождения Острова и Пскова. Подробные наставления главного редактора, его зама, разговор о первоочередных темах, пожелание побольше проявлять собственной инициативы сообразно с обстановкой. И не прозевать начало прорыва, в нужный момент оказаться в частях, действующих в направлении главного удара.

И вот я в Торошинском лесу, где густой сосняк скрывает блиндажи армейского командного пункта. Их остатки еще можно видеть и сейчас. На ночлег меня определили в «блиндаж прессы». Земляные нары. На них сосновые ветки — постель. Знакомлюсь здесь с корреспондентом армейской газеты лейтенантом Георгием Кондрашевым. Оказался обстрелянным журналистом, смелым, славным человеком. Сразу подружились. Он и вытащил меня, раненного, из горящего Пскова. Дружим до сих пор.

На армейском КП мне дали совет почаще бывать в 370-й стрелковой дивизии, где командиром генерал-майор К. Л. Лукьянов.

КП дивизии в семи километрах от Торошинского леса. В окрестностях черные пепелища деревень Петрово, Подборовье, Ильинщино, Подмогилье. В последней — блиндаж командира дивизии. Совсем неподалеку командные пункты полков и батальонов. Вдоль линии фронта блиндажи, землянки, отрытые на скатах косогоров. За ними рукой подать — передовая траншея, колючая проволока у грани нейтральной полосы. За ней вражеские траншеи. А далее, километрах в двух, Баулинские высоты, по которым и проходит основная линия фашистской

обороны «Пантера». С высот многое ясно просматривается на нашей стороне. Проселочная дорога, связывающая КП армии с КП дивизии, в нескольких местах простреливается орудиями. Тут надо пробираться соседними ложбинками. А из нашей передовой траншеи в ясную погоду видна верхняя часть купола псковского собора.

Вот здесь я и стал фронтовым газетчиком. По примеру своих собратьев постоянно бывал то в окопах стрелковых подразделений, то у саперов, то у разведчиков. А иначе не написать что-либо стоящее о наших замечательных воинах, об их тяжелом ратном труде, об их беззаветной преданности Родине.

Сохраняю тонкую ученическую тетрадь в синей обложке и сложенный несколько раз лист газетной бумаги. Малая часть того, что осталось от моих беглых записей той поры. Тут имена тех, о ком рассказывал в газете, то, чем делились со мной люди. Записи напоминают мне старшину и парторга пулеметной роты кавалера нескольких боевых орденов Алексея Хромова и комсомольца Витю Смолова, который неделю назад окончил снайперскую школу и в первый выход на передовую уничтожил двух фашистов. Записи напоминают любимца солдат бесстрашного Тимирхана Булатова, начавшего в сорок первом воевать рядовым, заменившего в бою павшего командира роты и оставленного в этой должности. А вот страшный рассказ бойца Феодосия Хмелевского о том, как фашисты зверски убили его близких, многих односельчан, сожгли родную деревню Звозы, что на Волыни. Записи напоминают и командира группы дивизионных разведчиков старшего сержанта Анатолия Никитина, его боевых товарищей Михаила Земскова, Степана Божинова, Николая Степаненко, других, много раз ходивших в ближние и дальние тылы врага. Надеюсь, что они живы и прочтут эти строки.

Разбросанные по разным участкам фронта, мы, сотрудники его газеты, не чувствовали своей оторванности от родного коллектива. Фронтовики везде — одна семья. А кроме того, мы постоянно встречались на страницах газеты. Каждое удачное выступление кого-либо из коллег радовало, как свое.

Главный успех при прорыве «Пантеры» выпал на долю не 376-й, хотя и она славно тут повоевала, а соседней 128-й стрелковой дивизии, точнее, ее 374-го полка, возглавляемого двадцатидевятилетним майором Константином Шестаком. Его двенадцать саперных штурмовых групп накануне прорыва ночью заложили под вражеские укрепления крупные толовые заряды. На рассвете 22 июля мощный взрыв образовал брешь, в которую ринулись воины полка, а затем и всей дивизии.

Мы с Кондрашевым к месту прорыва не опоздали. На окраине пылающего города присоединились к полковому командиру, который передвигался в боевых порядках своих атакующих бойцов. С ними достигли центра Пскова, реки Великой, форсирование которой началось на наших глазах…

Неудержимо ринулись вперед войска 3-го Прибалтийского, освобождая псковскую землю, потом города и тысячи населенных пунктов Эстонии, Латвии. Вслед за войсками продвигалась редакция газеты «За Родину», а ее литературный состав по-прежнему находился там, где кипели ожесточенные бои, где рождалось горячее, страстное слово, помогающее воинам побеждать.

Николай ДЕНИСОВ. В ЕДИНЫХ БОЕВЫХ РАСЧЕТАХ

Широко известны и фотографии, и кинокадры, сделанные в День печати победного сорок пятого года в Берлине возле поверженного фашистского рейхстага. Тогда там собрались, к сожалению, далеко не все военные журналисты центральной прессы, принимавшие участие в завершающем сражении Великой Отечественной войны. Среди тассовцев и правдистов, известинцев и краснозвездовцев, корреспондентов Совинформбюро, «Комсомолки» и других изданий — немало писателей-фронтовиков. На снимке мы видим Всеволода Вишневского и Бориса Горбатова, Леонида Кудреватых и Всеволода Иванова, Александра Бека, Цезаря Солодаря, Евгения Габриловича, Бориса Галина, Василия Величко и многих других журналистов, литераторов. На всех боевых рубежах — от огневого Подмосковья и приволжских круч до берегов Шпрее и Эльбы — советские писатели, поэты и драматурги в одном строю с работниками дивизионной, армейской, фронтовой, флотской и центральной печати делили и тяготы походной жизни, и радости боевых успехов. Плечом к плечу по полям сражений с гитлеровцами шагали журналистика и литература, ярко рассказывая народу, людям доброй воли всего мира о подвигах советских воинов в ожесточенной борьбе с фашизмом.

Автору этих строк, всю войну проработавшему в центральной военной газете «Красная звезда», довелось не единожды выполнять редакционные задания в едином журналистском боевом расчете со многими литераторами. Вот некоторые эпизоды подобной работы, когда журналистская строка сливалась на газетной полосе со строкой писательской…

На южном крыле

Первые недели сражений с гитлеровскими захватчиками. Южное крыло гигантского советско-германского фронта, протянувшегося от Баренцева до Черного моря. Берега Прута и Днестра. Части 9-й армии бывшего буденовца Я. Т. Черевиченко самоотверженно сражаются с наседающим противником. Наша небольшая группа краснозвездовцев, располагая двумя машинами — «эмкой» из одесского таксомоторного парка и «фордиком», подобранным в одном молдавском селении, кочует по разным

участкам фронта, собирая материалы для очередной корреспонденции. Вчера писали о кавалеристах Павла Алексеевича Белова, которые в пеших боевых порядках отражали атаки врага; сегодня — о летчиках Героя Советского Союза Александра Осипенко, сбивших над Кишиневом десяток гитлеровских бомбардировщиков; завтра собираемся побывать на сборном пункте военнопленных в Первомайске — там находятся офицеры и солдаты, захваченные батальоном В. А. Вруцкого, разгромившего поистине суворовским ударом три фашистских полка.

— Можно и я подскочу с вами? — спросил меня в политотделе армии британоголовый, коренастый, крепко сбитый батальонный комиссар. — Надо же поглядеть, какие они, эти фашисты, — застенчиво улыбаясь, добавил он.

— Конечно! Выедем пораньше, чтобы успеть еще к летчикам…

Так мы познакомились с Борисом Леонтьевичем Горбатовым — специальным корреспондентом газеты Южного фронта «Во славу Родины». В ее редакции тогда трудились Сергей Михалков, Владимир Поляков, Илья Френкель, Александр Левада.

Тронулись в путь, как и договорились, пораньше, лишь только рассвело. В ту пору над прифронтовыми дорогами непрерывно шастали «мессершмитты». Пришлось все время поглядывать на небо, разбив его как бы на секторы наблюдения. На долю Бориса Горбатова выпало предупреждать об опасности, если она возникнет справа и сзади от открытого «фордика». И надо сказать, наш спутник оказался весьма внимательным, чему, вероятно, научился еще в дни войны с белофиннами на Карельском перешейке. Во всяком случае по горбатовской команде «Воздух!» мы трижды или четырежды выскакивали из машины и укрывались от вражьих атак в придорожных кюветах.

Вот и утопающий в зелени Первомайск. Находим помещение, где содержатся военнопленные. Среди них — оберст, худощавый, подтянутый кадровый офицер. Поинтересовались, кто он таков. Разговаривает он через переводчика. Оберст — сын прусского помещика. В первую мировую войну служил в одной части с Германом Герингом. С гордостью говорит, что до последнего времени перед началом «русской кампании» они переписывались.

— Нашел чем хвастать, — насмешливо заметил Горбатов и, развернув карту, сказал — Пусть расскажет, как его распотрошили наши бойцы…

Мы-то знали, что это случилось всего пару дней назад. Артиллерийская колонна, которую возглавлял сей оберст, попала под неожиданный удар нашего арьергардного батальона В.А.

Вруцкого. Мы видели поле после того боя, загроможденное десятками семитонных автомашин, тягачами, орудиями. Каминский не очень-то охотно, но все же показал на карте лощину, по которой двигались его два артиллерийских полка и пехотное прикрытие. Никто не думал, что на них могут напасть русские. И вдруг возникла стрельба, в колонне стали разрываться гранаты. Солдаты начали разбегаться, прятаться в канавах. Офицеры не слушали его команд. Многие сразу же подняли руки, сдаваясь в плен.

— И вы тоже?

Оберст дипломатично промолчал.

— Наверное, довольны судьбой? — поинтересовался Горбатов. — Вам теперь уже не угрожает ни ранение, ни смерть…

— Нет, — резко ответил гитлеровец, — очень сожалею, что пришлось так рано выйти из игры…

— Из войны, — сердито поправил фашистского оберста Борис Леонтьевич, — из войны, на которую поднялся весь наш народ!

Другой военнопленный — лейтенант, при допросе которого мы присутствовали, являл собою типичного представителя фашистской молодежи. Его коренастую фигуру венчала голова с низким лбом и волосами, стриженными ежиком. Он зло вглядывался в пятиконечные красные звездочки на рукавах пропыленной гимнастерки Горбатова. Отвечал на вопросы насупившись, язвительно поджимая губы. Казалось, будь его воля, он тут же пустил бы в ход свои тяжелые кулачищи. А Борис Леонтьевич, словно бы не замечая того, спокойно выяснял все, что его интересовало в мышлении этого фанатичного фашиста.

Были в тот день беседы и еще с несколькими гитлеровцами, плененными в том же бою. Помнится, Горбатов потом выступил в своей газете со страстной публицистической статьей, в которой на конкретных примерах, называя имена тех офицеров и солдат противника, с которыми мы беседовали, раскрывал идеологию врага. В той статье, опять-таки с приведением реальных эпизодов, говорилось и о том, что гитлеровцев можно и нужно бить, умело используя для того всю силу своего оружия, свое воинское мастерство.

И еще не раз нам, краснозвездовцам, работавшим в ту пору на Южном фронте, доводилось встречаться с Борисом Горбатовым. То во время журналистских бесед с командующим фронтом И. В. Тюленевым, то в совместной поездке в части, сражавшиеся на Буге и под Николаевом, то в легендарной Каховке. Там, кстати сказать, на берегу Днепра, Борис Леонтьевич читал нам только что завершенное первое «Письмо к товарищу». Оно открыло целую серию ярких обращений к советским воинам,

проникнутых глубокой партийной уверенностью в правоте дела нашего народа.

А потом Борис Горбатов перешел работать в «Правду». В последний раз во фронтовой обстановке мы виделись с ним на объятых огнем улицах Берлина, у стен рейхстага, штурмуемого частями стрелкового корпуса генерала С.Н. Переверткина. Из берлинского пригорода Карлсхорста Борис Горбатов вместе с правдистом Мартыном Мержановым и написал свою последнюю военную корреспонденцию. Она заканчивалась просто и вдохновенно: «Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Пушки больше не стреляют!» Это было напечатано в «Правде» 9 мая 1945 года, в радостный День Победы…

У нас — голубые петлицы

Суровой военной зимой сорок первого — сорок второго года оперативная группа «Красной звезды» обосновалась на пятом этаже старого, массивного здания «Правды». В дни сражения на полях Подмосковья, где занялась заря всех будущих успехов Советской Армии, нашу газету выпускало всего несколько человек; их можно было пересчитать по пальцам. Каждый в ту пору работал, что называется, за троих. Иные ранним утром выезжали на боевые рубежи за свежими материалами и к исходу дня возвращались; быстренько «отписывались», вычитывали сверстанные полосы и после коротенького и тревожного отдыха — снова в путь.

Среди тех немногих, кто тогда писал оперативные корреспонденции и готовил к печати обильную редакционную почту, был и плечистый, смуглолицый, темноволосый старший политрук, носивший такие же, как и на моей гимнастерке, голубые авиационные петлицы, — Савва Дангулов, широко известный в наши дни автор интереснейших романов о советских дипломатах. Мы познакомились с ним еще осенью, когда я на несколько дней прилетал в столицу с фронта. Наш неутомимый редактор Д. И. Ортенберг, сведя нас, сказал:

— Нужно, чтобы вы вместе всерьез занялись авиационной тематикой в газете…

Дангулов до войны несколько лет работал в многотиражной газете Научно-испытательного института Военно-Воздушных Сил, близко знал многих знаменитых летчиков, в том числе Валерия Чкалова и Михаила Громова, экипажи которых совершили беспримерные арктические перелеты. Он корреспондировал о них в «Красную звезду», много раз встречался с видными

авиаконструкторами, создававшими новую технику. Поэтому на первых порах решили так: мой напарник, используя в интересах дела прежние связи, возьмется за рассказы о тех авиаторах — и, разумеется, привлечет их в качестве авторов, — которые ушли в действующую армию. Ведь тот же М. Громов, скажем, стал командовать авиацией Калининского фронта, А. Юмашев и Г. Байдуков — теперь командиры боевых авиасоединений, известный летчик-испытатель П. Стефановский командует одним из истребительных полков, прикрывавших столицу от налетов вражеских бомбардировщиков. Несомненно, что читателям газеты было бы интересно узнать об их боевых делах. Да и выступления в «Красной звезде» таких видных летчиков были бы весьма полезными.

Стараниями Дангулова они появились на страницах газеты, как и его собственные, сочно, со знанием дела написанные очерки о летчиках, в том числе и о Викторе Талалихине, которого сразу после совершенного летчиком в московском небе ночного тарана Дангулов прямо с аэродрома привез в редакцию. Запомнились очерки и о «горных орлах» — Ибрагиме Дзусове и Кубати Карданове — защитниках близкого дангуловской душе седого Кавказа.

Поскольку мы с Саввой Артемовичем решали как бы единую задачу, нам, разумеется, хотелось побывать вместе в авиачастях. Но вдвоем в такие поездки редактор не отпускал. Приходилось чередоваться: пока один из нас во фронтовой командировке, другой несет вахту в редакции. Но иногда случалось, что оба пребывали в Москве. Кабинетики наши — небольшие, с весьма скромной обстановкой: стол, стул, диванчик, на котором спали не раздеваясь, — находились рядом. Словом, на дню видались по нескольку раз. А вечерами иногда спускались этажом ниже, где обитали друзья- правдисты, либо приглашали их к себе «на огонек». Тогда-то нам и довелось поближе познакомиться с Борисом Полевым, Владимиром Ставским, Петром Лидовым, видеться с Михаилом Шолоховым и Александром Фадеевым, выезжавшими на фронт по заданию «Правды».

В пору развернувшегося во всю силу контрнаступления наших войск в Подмосковье я выполнял редакционные задания в сочетании со службой офицера связи штаба военно-воздушных сил Западного фронта. Выпало тогда не один раз принимать участие в боевых полетах — в рейдирующий по тылам врага 2-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, к партизанам Смоленщины, бывать на аэродромах бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. По выполнении этих заданий, помимо официальных рапортов и донесений, представляемых по

команде, в редакцию шли оперативные корреспонденции. Прежде чем оказаться на газетной полосе, они попадали в руки Саввы Дангулова. Он, готовя их к печати, редактировал каждую написанную иногда наспех страничку, весьма бережно, внимательно относясь к любой фразе и даже к слову. По его совету эти корреспонденции составили небольшую книжечку библиотечки журнала «Огонек». Она так и называлась — «Записки офицера связи» и очень дорога мне тем, что, по сути дела, стала первой в моей журналистской жизни. А путевку в жизнь ей дал именно он, боевой товарищ и друг Савва Дангулов.

Немногословный, неторопливый, всегда удивительно спокойный, обладающий своеобразной округлой жестикуляцией и размеренной, по-южному напевной речью, Савва Артемович и писал так же обстоятельно и точно, каким был в повседневном обиходе. Человек отменного трудолюбия, он охотно брался за самые сложные редакционные задания. На Западном фронте бывал у воздушных десантников, на Калининском — у летчиков. Когда развернулась битва за Кавказ, ездил в войска, сражавшиеся на грозненском направлении и под городом Орджоникидзе, где еще в тридцатых годах работал в газете «Власть труда». В сорок третьем году на Воронежском фронте, под Кантемировкой, отличился в ночном бою и командованием соединения, ведшего тот бой, был представлен к правительственной награде.

Не забыть мне участливости, доброй дружеской поддержки, оказанной Саввой Артемовичем в день аварии, происшедшей неподалеку от одного из подмосковных аэродромов, примерно в том месте, где теперь находится станция метро «Юго-Западная». Всякий раз, бывая там, я невольно припоминаю тот случай и конечно же Савву Артемовича. А произошло тогда вот что. По нелепой случайности, которая бывает, как говорят в авиации, один раз в тысячу лет, перетерся трос управления руля глубины. И связной самолет, взявший курс на Сталинград, где наши войска перешли в контрнаступление, начал падать вниз. То, что машина счастливо угодила в припорошенный снегом старый окоп, смягчивший силу удара о мерзлую землю, дало возможность нам отделаться легкими ранениями и ушибами. Прознав о случившемся, Дангулов тут же прискочил к месту происшествия. Да еще с радостной вестью: за обшлагом шинели привез только что полученную телеграмму: с Урала, из эвакуации, возвращаются мои близкие. К поезду на Казанский вокзал встречать их поехали, разумеется, вместе…

Локоть к локтю, строка к строке мы провели с Саввой Артемовичем на краснозвездовской стезе почти два фронтовых года. Вместе пережили сражения на подмосковных рубежах,

Сталинградскую битву, ожесточенные бои на кавказских бастионах, другие события той огневой поры и расстались незадолго до исторической битвы на Курской дуге. И после, на дорогах Великой Отечественной, довелось не раз встречать Дангулова, но уже в новом качестве — как работника Наркоминдела, руководителя групп зарубежных журналистов в их поездках на фронты. Он бывал с иностранными корреспондентами в Ленинграде, под Корсунь-Шевченковским, в Севастополе и Одессе, под Уманью и Яссами…

В последние годы ветераны-краснозвездовцы в День Победы собираются в гостеприимном столичном Доме литераторов. На эти дружеские встречи обязательно приходит и Савва Дангулов — фронтовик, дипломат, талантливый писатель, на полевой гимнастерке которого в военное лихолетье голубели близкие моему сердцу авиационные петлицы…

«ТБ-7» № 42066

Не погрешу против истины, утверждая, что одним из самых оперативных писателей, работавших в «Красной звезде» в военную пору, был прозаик и поэт Константин Симонов. Его корреспонденции публиковались со всех фронтов, он всегда находился в гуще ключевых боевых операций. Этого рослого, веселого, доброжелательного человека хорошо знали в войсках и на флоте. Мне довелось оказываться рядом с ним в дни сражения на полях Подмосковья, в ходе Сталинградской битвы, на Кубани, в других местах. А однажды, вместе с ним готовя для газеты крупный материал, наблюдал, как Константин Михайлович в беседах с участниками события сноровисто и умело собирает факты и детали, которые придавали его фронтовым корреспонденциям и очеркам предельную достоверность, делали их такими содержательными, точными.

Весною сорок второго года, как известно, в Лондоне был подписан договор между СССР и Великобританией о союзе в борьбе с гитлеровской Германией. Мировая пресса сообщала также о совещании в Вашингтоне представителей Советского государства с президентом США и подписании соглашения о принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессора. Организационно закреплялось создание антигитлеровской коалиции. На повестку дня ставился вопрос об открытии второго фронта в Европе. Это было событием немалого военно-политического значения.

В редакции стало известно, что в Англию и на американский континент советские дипломаты летали на четырехмоторном воздушном корабле «ТБ-7». Маршрут боевого самолета пролегал над Германией, над морями, где патрулировали фашистские истребители. Словом, полет тот совсем не походил на рейсы современных воздушных лайнеров; вместо комфорта — одни опасности. И, разумеется, опубликовать развернутый материал об этом необычном дальнем путешествии было весьма заманчиво. Получив «добро» от главкома Авиацией дальнего действия Л. Е. Голованова, на аэродром бомбардировочной дивизии отправились втроем: Константин Симонов, фотокорреспондент Виктор Темин и автор этих строк.

Вот и опушка хвойного леса, где располагалась стоянка воздушных кораблей. Тот, что нам нужен — «ТБ-7» с бортовым номером 42066, прикрытый маскировочной сетью, — тяжело опираясь массивными шасси на песчаную землю, своими рубками — пилотской, штурманской и стрелков-радистов — почти касался крон высоких сосен. Симонова, впервые увидевшего эту машину, поразили ее габариты: размах крыльев — почти сорок метров, а длина фюзеляжа (он измерил ее шагами) — почти двадцать пять метров!

— Не самолет, а летающий домина, — шутливо заметил Константин Михайлович, присаживаясь на одну из разложенных подле «ТБ-7» крупнокалиберных бомб; экипаж загодя готовился к очередному боевому вылету.

Времени до него оставалось немного, а нам следовало обстоятельно потолковать с авиаторами о том необычном рейсе в Англию и Соединенные Штаты Америки. Поскольку все тринадцать членов экипажа оказались на месте, решили предоставить первое слово теминской «лейке». А потом уж состоялось более подробное знакомство со всей командой воздушного корабля, костяком которой являлись командир уроженец Сибири Э. К. Пусеп и штурманы А. П. Штепенко, полярник, родившийся в Днепропетровске, и москвич С. М. Романов. Симонов начал беседовать с командиром — летчиком опытным, выполнившим за первые месяцы войны около сорока бомбардировок военных объектов в Берлине, Данциге (ныне — Гданьск), Кенигсберге (ныне — Калининград). У меня завязался профессиональный разговор с штурманами. Мы быстро нашли общий язык, тем более что один из штурманов — Романов, бывший слесарь Мытищинского завода, всего годом позднее меня закончил Оренбургское авиаучилище, и мы, таким образом, оказались своего рода бывшими однополчанами.

Беседы наши с авиаторами протекали и возле воздушного

корабля, и в его отсеках. Константин Михайлович постарался побывать на всех рабочих местах экипажа; интересовался, где и как размещались в самолете члены правительственной делегации, как они чувствовали себя в воздухе, что именно больше всего запомнилось в этом международном рейсе. Чтобы поглубже вникнуть в материал, писатель хотя и коротко, но все же поговорил с каждым авиатором: с бортинженерами, механиками, стрелками-радистами. Признаться, меня тогда несколько удивила дотошность, с которой он расспрашивал участников перелета о впечатлениях, вынесенных не только из долгих часов пребывания в воздухе, но и из встреч на земле с англичанами и американцами. И лишь потом, когда очерк был написан, стало понятно: детали эти, мастерски вплетенные в ткань рассказа о рейсе «ТБ-7», придали тексту выразительность, подчеркнули главное.

Перипетий на пути протяженностью в двадцать тысяч километров оказалось предостаточно. Полет проходил на пороге стратосферы, всем пришлось надеть кислородные маски. Линию фронта пролетали за облаками; над вражеской территорией в разрывах туч сверкали лучи прожекторов, пытавшихся «схватить» воздушный корабль; по нему вели огонь зенитные батареи. От разрывов снарядов, ложившихся совсем рядом, удалось увернуться непрерывным маневром. Навигационное счисление пути вели астроориентировкой. Встречный ветер удлинил маршрут до Англии на два часа. Да еще над Северным морем появились неполадки в одном из моторов…

В общем экипажу пришлось немало понервничать; ведь отвечали не только за себя, а прежде всего за своих пассажиров, людей, мало привычных к суровым условиям боевого полета. Размещались они, одетые в меховые комбинезоны и унты, кто на железных сиденьях, кто прямо на полу. В неотапливаемом фюзеляже было холодно — на высоте восемь тысяч метров температура за тридцать градусов мороза. Людей, разумеется, не могли не стеснять и кислородные маски. Но все члены дипломатической делегации проявляли выдержку, старались ничем не выдать своего вполне естественного волнения.

Дальше на маршрутах из Великобритании в США и обратно полет протекал спокойнее. Но когда возвращались на родину, снова пролетали над фашистской Германией и экипаж вел воздушный корабль с определенной опаской. Облачности, за которой можно было укрыться, не оказалось; шли на виду у гитлеровской противовоздушной обороны. Пусеп часто изменял высоту и курс следования, чтобы сбить с толку истребителей и зенитчиков врага.

Пока советские дипломаты вращались в правительственных кругах, у авиаторов возникали встречи с трудовым людом Лондона, Вашингтона и других городов.

Если меня в беседах с экипажем интересовали прежде всего летные и тактические подробности рейса, то Симонов, расспрашивая авиаторов, старался узнать в деталях, как относятся люди в Англии и Америке к борьбе с фашизмом, которую ведет наш народ. При этом нельзя было не обратить внимание, что Константин Михайлович, засыпая членов экипажа градом вопросов, почти ничего не записывал, а словно губка, впитывал в себя ответы, порою весьма меткие. Они потом были воспроизведены им в очерке полно и выразительно. Такова была симоновская манера бесед — все услышать, все запомнить…

Весь день, до позднего вечера, мы провели с экипажем. Вместе пообедали и поужинали в летной столовой, а когда стемнело, проводили товарищей в боевой полет. Цель — бомбометание в дальнем глубоком тылу противника. А мы, возвратившись в редакцию, сразу уселись за работу. На мою долю выпало описание особенностей рейса, а Константин Михайлович взял на себя «моральную» сторону: характеристика экипажа, его мысли, впечатления, политическое значение совершенного. Очерк решили построить в виде рассказа экипажа об особом задании.

Работали всю ночь. Сначала раздельно, потом вместе. Свели текст в единое целое. Получилась газетная полоса с крупной шапкой: «СССР — Англия — США — СССР». В полдень свезли гранки в штаб Авиации дальнего действия. А.Е. Голованов сделал несколько мелких уточнений и завизировал материал. Очерк ему, да и всем, кто его читал, понравился. Он наглядно демонстрировал силу нашей страны, ее потенциальные возможности в борьбе с врагом. Ведь дело происходило весною трудного сорок второго года.

Редакционное задание мы тогда выполнили оперативно, но полосу ту по обстоятельствам, от «Красной звезды» отнюдь не зависящим, так и не опубликовали. А жаль…

У дальних бомбардировщиков

Начиная с сорок восьмого дня Великой Отечественной войны, когда балтийскими летчиками был нанесен первый удар с воздуха по военно-промышленным объектам Берлина, самолеты нашей Авиации дальнего действия систематически бомбардировали глубокие тылы гитлеровской Германии и подвассальных ей стран. «Красная звезда» систематически

публиковала оперативные корреспонденции о результатах этих налетов. Но помимо этого хотелось украсить страницы газеты добротным писательским очерком о мужественных экипажах воздушных кораблей, принимавших участие в таких сложнейших операциях. Подобную тему решили предложить Алексею Николаевичу Толстому, благо он уже не раз бывал на аэродромах и выступал в газете с материалами, посвященными действиям нашей авиации. Запомнился, скажем, опубликованный им в дни сражения за Москву публицистический очерк о защитниках столичного неба с емким заголовком: «Таран». В том очерке выразительно и ярко, по-толстовски, говорилось, в частности, о летчике Алексее Катриче, свалившем с неба фашистский «дорнье», о храбрости и самоотверженности других советских истребителей, которые винтами своих машин обрубали крестатые крылья гитлеровского люфтваффе.

— В какую авиачасть направить вас с Алексеем Николаевичем? — спросил меня наш редактор Д. И. Ортенберг.

Я знал, что в ту пору — а дело происходило весною сорок третьего года, незадолго до начала Курской битвы, — неподалеку от Москвы базировалось соединение дальних бомбардировщиков, которым командовал генерал Е. Ф. Логинов. Многие летчики и штурманы этого соединения не раз отличались во время бомбовых ударов по различным целям в глубоком тылу противника. Да к тому же их командир был когда-то моим сослуживцем по Дальнему Востоку; мы не единожды летали вместе на флагманском воздушном корабле авиабригады особого назначения по многочасовым маршрутам над Приморьем и Тихим океаном во время боев на озере Хасан: он — первым пилотом, я — штурманом.

— Ну что же, — одобрил редактор, — не возражаю, поезжайте к Логинову. Да прихватите с собою фотокорреспондента, лучше всего Виктора Темина…

Ранним утром мы, краснозвездовцы, подкатили на редакционной «эмке» к дому, что стоит на изгибе улицы, идущей от Никитских ворот к Садовому кольцу. Здесь тогда жил Толстой. Заранее предупрежденный редактором, он уже ждал нас. Сборы недолгие. Алексей Николаевич попросил только домашних наполнить дорожный ларец «чем бог послал», быстренько оделся: просторное демисезонное пальто, широкополая фетровая шляпа. Добираться до аэродрома не так уж долго, зачем же ларец со съестным?

— Знаете, — возразил Алексей Николаевич, — любая дорога свои подорожнички любит…

И, надо сказать, поговорка оправдалась. Проехав километров

тридцать — сорок, остановились: неполадка в моторе. Тут-то ларец и пригодился! На краю придорожного кювета расстелили скатерть-самобранку, и, добродушно посмеиваясь, Алексей Николаевич принялся угощать нас и водителя прихваченным из дому…

О чем разговаривали в пути? Конечно же о делах на фронте. Мы с Теминым незадолго до этой поездки возвратились с Кубани. И, естественно, беседа зашла о том, что довелось видеть в тех краях — в освобожденных от врага Майкопе, Краснодаре, многих кубанских станицах, о боях нашего десанта на Малой земле под Новороссийском. Алексея Николаевича, как члена Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, заинтересовали наши рассказы о гестаповских «душегубках» — специальных автомашинах, в которых там, на юге, они умерщвляли советских людей. Мы видели один из таких «газвагенов» — чудовищное изобретение гитлеровцев.

— Палачи-изуверы, — коротко резюмировал Толстой, погрузившись в долгое раздумье.

Но вот мы и добрались до аэродрома. Авиаторы встретили нас тепло, гостеприимно. Пока обедали в летной столовой, из штаба Дальней авиации возвратился командир соединения с только что полученным боевым заданием. И тотчас же в подразделениях закипела хорошо знакомая мне работа. Техники и механики направились к машинам — надо осмотреть двигатели и все оборудование, заправить баки топливом, подвесить бомбы, зарядить бортовое оружие. Летные экипажи занялись предполетной подготовкой. На картах прокладывали маршруты, уточняли высоты и курсы следования каждого эшелона, изучали метеосводки, прорабатывали порядок противозенитного маневра над целями; словом, «проигрывали» весь полет от старта и до посадки при возвращении на свой или запасные аэродромы.

Мы с Алексеем Николаевичем побывали в эти часы в нескольких эскадрильях. Логинов поручил мне быть своего рода гидом писателя, пояснять, чем занимаются экипажи. А потом и сам присоединился к нам, очень толково — он всегда умел делать это — рассказывая об особенностях выполнения боевой задачи. Алексею Николаевичу многое из деталей повседневной боевой деятельности авиаторов было знакомо, но, проявляя завидную любознательность, он старался как можно глубже вникнуть в особенности службы экипажей дальних бомбардировщиков. Высокий, грузноватый, он легко забирался в кабину «Ильюшина-4», словно бы осваивая рабочие места летчиков и штурманов — героев будущего очерка. Крупные руки писателя

ложились на штурвал боевой машины, касались тумблеров на приборной панели, а глаза, живо поблескивавшие за стеклами очков, внимательно разглядывали условные знаки маршрутов, проложенных на полетных картах. Вместе с техниками и механиками он прислушивался, как гудят двигатели самолетов.

Всем своим поведением на том аэродроме Алексей Николаевич как бы подтверждал слова, сказанные им в одной из бесед с известным советским летчиком-асом — Александром Покрышкиным. На вопрос авиатора, почему, мол, наши литераторы не больно часто и хорошо пишут о летчиках-фронтовиках, Толстой ответил:

— Думаю, вовсе не потому, что советская авиация не заслужила повестей и романов. Просто наши писатели еще мало ее знают. Взять, скажем, тот же воздушный бой. Даже внешне он являет захватывающую картину. А ведь это, помимо всего, — сгусток храбрости, воли, мастерства. Это своего рода произведение военного искусства. Надо располагать глубокими знаниями, чтобы показать его динамику, четко, образно выписать все его оттенки. Значит, мне и другим писателям нужно хорошенько изучить ваше дело, прежде чем браться за перо…

…Когда стемнело, в воздух непрерывной чередой, помигивая навигационными огоньками, стартовали воздушные корабли. Проводив экипажи, пошли на командный пункт. Там на щите с оперативной картой можно было видеть, как передвигаются силуэтики, обозначавшие бомбардировщики, следовавшие своими курсами к дальним целям. Удар той ночью авиасоединение Логинова наносило сразу по нескольким глубинным объектам врага. Пристально следя за перемещением этих силуэтиков, за многими из которых подразумевались воздушные корабли, чьи экипажи только что беседовали с Толстым, он как бы становился участником боевой операции. Да так это и было! Один из командиров кораблей, возвратившись с задания, после доклада командиру обратился к Алексею Николаевичу:

— На подходе к цели всем экипажем решили отбомбиться как можно лучше — в честь советской литературы!

— Спасибо, смелые русские витязи! — растроганно воскликнул Алексей Николаевич.

Экипажи всех «Ильюшиных-4» в ту ночь выполнили свои задания. Под утро авиаторы устроили нечто вроде позднего ужина или раннего завтрака. И вновь завязалась оживленная беседа. В ней принимали участие летчики и штурманы некоторых кораблей, возвратившихся из боевого полета. И надо было видеть, как тактично направлял Толстой этот разговор именно в то русло, которое нужно было ему, литератору; сколь умело заставлял он

говорить людей о том, что было у них на душе. Многим, в том числе, разумеется, и командиру соединения Евгению Федоровичу Логинову, ставшему после войны маршалом авиации и начальником Главного управления Гражданского воздушного флота, писатель подарил тогда томики своего «Петра Первого» с теплыми памятными надписями.

Когда мы возвратились в редакцию, чтобы доложить о результатах поездки, Д. И. Ортенберг отрывисто и, как всегда, безапелляционно сказал:

— Очерк должен пойти в номер!

— Постараюсь сделать, — посасывая трубку, ответил Толстой. К вечеру машинистки стали перепечатывать листки его рукописи для сдачи в набор…

Полтысячи фронтовых суток

…Почти всю ночь, оставив свой «Як-6» на полевой посадочной площадке близ штаба Брянского фронта, медленно продвигаемся с колонной автомашин, груженных боеприпасами, горючим и продовольствием. Справа и слева горизонт окаймляют вспышки орудийных выстрелов, в небе гирляндами повисают осветительные ракеты. Все вокруг грохочет. Но поток машин не останавливается — с каждой минутой приближаемся к острию клина, вбитого нашими войсками в оборону врага. И только под утро выскакиваем на прямое как стрела шоссе. Воздух — чадный от пожарищ в Орле. Въезжаем в город со стороны вокзала. Вокруг снуют саперы с длинными металлическими щупами — нет ли мин? А где же вокзал? От него остались груды битого кирпича, обломки рельсов, остовы товарных вагонов, исковерканные паровозы…

Мы — писатель Борис Галин, фотокорреспондент Сергей Лоскутов и автор этих строк — одна из оперативных групп краснозвездовцев, которые стали создаваться с тех пор, как прогремели первые залпы исторической битвы на Курской дуге. Редакция, широко используя предоставленный командованием Военно-Воздушных Сил двухмоторный связной самолет «Як-6», выбрасывала подобные группы из трех-четырех человек на те направления, где происходили наиболее важные события. Собрав на том участке фронта нужный материал, в тот же день или в крайнем случае назавтра журналисты возвращались в Москву с корреспонденциями и фотопленкой, а затем — снова в воздух, снова на фронт. Мне, как авиатору, обычно приходилось принимать участие в большинстве таких вылетов. Первый в дни

начавшегося сражения на Курской дуге был произведен на Центральный фронт К. К. Рокоссовского, под Поныри; второй — на Воронежский фронт Н. Ф. Ватутина в район Обояни и Прохоровки, где произошло знаменитое танковое сражение. А теперь вот мы — на Брянском фронте М. М. Попова, войска которого только что ворвались в Орел.

Едем по полуразрушенной улице к центру города. Многие дома горят, пламя выбивается из-под крыш, из окон. Слышатся недалекие автоматные очереди — наши солдаты «выкуривают» фашистов, засевших в подвалах. Безлюдно. Но вот наперерез машине бежит женщина с охапкой полевых цветов:

— Возьмите!

Ну как было не принять этот подарок, хотя по праву он должен был принадлежать вовсе не нам, журналистам, а тем бойцам, что впереди и уже перебираются по остаткам взорванного моста через Оку. На ее берегах, на улицах города наскоро беседуем с солдатами и офицерами, узнаем подробности сорокачасового штурма орловского гарнизона гитлеровцев. Находим майора П. М. Плотникова — командира 1260-го стрелкового полка, водрузившего красный флаг на одном нз чудом сохранившихся высоких зданий города. Сергей Лоскутов фотографирует Плотникова и его бойцов, делает множество других снимков. А мы с Борисом Галиным набираемся впечатлений, записываем в блокноты новые и новые факты. Забредаем в дом, где размещалось гестапо, разговариваем с орловчанами, уцелевшими от угона в гитлеровское рабство. Принимаем участие в похоронах танкистов, погибших в боях за Орел…

Но пора собираться и в обратный путь, к вечеру надо обязательно попасть в редакцию. Оперативные материалы о взятии Орла должны пойти в очередной, завтрашний номер газеты. Добравшись до своего «Як-6», сразу же идем на взлет. Посадочная площадка поросла высокой травой, которая притормаживает разбег самолета. С трудом, но все же кое-как оторвались от земли, едва не задевая крыльями высокие деревья. Оглядываюсь: как чувствует себя Галин? А он, душевная простота, и не заметил опасности. Флегматично зевнув, лишь поинтересовался, сколько же времени нам лететь до столицы, и снова уткнулся в записную книжку.

Приземлившись на Центральном аэродроме, мы не стали вызывать редакционную машину, решили добираться до редакции на улицу Чехова на троллейбусе. Он был переполнен. Но стоило Сергею Лоскутову крикнуть женщине-водителю, что мы, мол, с фронта, как пневматика тут же сработала, дверцы раскрылись.

Показывая пассажирам уже увядшие цветы, подаренные орловчанкой, мы рассказывали об увиденном в Орле. Многие, наверное, проехали в тот час нужные им остановки: всем хотелось из первых уст услышать о победе советских войск…

Когда верстались газетные полосы с нашими «орловскими» материалами, по темному августовскому небу прокатились орудийные залпы. То был первый за всю войну столичный артиллерийский салют в честь наших войск, освободивших в один и тот же день два ключевых города Курской дуги — Орел на ее северном фасе и Белгород — на южном. Вот почему, едва рассвело, мы с Галиным вновь оказались на борту «Як-6». Курс — на Белгород.

Так началась наша длительная, примерно в полтысячи суток, совместная журналистская работа с Борисом Галиным. Хрупкий на вид, невысокого роста, он оказался весьма выносливым и неприхотливым человеком. Его работоспособности можно было только завидовать. Проведя в войсках несколько исключительно напряженных дней и сойдя по прилете в Москву с самолета, он тут же принимался за дело и спустя несколько часов мог сдать очерк в набор. Писал Галин на небольших, величиною с ладонь, листочках, так, дескать, удобнее для вычеркиваний. А вычеркивал он немало, пока не останавливался на наиболее емкой и точной фразе. Признаться, я многое перенял от него в совместной работе над газетными материалами, стараюсь придерживаться подобной манеры письма и по сие время.

Тогда, летом сорок третьего, за полсотни суток битвы на Курской дуге, мы с Галиным побывали в войсках четырех фронтов — Центрального, Воронежского, Брянского и левого крыла Западного, в трех крупных городах — Орле, Белгороде и Харькове, только что освобожденных от гитлеровцев. И, разумеется, привозили из них в редакцию сверхоперативные материалы, шедшие в очередные номера газеты. Это была интересная, я бы сказал, захватывающая журналистская работа: сегодня в жизни — завтра на газетной полосе.

Вскоре врагу был нанесен удар под Таганрогом. Мы входили в этот город вместе с передовыми частями войск Южного фронта. Разгрому таганрогской группировки гитлеровцев содействовал острый маневр кавалерийского и механизированного соединений, прорвавшихся в тыл противника. По совету командующего фронтом Ф. И. Толбухина мы с Галиным направились в Кубанский казачий кавалерийский корпус. Казаки держали дневку на хуторах. В беседах с командирами, политработниками и бойцами-конниками перед нами раскрылась картина интереснейшей операции. Суммировав эти рассказы, написали

несколько трехколоников, озаглавленных коротко: «Прорыв». Они, сразу же напечатанные в «Красной звезде», нашли живейший отклик у читателей — и на фронте, и в тылу.

Это совместное наше выступление явилось своего рода началом ряда публикаций о других крупных операциях, проводимых различными родами войск. В частности, Новороссийской, когда стремительным ударом наших частей, наступавших с легендарной Малой земли по Черноморскому побережью, и кораблей флота город был освобожден от врага. Вместе с фотокорреспондентом Сергеем Лоскутовым, чуть было не подорвавшимся тогда на вражеской мине, мы, пожалуй, первыми из журналистов центральных газет вошли в Новороссийск и, беседуя с бойцами и командирами бригад морской пехоты 318-й стрелковой дивизии, уточняли все перипетии боя, блестяще проведенного воинами 18-й десантной армии.

А в начале сорок четвертого года в газете появилась серия наших подвальных очерков, рассказывавших об окончательном разгроме вражеской блокады Ленинграда. Подготовка их к печати потребовала немалых усилий. Собирая материал, мы широко использовали непосредственно увиденное в ходе сражения на многих рубежах наступления Ленинградского фронта, постарались «пройти» от старших военачальников до рядовых бойцов, находившихся на остриях стрел ударов по врагу; иными словами, как бы проследили и рождение оперативно-технических замыслов командиров, и конкретные действия солдат. И конечно же побывали во всех местах, где происходили ключевые события операции — на Пулковских высотах и «ораниенбаумском пятачке», в Красном Селе и на Вороньей горе, в Детском Селе и Павловске, в Ропше, Гатчине, Кингисеппе, находя там детали, без которых очерки могли оказаться бледными, маловыразительными. Делали все, разумеется, быстро, без раскачки. Ведь сама природа газеты требовала, чтобы не только репортажи, но и очерки с фронта публиковались, что называется, по горячим следам.

Усилия эти окупились сторицей. «Ленинградская серия» понравилась многим читателям, вызвала обильную почту. Запомнилась открытка, присланная командиром гвардейского стрелкового соединения Н. П. Симоняком. Извиняясь, что при встрече на дневке под Кингисеппом не смог уделить нам больше времени, генерал сообщал, что после опубликования очерков в «Красной звезде» получил немало поздравлений, в том числе и от преподавателей Военной академии имени М. В. Фрунзе, где в свое время учился: они хвалили зрелость его тактического мышления.

«Когда беседовал с вами, не думал, что так получится, — писал Н. П. Симоняк, — спасибо!» Что и говорить, приятная была та открытка!

И еще одна сложная фронтовая работа с Борисом Галиным — развернутые очерки о Висло- Одерской операции, проведенной войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Готовя их, мы объездили добрую половину Польши, побывали на боевых рубежах Сандомирского и Магнушевского плацдармов, в Варшаве н Лодзи, Ченстохове и Кракове, под Вроцлавом и в Познани, в общевойсковых и танковых армиях, встречались с командующими фронтами Маршалами Советского Союза Г. К. Жуковым и И. С. Коневым, со многими другими военачальниками, командирами, политработниками и бойцами авангардных частей. Так родилась новая, крупномасштабная серия очерков, раскрывавших ход этой замечательной операции, предварявшей завершающее войну сражение — за Берлин. «Красная звезда» и закончила публикацию серии этих очерков такими словами: «На семнадцатый день наступления танкисты увидели Одер. Туман клубился над рекой. Танки шли с открытыми люками, ведя стрельбу с ходу. Командир части радировал: «Дали первый огонь на Одере вблизи Берлина!..»

…Ведя подготовку к одному из юбилеев Победы, «Правда» провела ряд встреч с ветеранами на рубежах главнейших сражений Великой Отечественной войны. Таким образом довелось побывать во многих местах, где пролегали наши с Галиным фронтовые пути-дороги. Вот островок днепровского притока — Роси. Над ним возвышаются зубчатые стены старинного замка. В сводчатых залах Музея Корсунь-Шевченковской битвы — оружие, знамена, документы, оперативные карты, фотографии военных лет. Среди многих надписей в глаза вдруг бросаются знакомые фамилии: Сидорчук, Оглезнев, Блувштейн… Батюшки! Да это же десантники, которые действовали на Черкасщине и о которых нам с Галиным пришлось в свое время написать серию очерков. Один из этих очерков — под стеклом музейного стенда.

Когда по приезде в Москву рассказал об этой неожиданной и, прямо надо сказать, приятной встрече с пожелтевшей от времени газетной полосой, Галин, усмехнувшись, заметил:

— Видать, ошибаются те, кто считает, что газета живет только один день…

В дни операции «Багратион»

Ночь на 22 июня 1944 года — третью годовщину начала Великой Отечественной войны — выпало провести под жесточайшей бомбежкой возле Полтавы, на авиабазе американских «летающих крепостей», выполнявших так называемые «челночные» полеты. Стартовав где-либо в Англии или в Италии, многомоторные бомбардировщики военно-воздушных сил США наносили массированный удар по объектам фашистской Германии или подвассальных ей стран и, не ложась на обратный курс, продолжали полет до баз, расположенных в СССР. Здесь — отдых экипажей, заправка самолетом топливом, боеприпасами и снова в полет над вражеской территорией, бомбовый удар и приземление уже на своих аэродромах.

На сей раз гитлеровские воздушные разведчики, видимо, выследили место посадки эскадрилий американских самолетов и ударили по авиабазе с воздуха. Всю ночь гудели моторы «юнкерсов» и «хейнкелей», по небу шарили прожекторы, вспыхивали разрывы зенитных снарядов, а на стоянках «летающих крепостей» полыхали пожары. Одной из вражеских бомб в ту ночь убило трех наших товарищей — корреспондентов «Правды» Петра Лидова и Сергея Струнникова, известинца Александра Кузнецова. С воинскими почестями мы похоронили их в тенистом парке возле обелиска, установленного в честь блистательной победы русских войск над иноземными захватчиками, одержанной в давние времена. У могилы, в которую под залпы винтовочного салюта опустили тела погибших, было произнесено немало добрых слов. Выступавший на траурном митинге Виктор Полторацкий, в частности, сказал:

— Они смертью своей утверждали жизнь!

Первый день четвертого года войны начался громом орудий на полях Белоруссии, где войска 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, следуя разработанному Ставкой Верховного Главнокомандования плану широкой и глубокой операции «Багратион», перешли в наступление. Через шесть суток Илья Эренбург, с которым мне посчастливилось находиться в войсках, осуществлявших эту грандиозную операцию, писал в нашей газете: «Иностранные обозреватели гадают, какова цель наступления: Рига, Минск или Брест? Советские офицеры и солдаты знают: они начали наступать на Берлин!» Да, по сути дела, эта многофронтовая операция по освобождению Белоруссии выводила наши войска к границам с фашистской Германией на главнейшем стратегическом направлении — берлинском.

Мы с Ильей Григорьевичем Эренбургом выехали из Москвы на «виллисе», когда войска четырех наших фронтов взломали оборону противника в широченнейшей, тысячекилометровой,

полосе — от озера Нещедро на севере и до истоков Припяти на юге. Бои шли под Полоцком и Витебском, возле Орши и Могилева, на бобруйском и пинском направлениях, к западу от Ковеля. Наверное, при взгляде со стороны наш журналистский экипаж, мчащийся по Минской автомагистрали, являл довольно странную картину. Рядом с солдатом-шофером — Илья Эренбург в сером штатском костюме и берете, из-под которого выбивались седоватые волосы. На заднем сиденье расположился автор этих строк в гимнастерке с полевыми полковничьими погонами и в авиационной фуражке. Все наше вооружение — два ствола: карабин водителя да «ТТ» в моей кобуре. Не очень-то густо, если учесть, что в ходе белорусского сражения за нашими передовыми частями, стремительно двигавшимися на запад, повсюду еще бродили крупные вражеские группировки, пытавшиеся вырваться из окружения. Но, как говорится, бог миловал. А потом мы обзавелись еще одной огнестрельной единицей: бойцы Тацинского танкового корпуса подарили Илье Григорьевичу — почетному члену головного танкового экипажа — трофейный пистолет.

Нагоняя уходящие вперед войска, приблизились к Березине. Вот и опустошенный врагом Борисов. Город еще дымился, всюду следы недавно закончившегося боя. Саперы торопливо стучали топорами, мастеря переправы. Возле полуразрушенного моста — генералы. В комбинезоне, ладно пригнанном по фигуре, А.М. Василевский — представитель Ставки Верховного Главнокомандования, а рядом в кителе, с планшетом на плечевом ремешке, в очках с металлическими дужками (такие очки он носил еще до войны, приходя в нашу редакцию с профессорскими статьями по тактике бронетанковых войск) — командующий 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистров. Узнав Эренбурга, военачальники накоротке побеседовали с нами об обстановке.

С самого начала поездки Эренбургу хотелось встретиться с французскими пилотами авиаполка «Нормандия», сражавшегося против общего врага крыло к крылу с советскими летчиками. И вот за Березиной уже под вечер мы оказываемся на недавно отбитом у врага аэродроме. Повсюду — остовы сожженных «юнкерсов» и «мессершмиттов». Между ними — только что приземлившиеся «Яковлевы» и «Лавочкины». Тут же и передовая команда «Нормандии — Немана», возглавляемая заместителем командира полка Луи Дельфино. Надо ли говорить, как обрадовался тому Эренбург! Расположившись за сколоченным из горбылей столиком, ужинаем с французами. Они экспансивно, перебивая друг друга, рассказывали о воздушных боях, проведенных над Борисовом; там было сбито семь гитлеровских

самолетов! Илья Григорьевич отрывисто переводил мне на русский гортанные восклицания «нормандцев». Да и принятая у летчиков жестикуляция помогала уяснить, как протекали те победные схватки в воздухе…

Командир истребительной авиадивизии, перебазировавшейся на этот аэродром, прознав, что поблизости находится Эренбург, тотчас же прислал за ним группу своих пилотов. Надо заметить, что популярность Ильи Григорьевича в войсках была преогромная. Его хорошо знали многие фронтовики — от рядовых и до высших военачальников — по гневным, разоблачающим суть фашизма чуть ли не ежедневным выступлениям в «Красной звезде». Где бы мы ни оказывались в той поездке, достаточно было упомянуть имя Эренбурга, как наш «виллис» беспрепятственно пропускали всюду. А сам Илья Григорьевич, несмотря на далеко не молодой возраст — за пятьдесят! — был неутомим. Мы обычно усаживались в машину на рассвете и покидали ее в сумерки; случались и ночные поездки. При этом Эренбург стремился находиться прежде всего там, где было «горячо». И если, честно говоря, возникала опасность, от которой писателя следовало бы оградить, он, осерчав, выбирался из машины: обойдусь, мол, без провожатых и буду там, где считаю нужным. И приходилось поступать так, как хотелось Эренбургу, хотя у меня и был строжайший приказ Ортенберга — присмотреть, чтобы Илья Григорьевич «не лез куда не надо»…

Ночь, проведенная в землянке командира истребителей, оказалась неспокойной. Никто не спал: наши ворвались в Минск! И едва развиднелось, мы с Ильей Григорьевичем помчались по автостраде туда, к столице Белоруссии.

Потянуло гарью. С холма открылся вид на Минск — многострадальный город, переживший тысячу сто суток гитлеровской оккупации. В небо поднимались клубы дыма, во многих местах полыхали языки пламени. Город был буквально начинен минами. В течение получаса на наших глазах взорвалось несколько зданий. Из массивного Дома правительства саперы выносили ящики с толом, а с его фронтона бойцы свалили фашистскую паучью свастику.

Какие только встречи не возникали в окутанном дымом городе! С жителями, наперебой рассказывавшими о зверствах гитлеровцев; с нашими солдатами и офицерами, первыми ворвавшимися в Минск. Встречались и товарищи по перу. В запыленных гимнастерках, с покрасневшими от усталости глазами корреспонденты «Правды» — Вадим Кожевников, Мартын Мержанов, Яков Макаренко; наши краснозвездовцы — Яков

Милецкий и Николай Прокофьев. Во второй половине дня, поблизости от шоссе, ведущего на Барановичи, повидались с Петром Павленко. Худощавый, подтянутый, в гимнастерке с полковничьими погонами, перехваченной ремнями, он походил на командира дивизии, на часок-другой оставившего свой командный пункт. С присущим ему юморком делился впечатлениями: «Идет группа фашистских солдат. У старшего — записка: «Препровождается в тыл восемь фрицев. Оружие оставил при себе. Водитель Герасимов…» «Перекресток. Девушка-регулировщица. Курносенькая, рязанская, а рядом, в кювете, почти полтораста гитлеровских солдат. Вышли из леса и сдались в плен девахе».

Белоруссию справедливо называли партизанской республикой. На улицах ее столицы Эренбург разговорился с командиром отряда 1-й Минской бригады, вошедшей в город вместе с нашими танкистами. Отряд втягивался на центральный проспект. Рота за ротой шли люди в штатском, вооруженные автоматами и пулеметами. У многих — ордена и медали. Колонну замыкала партизанская батарея, а за нею понуро шагали примерно полтораста гитлеровцев. Последний бой отряд вел в районе Червени. Там, не выдержав рукопашной, фашисты начали сдаваться в плен. Вот их и решили партизаны привести в Минск, чтобы «было чем похвалиться перед народом…»

И эта, и другие подобные встречи невольно припомнились, когда после войны однажды в конференц-зале «Правды» собрались бывшие партизаны во главе с начальником Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Среди них — минская подпольщица Глафира Суслова; подрывник Николай Нагибов, проведший в тылу врага больше тысячи суток; пулеметчик Дмитрий Барашкин, ставший Героем Социалистического Труда, и другие. Со многими из них нам с Эренбургом доводилось тогда встречаться и в Минске, и в Логойске или под Столбцами, возле Молодечно или Ивенца — на дорогах наступления. К сожалению, на том послевоенном партизанском собрании писателя не было — незадолго перед тем он скончался. Народные мстители почтили намять Ильи Григорьевича минутой молчания…

В Минске еще слышались взрывы, а первые эшелоны наших войск уже ушли далеко на запад, не обращая внимания на гитлеровские части, оставшиеся позади. Их группировки, порою весьма крупные, пытаясь вырваться к своим, действовали довольно дерзко. Нам с Эренбургом довелось быть свидетелями подобных боев. Как-то, на исходе дня, после поездки на приемный пункт военнопленных — а у Ильи Григорьевича к ним, разным, от

солдат до генералов, был свой особый, писательский интерес — мы направились на КП командарма В. В. Глаголева, некоторым частям которого была поручена ликвидация окруженной под белорусской столицей группировки врага. Офицеры, расположившиеся в лесочке юго-восточнее Минска, встретили нас радушно. Кто-то, зная, что Эренбург не пишет, а «выстукивает» свои статьи, положил в наш «виллис» трофей — портативную пишущую машинку; кто-то принес пачку писем фашистских солдат, найденных на полевой почте. На траве расстелили «скатерть-самобранку». Наплывали сумерки. Было удивительно тихо.

— Заночуем здесь, — предложил Илья Григорьевич.

Однако лесную тишину вдруг разорвала яростная автоматная стрельба. Она возникла где-то рядом и, ширясь, стала охватывать лесок.

— Тревога!

Все схватились за оружие. Заурчали моторы машин. Поступил приказ командарма Глаголева: немедленно оставить лесок, ибо именно через него пыталась прорваться крупная группа противника. Под пулевыми трассами наши машины прямиком через ржаное поле устремились к окраинам города. Там, в комендатуре, под грохот бомбежки повстречались с приехавшим в Минск, обеспокоенным вылазкой врага командующим 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховским.

— Чем помочь, Василий Васильевич? — спросил он командарма.

— Справимся сами, — ответил Глаголев, докладывая о принятых мерах.

Когда служебный разговор закончился, Черняховский по-дружески обнялся с Эренбургом. Оказывается, их знакомство возникло еще на Брянщине, где военачальник командовал дивизией, а Илья Григорьевич писал в «Красной звезде» об отваге ее воинов, мужестве командира — человека смелых решений, активных действий. Здесь, в Минске, им припомнились те дни. Тогда — горечь отступления. Теперь — радость боевых успехов. О многом, конечно, хотелось поговорить. Но командующего фронтом ждали неотложные дела. Он попросил:

— Приезжайте через денек-другой в штаб. На всю ночь. Тогда наговоримся вдосталь…

И такая обстоятельная и интересная беседа состоялась. Как много она дала для более отчетливого понимания происходившего как тут, на 3-м Белорусском, так и на соседних фронтах, войска которых все резче и сильнее развертывали стратегический веер наступления.

В грозовой июльский день подъехали мы к полусожженному селу Большой Тростянец, возле которого гитлеровцами был оборудован концентрационный лагерь. Эренбург, разминая затекшие ноги, сошел с машины и, чуть сутулясь, стал прохаживаться. Завернул за угол хаты и тут же позвал меня: «Сюда, скорее!» Там чернели фундаменты сгоревших бараков. Серую золу утрамбовал недавний ливень. На ней белели сотни омытых дождем человеческих черепов. В мрачном молчании мы обошли вокруг обуглившегося барака, второго, третьего. На лужайке — кладка обгоревших бревен. На них в несколько рядов опутанные колючей проволокой полусожженные трупы людей.

— Средневековое аутодафе! — горько резюмировал Эренбург эту страшную картину еще одного фашистского злодеяния. И он писал о концлагере в Большом Тростянце, о сожженной вместе с жителями деревне Хатынь, о зверствах ксендза католического собора в Ракуве Ганусевича. Писал с гневом и болью. «Нужно пройти или проехать по длинной дороге из Москвы до Минска и дальше до Вильнюса, чтобы понять тоску солдатского сердца…»

Накал боев, развернувшихся теперь уже в Польше и Литве, возрастал с каждым днем. Солдаты узнавали у местных жителей, далеко ли до границы с Германией, просили журналистов публиковать в армейской и дивизионной печати сводки, сколько еще надо пройти километров, чтобы окончательно изгнать оккупантов с советской земли.

Однажды под Вильнюсом заночевали на полевом аэродроме истребителей генерала авиации Т. Т. Хрюкина. Они только что вылетали на штурмовку приграничных городков Восточной Пруссии. До сих пор над фашистской Германией появлялись лишь бомбардировщики. Теперь пришла пора «Яковлевых» и «Лавочкиных». И надо было видеть возбужденные лица летчиков, возвратившихся из таких полетов: они были над Пруссией! Возмездие за все свершенное врагом в наших селах и городах неотвратимо настигало его и на земле, и с воздуха. Именно об этих летчиках, сражавшихся еще под Москвой и Сталинградом, Илья Григорьевич потом говорил так: «Мы увидели на их груди медали с зелеными ленточками. Они проделали трудный путь от Волги до Днепра и теперь пришли к Вилии, и каждый из них знал, что он идет через Неман к Шпрее…»

Шаг за шагом наши солдаты выбивали гитлеровцев из Вильнюса. Наконец дождливым утром вражеский гарнизон начал сдаваться в плен. Мы шли по городу, когда в нем еще рвались мины. Здания горели. Проходя по узким улочкам, Эренбург припоминал памятные места: тут учился Адам Мицкевич; там Петр Первый служил молебен по случаю победы над Карлом XII; в

городе когда-то располагались наполеоновские гренадеры — и какой-то памятничек, напоминавший о том, тоже промелькнул сквозь сетку дождя…

В освобождении Вильнюса активное участие принимала и 184-я стрелковая дивизия генерала Б. Б. Городовикова. В числе ее отличившихся воинов нам назвали комсомольца Виктора Закаблука.

— Заметьте, пожалуйста, это имя, — попросил Эренбург.

Дело в том, что во время бесед с людьми, происходившими каждый фронтовой день, он почти не делал никаких записей. Иной раз наносил два-три слова на клочок бумаги или на папиросную коробку. Да такими закорючками, что, по словам писателя, для их расшифровки понадобились бы криминалисты-графологи. В нашей поездке на нескольких специально отведенных листах своего блокнота я кое-что помечал и для Ильи Григорьевича. На сей раз ему чем-то понравилась фамилия Закаблук.

И, надо сказать, понравилась правильно! Прошло немного времени, и в одной из корреспонденций, переданных нашими краснозвездовцами в редакцию, фамилия эта промелькнула вновь, а затем была опубликована и фотография группы воинов, первыми вышедших на государственную границу с Германией. На правом фланге — Виктор Закаблук. Показав снимок Илье Григорьевичу, пришедшему в редакцию, чтобы «выстукать» на машинке очередные сто — сто двадцать строк, добавил подробность: Виктор Закаблук получил письмо от отца Михаила Никифоровича, сражавшегося на 2-м Украинском фронте. В солдатском «треугольничке» говорилось, что еще весною старший Закаблук преодолевал пограничную реку Прут.

— Выходит, оба — отец и сын Закаблуки, — заметил Эренбург, — направились освобождать Европу…

Берлинский салют

Многие фронтовики помнят, наверное, как, находясь где-либо в войсковых тылах — в резерве или на переформировании, — с большим теплым чувством смотрели привезенный походной кинопередвижкой фильм «Машенька». Рассказанная в нем незамысловатая история вспыхнувшей в боевой обстановке чистой и светлой любви двух молодых сердец была близка душам воинов, опаленных пожарищами войны. Автор сценария этой картины, удостоенной Государственной премии, кинодраматург Евгений Габрилович всю Великую Отечественную провел в

войсках действующей армии в качестве специального корреспондента «Красной звезды». Мне довелось не раз бывать с ним на фронте в дни битвы на Курской дуге и в Крыму, вместе писать очерки о героях боев на Перекопе и Сиваше, под Симферополем и Ялтой, вместе работать над сценарием художественного фильма о летчиках-асах и, наконец, в одном журналистском расчете пережить все перипетии завершающего войну сражения — за Берлин.

Итак, апрель победного сорок пятого года. В соединениях 1-го Белорусского фронта немало краснозвездовцев. Но редакция решила усилить свой тамошний корреспондентский отряд еще и нашим журналистским экипажем. В Москве, откуда мы с Габриловичем выехали на «виллисе», еще лежал снег, а тут, на берегах Одера, зазеленели травы, начали распускаться почкн придорожных деревьев. Было тепло и солнечно. Пришла наконец-то весна нашей Победы.

Одним из первых крупных городов, которыми овладели войска 1-го Белорусского на берлинском направлении, был Франкфурт-на-Одере. Решили сначала побывать в нем, отправить корреспонденцию в редакцию, а затем направиться и в Берлин, на окраинах которого уже завязались бои.

Улицы Франкфурта перерыты окопами, перегорожены баррикадами, сооруженными из бревен, земли и цемента. Все подходы к зданиям густо заминированы, опутаны колючей проволокой. Кое-где раздавались выстрелы. На стенах домов надписи: «Не отступать!», «Солдат, шаг назад — твоя смерть!» Но, несмотря на эти геббельсовские призывы, подкрепленные эсэсовскими заслонами, в частях, оборонявших Франкфурт, царило другое настроение. Один из наших саперных офицеров, руководивший разминированием, показал листок, найденный в доме, где размещалась вражеская рота. Это — рукописное обращение. Габрилович, читая его вслух, перевел такие слова: «Солдаты! На черта проливать кровь и торчать в этом доме, когда все пошло прахом? Русские уже подошли к Берлину. Нас загнали в бутылку, и мы сдохнем тут, если у нас не хватит мозгов, чтобы сдаться в плен. Наш взвод решил поступить именно так. Если вы не сумасшедшие — следуйте за нами. Обер-ефрейтор».

Выйдя из машины недалеко от Берлина на отполированный колесами асфальт, взбираемся на холм. Отсюда видно изрыгающее огонь логово фашизма. С линии боя доносятся звуки перестрелки, тяжко ухают батареи, клубы дыма прорезаются молниями «катюш». Несколько минут в каком-то торжественном молчании смотрим на Берлин. Об этом мечталось всю Великую Отечественную, и когда переживали горечь отступления, и когда

освобождали наши города. Вот он — Берлин! Скоро, теперь уже совсем скоро окажемся на его улицах, станем свидетелями штурма последнего оплота врага…

В тот первый берлинский вечер, прокатив немного по брусчатке пригорода, остановились возле небольшого коттеджа. Рядом — пушки. Спрашиваем у артиллеристов:

— Какая армия?

— Пятая ударная, Берзарина…

— А дивизия?

— Восемьдесят девятая, гвардейская!

— Белгородско-Харьковская?

— Она самая…

Приятная неожиданность! Мы оказались в боевых порядках гвардейцев, у которых довелось бывать в пору Курской битвы, писать о них. Сразу нашлись и знакомые офицеры. Они провели нас в соседний дом, на наблюдательный пункт. Взбираемся на чердак. Очертания города расплывчаты; в черной глубине едва проступают силуэты башен и шпилей. По небу шарят прожекторы. Слышится гул разрывов. Над городом вспыхивают сотни багровых звезд, тянутся синие нити трасс — огонь орудий и пулеметов…

С каждым днем кольцо вокруг Берлина, образованное войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, сжималось все сильнее. Уличные бои шли на «трех этажах» — на улицах, в штольнях метро и на чердаках полуразрушенных домов. За линией боя по битому кирпичу, заполнившему улицы, меж поваленных деревьев, трамваев и автобусов двигались повозки, санитарные машины, походные кухни. Навстречу — потоки берлинцев, покидавших город. Многие с ручными тележками, груженными домашним скарбом. Над каждой такой группой — белый флаг.

Пересекаем широкую Франкфуртерштрассе и узенькими улочками пробираемся вперед, к Шпрее. Многие здания уже заняты нашими. Размеренным шагом проходят разведчики в маскхалатах; пробегают подносчики патронов; санитары проносят раненых. На перекрестках улиц и в скверике — пушки. Взбираемся на верхний этаж полусохранившегося дома — к авианаводчикам из 10-й воздушной армии. Отсюда хорошо видна передовая. На той стороне Шпрее — руины центральной части города. Сверяясь с картой, Габрилович показывает: вон — императорский замок, там — главный берлинский собор, виден Альткельн, остроконечный шпиль Петеркирхе…

Примостившись в сторонке, беседуем с офицерами 10-й воздушной армии. Они рассказывают, как осуществляется взаимодействие с наземными войсками, о тысячах самолето-

вылетов, о сотнях сбитых машин врага. Габрилович записывает любопытную деталь: в разгар боев по прорыву обороны авиаторы сбросили на парашютах в боевые порядки 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова большие ключи: к каждому была прикреплена дощечка с надписью: «Гвардейцы-друзья, к победе вперед! Шлем вам ключи от берлинских ворот!» Помечаем в блокнотах имена наиболее отличившихся летчиков. Среди других товарищи называют имя Ивана Кожедуба, одержавшего над Берлином свою 62-ю воздушную победу. Через несколько дней возле рейхстага, над которым уже развевалось Красное знамя, мы услышали в первомайской передаче, транслировавшейся из Москвы, знакомый басок летчика-аса. Обращаясь к однополчанам, продолжавшим громить врага, он с Красной площади поздравил их с боевыми успехами и поблагодарил советских людей, чей самоотверженный труд дал в руки нашим солдатам оружие Победы…

Но сама Победа — впереди. А пока еще и еще дни и ночи упорных уличных боев. Мы с Габриловичем начинали их поездкой на передовую, беря направление по Франкфуртерштрассе — восточной части автомагистрали, пересекавшей весь город. Мокрая от дождей дорога вела к центру Берлина. Хотя уличный бой горел совсем рядом, нас как-то не удивила бросившаяся в глаза вывеска: «Военный комендант города Берлина».

Поднялись на второй этаж, вошли в комнату, заполненную людьми. Большинство — в штатском. По прическам, манере держаться можно было определить: это — немцы. Поодаль наши журналисты-правдисты — Борис Горбатов и Мартын Мержанов, а в уголке с киноаппаратом в руках — Роман Кармен. За письменным столом, спиною к окну, за которым поблескивало пламя пожаров, грузноватый человек в генеральском кителе — командующий 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин. Чуть наклонив седую голову, он терпеливо вел беседу с немцами о восстановлении городского водопровода, электростанций и холодильников, назначал директоров предприятий. На стене висела карта Берлина. Центральную часть города испещрили красные линии, наглядно показывавшие безвыходность положения окруженного гарнизона врага.

— Обстановка такова, — широким жестом показал на карту Берзарин, — что надо срочно заниматься восстановлением городского хозяйства…

Немцы, поочередно подходя к карте, наносили карандашом кружочки и квадратики, обозначая ими места предприятий городского хозяйства, которые могли бы в ближайшие дни войти в строй. В конце беседы, распорядившись накрыть стол в

походной столовой для вновь назначенных директоров. Николай Эрастович, лукаво улыбнувшись, поинтересовался:

— Кто из вас видел живого большевика?

Оказалось, собравшиеся о них только слышали да читали кое-что в геббельсовских газетах.

— Идя на это совещание, — сказал один из немцев, — думал, что вызван для ареста. А здесь за многие годы впервые с нами говорили по-человечески…

В канун первомайского праздника над рейхстагом взвилось Знамя Победы. Его водрузили солдаты 150-й стрелковой дивизии. Но всю ночь под 1 Мая центральная часть Берлина грохотала. Небо озаряли багровые вспышки разрывов. Зарево пожаров, казалось, стало еще ярче. Наши войска отбивали очередную попытку остатков вражеского гарнизона вырваться из окружения. Утро же выдалось ясное, солнечное. На передовую во все подразделения был доставлен напечатанный во фронтовой и армейских газетах первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. Его читали автоматчики в развалинах домов, артиллеристы возле пушек на площадях, танкисты, готовившиеся к атакам. А передвижные радиоустановки транслировали московский военный парад. Сюда, в Берлин, над которым реяло Знамя Победы, доносились звуки оркестров, играющих на Красной площади.

Публикацию подготовил В. МЯКУШКОВ

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ. СТИХИ-УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ

1. В должности поэта

Чем дальше от нас огненные годы, тем шире становится понятие «поэзия Великой Отечественной войны»: стихи о войне, написанные на фронте, опубликованные впервые на страницах дивизионок, армейских и фронтовых газет, встали в один ряд со стихами, созданными участниками войны, ставшими поэтами в мирное время и впервые опубликованными пять, десять, двадцать лет спустя. К ним сейчас подстраиваются и произведения поэтов, родившихся после Победы. Все это — волнующая летопись, отражение важнейших событий жизни страны, поэзия Великой Отечественной.

Я не хотел бы быть заподозренным в некой ветеранской болезни, в ревностном отстаивании своего первородства свидетеля и участника, поэта на войне. Появились и еще появятся прекрасные и проникновенные произведения о ней, написанные людьми, не успевшими, к счастью, услышать свист бомбы над головой…

Не хочу идеализировать прошлое и подтверждаю, что слабых н просто плохих стихов во все времена было больше, чем хороших и замечательных. Ну и на войне тоже. Некоторые стихи несут на себе печать спешки и не выдержали самого сурового испытания — испытания временем.

И все же те неполных четыре года — особый и невероятно плодотворный период в истории советской поэзии, не сравнимый ни с каким другим.

В первой группе поэтов, добровольцами вставших в ряды армии и срочно, в июне сорок первого, выехавших с предписанием занять место «писателя» в армейской или фронтовой газетах, было, самое большее, человек тридцать. Вспоминаю некоторые имена — Сурков, Прокофьев, Безыменский, Жаров, Светлов, Сельвинский, Симонов, Матусовский, Лебедев-Кумач, Твардовский, Алтаузен, Недогонов, Саянов.

Окружные газеты стали фронтовыми, приняв в ряды своих сотрудников Бажана, Первомайского, Малышко — на Украине, Кулешова, Бровку, Глебку — в Белоруссии. (Подчеркиваю — это далеко не полные списки, но речь идет о поэтах уже тогда известных.)

Вероятно, послевоенные стихотворения и поэмы художественно выше писавшихся для армейской газеты совсем не в кабинетной обстановке. Знаменитые стихи Михаила Луконина «Мои друзья» («Госпиталь. Все в белом») датированы 1947 годом, «Коммунисты, вперед!» Александра Межирова — тоже 1947 годом, а поэма «Я убит подо Ржевом» завершена Александром Твардовским в 1946 году.

Однако для истории литературы, да и вообще для истории нашего общества, чрезвычайно важен и требует особого рассмотрения фронтовой опыт нашей поэзии, как явление исключительное, новое, советское. Эти стихи действительно были оружием ближнего боя.

Поэт на войне — это стихи на злобу дня, призыв, клич, задушевная беседа политрука в ночь перед атакой, воспевание только что совершенного подвига…

Исследуя биографии поэтов, мы не обойдем вниманием и единства образа поэта, возникающего у читателей стихов, и его личности, его поведения, его присутствия не где-то в стороне, в тылу, а здесь, под огнем, рядом с бойцами.

Сейчас можно, конечно, сказать: зачем Симонову было идти на подводной лодке в кишащее минами море, зачем Сельвинскому, тогда уже сорокалетнему поэту, в кубанке и бурке скакать в кавалерийский рейд по тылам врага?.. Но они понимали: их место на передовой. Александр Безыменский на одном из первых танков ворвался в Прагу, Николай Тихонов категорически отказался выехать из осажденного Ленинграда. В 1942 году мне достался богатый трофей — ящик шоколаду. Подвернулась оказия: знакомый летчик летел в Ленинград, и я передал этот ящик для Тихонова. После войны мне рассказал поэт Борис Лихарев: не отломив и квадратика от плитки, Тихонов отнес мою посылку в госпиталь, а нести было трудно — шатало от голода.

Я вспоминаю доживших до мирных времен. Но сколько наших товарищей погибло! Искалеченный под Москвой осколками снаряда, Уткин уговорил начальство вновь послать его воевать. Он погиб, возвращаясь из освобожденного Бухареста.

Из подводного плавания не вернулся самый военный из нас — Борис Лебедев. Но и самого «мирного» — Вадима Стрельченко не пощадил огонь…

И опять не сумею назвать всех, а мемориальный список читать страшно и горько.

Не сразу высветилось имя Мусы Джалиля… Не сразу нашлись стихи поэтов, написанные в фашистских застенках в ночь перед казнью, без надежды, что их когда-нибудь прочтут. Но написаны

они были.

Недавно в одном из архивов в Федеративной Республике Германии мое внимание привлек первый военный номер еженедельного журнала войск СС «Черный корпус». На первой странице — злобная карикатура на советского поэта. Так сказать, обобщающий образ…

Поскольку поэты всегда на виду, родилось и распространилось немало легенд о них. Как правило, это легенды — героические и недалекие от действительности.

Правда, одно время было модно изображать — особенно на сцене — поэта неуклюжим и беспомощным, а то и трусоватым, чужеродным явлением в военном коллективе. Читатель и зритель просто не приняли такой трактовки, и она стерлась, куда-то сгинула, потому что не была правдой.

О стихах на войне эти заметки. Я писал и еще напишу о поэзии моих товарищей, рожденной в боях. История многих их стихов это, наверное, серия документальных повестей. О некоторых вещах рассказали сами авторы: А. Твардовский — о том, как писался «Василий Теркин», А. Сурков — о «Землянке», К. Симонов — о знаменитом цикле «С тобой и без тебя». Не сравнивая по значимости свои стихи с этими и другими поэтическими произведениями золотого фонда нашей литературы, попробую рассказать о своей фронтовой работе. Надеюсь, что снисходительный читатель не заподозрит меня в саморекламе…

2. Будет здесь положено начало вражьего конца

Лето 1942 года было для нас очень тяжким.

Войска Юго-Западного фронта сбиты с рубежа реки Оскол и покатились к Волге. Отступаем по голой степи, над нами, как прикрепленная, виснет «рама» — двухфюзеляжный разведчик-корректировщик. На дорогах, особенно на переправах, «пробки», враг бомбит нещадно.

Почти не удается поспать, мы все время в движении и под огнем.

Связь с поездом-редакцией фронтовой газеты утеряна. Верные печатному слову, мы отправляем заметки, корреспонденции, ну и стихи, конечно, куда-то и с любой оказией, но позже выяснится, что почти ни один пакет не дошел по назначению.

Приходит на помощь печальный опыт сорок первого года: при отступлении, задерживаясь ненадолго в районных центрах, мы

выпускали листки и листовки в типографиях районных газет. Это был всегда ручной набор и примитивная плоскопечатная машина, а все-таки получалось. Как досадно, что не сохранились те листки со стихами, срочно отпечатанные на пути от Львова до Умани…

И вот теперь снова — пустеющие, пустынные, словно умирающие районные центры, но уже в Воронежской и Сталинградской областях; такие же мучительные поиски наборщика и печатника, так же приходится журналистам и поэтам самим крутить колесо и фальцевать печатные страницы. А потом с пачкой своей продукции выходили на дороги и переправы, раздавали листовки…

Нет, пыль не прикроет отступающие колонны. Бомбы свистят и воют, гибнут мои товарищи. Где наша редакция — неизвестно…

Я нашел редакцию фронтовой газеты «Красная Армия» уже в Сталинграде, на улице Ленина. Ее приютила редакция областной газеты «Сталинградская правда», и, поскольку поезд-типография потерялся, где-то застрял, а может, и разбомблен, наша военная газета и листовки политуправления фронта, который еще называется Юго-Западным, но уже завтра получит имя Сталинградского, будут печататься в областной типографии.

…По приказу неугомонного и беспощадного редактора я должен срочно, в номер или для листовки, сдать стихи о Победе.

Сейчас вспоминаю: в той катастрофической ситуации никакого иного выхода мы не видели — только Победа могла спасти страну, фронт, наши семьи, каждого из нас.

Как и когда придет Победа, никто не знал. Понимали, чувствовали, ощущали каждой клеточкой, всем своим существом — невозможно, немыслимо пустить врага за Волгу.

Вот об этом и было срочно написано стихотворение, которое я попробую здесь воспроизвести.

Разговор Волги с Доном

Слышал я под небом раскаленным,—
Из-за сотни верст, издалека,
Тихо говорила Волга Дону,
Волга — мать-река:

«Здравствуй, Дон,
Товарищ мой старинный!
Знаю, тяжело тебе, родной.
Берег твой измаялся кручиной,—
Коршун над волной.

Только я скажу тебе, товарищ,
И твоим зеленым берегам:
Никогда, сколь помню, не сдавались
Реки русские врагам».

Дон вдали сверкнул клинком казачьим
И ответил Волге: «Труден час.
Горько мне теперь, но я не плачу.
Слышу твой наказ.

Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их».

Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдут пришельцы из кольца.
Будет здесь положено начало
Вражьего конца».

Темным гневом набухают реки,
О которых у народа есть
Столько гордых песен, что вовеки
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди, словно волны, в бой идут,
Пусть враги на этом междуречье
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом раскаленным,
Ни минуты передышки нет.
Волга говорит, как с братом, с Доном,
Дон гремит в ответ.

Стихотворение датировано августом 1942 года, указано и место написания — станица Перекопская. Станица эта — в излучине Дона, где уже начались тяжелые бои, сдерживающие страшный натиск противника.

Через десятилетия, с сегодняшней высоты, можно спокойно разобраться, почему в обстановке крайней, в общем-то катастрофической, было написано такое стихотворение.

Может быть, в утешение страдальцам, сражавшимся в

глубине России? Нет, мы не считали себя страдальцами и не нуждались в утешении: оно мешало бы. Нужны были тогда лишь беззаветность, отчаянная отвага…

Может быть, я знал планы Верховного командования? Может быть, таким стихотворным способом выполнялось особое задание штаба фронта? (Ведь, бывало, получали журналисты такие поручения — командование очень доверяло им.)

Нет, и этого не было. Просто редактор приказал сдать стихи в номер (хотя еще неясно было, сумеем ли выпустить газету — бомбы выли над зданием типографии) и чтоб стихи были о Победе, а комиссар в должности поэта уже держал в кармане именно те стихи, которые нужны были редактору сегодня и немедленно.

В стихах Волга и Дон как бы окружали и душили пришельцев, и не только география подводила к подобному образу, но просто необходимость…

И не будучи стратегом, могу с уверенностью сказать, что в Генеральном штабе такого плана не было, хотя бы потому, что в августе фашистские войска еще не прорвались в Сталинград и можно еще было надеяться, что они будут остановлены на подступах к городу, на Дону…

Никакого другого выхода, кроме разгрома врага, кроме Победы, не было тогда. Об этом думали воины, в это верили, а поэты формулировали их мысли и чувства.

В том же духе писали в те дни мои товарищи по Юго-Западному фронту Борис Палийчук, Микола Бажан, Микола Упеник, Павло Усенко.

Разумеется, мы не знали еще, что бои будут идти в цехах Тракторного завода и «Красного Октября», на городском вокзале и на самом берегу Волги. Не могли мы предвидеть, какого напряжения достигнет сражение в городе и в междуречье Волги и Дона. Но если поэзии дано хоть на дни, на месяцы опережать время, то именно эта ее таинственная возможность могуче проявилась на Великой Отечественной. Разве стихи Николая Тихонова, Ольги Берггольц, Александра Прокофьева с первого дня блокады не были стихами о победе под Ленинградом? Разве стихи Алексея Суркова, Константина Симонова, Маргариты Алигер, Иосифа Уткина не были стихами о будущей победе под Москвой?

Подобную работу — именно работу — пришлось вести всем поэтам армейских и фронтовых газет (и центральных, конечно). Строки стихов были как пули, летящие во врага из недалекого будущего.

«Разговор Волги с Доном» появился тогда, когда положение

на нашем Юго-Западном фронте было чрезвычайно тяжелым.

Не помню, вышла ли в тот день газета, но отчетливо помню свой «Разговор», отпечатанный листовкой. В том же августе я вновь выехал в междуречье Волги и Дона, прихватив и запихнув в полевую сумку пачку этих самых листовок.

Мы находились в гвардейской дивизии, скомплектованной из десантников-парашютистов, моим спутником был Лев Ющенко, будущий писатель, а тогда корреспондент «Комсомольской правды» (я работал во фронтовой газете, но числился и за «Комсомолкой»).

Мы кочевали из боя в бой, вместе с десантниками медленно отходя к Сталинграду.

Мой коллега Ющенко ранен в голову. Ранение тяжелое. Он лежит вместе с другими бойцами, ожидающими эвакуации, на пыльной земле, под ненадежным укрытием маскировочной сетки. От новых пуль и осколков она не спасет, разве что двухфюзеляжная разведывательная «рама» не углядит.

Состояние у моего юного друга, как говорится, хуже некуда, но корреспондент остается корреспондентом, пока дышит. Симонов правильно сказал в своей не такой уж шуточной песенке:

Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать…

Я склоняюсь над Ющенко, он хочет что-то сказать на прощание…

— Ты еще не отправил в «Комсомолку» «Разговор Волги с Доном»? — спрашивает он, не поднимая век, как сквозь сон. Узнав, что нет, он слабым, но властным голосом требует: — Давай сюда, я доставлю…

Наверное, ему необходимо было в тот момент убедить себя, что ничего страшного с ним не произошло, он действует, продолжает организовывать материалы для своей редакции.

Пришел «студебеккер» с эвакопункта, мы прощаемся с Ющенко. Как-то мне неловко, что ранило его, а не меня. (Ведь я не знаю, что через несколько дней и мне придется лежать на пыльной земле под ненадежной маскировочной сеткой в ожидании эвакуации.)

Увозят Леву. Отправилось в неизведанный путь мое стихотворение.

Из Сталинграда вверх по Волге раненых эвакуировали прогулочным пароходом, наскоро переоборудованным под госпиталь. Как стало вскоре известно, пароход с красным крестом

на палубе подвергся варварской бомбежке, загорелся, затонул. Тревожно и больно было за Ющенко: жив ли, спасли ли его? О стихотворении я, разумеется, уже и не вспоминал…

Кончился окровавленный август, запылал еще более суровый сентябрь.

В Саратов, где мне пришлось выздоравливать после ранения, прибыла свежая «Комсомолка».

Разворачиваю, вижу: напечатан «Разговор Волги с Доном». Какое счастье, значит, Лева Ющенко спасся!

А сражение в Сталинграде достигло высшей, наиопаснейшей точки. Враг вновь и вновь атакует, бой в цехах заводов, в центре города. Мамаев курган в руках противника, а это высота господствующая.

В стихах фронтовых поэтов честно говорилось, как нам трудно. Военная газета — издание строгое, каждое слово должно быть взвешенным, четким, ясным для своих и непонятным для противника. Пожалуй, только в стихах можно было говорить, что нас постигла беда.

Но уверенность поэтов в Победе непоколебима. Стихотворение «Разговор Волги с Доном» не выделялось среди других газетных стихов тех дней.

19 ноября 1942 года началось наше решительное наступление, операция по окружению могучей немецкой 6-й армии. Этому дню суждено было войти в историю как Дню артиллерии, а затем — Дню ракетных войск и артиллерии, войти и в историю военного искусства.

Все переменилось.

В кольце очутились они! Когда кольцо плотно замкнулось, в политотделе одной танковой бригады я взял в руки номер «Правды». И был весьма удивлен и тем, как быстро доставлена из Москвы газета, и тем, что в ней 24 ноября вновь опубликован мой «Разговор Волги с Доном». Случай достаточно редкий в газетной практике — перепечатаны стихи, два месяца тому назад уже оттиснутые в «Комсомольской правде».

В сводке Совинформбюро было сказано, что 23 ноября полностью завершено окружение фашистских войск под Сталинградом. А стихотворение как бы повторяет и подтверждает сводку:

Не уйдут пришельцы из кольца.
Будет здесь положено начало
Вражьего конца…

В советской поэзии были прогнозированы многие события

Великой Отечественной войны. Ничего удивительного: просто вера в Победу водила нашими карандашами…

3. Новой школы красный дом…

Весной 1943 года в разгранлиниях фронта, передислоцировавшегося из победившего Сталинграда, оказались чудесные курские места — с сиренью и соловьями, места, которым вскоре предстояло стать полем новой небывалой битвы и славной победы наших войск.

На участке обороны 13-й армии, которой командовал генерал Н. П. Пухов, оказалась станция Поныри. Ее странное название сохранилось в памяти с довоенных времен. Но я раньше только проезжал эту станцию Курской железной дороги, а теперь оказался на самой станции, близ которой располагался наблюдательный пункт фронта, получившего наименование Центрального. Группа офицеров редакции фронтовой газеты «Красная Армия» находилась здесь, отсюда мы выезжали в дивизии и полки.

Помню Курскую битву во всех ее подробностях, но остановлюсь лишь на одном эпизоде.

В разгар сражения фашистские танковые армады прорвали фронт и приблизились к важнейшей коммуникации — Курской железной дороге — как раз в районе станции Поныри. Бой шел уже на станции. За два года войны я повидал многое, но напряженность того боя превосходила все виденное.

Но газета не ждала от меня масштабных батальных картин — надо было в малой заметке отразить, что происходит сегодня.

Со всех сторон была окружена железнодорожная школа, в которой оставалась горстка красноармейцев под командованием старшего лейтенанта Ивана Рябова. Она именовалась ротой, но это была уже горстка бойцов.

Пристанционный поселок несколько раз переходил из рук в руки. Кирпичное здание школы стало центральным пунктом сражения. Славная 307-я стрелковая дивизия, ее штаб, ее командир мужественный генерал М. А. Еншин были связаны со школой, со старшим лейтенантом Рябовым единственным проводом телефона. Трудно понять, как сохранилась эта нить — по ней не раз уже прошли самые новейшие танки «тигр», вся земля была переворочена разрывами мин и снарядов.

Находясь в одном из полков 307-й дивизии, я видел, как сражалась школа. Из окон, заложенных камнем и превращенных в амбразуры, вырывался огонь. По самому обычному типовому,

вовсе не похожему на крепость зданию фашисты били с малого расстояния снарядами. Осколки кирпича летели, как брызги крови.

Школа держалась более двух суток. Она была как заколдованная. 9 июля переломился бой, враг был отброшен от станции.

В самый критический момент, когда уже казалось, что школу и ее редеющий гарнизон ничего не спасет, когда шестнадцать танков приближались к школе, в трубке полевого телефона едва расслышали голос старшего лейтенанта: «Держимся! Ждем залпа «катюш». Огонь на меня!»

Вместе с лавиной вражеского огня защитники школы приняли на себя безжалостный удар «катюш». Ведь нападающие были вокруг, в двух шагах. Залп «катюш» решил исход боя за школу, да и вообще за Поныри.

Оказалось, что в строю осталось только шестеро во главе со старшим лейтенантом Иваном Рябовым. Я встретился с ними…

С трудом выговаривая каждое слово, лейтенант дал мне, как теперь бы сказали, интервью. Мне не показались излишне пафосными его воспоминания о школе, которую он недавно закончил. Не об этой школе, но именно обо всем, что связано у юноши с понятием «школа».

Заметку в газете «Красная Армия» я так и назвал: «Школа Ивана Рябова». Шестнадцать танков врага сгорели на подступах к железнодорожной школе…

Это было 9 июля сорок третьего года…

Вот как запечатлен тот день в поэме «Поныри», написанной тогда же:

Шел бой на станции. Кругом
Железо, немцы, мертвецы.
Но новой школы красный дом
Решили не сдавать бойцы.

Окружены со всех сторон
Они сражались. Здесь был ад.
Но эта школа — детский сон,
Уроки, пионеротряд…

Что значило отдать ее?
Ведь это значило отдать
И детство светлое свое,
И нас оплакавшую мать.

В разбитый телефон сипя,
Кровь растирая на лице,
Огонь «катюши» на себя
Безусый вызвал офицер.

Лишь чудом он остался жив.
Что думал он в тот страшный миг,
Себя мишенью положив,
Какую мудрость он постиг?

Об этом я его спросил,
Когда он выполз из огня.
Он отвечал: «Я был без сил,
В кольце сражался я два дня,

Но я поклялся победить,
Разбить врага любой ценой.
Так жадно мне хотелось жить,
Что смерть не справилась со мной».

…Однажды ко мне в Москву приехали пионеры, учащиеся железнодорожной школы на станции Поныри (школа теперь в новом здании). Они привезли фотографию Ивана Рябова, подробно рассказали о нем. Они дружат с семьей старшего лейтенанта (он погиб в 1944 году в боях за Белоруссию и похоронен в поселке Вятка Гомельской области), свято чтут его память.

А там, где стояла школа, которую защитил Иван Рябов, поставлен монумент. Ребята подарили мне снимок: на камне строки из поэмы «Поныри»:

Здесь не было ни гор, ни скал,
Здесь не было ни рвов, ни рек.
Здесь русский человек стоял,
Советский человек.

4. Сколько осталось до Берлина?

Если меня спросите, что было самым трудным в работе корреспондента фронтовой газеты, не задумываясь, отвечу — связь.

Пользоваться многоступенчатой штабной или

политотдельской связью не всегда возможно. Телеграф и радио обслуживают боевую операцию, передавать материал, скажем, начинающийся со слова «вечерело» или «не успела высохнуть роса, как вновь закипел бой» просто неприлично в этих обстоятельствах. Депеши и рапорты идут своим путем, кочуют из дивизии в корпус, из корпуса — в армию, из армии — в штаб фронта.

Значит, надо искать пути доставки материала с передовой в газету, пользоваться любой оказией. Конечно, поэту легче: стихи, наверное, пишутся не для одного дня. Однако и это представление с точки зрения моего опыта неверно.

…В нашей походной жизни на последнем этапе войны, да и на других этапах, особую роль играли верстовые столбы. С особым пристрастием и волнением замечали — до границы Родины — столько-то, а потом — столько-то до Варшавы, до границ Германии, наконец, до фашистского «логова» — до Берлина.

Во фронтовой редакции родилась идея: сообщать на первой странице газеты, сколько километров до Берлина. Однако замысел оказался неосуществимым. Наступающий фронт — огромный участок территории: одной дивизии надо пройти по прямой до Берлина столько-то километров, а другой, находящейся на фланге, — километров на двести больше. Кроме того, ясно, что путь к победе прямым не будет: война есть прежде всего маневр. Сообщать, что «часть такого-то» находится там-то, тоже опасно: разведка врага сразу определит, кто действует на направлении главного удара.

Но еще большим препятствием к осуществлению газетной, и по-газетному горячей, задумки было то, что фронт находился в непрерывном движении и шапка с цифрой могла устареть до того, как газета попадет в наступающие части.

Внесли коррективу: пусть о том, сколько километров осталось до Берлина, сообщают стихи. Товарищи решили, что стихи — материя приблизительная и необязательная, в стихах можно смело округлять цифры.

Окончательным решением был приказ редактора. Мне предписывалось начиная с пятисот километров (дело было на территории Польши еще в 1944 году) отмечать стихотворением в обязательном порядке каждые сто километров, а при особой поэтической удаче — еще и пятидесятикилометровые отрезки. Таким образом, написать придется непременно пять стихотворений, а может быть, и все десять. Для меня путь к победе был как бы распланирован и определен. Могу теперь, через десятилетия, признаться в одном своем суеверии: убить

меня уже не могли — я должен пройти сто, потом еще и еще сто километров в западном направлении. И еще сто…

Условились с редактором, что я буду находиться все время в частях, осью движения которых являются шоссейная и железная дороги от Бреста до Берлина, то есть наиболее прямой путь.

Итак, пора начать осуществление редакционной затеи.

Первое стихотворение, мой поэтический старт — пятьсот километров.

Так стихи и названы.

Я не был в Германии. Я не видал никогда
Фашистское логово, злобные их города.

Но вот перекресток дорог среди польских долин.
На стрелке: пятьсот километров отсюда — Берлин.

Пятьсот километров. Расчет этот точен и прост:
Прошел я от Волги, пожалуй, две тысячи верст…

Пятьсот километров на запад — последний рывок.
К Берлину направлены стрелки шоссейных дорог.

Отметить стихами не удалось ни четыреста, ни триста километров. Нет, стихи были сочинены во время, когда наши танки — гвардейская армия генерала Катукова — устремились в прорыв.

Я находился в ядре войск, рвущихся на запад по тылам противника и перешедших уже границу рейха. Радиосвязь была и крайне ограниченна, и весьма загружена, начальник штаба генерал Гетман, как я ни просил его, как ни убеждал, все же не дал разрешения передавать стихи по радио. Оказии не было. Я понял, что непременно опоздаю на страницы газеты. Вот концовка того стихотворения:

Стих мой мчится с танками вместе.
До Берлина осталось двести.

Ночь. Огонь. Лихорадка погони.
Голос юноши в шлемофоне.

Говорит он тихо и просто:
— До Берлина сто девяносто.

Как мечтаю я, чтоб скорее

Эти стихи устарели!

Конечно, я бы пожертвовал любыми стихами, только бы хоть на километр стать ближе к Победе. Но маленькое литературное лукавство было в концовке: мой редактор будет лишен возможности упрекнуть меня за нерасторопность, за то, что стихи не доставлены вовремя.

Стихотворение «Сто километров» пришлось корректировать, что называется, на ходу. Оно кончалось так:

Перед последним жестоким ударом
Я оглянусь на мгновенье назад.

Вижу домов сталинградских руины,
Верю в грядущее их торжество.
Нам остается идти до Берлина
Семьдесят пять километров всего.

Поезд-редакция двигался вслед за наступающими войсками. Спасибо воинам-железнодорожникам, героическими усилиями восстанавливавшим путь.

«75» было доставлено вовремя, появилось в газете.

Из всех «километровых» стихов — их у меня образовалось до десятка — я сохранил и допустил в свои книги только те три, что успел напечатать в газете фронта. Я полагал, что стихи, оказавшиеся в положении невоевавших, не надо и потом печатать.

Заключительное стихотворение начиналось уже строками:

Идут гвардейцы по Берлину
И вспоминают Сталинград…

Вот несколько боевых эпизодов из жизни поэзии. Каждый из моих товарищей, фронтовых поэтов, мог бы рассказать историю своих стихов.

Но так мало нас осталось…

Михаил ШУР. ФРОНТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ

Ираклий Андроников на Миусе

От Закавказского фронта, когда войска ушли вперед, осталось одно название, и Ираклий Андроников, служивший в Тбилиси во фронтовой газете и оказавшийся вдруг в тылу, выхлопотал себе командировку на Миус, где назревали события.

Мы стояли в Новошахтинске. Было лето сорок третьего года. Была жара, была пыль.

Не очень подтянутый майор, все еще не удосужившийся надеть погоны, привлекал внимание суровых штабных педантов. Но все же этот странный майор нестроевого вида разыскал корреспондентов центральных газет.

Когда я привел Андроникова в штабную столовую, где не так важны были погоны, как талоны, на него, необыкновенно живого и общительного, косились офицеры и официантки.

Вечером в мою комнату ввалилась многочисленная публика — на Андроникова. Пришли братья газетчики, явились наши доблестные шоферы, заглянули наиболее осведомленные товарищи из политуправления.

Сам Ираклий Андроников был за десятерых. Он был и Алексей Толстой, и Качалов, и Соллертинский — был во множестве образов, созданных его великолепным талантом перевоплощения.

На передовую мы должны были выехать утром. И до глубокой ночи Андроников работал, творил речевые портреты. Он рокотал басом и пищал фальцетом, бывал молодым и стариком, переходил с акцента на акцент, менялся в лице, словно поминутно надевал и сбрасывал маски.

Мы собирались поехать в 13-й гвардейский корпус, которым командовал тогда генерал П. Г. Чанчибадзе. Человек этот был популярен в армии, к нему питали повышенный интерес, о нем много знали. Андроников был связан с ним давней дружбой, еще с Калининского фронта, с Ржева. И конечно же он изображал этого решительного, отчаянного и мудрого военачальника. Это ведь ему, Чанчибадзе, принадлежит знаменитый приказ: «Мертвых похоронить, раненых — в тыл, живые — вперед!»

В репертуаре Андроникова была и веселая беседа генерала Чанчибадзе с молодыми солдатами: «Танк идет на тебя, ты в

щели — ты не бойся: танки под себя делать не могут…»

Утром в машине продолжался сеанс устных рассказов. Регулировщики военно-автомобильной дороги, убегавшей в степь к Матвееву-Кургану, настораживались: не пьяны ли эти хохочущие офицеры и захлебывающийся смехом шофер?

Дорога была нелегкая, долгая, и генерала Чанчибадзе сменил на переднем сиденье известный артист, а его место занял видный писатель, писателя сменили популярный хозяйственник, ученый и крупный политический деятель — Андроников минут двадцать читал наизусть отрывок из его политического доклада.

Строгий подполковник остановил нарушителя формы в балке, где по обе стороны таились штабные землянки 13-го гвардейского корпуса. Черный провод тянулся понизу. В нишах, вырезанных в земле, маскировались вездеходы.

Возникнув внезапно, грозный педант с наслаждением отчитывал Андроникова, долго и обстоятельно поучал его, пока из одной землянки не крикнули:

— Ираклий, плюнь, иди сюда!

Мы узнали голос Чанчибадзе.

Встреча вышла у них какая-то напряженная. Нас обильно угощали, и, чем больше подавали на стол всякой всячины, тем ясней было, что генерал не хочет видеть себя в шарже, не хочет этого изображения здесь, в землянке, в присутствии штабных офицеров. Кстати, строгий подполковник, кричавший на Андроникова, сидел теперь рядом с ним и смотрел на него с умилением. Генерал старательно поил гостя и своего добился: Ираклий стал клевать носом…

Настало утро штурма.

Чанчибадзе не отпускал от себя Андроникова ни на шаг. С наблюдательного пункта комкора вездеход генерала проскочил почти к самым цепям пехоты. Генерал сказал писателю:

— Ты мой друг, ты ко мне приехал, ты пойдешь со мной в атаку.

Атака уже началась. Рыжая степь вспыхнула стремительными огоньками, взбурлила волнами взметенной земли и пыли, огласилась пушечным громом и пулеметной дробью.

Генерал, не оглядываясь на сопровождающих, побежал вперед. Побежал и Андроников. Под свистящими пулями генерал падал и приникал к земле, и Ираклий тоже падал и приникал к земле, не видя впереди себя почти ничего.

В блиндаже они оказались вместе с командиром батальона. Связисты успели размотать телефонную катушку, и этот блиндажик стал оснащаться под командный пункт полка. Чуть дальше, у пригорка второй такой блиндаж быстро приспособили

под новый корпусной наблюдательный пункт. И Чанчибадзе остался там на некоторое время, обозревая поле боя в стереотрубу.

После второго крупного артиллерийского налета пехота сделала еще один рывок вперед, и этот блиндажик сразу оказался в тылу. Там Андроников отдышался. Набились в блиндажик офицеры связи, к ним присоединились два молодых паренька из армейской газеты.

— Ираклий, ты здесь? — впервые обернулся Чанчибадзе.

— Я здесь, — подал голос Андроников.

— Иди сюда, посмотри, какой компот!

Самолеты-штурмовики обрабатывали передний край противника, траншеи, поливали их огнем. Тяжелая артиллерия громила глубину, пикировщики били по тылам. Как только штурмовики развернулись, с трех сторон ринулись вперед наши танки и самоходки.

Для сорок третьего года это не было еще столь обыденной батальной картиной, это было потрясающим, захватывающим дух зрелищем разгрома противника. Наши железные ветераны плакали от восторга!

В течение дня дважды переносился наблюдательный пункт Чанчибадзе. В штаб, оборудованный на новом месте, Ираклий вернулся измученным и счастливым. Генерал уже не боялся его: изображать что-либо у него не было сил.

На следующий день я отвез Андроникова в штаб фронта.

Перед отъездом в Тбилиси он дал нам, узкому кругу друзей, прощальный вечер. Была уже и сцена «Генерал Чанчибадзе ведет меня в атаку».

Болотные солдаты

Какое-то время мы жили в полуторке, любезно предоставленной командованием. Погода этого наступления была пределом летних возможностей Карелии — месяц устойчивой ясности, тепла, солнца, мягких душистых лесных ночей.

В степях такой зной распространил бы по земле желто-соломенный цвет выжженного поля, а здесь господствовали синие и густозеленые краски.

А ведь нет ничего лучше лесного ведра!

Наша полуторка, выстланная сеном, катила по проселкам, ребристым и ухабистым, гладким и мягким, ползла и подпрыгивала на хлипких гатях, осторожно объезжала на

просеках свежие пеньки, трясла нас и швыряла из стороны в сторону, так что время от времени мы покидали кузов, чтобы отдохнуть в ходьбе.

Писатель Георгий Холопов и редактор армейской газеты Петр Иванович Коробов были моими спутниками. Они в этой армии знали все и вся и в гвардейскую часть генерала Миронова ехали как в родную семью, тогда как я, приезжий, исколесивший разные фронты, только и делал, что знакомился.

Фронтовой лес сорок четвертого года уже не был лесом могучего позиционного благоустройства с блиндажами, с землянками в шесть накатов и дзотами. Только тропы и просеки. И темп марша. И огонь.

Полуторка выбралась из чащи на поляну. Мы въехали в лагерь, прикатили к большому привалу.

Войско сушилось и чистилось, «болотное войско», вышедшее от самой Свири в обход мегрегских укреплений, в тыл вражеским оборонительным крепостям.

Это была мудрость, основанная на мужестве, и хитрость, помноженная на выдержку: обойти мощные железобетонные сооружения дремучими непроходимыми дебрями, которые противник не считал нужным ни укреплять, ни даже контролировать.

Наши ребята прошли там, где пройти было немыслимо.

И сразу потеряли цену мощные фортификации, потеряли смысл нагромождения металла и бетона, пошли насмарку ухищрения инженеров.

Крепости пали, неприятель поспешно оставил их, сдал без боя, взорвать не успел, даже не заминировал.

И вот лежат на травке полки обхода. Болотная наша пехота чистится и отмывается потихоньку, празднует свою удачу.

Холопов разыскал майора Владимира Семенова, горячо обнял его:

— Ну, братец, слышал радио: поздравляю с Красным Знаменем!

Коробов мигом достал в кузове объемистую флягу и предложил опустошить ее тут же по случаю награды. Но решено было сначала послушать, как это все было, поговорить с Семеновым спокойно, обстоятельно и трезво.

Все подробности улеглись у меня потом в один абзац газетного очерка.

Шли, вязли, бились в топях, цеплялись за кусты, выстилали путь хворостом, тащили на себе сорокапятимиллиметровые противотанковые пушки, несли на плечах занемогших и обессиленных товарищей, волочили боеприпасы и провиант, а в

вещевых мешках на спине личный неприкосновенный запас — сухари и патроны. Не разведка какая-нибудь, не мелкие группы, а полки, целые полки с вооружением и тылами, со штабами и медпунктами.

Та подробность, что полки были не простыми, а парашютно-десантными, тоже примечательна: рожденный ползать летать не может, но рожденный летать может при случае и ползком упредить и ошеломить противника!

— Поход был в достаточной мере мучительным, — заключил Семенов. — Мы делали по сорок километров в сутки. А противник что же? Противник, как и следовало ожидать, не принял боя. Вот вам и удача тактического замысла. Смотрите, торжество продолжается.

На привале пели гармошки. Плясать охотников было мало. Почти вся пехота лежала, наслаждаясь теплым покоем, тишиной, красотой. Гармонисты тоже играли полулежа.

Это было отборное войско, совсем юное, веселое и шаловливое даже в изнеможении.

Флягу Коробова мы осушили. Долго говорили потом обо всем на свете, но, когда собрались уезжать, я спохватился, что о самом Семенове, который вел полки, ничего, собственно, неизвестно. За что ему Красное Знамя? Кто он? Кадровый офицер? Окончил академию? Где служил? Чем командовал? Где был перед войной?

Семенов смущенно ответил:

— Ничего такого, что годилось бы для печати…

— А все-таки?

— Не кадровый. Не кончал академии. Ничем не командовал. А перед войной был… редактором журнала «Мурзилка»!

Черт знает что! Редактор «Мурзилки» ведет лесной чащобой грозные полки… Сказка!

В нашем корпусе

Акимовка — понятие журналистское.

Наш корпус (не танковый и не стрелковый, а корреспондентский) стоял в Акимовке зимой сорок четвертого года в тяжелые месяцы затишья.

Там мы в полной мере познали сущность южной, приазовской, степной грязи. Акимовка погубила нам несколько машин. Акимовка гробила нашу оперативность.

Зимние акимовские вечера бывали часто голодными, потому что наша хата стояла на одном краю огромного села, а штабная столовая — на другом, и между ними лежала непролазная тьма.

С частями переднего края связывали нас короткие заморозки. Материал добывался ночными бросками.

Однажды заморозок подвел нас. Мы с Константином Тараданкиным застряли в грязи в селе Агайман на несколько дней.

Колхоз праздновал возрождение и Новый год. Вся председательская хата залита была поросячьим студнем. До утра плясали в хмельном угаре старики и вдовы. Нас с Тараданкиным поили горилкой партизаны-бородачи, только что вышедшие из плавней.

Где-то поблизости стояли наши радисты, они дали деревне проводок, и старенький репродуктор хрипел музыкой из Москвы.

Дед кричал в репродуктор:

— Салют давай! Приказ давай! Последний час давай!

А к утренней сводке все протрезвились. Была хорошая сводка. Но о нашем участке не было в ней ни слова, как будто война здесь кончилась.

Мы вернулись в Акимовку, улучив заморозок.

Корпус жил своей жизнью. Напрасно думать, что в затишье так уж и нет никаких дел. В затишье обычно обострялось ощущение нашей хозяйственной, бытовой запущенности и обсуждался обширный список нехваток. Как говорил мудрый латыш корреспондент ТАСС Вольдемар Францевич Буш, мы с головой уходили в портянки.

Иногда положение наше удавалось улучшить, и некоторые из нас добывали к портянкам еще и сапоги взамен прохудившихся. Коллега Буша Борис Афанасьев брал на себя наиболее важные контакты в хозяйственной и комендантской сфере, а если уж ему не удавалось, тогда все улаживал без помощи начальства тассовский шофер Гущян, говоря при этом:

— А, все приходится делать самому!..

В затишье нами пристально интересовалось политуправление. В его планах всегда стоял насущный пункт насчет того, чтобы поближе познакомиться с нашими индивидуальностями, для чего был выделен майор Миронов, деликатнейший из майоров, когда-либо встречавшихся мне. Генерал Михаил Михаилович Пронин уделял каждому из нас личное внимание, он запросто навещал нас в нашей хате, ругал наше жилье, поражался нашей бытовой беспомощности и потешался над нашим невоенным видом (к корреспондентам «Красной звезды» последнее не относится, это оговаривалось всегда, и я оговариваю это здесь — у них не было невоенного вида!).

Одним из крупных мероприятий затишья был день рождения

Гриши Шпакова, корреспондента Совинформбюро. Не так уж много ему исполнилось, что-то около двадцати пяти, но провели мы этот день на уровне Восьмого марта, если не выше. Впрочем, Восьмого марта мы тоже устроили праздник — в честь Анисимовны, хозяйки хаты «Красной звезды», а именины ее младшей дочери отмечались само собой: оба раза гулял у Анисимовны Михаил Михайлович, он пел с нами допоздна.

Отлично жили в распутицу наши шоферы. Они ели, спали и бились в домино. Иногда устраивались просветительные вечера: мы читали с научными комментариями огромные, чуть ли не метр на метр, «священные писания», каким-то образом оказавшиеся в хате у безбожных хозяев. Кроме того, шоферы вслух читали газеты. «Мой майор сегодня подвалом идет…», «Гляди-ка, капитан мой, вот дал так дал!..» Однажды нагрянули к нам Борис Лавренев и Андрей Платонов, мы провели в разговорах долгую ночь и выяснили далеко не все.

В Акимовке мы привели в порядок свои дневники. Мы старались писать впрок, делали заготовки для будущих книг. Долгими вечерами до крика спорили о литературе и порядком надоели друг другу. Мы были придирчивыми судьями своим редакциям и не давали пощады даже самым именитым и грозным редакторам, ведя счет ошибкам и обидам и поддерживая дружескую профессиональную солидарность.

А «Красная звезда» во всех случаях улыбалась: у них порядок, у них лучше, у них солидно, у них образцово! И тогда кто-нибудь из нас брал номер «Красной звезды» и декламировал заметку, написанную явно по карте: «Первой в Н-ск ворвалась Н-ская часть…» И Василий Коротеев, наименее кадровый из кадровых, говорил со смущением:

— Мы тоже не святые.

И это была правда.

Когда наше акимовское житье совсем наладилось и стало граничить с комфортом, нам передали от Пронина:

— Завтра снимаемся!

На Турецком валу

Девятнадцатый танковый корпус генерала Васильева совершил прорыв к Турецкому валу.

Вошли, разумеется, в прорыв и корреспонденты.

Мы давно ждали этого дня. Мы берегли покрышки. Мы копили бензин, холили машины. Мы устанавливали добрые отношения с работниками узла связи (обоего пола): высшей

журналистской доблестью было завоевание их расположения в дни бурных событий, когда провод перегружен.

Когда мы догнали танкистов, генерал Васильев нам сказал:

— Хлопцы, вот такое дело: вторжение в Крым временно откладывается, может быть до весны. Из тактических моментов надо отметить стремительность броска и огневую мощь атаки. Дальше, хлопцы, не велено продвигаться, вот такое дело…

Он развел руками — одну откинул далеко, другую, перевязанную, придержал у груди.

Пусть остановили, пусть отложили вторжение, а минута все равно была святая. Мы были у Перекопа!

Помещение, в котором писалась для «Красной звезды» обобщающая статья о танковом прорыве, было амбаром совхоза «Чабан» у Турецкого вала. Соавторы примостились на куче ржи. Им запомнится эта куча ржи — история!

В амбаре работа подвигалась медленно. Корреспондент «Красной звезды» Василий Коротеев хотел, чтобы статья была написана этаким генеральским басом в манере военных мыслителей, но соавторы были майоры, молодые офицеры, они то и дело сбивались на ходкие газетные обороты и очерковые штучки, и это сердило Коротеева. Он тоже был майор, но постарше этих вчерашних лейтенантов.

— Воздух! — несколько раз кричал в приоткрытую дверь часовой, приставленный к амбару.

— Погоди ты, — отмахивались майоры.

— Воздух!

— Не мешай!

Я тоже пытался добыть для своей газеты статью о тактике танкового боя и наступал на начальника штаба полковника Шаврова, но он отбивался под предлогом изнурительной занятости: ведь сейчас, когда остановились, штабу самая работа… Очень убедительно, конечно, но, если бы наступление продолжалось, Шавров сослался бы именно на наступление: в движении штабу самая работа! Но я не потерял еще надежду и время от времени беспокоил полковника.

Ночевали мы все на той же куче ржи. Кстати сказать, на ржи спать довольно жестко, жестче, чем, например, на семечках или на кукурузе. Но, конечно, получше, чем на муке в тугих мешках.

Утром прояснилась картина штурма. Вся степь перед Турецким валом заполнена была танками, коробками автофургонов, рациями, пушечными и минометными батареями. Все было на виду — лагерь прикрывала огневая защита с фронта и с неба.

В рыжих откосах Турецкого вала наша пехота уже ладила

свои окопный быт — стлались дымки над лисьими норами, позвякивали котелки в щелях.

Всяк занят был своим делом. Мария Папуга, отважная радистка, с которой нам надо было встретиться, уединилась было в фургоне рации и начала примерять шелковый платочек — когда-то еще доведется его надеть!

Тихо было. Ни пулеметной очереди, ни мины: осенью сорок третьего года противник уже зря на рожон не лез. Это была тишина завоеванная, тишина победная. В тишине лежал за туманами хмурый Крым в ожидании второй перекопской атаки.

Люди танкового корпуса настроены были празднично, да и подходила годовщина Октября.

Поближе к вечеру сам разыскал меня полковник Шавров. Что, неужели написал статейку? Или, может, выбрал время сесть поработать над ней с моей помощью?

— У меня к вам есть кое-что, — сказал он. — Статья не получится. Но нельзя ли попросить там кого-нибудь в вашей редакции, чтобы позвонили Ефросинье Васильевне, жене моей, поздравили с наступающим праздником и сказали, что Иван Егорыч жив… Она живет у Сокола, вот вам телефон. Понимаете, был штурм, она должна на праздник знать, что я жив.

На ржи родилась в муках и страданиях полновесная, «генеральская» статья майоров для «Красной звезды». А в мою редакцию полетел по проводам с Перекопа привет Ефросинье Васильевне от Ивана Егоровича.

Там!

Мы с Мартыном Мержановым вели себя как мальчишки: отчаянно топали ногами, пританцовывали и орали в общем гаме бог знает что. Еще бы не кричать и не прыгать: мы перешли германскую границу, первыми оказались на горбатой и тесной «Марктплац», выложенной красной брусчаткой. Красная кирпичная кирха, обезглавленная, хлопала на ветру рваными листами жести. Гранитный монумент лежал на боку среди обломков длинных крыльев. «Бир унд вайн» — криво ухмылялся пустой кабак. А из соседнего магазина уже летели на мостовую плотные томики «Майн кампф».

Бомбовую воронку машины объезжали в густой грязи по обочине взорванной мостовой, и мы живо сообразили накидать под колеса побольше творений Гитлера, чтобы машины не буксовали. Немедленно какой-то майор, из тех, кто за словом в

карман не лезет, заявил, что вот, мол, пожалуйста, случай, когда такая литература может ускорять ход истории.

Передовая за ночь продвинулась вперед километров на восемь. Спешно отводя артиллерию на новые позиции, противник встречал нас главным образом огнем пожаров. Горели целые кварталы — банки, торговые конторы, особняки. Из водопроводных труб хлестал кипяток.

Огромный пылающий дом рухнул, перекрыв движение по улице, и машины устремились переулками в объезд.

Время от времени возникали «пробки». На остановках к нашей машине подбегали солдаты с единственным вопросом, волновавшим в тот день многих:

— Сколько отсюда до Берлина осталось? Сколько до Берлина?

Притопала сюда, на эту брусчатку, наша степная киргизская лошадка, и ездовой саратовский парнишка Коля Остроухов призыва 1943 года, подгоняя ее («Н-но, голубка!»), сказал товарищам, помогавшим вытолкнуть телегу из грязи:

— Была мода въезжать победителям на белом коне, а я въеду в Берлин на пегом, ничего?

Я быстро написал Коле записку:

«В имперскую конюшню. Обеспечить лошадь ефрейтора Остроухова овсом высшего сорта и предоставить персональные ясли».

— На, возьми, скажешь, я приказал…

Затор ликвидировали, мы оставили Колю с лошадкой позади, а новую «пробку» уже надо было пробивать огнем нашей артиллерии, и в той полосе кончились шуточки.

Было очень поздно, когда мы вернулись в наш хуторок, чтобы послать в Москву первые корреспонденции с земли врага.

В Порт-Артур и обратно

В Порт-Артур мы летели с воздушным десантом, а обратно, навстречу нашим передовым наземным войскам, катили в трофейной машине «Форд-8», американской левше.

Со мной были фотокорреспонденты Анатолий Егоров и Василий Киселев. Вооружение наше состояло из трех пистолетов, продовольственные запасы исчерпывались ящиком бренди и кульком японских галет.

Мы давно оторвались от наземных войск, еще на земле Монголии, где-то около Халхин- Гола. Перепрыгнули через Большой Хинган — из окна самолета я видел внизу серое

нагромождение скал, дикую свалку утесов, грандиозное каменное столпотворение и едва различимые змейки дорог, по которым шли трудным походом наши танки, наша мотопехота, наши саперы и связисты.

И вот мы ехали теперь им навстречу.

Японцы уже капитулировали, но не успели сложить оружие. Наша машина обгоняла и встречала стройные колонны довольно бодрой и недурно оснащенной пехоты, и статные, вышколенные офицеры старательно козыряли нам. Их было много, нас было трое. Колонны почтительно уступали нам дорогу. По обочинам выстраивались толпы китайских крестьян, они нам яростно аплодировали, и, казалось, будто молва о советской машине разносится с быстротой радио. Но радио не было. И телеграфа не было. Телеграф был моей мечтой — отправить порт-артурские репортажи.

Машина катилась людными дорогами Ляодуна, она шла сквозь ливни рукоплесканий.

Но накануне прошли ливни настоящие, и вот мы застряли перед оврагом у сорванного с опор моста. Карта почти бесполезна: дороги перекроены, названия в каждой провинции свои. По рукам китайской толпы идут наши рисунки: паровозики (где-то тут дорога?), многоэтажные здания (далеко ли до большого города?), речки, мосты, развилки дорог. И на все отвечают нам незнанием, пожимают плечами, виновато улыбаются, похлопывают по плечу — не унывайте, мол, после разгрома Японии ничего уже не страшно. И суют нам в машину арбузы, персики и помидоры, и затягиваются нашими сигаретами. А детям дают потрогать наши погоны, каждую звездочку отдельно.

Это была пантомима.

Но однажды на площади маленького городка, где мы вынуждены были притормозить из-за тесноты, пробрался к машине древний старик с трубкой в зубах и заговорил на изуродованном до неузнаваемости русском языке. Мы употребили много энергии и воображения, чтобы расшифровать то, что он сказал: до 1914 года жил в Петербурге, работал в прачечной, а потом по подозрению в шпионаже выслан был из России. Он счастлив снова встретиться с Россией у себя на родине.

Постепенно въехали мы во тьму.

Ощупью двигаемся в китайской ночи.

Пытались мы было вброд перебраться через речку, но водой захлестнуло свечи, машина заглохла, застряла в самом глубоком месте, на середине. Сидим, думаем, как выбраться. В обе стороны до берега метров по двадцать — вода выше колен. Что ж, один

идет к одному берегу, другой к другому, третий остается на всякий случай в машине.

Я на своем берегу углубился довольно далеко: ни души. Стою, жду, смотрю. Егоров на своем берегу прошел еще дальше и тоже никого не встретил. Но вот на меня, вижу, надвигается черная тень человека. Подаю голос — человек испуганно шарахается, бежит назад. Я кричу ему вслед и тем только подгоняю его. Но тут на берегу Егорова показывается целая стайка китайской молодежи. Им уж конечно стыдно бояться одной машины, застрявшей в реке в потемках. Подошли ребята к берегу, Егоров знаками объяснил, в чем дело. И тут произошло неожиданное: с криками, с воплями побежали ребята назад, в скрытую тьмой деревушку — там захлопали двери, закудахтали куры, завизжали дети и женщины, поднялась тревога. Ждем. Что-то будет? Видим, на нас надвигается шумная черная масса людей, человек четыреста, не меньше. У мужчин закатаны штаны, у женщин тоже подобрана выше колен одежда. С ходу вбегают в воду и, окружив машину, поднимают ее на руках так, наверно, как в былые времена несли паланкины вельмож.

Сделали дело — и убежали. В деревне короткий переполох. Видно, комментарии к событию. И тишина.

Тьма еще гуще. Дорога еще хуже. Сбились на какой-то едва заметный проселок. Но вот снова дорога расширилась — впереди как будто накатано, на земле оттиснуты узорчатые шины.

Прибавляем скорости — и стоп! Разрушенный мост и никаких объездов ни слева, ни справа.

— Знаете, хлопцы, — говорит Егоров, — довольно издеваться над машиной и трепать казенные нервы. Я предлагаю спать. Закрыться на все стекла и спать до утра.

Киселев — не он ведет машину — и так уже почти спит, в знак решительного согласия резко клюет носом. И я тоже легко примыкаю к большинству.

Спим.

Как перешла черно-чернильная китайская ночь в бледное утро, как полыхнул из-за горизонта свет, нам не довелось увидеть. Нас растормошило веселое, озорное, уже высокое солнце, брызнувшее в стекла машины с ослепительно светлого, почти совсем белого неба.

За нашим пробуждением следили плотные ряды зрителей, обступивших машину. К самому стеклу прильнули коричневые, копченые, морщинистые лица стариков, детишки карабкались на капот, женщины с любопытством разглядывали нас и наше довольно неказистое снаряжение, держали наготове тарелочки с вареными яйцами и овощами.

Громкий общий возглас вырвался из толпы, когда мы очнулись и в радостном удивлении раскрыли дверцы машины. Толпа закивала, заулыбалась, послышались какие-то слова, какие-то препирательства и пререкания. Отталкивая друг друга, крестьяне совали в машину тарелочки с угощением. Мы могли отплатить только сигаретами. Мы выложили все, что у нас было, и толпа от мала до велика с восторгом, со смаком, с лихим причмокиванием закурила…

Где объезд? Объезд уже обозначен живой цепочкой — до сопряжения с шоссе машина шла людским коридором под прощальные аплодисменты толпы.

А два дня спустя шоссе привело нас к окраине тихого городка, где мы увидели в саду на привале наших танкистов. Мы услышали знакомую привычную команду:

— Ужин и ночлег корреспондентам! Машину осмотреть и заправить.

Яков МАКАРЕНКО. ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ С ВОЙНЫ

Приближалась Берлинская операция. Последняя и самая крупная наступательная за все годы Великой Отечественной войны.

В маленьком польском городке Мендзыхуд, захваченном некогда германскими милитаристами, где в начале апреля 1945 года размещался штаб 1-го Белорусского фронта, происходили знаменательные события. Под руководством Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в глубочайшей тайне и в мельчайших подробностях и деталях в штабе уточнялся план битвы за Берлин.

А в прифронтовой полосе по широкой асфальтированной магистрали Познань — Берлин тянулись под прикрытием ночей к берегу Одера тысячи пушек, начиная от вездесущих «сорокопяток» и кончая дальнобойными крепостными мортирами, мчались колонны танков, перебрасывались на грузовиках отлично экипированные и хорошо вооруженные пехотные части. Берлинская автострада, казалось, не сможет вместить всего, что вдруг устремилось к Одеру. Но все совершалось в высшей степени организованно.

Фронт находился от Мендзыхуда в двух часах езды на машине. За Одером, берега которого захлестнуло половодье, на крохотных, простреливаемых насквозь плацдармах южнее и севернее Кюстрина, которые были заняты наступающими советскими частями и соединениями еще в феврале, беспрерывно шли бои. А рядом, на правом пологом берегу Одера и прилегающих к нему вплотную густых сосновых лесах, называемых Королевскими, сосредоточивались свежие силы для сокрушительного удара.

В дни подготовки к штурму Берлина вырос, значительно пополнился журналистский корпус. Военные журналисты, вынесшие вместе с армией все тяготы и трудности, готовились к описанию заключительного этапа войны. Редакция «Правды» сосредоточила на берлинском направлении две бригады военных корреспондентов. На 1-м Белорусском фронте в бригаду входили Всеволод Вишневский, Борис Горбатов, Василий Величко, Иван Золин, Мартын Мержанов и пишущий эти строки. Чуть позже к нам присоединился Михаил Брагин. На 1-м Украинском фронте бригаду составляли Борис Полевой, Вадим Кожевников и Сергей Борзенко. Кроме того, на обоих фронтах находились фотокорреспонденты «Правды» Александр Устинов, Федор

Кислов, Виктор Темин, Яков Рюмкин и Николай Фиников.

Военные журналисты старательно готовились к освещению битвы за Берлин. Почти все из нас завели для записи предстоящих событий объемистые тетради. Назвали их «берлинскими тетрадями». Солдаты чистили перед штурмом Берлина, как водится, оружие, мы — «точили» перья.

В Берлине, судя по сообщениям германских газет и данным разведки, жизнь шла, как на вулкане. Фашистской столицей овладевала паника. По радио почти каждый день выступал с заклинаниями Геббельс. Когда наступление Советской Армии подкатилось к Одеру, Гитлер назначил его гаулейтером и начальником берлинской обороны.

Гитлеровское командование, конечно, ожидало удара на Одере. Для того именно и пришла сюда героическая Советская Армия. Но оно не знало и не могло знать, когда это произойдет. Были лишь разного рода предположения и догадки.

Журналисты раскрепились по частям направления главного удара. Вишневский и Золин «приписались» добровольно к армии, которой командовал В. И. Чуйков. Горбатов и Мержанов выехали в армию В. И. Кузнецова, я определился в армию генерала И. Э. Берзарина. Василий Величко и Михаил Брагин — к танкистам. Фотокорреспонденты должны были выбирать себе объекты для съемок по собственному усмотрению, в зависимости от обстановки.

Заведующий военным отделом «Правды» М. Р. Галактионов поставил перед нами задачу дать широкую и живую картину наступательных действий наших войск, показать массовый героизм, зрелость и высокое воинское мастерство солдат и офицеров всех родов войск, а также показать, что советский воин идет в Германию не порабощать, а освобождать немецкий народ от фашистского ига, что он интернационалист по духу и поведению.

Для координации деятельности военкоров-правдистов военный отдел назначил старшим заместителя заведующего военным отделом капитана 2-го ранга И. И. Золина. Каждый из нас должен был писать в газету ежедневно, невзирая на то, печатает она наши материалы или нет. В этом был свой резон: в наших корреспонденциях и репортажах запечатлевалась живая история, и, если некоторые из них не попадали на страницы газеты, все равно они становились документами истории.

Иногда вечерами мы съезжались в Мендзыхуде. Всем было ясно: решающие события грянут очень скоро.

Однажды вечером Всеволод Вишневский вынул из кармана своего морского кителя «Фелькише беобахтер» и, лукаво щуря

глаза, сказал:

— Сейчас я вас, товарищи, посмешу!

Он начал скороговоркой переводить текст газеты. «Фелькише беобахтер» беспардонно утверждала, что Советская Армия после гигантского рывка с берегов Вислы к Одеру едва ли способна начать в скором времени новое мощное наступление. Генералы фюрера внушают себе, писала газета, что все еще поправимо, что Иваны не успели просушить портянки.

— Посмотрим, что скажет своим читателям эта газетенка, — заметил саркастически Вишневский, — через некоторое время!

Интересно было наблюдать за метаморфозами, которые происходили помимо воли в нас самих. Всеволод Вишневский был необычайно весел, сыпал матросские анекдоты, а вечерами, никогда не отступая от раз установленного правила, садился за дневник. Каждый из нас с интересом смотрел на большую конторскую книгу в черном ледериновом переплете, желая хоть одним глазом заглянуть в нее. Но Всеволод Витальевич никого не подпускал к дневнику. Даже своего напарника и друга Ивана Золина.

Борис Горбатов в эти дни был особенно сосредоточен. Он говорил:

— Я должен написать, черт возьми, последнее «Письмо товарищу». Это будет письмо о нашей Великой Победе!

Мартын Мержанов почти ежедневно писал нежные письма Оленьке — единственной и бесконечно любимой дочери. Он же, под общий хохот, рассказывал полушутя-полусерьезно:

— Вчера, братцы, я чуть не поговорил с самим рейхсминистром Геббельсом. В штабе части, где были мы с Борисом, стоял телефон. Я снял трубку и вдруг слышу: «Центральная Берлина отвечает». Я не растерялся и гаркнул во все горло: «Геббельса!» Телефонистка любезно ответила: «Битте!»

Стояла необычно ранняя весна. В воздухе была разлита теплынь. Солдаты поскидали шинели, куртки. Смеясь, они говорили: пар костей не ломит!

В оперативном отделе штаба фронта мне подарили книжечку — лекцию об итогах Семилетней войны. «Неказиста книжечка, — сказали мне, — но очень поучительна. В ней ведется рассказ о пребывании в Берлине русских войск в 1760 году». Я прочитал ее залпом. В конце книжки приводился отрывок из рапорта Тотлебена в Петербург. Заканчивался он неожиданными словами: «Здешних газетных писарей завтра велю шпицрутенами наказать».

Подумалось с озорством: хорошо бы этак же поступить с писаками из «Фелькише беобахтер».

И вот наступило 16 апреля. На рассвете содрогнулась, задрожала, как при землетрясении, земля. Началось! Мошной артиллерийской подготовкой, введя в бой четыре общевойсковые и две танковые армии, 1-й Белорусский фронт развернул с Кюстринского плацдарма наступление на Берлин.

В этот исторический день все без исключения военные журналисты, естественно, находились в частях, на передовых позициях. Мы видели собственными глазами, как началось в пять часов утра и развертывалось это одно из величайших во всей истории войн наступление. Черпали материал для своих репортажей, корреспонденций и очерков непосредственно в гуще наступающих воинов.

Всеволод Вишневский и Иван Золин стали свидетелями начала наступательных боевых действий на участке 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова, на командном пункте у деревни Рейтвейн, на котором находился Г. К. Жуков. Затем в 8-ю гвардейскую вскоре передислоцировались также многие другие военкоры, в том числе и я.

Через понтонный мост, установленный саперами ночью и беспрерывно обстреливаемый фашистами, я перебрался на машине на левый берег Одера. Побыл пару часов на командном пункте 8-й гвардейской армии, записал со слов знакомых офицеров, какие распоряжения отдавал перед началом наступления и в ходе его развертывания маршал Жуков, а затем направился в район города Зеелов, где фашисты оказали нашему наступлению наиболее упорное сопротивление. По пути взял несколько интервью у гитлеровских солдат, чудом уцелевших от артиллерийского огня, который разрушил до основания фашистскую оборону на Одере. У всех мнение было едино: «Мы были не в силах выдержать такого интенсивного артиллерийского огня, натиска танков и пехоты!»

В первом же населенном пункте, у небольшого домика с беседкой среди цветущих яблонь, написал буквально на коленке, как это делал, по существу, в ходе всей войны, корреспонденцию о прорыве Одер-фронта. Назвал ее: «Иван стучится в двери Берлина».

На высотах под городом Зеелов фашистам удалось на некоторое время задержать наступающие советские части. Здесь гитлеровцы построили многочисленные доты и дзоты, которые были до предела насыщены артиллерией, сюда по приказанию Геббельса были срочно переброшены свежие полки.

Штаб фронта переехал в Ландсберг, ближе к наступающим армиям. Управление операцией гигантских масштабов требовало перенесения штабных отделов непосредственно к боевым

рубежам. Передвинут был сюда же и военный телеграф. Перебрались в Ландсберг также и мы, журналисты. Это уже был типичный немецкий город, притом большой. Паника в нем была так велика, что городские заправилы, убегая, не успели позвонить в Берлин, чтобы отключить его от сети электроснабжения, прекратить по реке рейсы небольших пароходиков.

В дни ожесточенных боев за город Зеелов журналистский корпус постигло большое несчастье: погиб военный корреспондент ТАСС Александр Малибашев. Это был замечательный человек и журналист. Прошел с войсками всю войну, бывал десятки раз в труднейших переделках. Смерть настигла Малибашева тут, под Берлином. Во время вражеского артиллерийского налета он находился в штабе одного из наступающих полков и был сражен разорвавшимся снарядом.

Объясняя причины некоторой задержки в районе Зеелова, начальник штаба фронта генерал-полковник М. С. Малинин сказал военным корреспондентам:

— У Зееловских высот, которые являются как бы ключом к Берлину, у врага оказалось немало преимуществ перед нами. Высоты, господствующие над всей прилегающей местностью, имеют крутые склоны. Их трудно преодолевать пехоте и танкам. Перед скатами проходит глубокий противотанковый ров. Повсюду устроены минные ноля. На вершинах высот сосредоточены крупные силы. Особенно много там артиллерии. В. И. Чуйков сообщил, что в иных местах стоит до двухсот пушек на километр фронта!

Но уже через день Зееловские высоты были пройдены. Горбатов и Мержанов написали об их прорыве репортаж «Путь на Берлин открыт».

Еще через несколько дней после начала наступления передовые части и соединения, продолжая бой, уже подкатывались к Берлину.

На подступах к Берлину я вечером встретил командующего 5-й ударной армией генерала Н. Э. Берзарина. Он был, как всегда, в черной бурке, накинутой на плечи, и серой каракулевой папахе. Лицо его казалось усталым, но серые с веселинкой глаза светились искрами радости.

— Я назначен комендантом Берлина, — сообщил он. — Милости прошу прибыть в ближайшие дни на первую пресс-конференцию!

Еще до вступления наших войск в Берлин Всеволод Вишневский и Иван Золин выступили с репортажем «К Берлину», в котором ярко и убедительно показали, как умело и решительно наши воины проламывали фашистскую оборону.

20 апреля, на пятый день операции, дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии впервые открыла огонь по Берлину. В это же время 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Зюкин, также дал залп по фашистской столице. На тяжелых снарядах можно было прочесть сделанные солдатами надписи: «Гитлеру», «Геббельсу», «Герингу».

В «Правду» тотчас ушла моя корреспонденция «Огонь по Берлину!».

Через день, 21 апреля, наступающие ворвались на окраины Берлина. Это был огромнейший успех войск. Запечатлел этот важный момент в репортаже «В черте Гросс-Берлина».

По утрам в дни боев за Берлин между нами можно было слышать такой разговор:

— Куда едешь?

— К Чуйкову либо к Катукову!

— А ты?

— К Берзарину!

— А где бывал?

— У Кузнецова!

— А ты?

— У пехотинцев Белова и танкистов Богданова!

Военкоры-правдисты стремились в своих корреспонденциях, репортажах, очерках рассказать о боевых делах всех наступающих армий.

В первый же день вступления наших войск в фашистскую столицу я попал в корпус генерала И. П. Рослого. И как раз в тот момент, когда его передовые части прошли черту Гросс-Берлина и, перерезав окружную железную дорогу, вышли на улицы старого города.

Шофер Гриша Скулков, заменивший раненного в боях за освобождение Польши опытнейшего и удивительно храброго водителя Михаила Николаевича Чернышева, выжимал из трофейного «вандерера» все, что можно. Вот и первые улицы Берлина. Перед нами Ландсбергштрассе. Она до предела забита нашей продвигающейся вперед военной техникой: танками, самоходками, автомашинами, тягачами. Повсюду можно было видеть разбитые, сожженные, раздавленные или брошенные целехонькими вражеские пушки. Стояли, уткнув в землю хоботы орудий, танки и самоходки. Тут и там чернели остовы обгорелых автомашин, особенно много было среди них легковых. Валялись трупы солдат и офицеров… Город горел. Борис Горбатов и Мартын Мержанов, увидев все это, немедленно написали корреспонденцию «В Берлине».

На улицах фашистской столицы беспрерывно рвались снаряды и мины. На тротуарах, прижимаясь плотнее к стенам домов, кое-где уже собирались гражданские немцы. Потом появились группы мальчишек. Они обступали тесным кругом наших бойцов и офицеров и тотчас начинали просить хлеба. О голоде в Берлине мы уже знали, толпы мальчишек, просящих милостыню, теперь воочию убеждали в этом.

— Гитлер капут, Гитлер капут! — горланили белокурые веснушчатые ребятишки.

25 апреля была достигнута еще одна замечательная победа — Берлин был окружен. Вишневский и Золин отметили это важное событие корреспонденцией «Берлин в кольце». Бои в фашистской столице постепенно, но уверенно перемещались к центру.

В эти горячие дни военкоры-правдисты, запасшись сухарями, сухой колбасой, маслом, сахаром, пробивались вместе с наступающими подразделениями также к центру Берлина, заполняя записями распухшие блокноты и тетради. В подразделениях, где-нибудь в подвале или на четвертом-пятом этаже дома, где размещался наблюдательный пункт полка или дивизии, садились и спешно писали корреспонденции. Затем мчались на узел связи. А нередко и ночевали среди наступающих.

Ближе к центру Берлина стучим вместе с военкором «Известий» Львом Исаичем Славиным в двери небольшого домика. Нам нужна была комната, чтобы написать очередную корреспонденцию об уличных боях. Долго не открывают. Наконец слышим, как поворачивается ключ в замочной скважине, и дверь открывается.

— Как, вы уже здесь? — перед нами стоял в растерянности пожилой человек в рабочей блузе. — А я думал, это гестаповцы. Час назад они приходили и приказали, чтобы я пошел оборонять баррикады!..

По улицам, увешанным во множестве белыми флагами и полотнищами, шли пленные. Фашистский Берлин начинал поднимать руки вверх.

А его улицы заполнило множество русских, поляков, французов, голландцев, американцев, только что освобожденных нашими войсками. Одеты в рубища, лица изможденные.

— Откуда?

— Смоленские! Курские! Псковские! Из-под Твери! А мы из штата Миннесота. О'кэй!..

В один из дней боев на улицах Берлина услышал, как сквозь гул артиллерии пробиваются мелодичные звуки музыки. Что такое? Немедленно сворачиваю в соседнюю улочку. Батюшки! Да тут шел настоящий концерт. Недалеко от батареи, посреди

улицы, был поставлен сверкающий от сполохов частых выстрелов рояль. За ним, чуть склонившись, сидел М.Блантер, рядом стоял Т. Хренников. «…Давай «Катюшу»!» — кричали им артиллеристы. Тихон Николаевич запел с характерной хрипотцой знаменитую «Катюшу».

В бригаде правдистов в конце апреля появилось пополнение. В Берлин прилетел Леонид Коробов. Острит, как всегда: «Мы с Сидором Ковпаком еще в сорок третьем году, в походе по Белоруссии, договорились: будешь в Берлине, плюнь на пороге имперской канцелярии. Вот приехал выполнить наказ моего дорогого бородача».

Коробов рассказал, как живет и работает в эти дни редакция «Правды». Сообщил, что по согласованию с «Правдой» он будет посылать корреспонденции из Берлина для «Комсомольской правды».

Спешу на телеграф в Штраусбург, куда еще раз и уже окончательно переехал штаб 1-го Белорусского фронта, чтобы передать в Москву новую корреспонденцию об уличных боях в Берлине. Военные связисты, несмотря на огромную перегрузку официальными документами, все же находили «зазор», чтобы передать также и наши материалы.

Штраусбург — небольшой зеленый городок за Одером. До Берлина от него не более сорока километров.

Наши корреспондентские встречи в Штраусбурге происходили теперь редко и главным образом поздно по ночам. Почти все время мы находились в войсках.

Борис Горбатов и Мартын Мержанов нашли вскоре чрезвычайно интересную тему: пещерные, другими словами, подвальные немцы. Писали репортаж всю ночь. На рассвете он уже лежал на телеграфе, а когда был напечатан — получил широкий резонанс у фронтовиков.

С интересными и содержательными корреспонденциями, репортажами и очерками выступали в это же время на страницах «Правды» военкоры 1-го Украинского фронта. Борис Полевой напечатал ряд репортажей и очерки «Бои на улицах Берлина», «Передовая на Эйзенштрассе». В последнем рассказывалось, как старший сержант Трифон Лукьянович, до войны житель Минска, где погибла в первые же дни войны во время фашистской бомбежки города вся его семья, спас на передовой, в ходе боя, крохотную немецкую девчушку, лежавшую возле убитой матери. Лукьянович, несмотря на ураганный огонь с фашистской стороны, по-пластунски добрался до девчушки и под градом пуль вынес ее на руках к своим окопам. Однако в самый последний момент, когда преодолевал бруствер окопа, был тяжело ранен.

Спустя много лет после войны немецкие патриоты точно установили место, где совершил этот замечательный подвиг Трифон Лукьянович. Оказалось, что это произошло не на улице Эйзенштрассе, как написал Полевой, а на Эльзенштрассе. Теперь на Эльзенштрассе установлена памятная доска, на которой указана фамилия Лукьяновича, а также изложен его подвиг.

С не меньшим успехом выступали также другие военкоры-«первоукраинцы». Вадим Кожевников написал репортаж «Артиллеристы ведут огонь», Сергей Борзенко — корреспонденцию «Неукротимая воля» о наступательном порыве советских воинов.

Когда войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов развернули совместные бои в фашистской столице, военкоры-правдисты стали частенько обмениваться через узлы связи короткими приветственными телеграммами. Иван Золин писал Борису Полевому: «Поздравляем отличными материалами. Так держать!» Полевой ответствовал не без лукавства: «Восхищены вашей активностью. Учимся у мастеров».

Лавируя между колоннами танков, объезжая многочисленные баррикады, каждый из нас ежедневно пробивался вслед за наступающими частями в центр Берлина. Надо было поспеть всюду. Фашисты сопротивлялись жестоко, защищали с упорством каждую улицу, каждый дом. Гитлеровское командование напрягало все силы, пытаясь во что бы то ни стало сдержать удары советских войск. Армия генерала Венка, которая по указанию Гитлера прорывалась на выручку Берлина с запада, не выполнила своей задачи. Теперь надежды возлагались на армию генерала Буссе, все еще находившуюся в районе Франкфурта-на-Одере.

Советские полки с непоколебимым упорством парировали контрудары противника в Берлине и уверенно продвигались вперед. Подчас было трудно понять, где проходит линия фронта. Стараясь добыть материал для газеты из первых рук, правдисты были постоянно в гуще войск. В этом не было ничего необычайного, тем более героического. Героями были солдаты и офицеры, которые под градом вражеских пуль, снарядов и мин вели наступление. Но когда бывало туго, приходилось и корреспондентам браться за оружие.

У Шпрее мы с известным писателем, человеком не таким уж молодым, корреспондентом «Известий» Всеволодом Вячеславовичем Ивановым попали на командный пункт роты, которая отражала очередную ожесточенную контратаку фашистов. И вот настал момент, когда и нам дали в руки автоматы. Контратака, однако, вскоре была отбита.

— Скажи кому, что пришлось браться за оружие, пожалуй, не поверят, — говорил Всеволод Вячеславович, щуря из-под очков серые улыбчивые глаза.

В Вайсензее Горбатов и Мержанов попали под обстрел фашистских автоматчиков, и неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы их не выручил решительными действиями шофер Гриша Мирошниченко. Он рванул «эмку» на большой скорости вперед и быстро проскочил мимо домов, в которых находились гитлеровцы.

В сложный переплет попал в бою за улицу на подходе к одному из берлинских вокзалов Василий Величко. Возвращаясь вечером из подразделения, которое штурмовало этот объект, он был ранен в плечо и упал. Его подобрал работник политотдела 8-й гвардейской армии подполковник Н. Овчинников и доставил на наблюдательный пункт. Здесь Величко была оказана медицинская помощь, сделана перевязка. От предложения лечь в госпиталь он наотрез отказался.

Телеграф ежедневно принимал от нас все новые и новые корреспонденции для «Правды». Мы видели, что газетные полосы заняты важными официальными материалами, вздыхали, но нисколько не сетовали и продолжали писать, ибо хорошо знали, как необходима была в дни битвы за Берлин каждая взятая из огня строка.

Каких только встреч не было в ходе боев в Берлине и под Берлином! На автостраде, которая охватывала кольцом фашистскую столицу, мне неожиданно встретился правдист, до войны заведующий отделом информации «Правды», а в годы войны редактор «Иллюстрированной газеты» Леопольд Железнов. Но, пожалуй, самой примечательной все же была встреча с бывшим выпускающим «Правды» Федором Ципориным. Как-то ночью в поисках пристанища я заехал в редакцию газеты 8-й гвардейской армии. Выйдя из машины, услышал в возвышавшемся во тьме сарайчике знакомый с детства звон льющейся в ведро струи молока. Как оказалось, корову доил Ципорин. Он работал в армейской газете наборщиком. В знак встречи мы выпили полведра парного молока.

На одной из центральных берлинских улиц я увидел маршала Г. К. Жукова. Он сидел, как всегда, рядом с шофером. На нем было кожаное пальто, полевая фуражка. Лицо его было суровое, сосредоточенное. Маршал ежедневно находился среди наступающих. В этот раз, как выяснилось потом, он направлялся к Моабиту, где продвижение наших подразделений затормозилось. Г. К. Жуков хотел лично разобраться в причинах этого. В ходе Берлинской битвы маршал никого из военкоров не принимал, и

потому случайная встреча с ним была удачей.

28 апреля нас всех поразила новость — гарнизон Берлина был рассечен на части и представлял собой всего лишь цепь изолированных друг от друга островков. Бой шел за имперскую канцелярию. Наступающие уже видели в бинокль сквозь клубы дыма и пыли гигантское здание рейхстага с крутобоким стеклянным куполом над крышей.

Это была агония Берлина. А «Фелькише беобахтер» продолжала беспардонно утверждать: «Новые силы подходят»; «Берлин ни в коем случае не предоставлен самому себе, он является частью единого фронта». Так геббельсовские пропагандисты стремились успокоить и одурачить своих солдат и берлинцев.

В штаб фронта беспрерывно поступали из частей сообщения о захвате в Берлине новых улиц, площадей, районов. Их названия тотчас наносились на карту: Александерплац, Митте, Моабит. Эти слова почти одновременно перекочевывали в наши блокноты, а оттуда в корреспонденции и репортажи. На второй день их видели на страницах «Правды» миллионы читателей.

Посоветовавшись по штабному правительственному телефону с редакцией, Иван Золин отменил нашу «приписку» к армиям. Было решено сосредоточить усилия всех военкоров-правдистов в тех частях, которые ближе всего находились к правительственным учреждениям гитлеровской Германии.

Можно без преувеличения сказать, что в освещении битвы за Берлин наступил кульминационный момент. Но редакция не успевала получать и дать выход на страницы всему, что мы посылали по телеграфу. Чтобы ускорить поступление материалов в Москву, нам, по указанию маршала Г. К. Жукова, был предоставлен самолет, экипаж которого составляли летчики В. Лемешкин, К. Москаленко и И. Вештак, а также офицер с полномочиями специального курьера.

Журналисты хотели знать, где будет водружено Знамя Победы и кто это сделает. В оперативном отделе штаба на этот вопрос отвечали уже более определенно, чем раньше.

— Оно будет водружено над рейхстагом, — твердо заявили нам на одной из очередных утренних встреч. — Почему над рейхстагом — нетрудно понять. Рейхстаг играл в гитлеровской Германии особую роль. В нем вырабатывались и благословлялись все преступные планы войны!

Что касается того, кто водрузит Знамя Победы, об этом никто не мог сказать ничего определенного. Лишь было высказано предположение: вероятнее всего, это сделает кто-либо из воинов армии В. И. Чуйкова или В. И. Кузнецова. «Повезло» армии В. И.

Кузнецова.

30 апреля батальоны полка Ф. М. Зинченко начали штурм рейхстага — последней мощной твердыни Берлина. Вечером того же дня над куполом рейхстага было водружено Знамя Победы, но ожесточенные бои в нем еще продолжались.

Нам стали известны герои штурма рейхстага — воины батальонов Степана Неустроева, Василия Давыдова и Константина Самсонова, а также установившие Знамя Победы — разведчики Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Первые короткие строки об их подвиге были немедленно переданы в «Правду».

Ночью 1 мая на участке наступления одного из полков 25-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии перешел линию фронта начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал Кребс в сопровождении нескольких офицеров. Кребс и его спутники были немедленно препровождены на командный пункт В. И. Чуйкова.

В штабе Чуйкова в это время находились Всеволод Вишневский, Иван Золин и корреспондент фронтовой газеты «Во славу Родины» Евгений Долматовский. Им было разрешено присутствовать на переговорах Чуйкова с Кребсом. Они почти стенографически записали их ход.

Возвратившись вечером того же дня в Штраусбург, Всеволод Витальевич собрал у себя всех военных корреспондентов «Правды» и рассказал, как шли переговоры Чуйкова с Кребсом.

— Слишком значимо само по себе событие, — сказал он, — и ни я, ни мой друг Золин не вправе знать об этом одни!

Наступал последний акт Берлинской битвы. Город, охваченный пламенем пожаров, окутанный снизу доверху дымом, утопал во множестве белых флагов и полотнищ. В одном из полуразрушенных зданий вблизи рейхстага, под гул артиллерийской канонады, почти на одном дыхании написал обо всем увиденном корреспонденцию. Как только была поставлена последняя точка, поспешил на узел связи.

В ночь на 1 мая все военкоры, естественно, не могли спать. Мы ждали с часу на час сообщений об окончании боев в центре Берлина и рейхстаге, ходе переговоров с гитлеровским командованием. В оперативном отделе, куда мы наведывались почти через каждый час, отвечали однозначно: идут напряженные бои, переговоры — тоже!

Под утро 2 мая рейхстаг пал. Военкоры уже усаживались в машины, чтобы направиться туда. Но в штабе строго предупредили — от поездки надо воздержаться: в правительственном квартале еще идут бои.

Рано утром линию фронта перешел и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал от артиллерии Вейдлинг. Он заявил В. И. Чуйкову, что готов отдать приказ о капитуляции войск берлинского гарнизона.

События в Берлине, однако, опережали действия генерала Вейдлинга. В центре города уже полным ходом шла капитуляция фашистских частей. Мне довелось быть свидетелем этого на Александерплаце. По указанию советских офицеров гитлеровские солдаты и офицеры складывали автоматы, пулеметы и минометы, строились в длинные колонны, а затем двигались в восточную часть города, где находились сборные пункты для военнопленных. Молча, сурово и строго проходила эта многозначительная и незабываемая церемония. Шли исторические часы и минуты.

Затем я побывал в районе Митте, где тоже проходила массовая капитуляция фашистских частей. Возвратившись в Штраусбург, «одним взмахом пера» написал репортаж и, не мудрствуя лукаво, назвал его «Капитуляция». Он немедленно, как говорится, «с колес» был напечатан 3 мая.

«Центр Берлина, — подчеркивалось в репортаже, — в этот день представлял сплошной лагерь сложивших оружие, прекративших сопротивление, капитулировавших гитлеровских войск. А над рейхстагом развевалось на ветру гордое, овеянное славой пурпурное Знамя нашей Победы».

Еще в ходе боя в центре Берлина Виктор Темин заснял из люка танка «Подруга» рейхстаг со Знаменем Победы над его стеклянным куполом и в тот же день доставил фотографии в редакцию «Правды».

Над притихшей вражеской столицей стлался дым, медленно оседала серая с красными оттенками пыль. Она сыпалась за воротник, хрустела на зубах. Заставляя машину перелезать через груды развалин, мы наконец добрались до центра Берлина. И здесь, как и на окраинах, улицы и площади были забиты сожженными и подбитыми фашистскими танками, самоходками, автомашинами и пушками. Только их здесь было больше, намного больше.

Несмотря на ранний час, солдаты и офицеры уже были, как положено по уставу, в полной форме: тщательно побриты, гимнастерки, кители поглажены, до блеска начищены сапоги и ботинки. Воины с радостью обнимали друг друга: еще бы, мы окончательно сломали хребет гитлеровской армии, полностью разгромили ее, выиграли великую битву!

После капитуляции Берлина всех нас удивил Всеволод Вишневский. Он устроил в Штраусбурге однажды вечером

скромный прием для военкоров-правдистов, на котором после нескольких страстных слов о нашей Великой Победе заявил:

— Друзья, война окончена. Через несколько дней я улетаю в Москву!

— Как, а капитуляция?

— Примите без меня, — отпарировал Вишневский, смеясь карими прищуренными глазами. — Теперь мне больше всего нужна Россия!..

Для военных журналистов настала пора подробно описать логово врага, где рождались зловещие планы агрессии, чудовищной кровопролитной и разорительной войны в Европе. Тема, о которой мечтал каждый газетчик с первых дней войны!

Чтобы добыть нужный материал, мы каждый день бывали в Берлине.

3 мая чуть свет помчался в рейхстаг. Добраться до него оказалось не так-то просто. На пути машины то и дело вставали умопомрачительные груды камней, высоченные баррикады. В рейхстаге дежурный офицер тотчас же представил меня капитану Степану Неустроеву, батальон которого сыграл в бою за него главную роль, вынес всю тяжесть борьбы. Капитан был очень молод, с красивым, загорелым лицом, серыми глазами, копной ржаных волос. Он был недавно ранен в руку и еще носил повязку.

— Корреспондент «Правды» к нам в батальон! — произнес он. — Милости прошу. Первый раз за всю войну вижу представителя «Правды»!

Степан Неустроев подробно и обстоятельно рассказал, как его батальон вел бой в рейхстаге, назвал фамилии наиболее отличившихся солдат и офицеров, а затем представил героев дня — Михаила Егорова и Мелитона Кантария. Я обрадовался, когда узнал, что Егоров — смолянин, мой земляк, родился и вырос в деревне Бардино Руднянского района Смоленской области. Мы по-братски обнялись и расцеловались, вспомнили милые нам родные места. Мы беседовали и пили по-солдатски из котелков и кружек чай.

После беседы Степан Неустроев показал здание рейхстага — от подвала до верхних этажей. На колоннах и стенах рейхстага уже виднелись сотни надписей углем, мелом, краской: «Мы из Сталинграда!», «А мы из Москвы!»

Капитан Неустроев все время подчеркивал, что заслуга во взятии рейхстага принадлежит не только его батальону, а всему полку Ф. М. Зинченко, всей 150-й стрелковой Идрицкой дивизии, которой командовал генерал В. М. Шатилов, всем воинам Советской Армии, в том числе и тем, которые не дошли до Берлина, пали на полях ратной брани. К тем тысячам воинов, что

не дошли до фашистского логова, но внесли свой немалый вклад в победу над врагом, я мысленно причислял также павших в боях военкоров «Правды»: Г. Гринева, Я. Ротача, В. Ставского, М. Калашникова, П. Лидова, С. Струнникова и И. Ерохина. Из сорока восьми военных корреспондентов-правдистов семеро не возвратятся в редакцию.

Встреча со Степаном Неустроевым, Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария произвела глубокое впечатление и была немедленно описана в репортаже для «Правды».

Все последующие дни военкоры жили ожиданием подписания акта капитуляции фашистской Германии. В эти дни в журналистскую семью влилось новое изрядное пополнение из Москвы. Прилетели по командировке «Правды» Леонид Леонов, который в течение всей войны систематически выступал в газете со страстными и острыми публицистическими статьями и памфлетами, разоблачающими звериную сущность фашизма, а также великолепные художники Кукрыниксы — Куприянов, Крылов и Соколов. Их меткие и всегда злободневные карикатуры не сходили со страниц газеты с первых и до последних дней войны.

5 мая военные журналисты торжественно отметили свой традиционный праздник — День печати. Договорились встретиться у рейхстага. На встречу были заранее приглашены корреспонденты центральных газет, ТАСС, Радиокомитета, Совинформбюро.

К назначенному часу у рейхстага собралось до сотни военкоров. Всеволод Вишневский, обозрев журналистскую братию, воскликнул:

— Парад, да и только!

К сожалению, не смогли прибыть корреспонденты «Правды» с 1-го Украинского фронта. Их фронт еще вел борьбу с группой войск Шернера в Чехословакии. Но Борис Полевой все же успел отстукать телеграмму, в которой от всей души поздравил всех нас с Победой, выразил самые добрые пожелания.

Мы вспомнили поименно всех, кто не дожил до Победы. Представили, как ликуют в эти дни москвичи, вся наша огромная страна. Понемножку пригубили из походных фляжек.

К журналистам приехал военный комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин. Тотчас начали фотографироваться. То и дело слышались возгласы: «Берзарин фотографируется с правдистами!», «Берзарин снимается с известинцами!», «С краснозвездовцами!», «С тассовцами!»

Всеволод Вишневский улетел в Москву.

А на следующий день военкоров нашего фронта пригласили в

Военный совет и под строгим секретом сообщили, что 8 мая в Карлсхорсте будет подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Сначала было решено допустить на это мероприятие по одному, самое большее, по два представителя от каждой газеты и агентства. Но потом, по предложению начальника политуправления фронта С. Ф. Галаджева, пригласили почти всех.

На подписании акта полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии от «Правды» присутствовали Борис Горбатов, Мартын Мержанов, Михаил Брагин, Леонид Коробов, Иван Золин, автор этих строк. Мы условились, что Горбатов и Мержанов пишут репортаж для «Правды», а Золин и я — для Совинформбюро.

В 0 часов 50 минут 9 мая заседание закрылось. Мы немедленно бросились в фойе, к телефону: надо было срочно передавать!

Связисты штаба фронта снова показали высокий класс работы. Через несколько минут стенографистки «Правды» записывали под диктовку последние строки с войны.

ВОТ ОНА, НАША ПОБЕДА! Из дневника военного корреспондента газеты «ПРАВДА» Всеволода ВИШНЕВСКОГО

Ночь на 1 мая 1945 года. Берлин.

Завтра 1 Мая! О, как всем хочется, чтоб в этот день Москва салютовала падению Берлина!.. Часть рейхстага, наконец, нами окончательно занята. В «Правде» от 29 апреля отмечено, что 8-я гвардейская взяла пятнадцать кварталов Берлина.

Скоро в Москву! Близка полная Победа! Душа открыта, хорошо! И я в работе до конца!

2 мая 1945 года.

Берлин капитулировал!..

Ну, сегодня в Москве дадут салют необычайный! Какое будет ликование в СССР! Может быть демонстрация. Народ погуляет. Пора!

Гитлеровское руководство распадается. Несомненны отдельные очаги сопротивления, но после капитуляции Берлина падут и Бреслау (ныне — Вроцлав) и другие города.

Как все просто!.. Какое-то странное ощущение свершенности и конца войны. Особой торжественности, которой мы ждали от взятия Берлина, от Победы, нет. Пройден слишком большой и трудный путь!

Солдаты шумят: «Война кончилась — экскурсию бы по Берлину!» У меня сверхнапряжение… Рука болит невозможно, до судорог. Пишу почти беспрерывно вторые сутки. Взят Берлин!.. Обдумываю, как описать это (нужен очерк в «Правду»), но что втиснешь в семь-восемь страничек? Еду к себе, на Вальдштрассе, 35.

…Хожу по саду. Внутри что-то нервное, огромное: и ощущение близкого мира и свое, личное.

Очерк в «Правду» готов.

Зовут обедать. Все за столом. Чуйков встает мне навстречу. Все взвинчены, все устали, но бодры.

Чуйков внутренне удовлетворен. Поднял бокал, говорит от

души о своем пути от Сталинграда до Берлина; о своей боли за все пережитое Россией, о партии.

Ждем приказа о падении Берлина. Беседы… Они несколько сумбурны, но это так естественно для людей, вдруг остановившихся с бешеного хода!

Не расстаюсь с блокнотом и на ходу, почти по инерции продолжаю записывать все — каждое мгновение.

3 мая 1945 года.

Надо начинать новый этап жизни. Проблем будущей жизни много.

Едем с Вайнрубом осматривать город… Немцы молчаливы, ждут… Многого еще не знают. На руках — белые повязки…

Вчера все наши стихийно устремились к взятому наконец рейхстагу. Бурление… Шальные салюты в воздух и везде пунцовые знамена, флаги… Гитлеровцы сбрасывали в последние дни боезапас берлинскому гарнизону на красных парашютах, они повисли кое-где на деревьях.

На колонне Победы — наш флаг!

Всюду разбитые бойницы, фашистская рвань, «фаусты», мины, ящики с патронами. Идут (часто и без конвоя) группы военнопленных. В очередях за водой стоят жители с белыми и голубыми эмалированными ведрами.

Мы на Зигес-аллее — статуи Бисмарка, Роона, Мольтке…

Берлин в пыли. Всюду, всюду рыжая пыль. Мчится поток наших машин, подвод. За рейхстагом, к северу, добивают каких-то застрявших в домах фаустников. Далекие орудийные выстрелы, порой — пулеметные очереди.

Общее ощущение — грязь, пыль, хаос, дым, руины, разрозненные группы берлинцев и военнопленных, сожженная и брошенная в парках и на улицах техника…

Тотальный разгром — результат последнего штурма.

Наши тяжелые орудия били прямой наводкой. Прямые попадания в батареи противника. Все теоретические и практические нормы опрокинуты: автоматная стрельба из окна в окно; орудия ломали дома с пяти-шести выстрелов! Части СС и некоторые другие, несмотря на объявление капитуляции, отстреливались до последней минуты…

Мы в канцелярии Гитлера. Ну, ты, мнивший себя повелителем мира, что осталось от тебя? Тлен! Бронзовый фашистский орел изрешечен пулями, все стекла вылетели, потолки проломлены. Сюда постучался уральским грозным

кулаком русский солдат.

Пришла Победа! В копоти, в пыли, в крови предстала она нам!

Советское алое знамя вьется над рейхстагом. У его разбитых стен толпятся смешанные группы бойцов, офицеров, генералов. Встречи друзей — фотографирование, киносъемки. Весь рейхстаг в надписях. На правой стороне (на цоколе колонны): «И наши снаряды попали в рейхстаг. Лейтенант Елютин. Гвардии старший лейтенант Пилипенко». Рядом другая: «11 ч. 30 м. 30.IV.45 г. Солпиненко, Царапкин, Шепелев». Еще надпись: «Мы из Ленинграда». Все здание с зияющими пятиметровыми пробоинами покрыто русскими солдатскими надписями.

Едем в танковую армию Катукова. Под проливным дождем пересекаем весь город и через увешанный белыми флагами Шарлоттенбург к Норд-Весту. Всюду наши регулировщики.

Шоферы так ведут машины, будто ездили по Берлину по крайней мере полжизни…

После беседы с членом Военного совета танковой армии едем обратно и часов в шесть-семь проезжаем через Бранденбургские ворота!

У меня, как и у всех, начинается реакция… Меня все сильнее тянет в Москву. В ближайшие дни улечу туда. Главное сделано, а парады и «экскурсии» к демаркационной линии мне не нужны.

Гитлеровцы капитулировали в Норвегии и Дании. Эсэсовцы еще пробуют драться и бьют по своим же частям…

Часа в три едем в город. Обследуем башни управления обороны Берлина. Это массивные восьмиэтажные кубические здания — бетон, броня, самостоятельная силовая установка. В маленькой комнате — труп фашистского генерала, свесившаяся рука с пистолетом, брошенные бутылки шампанского… Рядом — мертвая жена.

5 мая 1945 года.

День печати. Провел посвященную этому дню беседу с редакцией армейской газеты.

Был в Военном совете. Говорил об обязанности генералов и офицеров — написать воспоминания об Отечественной войне.

6 мая 1945 года.

Еду в Штраусбург, в штаб фронта. В пути беседую с немцами

о завершении войны, о Гитлере, о новых путях немецкого народа.

Немцы говорят: «Мы хотим мира, хлеба, работы».

Завтра я улетаю.

7 мая 1945 года.

Последний день в Берлине. Трудно подытожить весь комплекс впечатлений.

Вылетели в три часа с минутами. Это мой первый большой перелет. Временами воздушные толчки. Смотрю в окно.

Россия! Как хорошо возвращаться! Волнуюсь до слез… Родные леса…

Восемь часов утра. Подруливаем…

Только не волноваться, не нервничать! Сброшен трап. Ну, здравствуй, Москва, моя дорогая!

Объятия, расспросы… Едем к нам домой. Квартира сверкает. Цветы, накрытый стол… Тосты… Я рассказываю о Берлине. Сегодня ждут правительственное сообщение о безоговорочной капитуляции всей Германии. Таким образом, я приехал в Москву в последний день войны. Вспоминаем первый день: Переделкино, радиосообщение, бросок на грузовике в Москву, митинг в ССП, мобилизационные дела и мою первую радиоречь.

Вечером поехал в «Правду». Читал информационные материалы.

9 мая 1945 года.

День Победы!

В городе необычайно, празднично.

Десять часов вечера. Салют Победы! На Красной площади гул праздничной толпы… Музыка, танцы… Вспыхивают песни… На площадь вливаются все новые и новые массы счастливых людей. Лиловато-голубые прожекторы бьют в небо.

Тридцать залпов из тысячи орудий!

Дождь ракет!

Вот она, наша Победа!

notes

Примечания

1

Маршал А. И. Еременко впоследствии вспоминал: «Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, потрясло нас, как тяжелый кошмар».